

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Корбут Александра Юрьевна

ТЕКСТОСИММЕТРИКА КАК РАЗДЕЛ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

10. 02. 19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук
профессор Г.Г. Москальчук

Барнаул – 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	4
ВВЕДЕНИЕ	5
1. ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ТЕКСТОСИММЕТРИКИ	
1.1. Определение текста и аспекты его исследования	
1.1.1. Текст как объект лингвистики	32
1.1.2. Текст как объект текстосимметрии	41
1.1.3. Текстосимметрия как исследующая текст дисциплина и линейно-лингвистическая модель текста	46
1.2. Сущностные аспекты текста	
1.2.1. Textoобразующая матрица и суперконструкт	51
1.2.2. Структурные уровни, субстрат и форма текста	57
1.2.3. Бытие лингвистического текста	68
1.2.4. Пересечение среды и структуры (жанровые группы текстов)	72
1.3. Текст как система	74
1.4. Первичные параметры текста	77
1.4.1. Среднестатистический объем русскоязычного текста	80
1.4.2. Среднестатистический объем текстов жанровых групп	84
1.4.3. Объем текста и его структурирование	87
1.5. Симметричность структуры – инвариантное свойство текста	91
Выводы по главе 1	96
2. ВНУТРИТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ СИММЕТРИИ	
2.1. Соотношение понятий: форма, композиция, структура, симметрия	100
2.2. Методы текстосимметрии	104
2.3. Определение элементов симметрии	105
2.3.1. Критерии выделения элементов симметрии	109
2.3.2. Экспериментальная верификация чувственного и композиционного критерия	114
2.3.3. Критерий контактности элементов текста: коэффициент контактности	120
2.4. Преобразования в тексте: виды симметрии и типы элементов симметрии	128
2.5. Классификация элементов симметрии первого типа	137
2.5.1. Системно-процессуальная классификация элементов симметрии	139
2.5.2. Структурно-системная классификация элементов симметрии	147
2.5.2.1. Симметричные элементы	147
2.5.2.2. Варьированные элементы симметрии	149
2.5.2.3. Антисимметричные элементы симметрии	152
2.5.2.4. Виды преобразований элементов в микро- и макроструктурах	153
2.5.3. Структурно-функциональная классификация элементов симметрии	158
Выводы по главе 2	168
3. РЕАЛИЗАЦИЯ ВНУТРИТЕКСТОВОЙ СИММЕТРИИ – ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ТЕКСТА	173
3.1. Коэффициенты симметризации текста	175
3.2. Симметрия и информация как симметрия и асимметрия	178
3.2.1. Количество асимметрии в тексте и информационный порог	184

3.3. Степень структурности текста и его объем	187
3.4. Усиление симметризации – инвариантный процесс формообразования текста	190
3.4.1. Самые симметричные тексты: поэтическая миниатюра	191
3.4.2. Абсолютно симметричные тексты: пословица	193
3.5. Процесс симметризации структуры текста как его объемная самоподстройка	196
3.6. Оценка формообразующих процессов речевой макроструктуры	199
3.6.1. Композиционные точки в процессе симметризации	201
3.7. Группы симметрии речевой макроструктуры: форма текста	205
3.7.1. Абсолютная плотность элементов симметрии и динамическая зеркальность	206
3.7.2. Относительная плотность элементов симметрии и группы симметрии	213
Выводы по главе 3	218
4. МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ И ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ	222
4.1. Внутритекстовая и междутекстовая симметрия	224
4.2. Междутекстовая симметрия в фольклорном тексте	
4.2.1. Элементы композиционного стандарта в фольклорном тексте	226
4.2.2. Жанровые формы фольклорных текстов	230
4.3. Междутекстовая симметрия в объявлениях	234
4.3.1. Лексические междутекстовые элементы в объявлениях	235
4.3.2. Процессуальная оценка жанровой формы объявления	240
4.4. Междутекстовая симметрия в других жанровых формах	244
4.4.1. Междутекстовая симметрия в политической прозе	246
4.4.2. Междутекстовая симметрия и жанровая форма научного текста	251
4.4.3. Междутекстовая симметрия и жанровая форма художественного текста	256
Выводы по главе 4	259
5. ОНТОЛОГИЯ ТЕКСТА В РАКУРСЕ ТЕКСТОСИММЕТРИКИ	
5.1. Язык – материально-идеальный текстообразующий субстрат	263
5.1.1. Материальные и идеальные свойства языка в тексте	264
5.1.2. Абстрактные свойства языкового субстрата – свойства структурно-языковой модели текста	269
5.2. Экспериментальная верификация модели	273
5.2.1. Движение процесса симметризации при продуцировании	274
5.2.2. Инвариант в процессе активного восприятия	283
5.3. Нейролингвистическая сущность структурной модели текста	292
5.4. Синергетика текста	297
5.4.1. Форма и формообразование	298
5.4.2. Действие принципов синергетики в процессе становления текста	302
Выводы по главе 5	308
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	312
Список использованной литературы	323

Список сокращений

БЭС –	Большой энциклопедический словарь.
ВС –	внутритекстовая симметрия.
ДР –	диалектная речь.
ИФ –	инициальная формула
КА –	коэффициент антецедентов.
КИ –	коэффициент избыточности.
КК –	коэффициент контактности.
КЛЭ –	Краткая литературоведческая энциклопедия.
КС –	коэффициент симметричности.
ЛитЭС –	Литературный энциклопедический словарь.
ЛЭС –	Лингвистический энциклопедический словарь.
МС –	междутекстовая симметрия.
ССЦ –	сложное синтаксическое целое.
СФЕ –	сверхфразовое единство.
ФТ –	фольклорный текст.
ФФ –	финальная формула
ФЭС –	Философский энциклопедический словарь.
ХПТ –	художественный прозаический текст.
ХТ –	художественный текст
ЭМС –	элементы междутекстовой симметрии.
ЭС –	элементы симметрии.

ВВЕДЕНИЕ

Феноменальная значимость текста для языкознания заключается в том, что он является функциональной единицей, собственно материализующей, репрезентирующей абстрактный объект лингвистики язык в процессе речевой деятельности. Предварительно описав систему языка вообще/ различных языков в частности и материализовав ее в виде академических грамматик и словарей, в середине XX века языкознание непосредственно обратилось к проблеме функционирования языка, перешло от осмысления общественно значимой системы к осмыслению продукта деятельности человека ее использующего – ведь «*форма существования языка – это тексты*» [Супрун, 1974: 13 – выделено А.К.; Ельмслев 1999: 140] и доступным наблюдению язык является только в форме текста и ни в какой другой форме, кроме этой [Hartmann, 1972: 1]. Таким образом, первоисточник знаний лингвистики теперь и сам является ее объектом.

Поскольку в качестве объекта лингвистики текст описывается уже несколько десятков лет, появилось достаточно разветвленное на сегодняшний день направление, именуемое лингвистикой текста. Сформировалась особая дисциплина, цель которой – абстрагировать свойства текста в аспекте всеобщего, общая теория текста. В лингвистике текста известно более сорока его определений, выделены его основные признаки (связность, цельность, информативность), предложены многочисленные номинации категорий текста (их выделяется от трех до двенадцати и более). Постепенно выяснилось, что связность, фактически уже описанная как грамматика текста, не является достаточно релевантным параметром для его целостности, так как по преимуществу реализуется на отдельных участках текста, поэтому поиск законов построения *целого* текста сосредоточивается на втором и третьем его признаках.

Продолжение работы по определению лингвистического статуса текста и его принципиально структурных свойств – одно из наиболее актуальных для современного языкознания направлений. Приоритетный сегодня антропоцентрический принцип научного познания привлекает к лингвистике всё большее количество смежных гуманитарных дисциплин. Стремясь увидеть все стороны

своего самого сложного научного объекта, лингвистика (не отказываясь от собственных достижений) расширяет свой взгляд на текст до определения его не только как лингвистического, психолингвистического и шире – филологического, но и как общегуманитарного объекта [Л.Н. Мурзин. Язык, текст и культура, 1994; Человек. Коммуникация. Текст 1998; А.А. Чувакин, 1998; Квадратура смысла... 1999; Н.А. Фатеева Контрапункт интертекстуальности... 2000; Текст. Интертекст. Культура 2001; Ю.С. Степанов Интертекст и некоторое расширение лингвистики, 2002]. Анализ единства и взаимосвязи четырех элементов: языка, текста, порождающей его личности и детерминирующей свойства личности и текста культуры – неизбежно влечет за собой разнообразие концепций и школ в современной науке. Язык рассматривается как составляющая единого комплекса психических и социальных процессов [Арутюнова, 1999; Бок, 1999; Рогозина, 2003а: 5 и др.].

Это важный и необходимый этап развития общей лингвистики и смежно-лингвистических дисциплин, предшествующий интеграции и систематизации знаний на более высоком качественном уровне [Гируцкий, 2002: 87-88]. Побочным эффектом этапа антропоцентризма в современной лингвистике (особенно в абсолютизированном обращении к индивидууму) является постепенное «размывание» границ текста как лингвистического объекта. Среди направлений научной мысли языковедов формируются две в определенном смысле противоположные тенденции: исследование текста как гуманитарно-лингвистического объекта и его осмысление как опосредованного природного объекта.

С применением междисциплинарной синергетической теории к гуманитарным наукам на рубеже XX и XXI веков началось их целенаправленное движение к интеграции, появилась новая теоретическая лингвистика – лингвосинергетика [Герман, 1999; Манаков, Москальчук Лингвосинергетика: первые результаты, проблемы и перспективы, 2000; Лингвосинергетика: проблемы и перспективы, 2000; Лингвосинергетика: проблемы и перспективы, 2001]. Движение к интеграции гуманитарных наук еще очень далеко от своего конечного пункта, и лингвосинергетика пока еще недостаточно близко подошла к обоб-

щенно-теоретическому определению своего специфического объекта, метода и к постановке своей специфической задачи. Однако важность ее успехов заключается в том, что это качественно новое сугубо теоретическое – интегрирующее и обобщающее – направление начало свое формирование.

Текст – целостный материальный объект, предназначенный для использования в конкретной сфере деятельности. Для организации деятельности нужна достаточно устойчивая информационная *система, структура которой использует общественно закрепленный код (язык) в качестве субстрата*. Лингвистический субстрат (понимаемый как материал, используемый для структурирования лингвистических объектов) обладает рядом таких ментально-социальных особенностей [Лотман, 1994: 42-45], которые значительно затрудняют исследование текстов в качестве материальных систем.

Поиски законов организации ментально-материального целого в системе и структуре языка и текста привели лингвистику к сотрудничеству с *общей теорией систем*, которая использует для выявления действующих законов *численно измеримые параметры* [Карпов, 1992; Москальчук, 1998]. Целостной системой текста, актуальной и очевидной для каждого, «лежащей на поверхности» и обязательно осмысливаемой, является организация его информативности – *содержание (смысл) текста*. В связи с чем, тенденции смыслового и семантико-структурного (ментального) изучения текста превалируют в филологических и лингвистических исследованиях.

Семантическая модель текста (разной глубины) фактически создается каждым участником речевого акта. «Что?» всегда важнее, чем «Как?» [Дресслер, 1978: 136] – на этом факте сосредоточено внимание большинства зарубежных и отечественных лингвистов, которые описывают разные содержательные аспекты как целого текста, так и его частей. Типологию текстов языковеды видят как типологию содержания [ван Дейк, 1989: 157; Дресслер, 1978; Игнатьева, 2002] и как типологию потребностей говорящего в общении [Лебедева Н.Б., 2001, 2004]. Исследования содержательной структуры в больших совокупностях текстов в последние годы двинулись еще дальше – к определению разнообразных

структур личного и общественного сознания, а также систем смыслов, которые формируются однородными или гетерогенными группами текстов [Богин, 2001, Бутакова, 2001, Рогозина, 2003, Степанов, 2002, Фатеева, 2000].

Однако средства, организующие смысловую цельность текста (его информативность/ содержание), сложно подвергнуть достаточно строгим практическим измерениям. Осуществленное академиком А.Н. Колмогоровым [Колмогоров, 1987] измерение информации в текстах не коснулось содержательного целого (собственно текста), которое только и способно передать всю необходимую и возможную на данный момент полноту информации, являемую содержанием. Сложное взаимодействие фактуальной, концептуальной, эмоциональной, культурологической, подтекстовой и многих других типов, видов и разновидностей информации в структуре текста трудно поддается формализации. Обнаруженные свойства содержательной структуры представляют ее креативную, эвристическую сущность, что не позволяет лингвистике, двигаясь в данном направлении, описать фундаментальную базовую модель текста. Ту структурно-языковую модель, которая имеет линейно-материальные свойства и подобна структурной модели предложения [Игнатьева, 2002: 14]. Такое состояние дел вновь отдаляет теоретическое определение текста как сугубо языковой структурной единицы, несмотря на то что в рамках коммуникативной лингвистики уже состоялась констатация факта его принадлежности не только к реальному акту коммуникации, но и к абстрактной системе языка.

Каждый современный человек в собственной практике способен отличить текст как целое высказывание от *нетекста* (нецелого высказывания) даже тогда, когда в нем присутствуют не все выделяемые категории или признаки (например, смена регистров/ типов речи или коммуникативная прогрессия), даже тогда, когда его содержание не понято (а полное понимание какого бы то ни было текста возможно только теоретически). Следует ли из этого, что в лингвистическом сознании в латентной форме присутствуют некие общие формальные признаки целостности? Поскольку «закономерности построения реального языкового текста вряд ли когда-либо будут *полностью* формализованы» ([Колмого-

ров, 1987: 33] выделено А.К.), а некое латентное знание о признаках целостности каждого текста в языковом сознании все же присутствует – поиски путей формализации остаются актуальными и направить их следует по пути анализа формально-чувственных признаков текста.

Общетекстуальные материальные свойства можно представить как законы передачи идеальной мысли в виде материальной структуры при использовании абстрактных свойств языковой системы. Действие этих законов предназначено «заключить» идеальное в некую чувственно воспринимаемую *форму*. Представленные в обобщенном виде свойства так понимаемой формы текста являются глубинные (в смысле «неосознаваемые») законы языковой системы – законы социализации. И если антропоцентрическая лингвистика действительно озабочена выявлением человеческого в языке, то в сферу ее внимания должны попасть не только индивидуальные черты языковой личности, присущие ее тексту, но и те (до сих пор не описанные в своей материально-формальной части) *универсальные законы*, на фоне которых они проявляются. Предлагаемое здесь исследование – это «техника», а не «идеология», не «эстетика» текста, это попытка, образно выражаясь, с самых дальних позиций взглянуть на то, как производится «разработка структуры симультанной идеи и как эта идея сукцессивно излагается» [Сахарный, 1990: 50].

Признаки текста как такой сложной иерархической системы, которая способна подстраиваться к задачам продуцента и реципиента, то есть открытой, незамкнутой, нелинейной, диссипативной системы, обсуждаются в общей лингвистике, коммуникативной лингвистике и психолингвистике на протяжении ряда лет. Системы с названными признаками являются предметом синергетики. Более того, дальнейшее продвижение синергетики связывается с привлечением «человекомерных систем» [Аршинов, Буданов, 2004: 91], к каковым, безусловно, относятся язык и текст на этом языке. Наблюдающаяся в современной науке «гуманизация» синергетики и симметрологии чрезвычайно плодотворна для ее дальнейшего развития [Копчик, 2000: 157].

Выше говорилось, что движение к пониманию языка и текста как человеческой системы осуществляется уже около десяти лет. В процессе этого движения наблюдается такое многочисленное «разветвление путей», идущих в одном направлении в поисках живого и естественного в тексте и языке, что постепенно проявилась принципиальная необходимость получения нового знания («нетривиальной информации о языке»), знания, как-то объясняющего его сходство с живыми объектами, обладающими некими пропорциями, которым подчиняется целое. Такую информацию есть возможность получить на основе обобщения многочисленных измерений, которые предстанут в рамках единой модели материальной структуры [Арапов, 1988: 4-20], то есть с привлечением методов статистики и синергетики [Göttingen, 2002; Köhler, 1986].

Последовательный и строгий статистический анализ структур большого количества уже состоявшихся текстов разных речевых жанров и обеих речевых форм (например, устных диалектного и фольклорного текста, письменного художественного текста) с применением принципов симметрии и пропорции дал возможность выявить *текстопорождающую матрицу* [Москальчук, 1998]. Текстопорождающая метроритмическая матрица находится в зоне бессознательного языковой способности человека, и в этом смысле она принадлежит глубинной структуре текста, характеризуя не ее смысл, а форму. Именно экспликация текстопорождающей матрицы как заданного общественной природой *суперконструкта* делает возможным признание текста не только сугубо речевой, но языковой единицей (линейно структурированной по законам языковой системы). Ведь метроритмическая матрица закреплена в коллективном сознании, усваивается и используется вместе с естественным языком.

Текстопорождающая матрица отражает действующие механизмы формо-/структурообразования. В структуре самой текстопорождающей метроритмической матрицы значимы два критерия: распределение элементов и делимитация внутрискруктурной целостности, определяемая относительно теоретически расчетных по пропорции золотого сечения позиций. Сами пропорции золотого сечения внутри текста исполняют структурообразующие функции, организуя

его как временную систему, систему последовательностей – формируют его линейность.

Главным способом самоорганизации, исходя из принципа пропорции, является фрактальная структура, понимаемая как самоподобие объекта на разных уровнях его строения. Такое самоподобие, безусловно, обнаруживается в языковой системе: отношения подобия выявляются при сопоставительном анализе крупных единиц и их более мелких составляющих: словоформы и морфемы, предложения и словоформы, СФЕ и предложения и т.д. Подобие (изоморфизм и гомоморфизм) позволяет увидеть общие структурные принципы в организации единиц, составляющих систему=текст на разных уровнях. А далее описать более крупные чем текст составляющие функционально-языковой макроструктуры – структуры дискурса (в наиболее обобщенном значении этого термина) [Лингвосинергетика: Проблемы и перспективы 2001: 100-102; Белоусов, Блазнова, 2004: 83-88; Гируцкий, 2002; Дорофеева, 2004].

Текст является чрезвычайно сложным, многоуровневым, многомерным и в определенном смысле хаотическим объектом. Создается впечатление, что заложенная в нем динамическая хаотическая система не может быть описана в виде модели материальной структуры, поэтому теоретическое значение имеет только порождающая модель «смысл – текст», предложенная зарубежной лингвистикой. Однако синергетический метод «позволяет снять некие психологические барьеры, страх перед сложным», которое «может описываться небольшим числом фундаментальных идей, образов, а затем, возможно, и математических уравнений» [Князева, Курдюмов, 2004: 397].

Синергетика не только готова осмысливать язык и текст с целью наиболее адекватного обобщенного его/ их представления, но и уже выполняет эту работу, тогда как строгий дисциплинарно-гуманитарный подход к исследованию текста постепенно становится не только неперспективным, но и невозможным [Göttingen, 2002: 98]. Образно выражаясь, текст как предмет научного исследования «созрел» для междисциплинарного классически научного подхода и применения универсального метода синергетики, так как сам этот предмет

принципиально междисциплинарен: стоит на пересечении многих наук как гуманитарных, так и негуманитарных. Уже есть утверждения, что многие свойства текста можно описать в виде фракталов, используя в качестве методологии законы природы [там же] и уже есть исследования, идущие по этому пути и успешно преодолевающие трудности динамического хаоса языка.

Актуальность исследования.

Традиционно рассматривая объект лингвистики как не природный объект, наука не имела возможности соединить язык и человека (абстракцию и живое природное существо), чтобы вписать их в законы Вселенной. Методология наук о природе, естественных наук и математическая логика мало и недостаточно последовательно применялись при исследовании языка и почти не применялись по отношению к тексту [Арутюнова, 1995]. Все это, несмотря на то что принципиально необходимость «применять в языкознании *количественно-математическое мышление*», чтобы приблизить его к точным наукам, была обозначена уже И.А. Бодуэном де Куртене, который фактически предсказал неизбежность соединения языкознания с антропологией, социологией, *биологией* (выделено – А.К. [Бодуэн де Куртене, 1963: 17-18]).

Отказавшись от методологии естественных наук, при изучении текста – своего основного объекта, в котором едины и системно-языковые и общесистемные природные свойства, – лингвистика, в качестве чисто гуманитарной, почти не исследовала его материальную сторону. Последовательное применение рациональной методологии естественных наук актуально и для сегодняшней лингвистики: «все настоящие науки являются естественными, так как занимаются изучением природы в самом обширном смысле» [там же: 279], к тому же у крупных лингвистов всегда наблюдалась общность с естествоиспытательным мышлением [Фрумкина, 1975: 135]. Положительным моментом является то, что в современных исследованиях гуманитарного профиля последнего десятилетия XX века намечен конкретный путь «преодоления искусственно созданных границ между гуманитарными и естественными науками, выявления их интегративных свойств» [Москальчук, 1998: 13-14].

Актуальность симметрологического аспекта в исследовании текста обусловлена всеобщим характером принципа симметрии. На огромную значимость этого принципа для решения различных проблем лингвистики, и особенно сложностей семантического исследования указывает Вяч. Вс. Иванов [Иванов, 2002: 84-85]. Общенаучная ценность результатов в случае последовательного применения принципа симметрии связана с реальной опорой на материальную форму, элементы которой в большей степени строгости поддаются исчислению и объективному исследованию, и математическую логику, позволяющую осуществить необходимую формализацию. Тогда как исследовательская модель "смысл – текст» менее соотносима с исчисляемыми характеристиками объекта, не позволяет достичь достаточной для создания общей модели формализации и в определенном смысле более субъективна.

Имеющиеся описания такого изначально «гуманитарного объекта», как текст, все-таки обладающего качествами объекта природы, опираются на твердое основание в современном научно-синергетическом подходе к постижению сложного. Основной причиной отказа гуманитарных наук от классической научной методологии в недавнем прошлом являлся разный уровень сложности объектов гуманитарных и естественных наук. Возможность сопоставления языка и текста, как объектов чрезвычайно высокой сложности, с объектами физики стала реальной лишь с формированием теории квантового поля. Явное сближение гуманитарных и естественных наук происходит на почве моделирования сложных объектов в когнитивной графике [Аршинов, Буданов, 2004: 104]. Именно здесь, в этом методе, нашли свой способ поиска общезначимых принципов строения текста многие современные исследователи-лингвисты (Г.Г. Москальчук, К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова, М.Б. Ионова, Е.С. Пушкина, В.А. Дорофеева и др.).

Необходимость определения параметров устойчивости текста=системы интегрирует лингвистику текста с *симметрологией*, изучающей средства устойчивости, и *синергетикой*, изучающей самоорганизацию сложных систем как универсальное средство устойчивости. Так лингвистическая теория текста обретает *новую научную парадигму*, единую с естественными науками. В гумани-

тарных исследованиях продолжают закрепляться понятия: энтропия/ неэнтропия, симметрия/ асимметрия, вероятность, фрактальность, аттрактор, фазовое пространство и т.д., в настоящее время активно используются новые для лингвистики методы и методики естественных наук, частично модифицированные и приспособленные для нашей науки. Данное исследование лежит в русле этой новой научно-лингвистической парадигмы.

Уже есть некоторые сведения о наиболее вероятных интервалах скопления симметрии и асимметрии [Москальчук, 1998; Корбут, 1995; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002], учитывающих пропорции золотого сечения. В данном исследовании осуществляется более строгий подход к определению характера этого скопления, а также уточняется связь баланса противоположных тенденций в пределах порогов, непосредственно зависящих от речевого жанра и объема. Оценка баланса симметрии/ асимметрии последовательно осуществляется относительно инварианта – текстообразующей метроритмической матрицы (по законам золотого сечения) – и сопоставляется с вариантом ее конкретной реализации. Но главное: здесь осуществляется важнейшее для дальнейшего продвижения в обозначенном направлении теоретическое определение сущности симметрии в тексте вообще.

Первоэлементами текстовой системы, определяющими устойчивость ее формы, являются ритмообразующие (просодические) синтаксические единицы и *элементы симметрии*. Элементы симметрии текста (повторы) имеют лингвистическое выражение, но не закрепляются строго за каким-либо уровнем языковой системы, поскольку они содержательны. В этом смысле система языка (как абстракция) и система текста (как конкретность) не накладываются друг на друга, а пересекаются. Вот почему исследование «поведения» элементов симметрии в процессе становления системы целостного лингвистического объекта дает возможность обнаружить необходимые исходные характеристики этой системы. Это исследование возвращает языкознание к проблеме анализа постоянного и связующего [Дресслер, 1978; Ельмслев, 1999; Кох, 1978] внутри конкретных текстов=систем с целью поиска единого закона языка=системы.

В направлении исследования процессов, обеспечивающих устойчивость текстов, негэнтропию их структуры, на сегодняшнем этапе знаний о синергетике текста важно увидеть как общетекстуальные, так и частные (групповые) структурные закономерности продуцирования текста и их связь с деятельностью говорящего. Синергетические исследования текста с позиций текстосимметрии имеют источником идею об изоморфизме кодов всех гармонических систем [Сороко, 1984].

Изменение ракурса исследований структуры и системы текста по принципам синергетики и симметрологии уже состоялось, имеются некоторые достоверные сведения о глубинной структуре текста, связанной с законами природы и спецификой человеческого сознания. Однако сведений этих недостаточно, и к тому же результаты этих исследований не имеют достаточно строгого симметрологического ракурса и анализа первоэлементов текста как элементов симметрии. Тогда как именно этот ракурс дает возможность увидеть сущность природой заданной формы текста – как групп ее симметрии, корректирующих строение всего живого.

Несмотря на то, что в рамках данного направления был исследован значительный корпус текстов, разработана теоретически значимая и практически работающая позиционная модель большой объясняющей силы, до конца оставалась не ясна роль главных текстообразующих элементов – элементов симметрии, поэтому дальнейшая работа над завершением картины формообразования текста, а также анализ типов и видов элементов симметрии текста осуществляются в данном исследовании.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью завершения поиска главных текстообразующих элементов и такого их определения, которое позволяет перейти на уровень языковой абстракции. Исходя из потребностей лингвистики в обобщенном линейно-структурном представлении о тексте и в обогащении представлений о языковой системе, обусловленном включением линейных структурных типов семантически разнообразных

единиц (текстов), данное исследование стремится представить текст как языковую структурную единицу.

Текстосимметрикой следует считать направление лингвистических исследований, целью которого является создание качественной и количественной теории формообразования текста. **Предмет** данного исследования, таким образом, – *инвариант формообразования* текста в симметрологическом аспекте. Такой инвариант реализуется в виде *общественно значимых вариантов формообразования*. На первый план здесь выдвигаются материальные признаки, без которых невозможен ни один текст: лингво-физическая структура, характеризующаяся рамками времени и пространства. Эти рамки являются итогом процесса организации лингвистического субстрата при передаче целостной информации и создают природную форму объекта, они могут быть познаваемы только посредством адекватных им принципов.

В настоящее время такими принципами являются два: *принцип симметрии и синергетика*. Принцип симметрии позволил формализовать и абстрагировать структурообразующую единицу текста повтор как элемент симметрии. Применение принципа пропорции (разновидность симметрии) демонстрирует единые тенденции в материальном формообразовании текста как единицы общественного сознания – линейно организованной структурно-языковой единицы. Принципы синергетики дали возможность представить бытие текста как процесс становления получившейся в результате исследования типичной структуры, выявить главные механизмы бытия текста, равно важные как при его продуцировании, так и при его восприятии.

Отправной точкой исследования является положение, что любой самоорганизующийся материальный природный объект, помимо структуры, имеет форму, которая обеспечивает его нормальное функционирование в среде. Сама же форма (в противовес аморфности) обладает некоторыми группами симметрии, позволяющими реализовать категории целостности и отдельности живого объекта. Поэтому, рассматривая лингвистический текст как объект, обладающий природной формой, важно определить группы его/ ее симметрии.

Текст функционирует фактически не в материальной, а в идеальной среде (сознании участников речевого акта), однако его формальная организация возможна только через посредство материальной среды. При таком положении вещей, группы симметрии в форме текста оказываются лишь статистической категорией, а, следовательно, выявить их можно только в совокупности текстов, рассматриваемых в единой системе координат, отражающей сугубо материальные признаки (на линейной модели). Вся совокупность текстов (обобщенно понимаемый дискурс) является макроструктуру речи. Поэтому отдельно взятый текст по отношению к названной совокупности признается (и называется) микроструктурой, а единообразно рассматриваемая по принципу симметрии средствами статистики совокупность текстов названа здесь макроструктурой.

Объектом текстосимметрии является текст как отдельная, имеющая целостную форму (в звучащем или графическом виде) информативная единица, использующая лингвистический субстрат. С одной стороны, текстосимметрия интегрируется с общей теорией текста (лингвистикой и психолингвистикой), с другой стороны, с общей теорией систем и синергетикой (естественно-научными дисциплинами). Таким образом, обсуждаемое научное направление следует признать междисциплинарным, а его объект нельзя назвать чисто лингвистическим объектом.

Цель данного исследования – представление текстосимметрии как раздела общей теории текста, описывающего свой объект в качестве языковой единицы, имеющей собственную симметрично-асимметричную структурную модель, которая реализуется в бесконечном ряде конкретных речевых вариантов и имеет специфическую генезис-онтологию. Вся совокупность частных задач исследования, способствующих достижению его цели, объединяется в три последовательно зависимые группы.

Решение группы первичных задач направлено на описание инварианта: на уточнение принципов действия симметрии в процессе формообразования текста независимо от сферы его функционирования (см. задачи 1-4). Группа вторичных задач текстосимметрии решает проблемы описания жанровых форм,

выявляемых в речевой макроструктуре и обусловленных подстройкой структуры текста к среде его бытия (см. задачи 5-6). Группа задач третьего этапа связана с обобщением и осмыслением полученных результатов, что позволяет представить текст как синергетическую систему (см. задачи 7-8). Представим частные **задачи** исследования в порядке их решения:

1) теоретическое представление сущностных характеристик текста как лингвистического объекта междисциплинарной природы, а именно: уровней его структуры, среды функционирования и специфики его бытия, первичных признаков формы и объема как его исходных характеристик;

2) определение и описание главных текстообразующих элементов как *элементов симметрии текста*, а также их первичное дихотомическое деление на *внутритекстовые* и *междутекстовые* и разносторонняя классификация в аспекте целостности;

3) вычисление *тотальной вероятности симметричной структуры текста* и установление точной *связи параметров* симметричности с первичным параметром объема текста, а также выявление *долей* симметрии внутри текста (в виде относительно устойчивых величин – *коэффициентов симметризации*);

4) описание *инварианта текстообразования* в виде развития доминантного формообразующего процесса, приводящего к обретению групп симметрии каждым текстом в отдельности и формированию линейно-структурных признаков текста как языковой единицы;

5) установление *функций симметрии* в процессе текстообразования как на уровне глубинной структуры (формообразование), так и на уровне структуры поверхностной (организация информации, содержание);

б) установление и описание жанровых форм: а) *первичного параметра жанровой формы* (объема жанровой формы) и его связи с симметричностью/асимметричностью структуры, б) описание специфики протекания разнонаправленных процессов симметризации/диссимметризации внутри жанровых форм, в) определение жанровых форм как симметрических *вариаций общеязыкового инварианта*;

7) экспериментальная верификация значимости инварианта для процессов продуцирования текста, его восприятия и коррекции деформированного текста;

8) предварительное теоретическое описание онтологии текста как синергетической генезис-системы, имеющей симметричную структуру, и взаимоотношений «язык – текст» с позиций текстосимметрии.

В связи с поставленной целью, требующей принципиального обобщения признаков большого количества текстов, **материал исследования** имеет некоторые особенности. В порядке осуществляемой работы каждый отдельно взятый текст является своей формой (микроструктурой). Единообразно рассматриваемая по принципу симметрии средствами статистики совокупность текстов (совокупность реализованных форм – макроструктура) является наиболее часто встречающимися, общие для текстов признаки. К совокупности текстов, объединенных единством сферы деятельности применяются рабочие терминосочетания «жанровая группа» и «жанровая макроструктура». Сопоставительный анализ групп симметрии синхронизированных жанровых форм и анализ процесса симметризации в них позволили утверждать наличие формы-инварианта, которая зафиксирована в языковой системе.

В условиях многообразной действительности статистически значимые свойства материальной формы текста – его всеобщие свойства – могут быть выделены не на любой их совокупности. Такие свойства определимы только по совокупности текстов, имеющих столь же многообразные свойства. Для определения всеобщих свойств формы текста методом сплошной выборки (без какой-либо группировки) понадобилась бы очень объемная выборка, обработка которой затруднительна, поэтому наше исследование направилось по традиционному пути, предполагающему ограничение материала. На каждом этапе исследованы группы текстов (совокупности), ограниченных единством сферы деятельности и получены жанровые макроструктуры. Искомые же всеобщие свойства – инвариант – были представлены совокупными данными жанровых макроструктур, соединяющими результаты исследования всех групп.

Поскольку первичной задачей текстосимметрии является *определение тотальной сферы действия симметрии в тексте*, а значит, и ее концептуаль-

ной значимости для процессов формообразования, важно было очертить границы репрезентативного материала исследования. Описываемая форма-инвариант построена по совокупным данным 13 жанровых макроструктур, которые были проанализированы автором по единой методике линеаризации. Были учтены не только результаты, полученные лично автором, но и картины, ставшие ясными из исследований, преследующих иную цель, но выполненных по сходной методике. В итоге с позиций симметрии проанализированы следующие жанровые макроструктуры: диалектная речь (данные Г.Г. Москальчук), художественная проза, поэзия, научная проза, публицистика, политическая проза, объявление, пословица (данные А.Ю. Корбут), сказка, быличка, заговор (данные О.Б. Лихачевой), поэзия (данные В.А. Дорофеевой), богословская проза (евангелие, данные О.Н. Касаткиной), речь в состоянии стресса (данные В.О. Приходько).

Представительность выборки обеспечена наличием в ней *трех оппозиций*. Первая оппозиция: устные и письменные тексты (например, диалектная речь и фольклор противопоставлены художественной и научной прозе). Вторая оппозиция: наиболее симметричные тексты (поэзия малых форм и пословицы) и наименее симметричные тексты (газетные объявления). Третья оппозиция: тексты минимального объема одноуровневой структуры (пословицы, афоризмы) и тексты максимального объема многоуровневой структуры (поэмы, рассказы, повести, политические и научные статьи). Общий объем выборки текстов разной генетической принадлежности, давшей основания для выводов данного исследования, составил 7778 текстов, поэтому ее репрезентативность трудно подвергнуть сомнению.

Методы исследования соответствуют избранному направлению. Исходя из положения Э. Бенвениста о необходимости единства метода при исследовании объекта, подчиняющегося множеству законов действительности [Бенвенист, 2002: 7], метод моделирование процесса линейного распределения элементов симметрии текста в лингвистической микро- и макроструктуре был избран основным. Такое моделирование осуществлено с применением численных

методов и элементарных статистических методик. Методика работы включает ряд последовательно применяемых к каждому тексту методов и методик.

1) наблюдение повторов в тексте, их линейная и численная фиксация.

2) вычисление симметрических параметров текста (объема и пропорций повторяющихся/ неповторяющихся элементов).

3) анализ симметрических преобразований элементов, включающий их семантический, сравнительный и компонентный анализ.

4) позиционный анализ текста и элементов симметрии в нем.

Обобщение параметров объема, пропорций и результатов позиционного анализа во всех текстах/ в жанровой группе текстов осуществлено интегративным методом с помощью некоторых вероятностно-статистических методик и методики позиционной синхронизации. После чего выделен инвариант и построены модели макроструктуры: общеязыковая и жанровые.

Таким образом, основными методами исследования являются структурно-семантический и статистический анализ и моделирование. В качестве метода верификации полученного инварианта применяются лингвистический и психолингвистический эксперимент.

Поскольку данное исследование ставит своей целью осуществление конструктивно направленного синтеза знаний о тексте, методологической основой направления является синергетический метод. Принципы синергетики практически применяются при верификации полученных результатов и осмыслении основных выводов исследования в его заключительной главе.

Научная новизна.

Впервые в данном исследовании информация о текстообразующих элементах (внутритекстовых повторах всех видов) систематизирована, обобщена, дополнена и представлена с единой точки зрения, что позволяет не только работать с каждым отдельным текстом как симметричным образованием, но и увидеть устойчивую тенденцию: проявляющуюся в тексте-последовательности симметрическую конфигурацию, форму, сочетающую симметрию и диссимметрию в структурно-языковом представлении о тексте.

Благодаря применению единообразных формально-измерительных процедур к каждому тексту определены симметрические параметры каждой конкретной формы по характеру вписывания ритмообразующих структурно-смысловых (преимущественно лексических и синтаксических) элементов в серию пропорций золотого сечения (в предшествующих исследованиях определенную как метроритмическая матрица). В результате статистического анализа характера распределения структурно-смысловых и содержательных элементов – элементов симметрии – на единой линейной модели текста получен типичный рисунок его языковой формы. Затем осуществлено описание симметрических свойств этой формы как имеющей некоторые группы симметрии.

В новом свете представлены и систематизированы все виды симметрии, реализуемые в процессе текстообразования. Осуществлено первичное описание функций разных видов симметрии в структуре конкретных текстов и жанровых макроструктурах. Функции симметрии объединены в две группы и описаны как адаптирующие и формообразующие.

Так при абстрагировании от конкретности каждого текста впервые стало возможным представить рекомендуемый общественно закрепленной системой линейный порядок следования содержательных элементов. Наложение полученных *пространственно-временных характеристик* многих текстов позволило увидеть эту предпочтительную форму текста, которая названа формой по качеству изображения. Такая форма несет существенные признаки системы и структуры текста и описывается как его *линейная структурно-языковая модель*.

Абстрагирование от конкретной содержательной реальности каждого текста при одновременном учете исключительно содержательных элементов в них позволило предложить своеобразное решение проблемы соотношения категорий формы и содержания. Исследование показывает, что эта проблема, которая всегда признавалась наиболее важной и сложной [Мельничук, 1975: 16-17], может быть решена не только в структуре конкретного текста, но и в принципиально структурном представлении о тексте как языковой единице.

Новизна предлагаемой классификации повторов как элементов симметрии текста заключается в представлении их роли в тексте с разных позиций, объединяемых аспектом целостности. Дифференциация элементов симметрии на типы и виды принципиально осуществлена по характеру участия в процессе формообразования. Анализ роли элементов симметрии как индивидуализирующих или стандартизирующих содержание дал возможность выделить два принципиально различных типа: элементы внутритекстовой симметрии и элементы междутекстовой симметрии.

Дальнейшая классификация типов элементов симметрии по функции в свою очередь дает возможность по-новому увидеть проблему речевых жанров: их глубинное структурообразование, тип структурной модели, формирующей жанровую группу. В целом, данное исследование впервые описывает процесс становления текста как динамическое соотношение двух процессов: симметризации и диссимметризации.

Единообразный анализ всех текстов и их структурно-жанровых групп дал возможность представить первичный элементарный структурообразующий фактор – фактор объема текста, в зависимости от которого находятся все симметрические характеристики: количественное соотношение симметрии/ асимметрии, занятость композиционных точек элементами симметрии, симметрическая конфигурация жанровой макроструктуры, количество избыточной информации, тип преобразований элементов симметрии при их адаптации в системе и др. Объемная классификация текстов, предложенная в работе, непосредственно связана со спецификой их структуры (наличием одного или нескольких лингвистических уровней структуры) и системообразующими процессами в них.

Принципиальные положения о симметрии, известные в естественных науках: роль асимметрии для создания нового объекта, симметрия среды и структуры, связь объема (масштаба) системы с хаосом и порядком в ее структуре, – осмыслены в работе по отношению к целостному лингвистическому объекту. Впервые осмыслено соотношение понятий симметрия и информация, симметрия и информативность, асимметрия и информация и их структурно-

содержательная функция в рамках целостной иерархической системы. Осуществлена попытка представить язык как материально-идеальный субстрат, в котором зафиксированы в виде своеобразной нормы все принципиально необходимые признаки текста.

Целостное осмысление структуры и системы текста в рамках синергетической теории позволило текстосимметрии конкретизировать действие семи принципов синергетики на уровне обеих структур текста (глубиной и поверхностной). Обобщенно теоретическая значимость исследования может быть охарактеризована как применение антропного принципа к отчужденному от человека объекту, в результате чего в нем обнаруживаются универсальные природные свойства.

Практическая значимость.

В целом, результаты исследования имеют очень широкий спектр практического применения. Предложена оригинальная методика анализа текста как объекта симметричной структуры, которая может быть применена как для сопоставительного анализа реальных текстов, так и для анализа экспериментально полученного материала. Предложенные в работе для оценки структуры текста коэффициенты – коэффициент контактности, коэффициент симметрии, коэффициент избыточности и коэффициент antecedентов – имеют самостоятельное значение для практики дальнейших исследований. Данные о среднестатистических объемах: объеме текста вообще, среднестатистическом объеме письменного текста и среднестатистических объемах жанровых форм – могут быть применены в самых разных работах, связанных с научным осмыслением и практическим использованием текстов. Общеязыковая модель является научной основой для интерпретации текста, проводимой с любыми целями.

Опора на общеязыковую структурную модель текста дает возможность более рационально производить коррекцию процессов продуцирования/ восприятия при обучении родному языку, а также при понимании текстов на иностранных языках. Инвариант может быть применен (и уже применялся) в юридической практике при проведении различного рода лингвистических экспер-

тиз с целью выявления подсознательного содержания текста, неявно демонстрирующего намерения продуцента.

В дефектологии общезыковая модель может быть использована в процессе выявления различного рода отклонений в речевом развитии. Использование структурной модели текста в методике преподавания родного языка значительно облегчает как процесс обучения продуцированию, так и методику объективной оценки различного типа учебных текстов. Методическое преломление результатов актуально для оптимизации преподавания риторики, литературы, культуры речи.

Опорные точки имеющегося инварианта могут быть использованы в текстологии и герменевтике, что облегчает решение проблем атрибуции и интерпретации текстов. Бесспорно, является актуальным использование положений текстосимметрии в различного рода учебных курсах по теории языка и психолингвистике, а также философии и психологии. Использование инварианта в практике экспериментального исследования процессов порождения и восприятия текста важно как на этапе планирования экспериментов, а также при наблюдении лингвистических фактов, реализованных в экспериментально полученном материале.

Теоретическая значимость.

Основное теоретическое значение имеет тот факт, что в данном исследовании сформированы основы нового направления в общей и частной теории текста, как эмпирические, так и теоретические. То есть, текстосимметрия представлена как направление, имеющее собственные исходные теоретические положения о тексте и языке.

Интеграция сведений о главном текстообразующем элементе – повторе – в симметрологическом аспекте дала возможность не только получить качественно новое знание, но и увидеть новые перспективы в исследовании этой пока далеко не закрытой проблемы. Выделение двух типов элементов текста: направленных на организацию единичного внутреннего порядка (элементов внутритекстовой симметрии) и направленных на создание группового порядка/ сте-

реотипа (элементов междутекстовой симметрии) – станет теоретической базой для дальнейших исследований, позволяющей более рационально подходить к описанию функций симметрии в макроструктуре.

Результаты анализа типов и видов элементов внутритекстовой симметрии дали возможность теоретически обобщить и определить сущность внутритекстовой симметрии. Структурно-деятельностный ракурс в понимании элементов междутекстовой симметрии и ее источников позволяет по-новому взглянуть на проблему жанров. Нет сомнений в том, что в настоящее время назрела необходимость интегративного осмысления системы жанров речи – чему способствует представленное в данном исследовании понятие о структурной группе текстов, структурной основе понятия речевого жанра.

Определение инварианта групп симметрии лингвистического текста существенно продвигает теорию текста и лингвосинергетику к получению общей картины процессов формообразования текста. Знание языковой формы текста позволит общей теории текста соотносить любой из исследуемых лингвистических уровней, любой из аспектов с инвариантом, получая таким образом необходимые для различных аспектов общетекстуальные проекции и обеспечивая сопоставимость результатов исследований, поскольку в каждом конкретном тексте инвариант реализуется на глубинном уровне в виде тенденции расположения элементов внутритекстовой симметрии.

Глубинные структурные перестройки – вариации – обнаружены в жанровых группах текстов. Названные вариации описаны как жанровые формы с трех сторон. Первичным параметром вариаций признается объем жанровой формы, в непосредственной зависимости от которого находится степень симметричности внутренней структуры. Вторичными жанрообразующими элементами являются элементы междутекстовой симметрии двух видов (композиционные и лексические). Третья составляющая структурно-жанровой группировки текстов есть жанровая вариация формы, представляемая как коррекция групп симметрии инварианта.

В соответствии с реальным процессом продуцирования выделены два типа руководящих параметров при порождении текста: природные и социальные. Первые из них действуют в направлении придания тексту признаков всеобщего, вторые способствуют формированию частного жанрового стереотипа. На практике обнаружено, что при преобладающей роли параметров первого типа создаются далекие от стереотипа художественные тексты. Наиболее идеальное соответствие глубинного уровня художественных текстов инварианту требует дальнейшего теоретического осмысления, по-новому ставит проблему сущности художественного текста без различия прозы и поэзии.

Для тех направлений современной философии, в которых констатируется единство материального и идеального, лингвистический текст признается идеальным объектом науки, человекомерной системой, так как в его материальной форме опосредуются дважды опосредованные идеальным сознанием (в виде языкового субстрата и в виде языковой способности) законы материального мира.

Теперь можно утверждать, что гуманитарно-лингвистические категории текста: связность, завершенность, целостность, информативность и некоторые другие – поддаются численным измерениям за счет параметров симметрии/асимметрии и отклонений от свойств среднестатистического текста, понимаемого как общезыковой суперконструкт, инвариант.

Слияние природы, человека и языка в лингвистической мысли есть слияние естественного и гуманитарного направлений при подходе к тексту в русле текстосимметрии и лингвосинергетики. Результаты нашей работы демонстрируют методологическое единство науки и поэтому актуальны не только для лингвистики и гуманитарных наук, но и для синергетики, философии и науковедения. Методологическое единство научного мировоззрения обогащает языкознание. Общая теория текста, являясь разделом общего языкознания, включает текстосимметрию как раздел общей теории текста, всесторонне описывающий процессы его формообразования с общенаучных позиций. Лингвосинергетика, в свою очередь, – это более широкая дисциплина, осуществляющая коор-

динацию лингвистики с общенаучной парадигмой, с одной стороны, и применяющая общенаучные принципы для адекватного толкования лингвистических явлений, с другой.

Принципы и позиции текстосимметрики дают возможность теоретически объединить мир, язык и человека, так как законы симметрии, лежащие в основе всего сущего, превращают три названные элемента в фактическое единство, что ранее мало учитывалось при сугубо лингвистическом подходе. Практически реализовать законы симметрии в опосредованном человеческой деятельностью природном объекте, каким является любой текст (а лингвистический – в первую очередь), позволяет человеку творческий подход к передаче мысли. О связи языка, функционирующего в речевой деятельности, с творческим началом в человеке, о творческой природе языка – главного средства познания мира – уже давно писали классики: В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Р.О. Якобсон, – но только сейчас мы подходим к настоящему осмыслению их идей.

Положения, выносимые на защиту.

1. Текстосимметрика является разделом общей теории текста, который рассматривает текст как объект с симметричной структурой и изучает его устойчивость в виде баланса хаоса и порядка, обусловленного особым свойством лингвистического субстрата (варьированием), в результате которого увеличивается степень симметричности системы и накапливается информация.

2. Способом и средством координации разнонаправленных процессов симметризации/ диссимметризации является форма текста, сочетающая группы симметрии бордюра с группами винтовой симметрии и зеркальностью. Форма текста есть его линейная структурно-языковая модель, которая реализуется в каждом тексте в виде конкретного варианта.

3. Текст как синергетическая система имеет два типа параметров порядка, которые подразделяются на главные и второстепенные. Параметры порядка текста имеют выражение в единицах его объема (объемно-пороговые значения). Главные параметры порядка – внежанровые, второстепенные параметры порядка жанровые.

4. Внежанровые параметры порядка – параметры структурно-языковой модели текста – воздействуют на эволюцию каждого текста в направлении его соответствия языковому инварианту и формируют устойчивость системы – это: 1) симметричность структуры (наличие повторов) и 2) оптимальное сочетание трех видов симметрии в целостности.

5. Жанровые управляющие параметры воздействуют на текст, приводя его структуру в соответствие с видом деятельности, которую текст сопровождает, координируя симметричность текста и его среды. Таких параметров три: 1) объем, 2) количество и качество элементов внутритекстовой симметрии, отраженных в коэффициентах симметризации, 3) наличие элементов междутекстовой симметрии.

6. Элементы симметрии текста являются системообразующими элементами и в соответствии со своими функциями в текстообразовании подразделяются на два типа. Первый тип – элементы всеобщего значения, элементы внутритекстовой симметрии. Второй тип – элементы частного значения, элементы междутекстовой симметрии. Внутритекстовые элементы симметрии, в свою очередь, подразделяются на элементы дальнего порядка, или композиционные, и на элементы ближнего порядка, или контекстообразующие.

7. Подобно другим синтаксическим единицам на уровне языковой абстракции текстосимметрикой описана структурная схема текста линейного типа, отличающаяся лишь свойствами наполняющих ее элементов – элементов внутритекстовой симметрии второго типа. Поскольку структурная схема текста функционирует в речевой практике в виде конкретных речевых вариантов, соотношение понятий структурная схема текста/ текст аналогичны общеизвестным системно-языковым соотношениям фонема/ аллофон, морфема/ алломорф, структурная схема предложения/ предложение и т.п.

8. С точки зрения текстосимметрии язык есть идеально-материальный текстообразующий субстрат, имеющий три специфических свойства: 1) физическую линейность, 2) неструктурированную линейно информацию, 3) законы линейного структурирования информации для передачи нелинейных свойств

действительности. Первое свойство – конкретное свойство субстрата, второе и третье – его абстрактные свойства. В отношении к тексту язык играет роль динамического хаоса.

Структура и объем работы.

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка, содержащего наименование. В первой главе «Текст как предмет и объект текстосимметрики» представлены истоки текстосимметрики в отечественной и зарубежной лингвистике, обсуждаются исходные теоретические положения, являющиеся основой дальнейшей исследовательской работы, и решается первичная проблема определения значимости симметрологического аспекта для осмысления структурных признаков текста.

Вторая и третья главы представляют симметрию в качестве принципа формообразования лингвистического текста – его внутритекстовую симметрию. Во второй главе «Элементы симметрии как структурные элементы текста (внутритекстовая симметрия)» всесторонне определяется центральное понятие текстосимметрики (элементы внутритекстовой симметрии) и предлагается классификация внутритекстовых элементов симметрии. Третья глава «Реализация внутритекстовой симметрии – формообразование лингвистического текста» посвящена определению функций симметрии в процессе формообразования, описанию инвариантных симметрических характеристик структурной модели текста и формулированию закона усиления интенсивности симметризации.

В четвертой главе «Междутекстовая симметрия и жанровые формы» с позиций текстосимметрики определены причины структурно-семантической группировки текстов (их объединение в жанровые группы), описано формально-структурное средство объединения текстов в группы – междутекстовые элементы симметрии – и определены их функции. Пятая глава «Онтология текста в ракурсе текстосимметрики» представляет результаты верификации полученных выводов и теоретическое описание онтологии текста как специфического междисциплинарного объекта сложной синергетической природы, а также выявленные свойства языковой его языковой модели.

В тексте 20 рисунков, 29 таблиц. Общий объем рукописи 343 страницы.

Апробация работы.

По теме исследования опубликованы: монография (12,5 п. л.), научно-методическое пособие (4,75 п. л.), статьи, тезисы и материалы различных конференций (13,6 п. л.). Результаты исследования обсуждались на международных, всероссийских, межвузовских и внутривузовских научных конференциях.

Международные научные конференции: *Лингвистические парадигмы и лингводидактика* (Иркутск, 1996, 1997 гг.); *Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания* (Иркутск, 2001 г.); *Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы)* (Иркутск, 2002 г.); *Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении* (Новосибирск, 2002 г.); *Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания* (Международный гуманитарный конгресс, Иркутск, 2002); *Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты* (Бийск, 2004).

Всероссийские научные конференции: *Явление вариативности в языке* (Кемерово, 1994 г.); *Человек – Коммуникация – Текст* (Барнаул, 1998 г.).

Межвузовские научные конференции: *Семантика и ее изучение в школе и вузе* (Н. Новгород, 1993 г.); *Лингвистика. Литературоведение. Журналистика* (Иркутск, 1993 г.); *Язык – наше наследие* (Иркутск, 1995 г.); *Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики* (Иркутск, 1996 г.); *Научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского* (Иркутск, 1997); *Культура речи: теория и практика* (Иркутск, 1999 г.); *Текст: Варианты интерпретации* (Бийск, 2003 г.); *Время в социальном, культурном и языковом измерении* (Иркутск, 2004 г.).

Конференции по итогам научной работы в ИГПИ (Иркутск, 1992 – 1995 гг.), далее – ИГПУ (1996 – 2001 гг.).

1. ТЕКСТ КАК ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ТЕКСТОСИМЕТРИКИ

Несмотря на то, что объектом лингвистики текст принципиально является не менее ста лет, важнейшие аспекты этого понятия не осмыслены теоретически в той степени, которая достаточна для использования в этом новом междисциплинарном направлении. В связи с чем, в задачи первой главы входит всестороннее *определение* текста как *объекта исследования*, *характеристика* текста как *предмета* в избранном аспекте, а также определение сущностных сторон исходного понятия текста и его первичного для текстосимметрии параметра. То есть цель первой главы заключается в предварительном решении первичных теоретических проблем, актуальных для данного направления.

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕКСТА И АСПЕКТЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая фундаментальная задача любого направления науки состоит в определении своего объекта с тех позиций, которые отличают данное направление от предшествующих и родственных ему отраслей, создающих его фундамент фактически. Таким образом, необходимо рассмотреть текст сначала как объект лингвистики (смежные положения предшествующей и родственной отрасли), а затем как объект текстосимметрии (исходно теоретические положения нового направления).

1.1.1. Текст как объект лингвистики

В качестве объекта филологии текст изучался и изучается различными науками. Специфически лингвистическое, или по необходимости, лингво-междисциплинарное, сущностное определение текста в рамках языкознания – задача до конца не решенная. Известно множество не только развернутых и подробных, но и кратких образных определений текста, однако в научно-методической практике традиционно используются точные и краткие определения текста, фиксирующие устоявшееся знание (такие определения даны в энциклопедиях и учебных пособиях, хотя в них не всегда учитывается структурное многообразие реальных текстов).

В научной литературе осуществляются попытки совмещения в одном определении структурных, семантико-смысловых, коммуникативных, категориальных, модальных и других свойств объекта. Долгое время лингвистика, игнорируя реаль-

ное многообразие речевой деятельности, считала текстом лишь письменную реализацию сообщения и изучала лишь сложно структурированные тексты, в которых явно наблюдаема многоуровневость языковой системы (И.Р. Гальперин, Кухаренко, Л.М. Лосева, О.И. Москальская, Г.Я. Солганик, З.Я. Тураева, И.Я. Чернухина и др.). На протяжении многих лет серьезную проблему представляет и выявление универсальных текстовых составляющих – текстообразующих единиц [Золотова, 1982: 307].

Приведем здесь лишь некоторые типичные определения текста. 1) «сложное единство, структурно-семантическое образование, объединенное коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями» [Тураева, 1986: 42]. 2) «произведение речетворческого процесса, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка), и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981: 18]. 3) «объединенная смысловой и грамматической связью последовательность речевых единиц: высказываний, сверхфразовых единств (прозаических стрóf), фрагментов, разделов и т.д.» [Солганик, 1997: 16]; 4) смысловое единство, представляющее совокупность структурированных отрезков [Фридман, 1979: 14].

За пределами внимания лингвистики оставался, таким образом, значительный корпус успешных общественно многофункциональных текстов с простейшей структурой. В то же время увлечение анализом многоуровневых взаимоотношений составляющих изучаемые тексты сложно структурированных единиц, с одной стороны, и сложности их структурно-семантических связей, с другой, влекли за собой вторичность проблемы цельности, которая ставилась в зависимость от решения проблемы связности [Сахарный, 1991: 240]. А так как ни одна из лингвистических теорий не была пригодна для определения целого [Волошинов В.Н., 1995: 327], следовал даже отказ от изучения текста как лингвистического целого [Купина; Лукин: 23; Леонтьев А.А., 2001]. Все это не давало лингвистике возможности сосредото-

точиться на тех простейших признаках, которые лежат в основе функциональной реалии речевой деятельности – общественно закрепленного образа текста.

Тем не менее, устойчивое энциклопедическое определение текста – «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Николаева, 1990: 507] – уже включает в понятие то, что составляющими текст единицами могут быть не только сложно структурированные СФЕ, ССЦ и подобные, но и основные языковые единицы – слова. Такое понимание текста получило принципиально важное уточнение: «число единиц, образующих текст, для его определения, нерелевантно» [Арнольд, 1980: 3-13, 1990: 40;]. Это уточнение позволяет считать текстом законченное высказывание любого объема, а отсюда следует, что текст может иметь и простую синтаксическую структуру [Кацнельсон, 1972; Лейкина, 1978: 38; Сахарный, 1986: 19].

Второе важное уточнение, касающееся лингвистического текста (в отличие от других культурных текстов: текстов-спектаклей, текстов-картин и т.п.), – положение о принципиальной линейности его материальной структуры [Аспекты общей и частной лингвистической теории текста: 26; Николаева. 1978: 39; Новиков А.И., 1983: 130; Одинцов, 1980: 120; Чернухина, 1984: 3; Фрумкина, 2001: 178 и др.; Пешё, 2001: 321; Harweg, 1969; Чейф, 1975: 40-41]. Таким образом, конституирующим признаком текста признается «связность линейного типа», которая формируется разными языковыми средствами, но «всегда отличается *внеязыковыми параметрами*» (выделено А.К.) [Кожевникова К., 1979: 51; Новиков Л.А., 1988: 19].

Связность даже характеризуется как категория, выражающая информационно-логическую последовательность высказываний (см. обзор [Текстовые реализации и текстообразующие функции, 1988: 119-121; Бабенко, 2002]), что без опоры на конкретные функциональные единицы размывает ее лингвистическое понимание. Содержательная соотнесенность, взаимообусловленность, взаимозависимость высказываний внутри текста понимается очень широко, что переводит эту категорию в категорию когезии [Текстовые реализации и текстообразующие функции, 1988: 119-121; Гальперин, 1981: 74-86]. Иногда размышления над проблемой связности

при гипертрофии данного понятия приводили даже к эклектическому соединению этой категории с композицией [Фатеева (Кожина), 1989: 8-9].

Важнейшим фактором связности, который обусловлен обязательной линейностью структуры, считается семантический повтор. Последовательность знаков расценивается как связная, потому что имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов; повторяясь, они сцепляют, сшивают такую последовательность в одно целое [Лукин, 1999: 23; а ранее Арнольд, 1980; 9; Борботько, 1982: 9; Гиндин, 1972: 13-14; Николаева, 1987 и др.]. Линейность и законченность (завершенность) в смысловом плане независимо от объема (а значит, и от сложности синтаксической структуры) являются настолько важными характеристиками, что сохраняются даже в простейшем определении понятия текст: «1) *последовательность* предложений, слов..., построенная согласно правилам данного языка... и образующая *сообщение*» [БЭС: 1187, выделено А.К.].

Непосредственно со смысловой законченностью, образующей сообщение, связана категория цельности. Поскольку «цельность не может полностью определяться через связность» [Леонтьев А.А., 1976: 61; 1979: 12; 2001; Смысловое восприятие речевого сообщения 1976: 46; Фрумкина, 2001: 179], цельность является самым общим из конституирующих признаков текста, его неотъемлемым признаком. Именно поэтому акцент в современной лингвистике смещается от изучения средств связности к изучению категории цельности.

Смысловой повтор является средством, которое ориентировано на передачу в сукцессивной (последовательной в восприятии) структуре симультанной (одновременной в восприятии) структуры цельности для повышения точности осознания текста слушающим [Сахарный, 1989: 123] (также [Смысловое восприятие речевого сообщения, 1976: 47; Мальцев, 1976:132; Белянин, 1988: 6-7 и др.]). Категория цельности текста существенно связана с повтором (в широком смысле – повтором значения). Не случайно о значении повтора для формирования цельности текста писали столь многие исследователи (см. обзоры: [Цветкова Т.С., 1979; Корбут, 1995: 9-13; Москальчук, 1998: 19-23]).

Непосредственно с категорией цельности текста связана его информативность. Информативность текста мы понимаем вслед за Т.М. Дридзе как потенциальную интерпретационную характеристику, позволяющую прогнозировать *меру адекватности* смыслового восприятия ([Смысловое восприятие...: 35] – выделено А.К.; см. также [Сорокин, 1985: 17]).

Выделяемый в структуре текста смысловой повтор является одним из «тех элементов, которые ограничивают свободу восприятия в процессе декодирования» [Риффатер, 1980: 73]. То есть повтор теснейшим образом связан с категорией информативности как компонент «избыточной» информации, необходимой для правильного декодирования см. [Арнольд, 1990; Бабич, 1991; Болотнова. 1992, 1999]. Повтор формирует тему высказывания – «свернутое и обобщенное представление содержания», «конечный результат процесса осмысления и понимания» [Аспекты общей и частной..., 1982: 21]. Поскольку повтор участвует в формировании авторской модальности [Барлас, 1991: 96; Гальперин, 1981: 280], то и такой параметр текста, как прагматическая установка, тесно связан с повтором.

Определение текста А.А. Акишиной («любой речевой отрезок, который исчерпывает целевую заданность говорящего по отношению к ситуации») наиболее близко нашему исследованию: ею же определяется основное свойство структуры текста как «повторение определенных семантических групп» и выделены три категории: связанность, единство, отдельность [Акишина, 1979: 56-66].

Итак, текст – наиболее совершенная единица человеческого общения (социализации человека), понимается как полнозначное высказывание, имеющее предназначенную для восприятия структуру и целостную форму. Текст – высказывание, побуждающее адресат к какой-либо ответной реакции (речевой или неречевой). Расчлняя текст на единицы разного уровня и всесторонне описывая их, языкознание имело возможность описать структуру и систему такого нематериального образования общественного сознания как язык.

Само существование лингвистики текста (второе название – синтаксис текста) как раздела языкознания предполагает наличие в ее объекте некой особой закономерности построения – релевантного признака. Единицей семантической орга-

низации текста была предварительно признана номинация, «как связь между языковым элементом и обозначаемым им внеязыковым объектом» [Гак, 1976: 6] (о том же см. [Севбо, 1969]). Сосредоточиваясь на семантике повторяющегося в поэтическом тексте слова, Т.М. Николаева называет эту закономерность «ключевыми словами» или «смысловыми квантами» и делает вывод об ослаблении собственно синтаксической основы в тексте [Николаева, 1987: 56]. Видимо, те же наблюдения обобщил Г.В. Колшанский: «Чем больше объем текста, тем меньшая роль... принадлежит грамматическим средствам и тем большую роль начинают играть смысловые закономерности его организации» [Колшанский, 1975: 63]. То есть для текста значимы не реляционные языковые элементы [Николаева, 1987: 45].

Традиционная же синтаксическая наука «привыкла» к изоморфизму синтаксических построений. Синтаксис сложного предложения изоморфен синтаксису простого предложения: это усложнение структурно-семантических связей сочинительного и подчинительного характера. Синтаксис сверхфразового единства и сложного синтаксического целого – синтаксису сложного предложения (то же усложнение). Соответственно структурными единицами названных синтаксических единиц признавались элементы, имеющие изоморфную самому исследуемому объекту структуру. Цепочка изоморфного усложнения указанных единиц внутри текста, прерывается, ибо простое предложение, сложное предложение, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое не обладают конститутивными признаками высказывания [Бахтин, 1979: 237–280] и относятся к грамматическим единицам, а не к коммуникативным.

Попытка рассмотреть «предикативное выражение» в качестве минимальной коммуникативной единицы текста, а сам текст как «иерархию предикативных выражений... отражающих данную экстралингвистическую ситуацию» [Самойлова, 1986: 57] осталась попыткой, поскольку не состоялась оценка основной текстовой категории – целостности: семантика была недостаточно соотнесена с содержанием (основным признаком целостности). Представление сложного предложения как достаточной единицы, способной «воспроизвести инвариантные характеристики текста» [Ляпон, 1986: 198], тоже не удовлетворило лингвистику. Поиск минималь-

ной составляющей текст единицы перешел на информационно-смысловой уровень текста. Н.С. Болотновой удалось описать ее как «информему», которая включала лингвистически разнообразные единицы (денотат, элементы микротемы, элементы ситуации) [Болотнова, 1992а, 1999]. Такой уход от формального синтаксиса как способа линейного расположения элементов лингвистического целого и переход к смысловой «вертикальной» структуре текста не может решить поставленной еще Эмилем Бенвенистом структурной проблемы: «текст должен быть *сегментирован* на элементы» (выделено – А.К. [Бенвенист, 2002: 129]). Кроме того сложная единица информема не может быть выделена в тексте элементарной структуры.

В силу указанных причин поиски изоморфизма между синтаксисом предложения (простого и сложного), синтаксисом сверхфразового единства, синтаксисом сложного синтаксического целого – с одной стороны, и синтаксисом текста – с другой, не могли не привести указанному Т.М. Николаевой противоречию между лингвистикой текста («осознающей себя как «надфразовый синтаксис», как правило объединения предложений в сложные синтаксические целые и сложных синтаксических целых – в абзац и т.д.» [Николаева, 1987: 56] и самим текстом. Эту проблему обнаружил еще В.Н. Волошинов: «оставаясь в пределах наличных в современной лингвистике грамматических категорий, мы никогда не поймем неуловимое речевое целое» [Волошинов В.Н., 1995: 233].

Несмотря на открытие универсального закона деривации текста, «закона инкорпорирования»: «любая последующая единица включает предыдущую» [Мурзин, 1982, 1984, 1990] (также о включении, укрупнении [Новиков А.И., 1983]), парадокс синтаксиса текста определен Т.М. Николаевой как отсутствие глобальной синтаксической структуры [Николаева, 1987: 55]. Он заключается в обнаружении отсутствия изоморфизма между синтаксисом предложения, сверхфразового единства, сложного синтаксического целого и синтаксисом текста. «Основное бинарное правило языка – идентификация нижележащего уровня с вышестоящим нарушается, так как в тексте нет никаких указаний на то, как строить после одного предложения следующее» [Жинкин, 1982: 86].

Парадокс синтаксиса текста является причиной: 1) отказа от положения о линейной структурности текста [Фридман, 1979: 13–14] из чего следует признание гипертрофии его линейных свойств [Зарубина, 1981], 2) отрицания лингвистической природы целостности текста [Леонтьев, 1976: 66; 2001], 3) бесплодных поисков средств связи между сверхфразовыми единствами в макситекстах [Реферовская, 1983: 80–82]; 4) определения текста как сугубо речевой, но не языковой единицы [Новиков А.И., 1983: 8-18].

К первичному принципиальному определению текста как *основной единицы общения* лингвистика вернулась сравнительно недавно [Сиротинина и др., 1998: 63; Шевченко, 2003: 10], хотя подготовлено оно было еще определением границ текста как смены субъектов речи М.М. Бахтина [Бахтин, 1979: 257]. Сосредоточенность на понятии субъекта текста повела в сторону исследования субъективной семантики, эмотивности, суггестии, прагматики, этикетности, концептуальности, интертекстуальности и т. д. Всех тех предметов, которые уведут понятие «текст» все дальше от понятия *структурная единица языка*, а следовательно, и от поиска структурного единства самых разных текстов. Все дальше от определения основной строевой единицы текста, какими являются морфема в слове, словоформа в простом предложении, предикативная часть – в сложном, предложение – в ССЦ.

Успешно по отношению к обобщенному пониманию текста продвигалась и продвигается когнитивная лингвистика. Сосредоточенность на исследовании структур сознания, возникающих «на стыке» участников речевого акта и текста в лингвосинергетике влечет определение текста «как динамического вербально-невербального объекта, порожденного индивидуальным сознанием, фиксирующим его специфику в открытой континуальной системе личностных смыслов, репрезентированных с помощью относительно стабильной системы значений» [Бутакова, 2001: 25]. Но такое определение не может стать почвой для текстосимметрии, стремящейся к описанию линейной материальной структуры и требующей точно измеряемых параметров, которые выражались бы простыми и материальными единицами.

Несмотря на все трудности, понимание текста в современной лингвистике продолжает движение от отвлеченного представления «языковая единица, функционирующая в качестве автономного сообщения» [Лейкина, 1978: 38], которое характерно для модели «Смысл – текст», к понятию языковой единицы, имеющей инвариантные признаки в виде *структурной и языковой модели* [Ноздрина, 1980: 9-10; Гальперин, 1981: 20; Попов, 1981; Новиков А.И., 1983; Левицкий, 1990: 14; Шевченко, 2003: 11-12]. Однако адекватного для текстосимметрии описания этой модели пока не имеется. Раздумывая над противоречиями между системоцентризмом и антропоцентризмом в современной лингвистике, И.А. Авдеенко приходит к вполне закономерной мысли, что признание текста лингвистической единицей высшего коммуникативного уровня, встроенной в уровневую систему языка в виде дискурс-модели, может привести к примирению этих противоречий [Авдеенко, 2003: 223].

Такое движение плодотворно, однако в литературе многократно подтверждается факт: «собственно лингвистическое изучение текста не дает ответа на вопрос о его специфике, интуитивно улавливаемой всеми носителями языка и представляемой исследователями в свойствах связности, цельности, эмоциональности» [Москальчук, 1998: 5; 16]. Эту высшую лингвистическую единицу (лингвистически закрытую систему) невозможно описать лингвистическими средствами. Необходимо «открытие системы» – применение качественно иных способов описания [Белоусов, 2003: 16-17], способных на практике представить текст как общеязыковую линейную модель.

Хотя определение основной строевой единицы текста и не состоялось, совместными усилиями многих исследователей все-таки найдено одно общее средство выражения основных текстовых категорий: связности, цельности (законченности), информативности, линейности, модальности, прагматической установки – полифункциональный повтор. Именно в свойствах повтора обнаружила Е.А. Иванчикова возможность слияния «свойств лексики и синтаксиса» внутри текста, определяя его свойство – быть «центром, направляющим дальнейшее синтаксическое развертывание высказывания» [Иванчикова, 1969: 139].

Содержащееся в данном положении противоречие фактически указало путь исследования главного свойства текста как лингвистической единицы, лежащий через анализ расположения повторяющихся единиц. Такой синтаксис есть «квасинтаксис» текста [Сахарный, 1990: 44-45].

Статистическое описание топологических свойств этой единицы текста в качестве формо/структурообразующей показало, что законы формо-/структурообразования действуют на глубинном уровне и лежат не в сфере собственно лингвистики, хотя и в сфере общественного сознания. Другими словами, текст не познаваем средствами одной науки: это объект междисциплинарного исследования. Констатация этого факта давно осуществлена психолингвистикой (см. обзор [Залевская, 2001]). Постоянно появляются и новые смежные дисциплины, принимающие лингвистический текст в качестве основного объекта исследования.

Итак, текст как объект лингвистики описывается уже несколько десятков лет, сформировалось направление – *лингвистика текста*, появилась *общая теория текста*, выделены его основные признаки: *связность, цельность, информативность, модельность*. Обнаружено, что связность текста, фактически уже описанная как *грамматика*, не является его релевантным параметром. Найдена строевая единица, одновременно принадлежащая внутритекстовой структуре (как повтор содержательный) и языковой системе (поскольку зависима от системных отношений в лексике). Появились опорные точки для осмысления текста в качестве языковой единицы и для его модельного понимания.

Абстрактное понимание строевой единицы текста (опирающееся на обязательную общность материальных признаков) и абстрактное понимание его структуры (структуры всех текстов вместе и каждого в отдельности) неизбежно уводит лингвистику все дальше от филологии, что уже давно предсказано И.А. Бодуэном де Куртене [Бодуэн де Куртене, 1963: 18]. В связи с чем, лингвистика переходит к изучению законов *целого* текста, интегрируясь с науками о природе.

1.1.2. Текст как объект текстосимметрии

Текст, взятый как целое, есть *устойчивая*, неким образом организованная *система*. В поисках законов целого внутри текста лингвистика интегрируется с

общей теорией систем, требующей представления *численно измеримых параметров*. К необходимости получения таких параметров уже пришла лингвистическая наука. «Лишь измеряемое и выраженное на языке чисел может подлежать научному обсуждению и может быть квалифицировано как знание» [Звегинцев, 2001: 27; Манаков, Москальчук, 2001: 60].

Три из четырех концепций текста, обсуждаемые М.В. Ляпон [Ляпон, 1986: 3-4], актуальны для нашего исследования:

- 1) результативно-статическая сущность (текст – информация, отчужденная от своего носителя и зафиксированная в последовательности высказываний, – единственной форме, в которой язык доступен своему исследователю);
- 2) процессуальная сущность (текст – реализация речевой способности индивидуума в виде действия языкового механизма);
- 3) системно-языковая сущность (текст – абстрактно-теоретическая категория, как он рассматривается К. Гаузенбласом и Ф. Данешем [Hausenblas, 1977: 149-150; Daneš, 1977: 154]).

«Тезис "текст как природный объект" отражает характерную для нашего времени тенденцию к интеграции естественных и гуманитарных наук и предполагает подход к тексту с теми же мерками, что и к человеку. *Поиск общности* человека и порождаемого им текста может стать отправной точкой для нового статуса лингвистики как одной из естественно-научных дисциплин» [Москальчук, 1998: 16; Манаков, Москальчук, 2001: 57; 2000: 107; 1999; Корбут, 1995а: 20].

Последовательный и строгий статистический анализ структур большого количества текстов разных речевых жанров и обеих речевых форм (устных диалектного и фольклорного текста, письменного художественного текста) с применением принципов симметрии и пропорции дал возможность выявить глубинную модель текста – *текстопорождающую матрицу* [Москальчук, 1998]. Текстопорождающая метроритмическая матрица, находится в зоне бессознательного языковой способности человека. Экспликация текстопорождающей матрицы как *бессознательного суперконструкта* сделала возможным признание текста не только сугубо речевой, но и языковой единицей. Ведь метроритмическая матрица закреплена в коллектив-

ном бессознательном, как система языка закреплена в коллективном сознании. Текстопорождающая матрица отражает действующие механизмы формообразования: распределение элементов симметрии и внутритекстовую делимитацию.

Первым объектом, требующим теоретического осмысления с позиций текстосимметрии и лингвосинергетики, является такая внутрискруктурная единица текста, которая сохраняет подобие целого в структуре целого и оказывается одновременно структурообразующей и смыслообразующей. С другой стороны, это единица самоподобия, способная выявлять законы формообразования как конкретного текста, так и текста вообще.

Такая единица выделялась при исследовании художественной прозы и фольклора [Корбут, 1995б; Лихачева, 1995; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002]. Это *элемент симметрии текста* – повторение и вариации содержания в структуре содержательно завершенного целого, выражаемые словом/понятием/смыслом. Здесь элемент симметрии текста признается основным текстообразующим элементом, элементом, который подобен всей содержательной структуре и выражает самоподобие этой структуры на всех этапах ее онтогенеза. Благодаря понятию *элемент симметрии текста* последний представляется сложной одно/многоуровневой системой, имеющей фрактальную структуру, которая демонстрирует фрактальность языковой системы и структуры [Бялоус, 1997].

Языковая единица=текст предстает для нашего направления самоорганизующимся, самоподобным объектом, имеющим фрактальную геометрию [Мананков, Москальчук, 2000; Белоусов, Блазнова, 2004: 83-86]. Благодаря признанию повтора элементом симметрии обретают единство не только методология, но и методика естествознания и лингвистики. Существенные признаки, обеспечивающие фрактальность структуры текста и его формообразование, закреплены за конкретными для каждого текста и абстрактными для языковой системы единицами. «Именно в повторе как в лейтмотиве и заключается мера текста как самоподобно структурированного объекта» [Москальчук, 2003: 286-287].

Формообразование текста понимается не в сугубо лингвистическом значении (например, как образование личных форм глаголов), а в общенаучном

смысле: как формообразование природных объектов. Поэтому для постижения структуры целого избраны такие единицы, которые «могут быть переходным мостиком от уровня текстообразования к уровню формообразования как такового» [Манаков, Москальчук, 2000: 108].

Текстосимметрия сосредоточивается в первую очередь на симметрических свойствах формы объекта и ее пропорциональных характеристиках, поэтому наиболее удобным из существующих в языкознании представляется определение текста, данное психолингвистикой, как «знаковой модели, материальным телом которой является последовательность материализованных знаков» (выделено А.К. [Леонтьев, 1969: 15]). Такое определение в первую очередь учитывает цельность текста, признавая в то же время основным формальным признаком его структуры линейность (последовательность знаков). «Линейность отражает однородность, повторяемость... тождественность в процессах» [Готт, 1988: 319] – так же протекает и процесс текстообразования на этапе собственно порождения речи. Понимание же текста как модели предполагает экспонирование существенных для концепции признаков объекта, временно пренебрегая остальными его признаками.

Основной закон формообразования в природе – баланс повторяющегося и различного. Так и бытие текста есть процесс – движение – предполагающий не только сохранение, но и развитие [Кедров, 1961; Комаров, 1971]. Симметрия же «есть та целостность жизни объекта, в которой сохранение и изменение образуют взаимно противоположные основания этой целостности» [Овчинников, 1979: 24]. Поскольку это положение справедливо и для описания структуры лингвистического объекта текста – баланс симметрии и асимметрии признается наиболее обобщенно сформулированным законом формообразования текста. Действие этого закона исследуется текстосимметрикой.

Выделение и анализ повторяющегося – первичная и наиболее доступная задача на пути постижения структуры целого, понимаемой как равновесие. «Без повторения не может быть ни равновесия, ни сохранения. Сохраняется – значит повторяется. Повторение... основа симметрии» [Шевелев, Марутаев, Шмелев, 1990: 224; Манаков, Москальчук, 2000]. А, следовательно, анализ линейного

размещения элементов симметрии, словесно материализованных в повторах, делает возможным определение формальных признаков цельности текста.

С позиций текстосимметрики *текст* определим как *функционально-информативная единица, имеющая целостную линейную форму* (в звучащем или графическом виде), *использующая лингвистический субстрат, распределенный по законам баланса симметрии и асимметрии*. Несмотря на отдельность, целостность и формальную устойчивость, лингвистический текст нельзя считать закрытой системой, ибо его бытие в форме есть процесс. Сама форма является результатом интегративного процесса пересечения системы и среды [Москальчук, 1998: 14]. В общих чертах основную функцию формы текста можно охарактеризовать следующим образом: *форма необходима для того, чтобы, опираясь на природную линейность структуры, гармонизировать два типа элементов – элементы симметрии и элементы асимметрии*.

Системные представления о роли повторов (элементов симметрии) в организации целого текста сформировались сравнительно недавно. После того, как были получены сопоставимые статистические результаты по разным жанрово-речевым группам, что дало возможность выявить стандарт глубинной структуры текста, его матрицу, имеющую фиксированные пропорции. Поскольку матрица-стандарт закреплена в языковом сознании говорящего, стало возможным говорить о субструктуре текста как о признаке языковой единицы. Исследование различных аспектов текста по единой методике, предполагающей анализ распределения объекта исследования в матрице, позволяет получать сопоставимые результаты.

В направлении исследования текстосимметрики смещается акцент от лингвистической цельности текста (принадлежащей содержательной структуре) к определению целостных свойств его формы (выражаемых лингвистическими средствами) – результата процесса формообразования. *Целостность текста* понимается как «*внутреннее единство объекта, его автономность, независимость, дифференцированность от окружающей среды*» (выделено А.К. [Философский словарь: 452; ФЭС: 730-731]). Такое понимание целостности уже реально применяется на

протяжении ряда лет: текст как «цельность и отдельность в кругу других текстов, каждый из которых столь же тотально целен и отделен» [Москальчук, 2002: 106].

Итак, симметрия – особая категория познания, которая осуществляет математическое описание движения (процесса) и его сущности, используя категории устойчивости, равновесия, сохранения инвариантов [Шевелев, Марутаев, Шмелев, 1990: 224]. В связи с названным положением *симметрия текста* рассматривается как *способ формирования его инвариантных целостных свойств*. «Здесь действуют законы природы, которые выявляются в естественных объектах. Поэтому язык для описания интегративных процессов структурной организации текста должен быть не лингвистическим, а общенаучным» [Москальчук, 1998: 16].

1.1.3. Текстосимметрия как исследующая текст дисциплина и линейно-лингвистическая модель текста.

Номинация «текстосимметрия», указывающая специфику направления исследований, обусловлена поиском параметров устойчивости системы=текста, ее инвариантных параметров по принципам симметрии. Симметрология изучает и описывает устойчивые формы, как формы, обладающие группами симметрии и изучает инвариантные законы, как повторения. Текстосимметрия – интегрированная дисциплина, соединение лингвистики (теории) текста и *симметрологии*.

Принципиально можно выделить *два объекта* текстосимметрии, ими являются: 1) *текст=система* и его целостная форма (имеющая звуковой или графический вид информативная система, использующая лингвистический субстрат);

2) формообразующие элементы текста, материализованные превращенным лингвистическим субстратом, – *элементы симметрии текста* (информативные элементы системы).

К исследованию инвариантных свойств текста и его моделированию текстосимметрия подходит не столько с семантической, сколько с формально-структурной точки зрения, чтобы увидеть симметрические свойства формы. Термин «форма» в данном случае используется в значении «наружные признаки», которые воспринимаются и оцениваются сознанием как материальные свойства объектов. Например, вода воспринимается как не имеющая формы, гора как принци-

пиально имеющая форму конуса, а мелодия как упорядоченный по высоте и длительности звукоряд.

Обращение к форме текста позволяет осуществить «отчуждение языка от его носителя» [Арапов, 1988: 4], так как позволяет абстрагироваться от содержания каждого конкретного текста, собственно предназначенного для пользователей языком. Кроме того, абстрагированное описание форм с применением точных математических методов статистики и симметрии дает возможность представить результаты всех измерений в рамках единой линейной математической модели.

Математические и статистические методы, а также моделирование и формализация являются общенаучными [Методологические проблемы языкознания, 1988: 12], их использование в лингвистике имеет более чем тридцатилетнюю традицию. Относительно новым для данного направления является только объект, по отношению к которому применяются эти методы – форма, создаваемая превращенным лингвистическим субстратом (элементами симметрии – структурообразующими повторами).

Исследование распределения элементов симметрии, как превращенного субстрата, в линейной перспективе текста формально-статистическими методами позволяет описать законы симметрии, действующие в тексте. Так выявлены некоторые инвариантные свойства его формы. В отличие от психолингвистических исследований, своей основной задачей текстосимметрика считает определение таких признаков целостности, которые не зависят ни от потребителя текста, ни от коммуникативной интенции говорящего (ср. [Леонтьев, 1979: 28-29; Сорокин, 1985: 8-9]).

Метод моделирования свойств изучаемого объекта – один из наиболее эффективных методов познания, поскольку позволяет абстрагироваться от реальной сложности объекта и сосредоточиться на некоторых существенных его признаках. Значимость, продуктивность, традиционная для языкознания сущность этого метода и его принципы блестяще представлены в докторской диссертации Л.О. Бутаковой [Бутакова, 2001а: 23-30]. Полностью соглашаясь с таким анализом названного метода познания, здесь мы выделим специфические положения, которые отличают *не сам метод* моделирования и его принципы, а

лишь те основания, по которым осуществляется центральное для текстосимметрии построение линейной модели текста.

Первым и принципиальным отличием традиционной для языкознания модели текста, созданной на основе представления о глубинных семантических и содержательных структурах, от модели материальной структуры в текстосимметрии является *вертикальная* сущность первой и *линейная* сущность второй. Вертикальная сущность семантической модели порождения текста наиболее ярко показана У.Л. Чейфом [Чейф, 1975: 40-41]. Из его работы следует, что все присущие сообщению смыслы представлены в сознании одновременно. Для репрезентации семантической структуры говорящий производит линейризацию смыслов, переводя их из глубинной структуры в поверхностную и выстраивая в последовательность. После чего продуцент представляет смыслы в эксплицитном виде (у Чейфа это названо символизацией), а реципиент имеет дело с последовательностью материально выраженных лингвистических элементов – текстом. Симметрологическому анализу может быть подвергнуто только линейризованное представление глубинной семантической структуры, наблюдаемое исследователем в уже состоявшихся текстах и описываемое как позиционное и/ или межпозиционное расположение повторов.

Противоречие между глубинной структурой, понимаемой как структура смысла целого текста, и глубинной структурой, понимаемой нами как заполнение линейно закрепленных позиций, мнимое – поскольку фиксируется не любое их заполнение, а лишь содержательно значимое (то есть имеющее непосредственное отношение к смысловой структуре). Так понимаемая линейная экспликация семантической структуры сохраняет проекции глубинного уровня. Эти-то проекции и моделируются в линейной модели материальной структуры текста. Таким образом, в нашей модели мы рассматриваем все смысловые структуры, ранее представленные в исследованиях зарубежных лингвистов: Т.А. ван Дейка, В. Кинча, Ч. Филмора, Р. Харвега, – а также российских ученых: И.В. Арнольд, Л.Н. Мурзина, Н.И. Новикова, Л.В. Сахарного, И.П. Севбо и многих других как зарубежных, так и отечественных исследователей, использующих модель познания «Смысл – текст».

Методика создания линейной модели материальной структуры текста, основанием для которой служит «закон отсутствия повторения» во временных структурах (каковой и является текст), восходит к идее Г. Гийома о проведении анализа развернутых по горизонтали структур с помощью поперечных сечений [Гийом, 1992: 53, 57]. И если текст со своей содержательной стороны является моделью действительности [Лотман, 1998: 23], а, значит, и отражением универсальных законов Вселенной – то и в его линейной материальной структуре могут действовать те же законы.

Достаточно близко к актуальному для данной работы представлению о линейной модели текста подошли И.Г. Кошечая, Н.В. Петрова, Н.И. Бялоус. В их работах описана рамочная структура текста, которая предполагает строение любого речевого произведения по принципу «смыслового трехчленного повтора»: «содержание произведения, логически закодированное в названии, трижды повторяется в тексте», вся композиция текста как бы сфокусирована в повторе, который определяет структурную целостность [Кошечая, 1983: 81, 129]. Такой повтор также назван двухвершинным и трехвершинным кольцевым сцеплением [Петрова, 1983: 13], трехвершинным кольцевым повтором [Бялоус, 1987а: 14]. Описываемая модель текста определяется последним исследователем как композиционно-тематическая и диспозиционно-тематическая [там же: 7-8].

Устанавливаемая текстосимметрикой модель понимается как «образец, служащий для массового воспроизведения; то же что «тип», «схема», «парадигма», «структура» и т.п. (ср., например, «М. спряжения или склонения», «Словообразовательная М.», «М. предложения» и т.п.)» [ЛЭС: 305; Леонтьев, 1969: 9]. Исследуемая социально значимая модель текста отличается от оригинала (конкретного текста) по всем параметрам, кроме одного – наиболее существенного для данного направления – распределения элементов симметрии в его линейной структуре.

Любая языковая модель принципиально обнаруживается не столько в структуре отдельного (в предложении, словосочетании и т. п.), сколько в структуре общего – во всех, построенных по данной модели единицах – и шире – в речи, дискурсе. Другими словами, единичное использование модели осуществляется в мик-

роструктуре, а сама модель бытует в макроструктуре (дефиниции обеих терминов охарактеризованы во «Введении»). Линейная языковая модель текста может быть обнаружена лишь при анализе текстовой макроструктуры, свойства которой выявляются при сложении всех возможных вариантов текстов, существующих в самых разных условиях. Только в макроструктуре можно выявить «образец, служащий для массового воспроизведения».

Создание определенного списка схем (моделей) лингвистической текстовой структуры возможно, исходя из трех положения современной науки:

1) «Любое научное описание... есть формальное» и предполагает «максимально возможное исключение из описания «человеческого фактора» (субъективного начала)»;

2) «Формальное описание любого объекта неизбежно связано со схематизацией и огрублением наблюдаемой картины»;

3) «Познать некоторый сложный объект не означает... ничего другого, как установить закономерности его строения, то есть выделить составляющие его простые компоненты и сформулировать правила, по которым эти компоненты соединяются»; «в результате получится именно *схема* изучаемого объекта» [Гладкий, Мельчук, 1969: 9-11].

Ввиду огромнейшего разнообразия семантических и парадигматических свойств повторов в текстах, только при высокой степени абстрагирования от свойств каждого конкретного реального текста, при замене этого сложного явления упрощенной идеальной моделью, можно установить группы симметрии текста, найти свойства его линейной материальной структуры и подтвердить тезис о тексте как языковой единице [Шубников, Копцик, 1972: 298]. Поскольку «часть закономерностей строения текста имеет не жестко детерминированный, а вероятностный, статистический характер», для исследования процессов формообразования текста привлечение теории вероятности не только необходимо, но неизбежно [Супрун, 1974: 17]. Трансляция (линейное расположение) элементов симметрии в структуре текста, как уже говорилось, анализируется с применением двух исследовательских принципов: теории вероятности и симметрии.

С одной стороны, текстосимметрика интегрируется с общей теорией текста (лингвистикой и психолингвистикой), с другой стороны, с общей теорией систем, симметрологией и синергетикой (естественно-научными теоретическими дисциплинами). Таким образом, данное направление, признающее текст «негэнтропийным самоорганизующимся объектом» [Пищальникова, 1999: 171], следует признать междисциплинарным. Цель его – включить в общую теорию текста *сведения о тексте как целостном объекте, имеющем природную структуру и форму*.

1.2. СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА

В самом общем представлении сложное отличительное свойство любого текста может быть охарактеризовано как текстуальность. Что представляет собой текстуальность, данная нам в ощущениях? Вне сомнения, для человеческого сознания релевантны два типа условий: условия, обеспечивающие восприятие данной сущности, и условия ее существования. Таким образом, в понятии текстуальности здесь выделяются два взаимосвязанных аспекта: строение формы, как воспринимаемой сущности, и способы существования этой формы, как условия, обеспечивающие ее восприятие. То есть, научно-рациональный подход к явлению текстуальности требует теоретического освещения свойств, обеспечивающих воспринимаемость текста: *структуры, субстрата и формы* – и средств, обеспечивающих его существование: *законов текстообразования и среды бытия*.

1.2.1.Текстообразующая матрица и суперконструкт

Понимание текста как пространственно-временной структуры: временной последовательности, дополнительно распространенной в пространстве влево и вправо опирается на достаточно давнюю лингвистическую традицию [Лепина, 1977: 5], эти пространственно-временные представления легли в основу представлений об образе текстуальности. *Суперконструкт* представляет собой не менее абстрактный, чем вся языковая система, формальный *образ текстуальности*. Это модель текста, понимаемая как единая его позиционная и делимитационная схема. В образ текстуальности с формальной стороны входят три главенствующих признака: последовательность (линейность), конечность (ограниченная линейность) и члени-

мость (разделенная линейность – понимаемая как психо-физиологическая делимитация, делимитация, обеспечиваемая метроритмической матрицей). Членимость суперконструкта – делимитационная схема – осуществляется (как уже упоминалось) в точках пропорционально-фиксированных позиций, вычисляемых математически по пропорциям золотого сечения.

Схематическая модель текста – суперконструкт – имеет вид отрезка (рис. 1.1), представляющего любой текст как линейное целое (единицу), включающее 6 композиционных интервалов [Москальчук, 1994; Корбут, 1995: 9]. Перечислим фиксированные пропорции и названия исследуемых в любом тексте интервалов [Москальчук, 1998: 107]: 1) зачин (от 0 до 0,146), 2) предГЦн (от 0,146 до 0,236), 3) постГЦн (от 0,236 до 0,382), 4) предГЦ (от 0,382 до 0,618), 5) постГЦ (от 0,618 до 0,854), 6) конец (от 0,854 до 1). Последовательность интервалов выглядит следующим образом: зачин, предГЦн, постГЦн, предГЦ, постГЦ, конец.

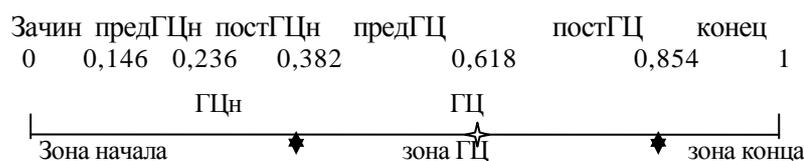

Рис. 1.1. Суперконструкт – формальный образ текстуальности
Условные сокращения: ГЦ – гармонический центр, н – начало.

Пропорциональный объем любого композиционного интервала текста составляет часть от целого (единицы): зачин = 0,146 от всего текста, пред ГЦн = 0,09, постГЦн = 0,146 от всего текста, предГЦ = 0,236, постГЦ = 0,236 от всего текста, конец = 0,146 от всего текста. Каждая из точек пропорционального сечения целого является композиционно важной позицией. Сильными позициями признаны координаты (точки): 0; 0,146; 0,236; 0,618; 1. Позиция понимается как «опространственное внутреннее время текста, воспроизводимое в любых текстах» [Манаков, Москальчук, 2000: 109-111; Москальчук, 2003: 286]. Именно позиционная синхронизация текстов различной протяженности дает возможность изучать не только свойства отдельных текстов, но и достаточно большие их массивы. Применение методики позиционной синхронизации позволяет говорить о текстовой макроструктуре как о реально обозримом понятии.

Целостная линейная структура имеет внутреннюю делимитацию, обусловленную собственными индивидуальными размерами каждой целостности – пропорциями. Это деление на три разнофункциональных разнообъемных зоны: зону начала, зону середины (или зону ГЦ) и зону конца. Пропорции делимитации с координатами 0,382; 0,854 – это межграницные сечения, в системе данного исследования они признаются теоретически слабыми позициями текста.

Зоны начала и середины имеют собственные сильные позиции – гармонические центры (далее ГЦ). Наличие ГЦ в зоне конца – в пропорции 0,944 – признается не всеми сторонниками этого направления. Зона начала состоит из трех интервалов: зачина, предГЦн, постГЦн. Зона середины – из двух интервалов: предГЦ и постГЦ (более подробную характеристику зон см. [Москальчук, 2003: 287-288; Дорофеева, 2004: 133-152]). Зона конца в практике данной работы на интервалы не делится, хотя соответственно пропорции 0,944 возможно ее разделение на предГЦк и постГЦк.

Каждый композиционный интервал представляет собой межпозиционное пространство, имеющее взаимоотношения с пространством целого. Сущность композиционного интервала заключается в специфических свойствах составляющего интервал пропорционального отрезка целого. Это свойства ритмического и информационно-содержательного характера. Расположение интервала между композиционно значимыми точками делает его удобным для анализа разнонаправленных движений внутритекстовых процессов отрезком.

Матрица-суперконструкт неоднократно отражает пропорцию золотого сечения. Первое сечение – обнаружение гармонического центра текста – делит его как целое (единицу) на два отрезка: 0,618 и 0,382. Сечения второго уровня – обнаружение границ композиционных зон (слабых позиций) – делят оба отрезка по той же пропорции (0,618): от целого эти отрезки вычисляются по коэффициентам 0,382 и 0,854. Сечение третьего уровня снова делит первый из полученных отрезков по пропорции золотого сечения (0,618) – так обнаруживается гармонический центр зоны начала (его коэффициент от целого 0,236). Последний четвертый уровень членения опять делит последний из выявленных композиционных отрезков по пропорции золотого сечения – так обнаруживается граница зачина (пропорция 0,146 от

целого). Сечением зоны конца по той же золотой пропорции выявляется ее гармонический центр ГЦк (коэффициент от целого 0,944).

Используя свойства пропорции, позволяющие фиксировать подобие объектов в долях от целого, можно точно определить положение интересующих исследователя явлений в каждом конкретном тексте и (что самое важное!) сопоставить данные одного текста с данными другого, независимо от его объема, авторства, стилистической принадлежности и любых других его свойств. В первую очередь это условие сопоставимости пространственно-временной материальной структуры *любых* лингвистических текстов позволило текстосимметрии обнаружить и описать суперконструкт и метроритмическую матрицу.

Частично описанный текст-инвариант имеет психолингвистическую сущность. Общеизвестно, что основные предметы психологической науки – мышление и сознание – не могут исследоваться непосредственно, а лишь в своих превращенных формах: как продукт бывшей деятельности [Язык и сознание – парадоксальная реальность, 1993: 6-15]. Текст как продукт мыслительной деятельности сохраняет многие существенные признаки мышления, причем эти признаки независимы от устной или письменной формы бытия текста. Нематериальность, нерасчлененность, грамматическая аморфность, а главное, почти мгновенность внутренней речи – этой непосредственной формы мышления – не позволяют исследовать ее досконально. Зато давно и плодотворно изучаются тексты.

Статистика, моделирование и эксперимент, пришедшие в последние годы в лингвистику, позволили увидеть некоторые глубинные закономерности структурирования текста, не зависящие от форм его бытия (устной или письменной, а также от жанра и объема). Эти закономерности не могут быть достаточно объяснены лингвистикой и зачастую вызывают недоверие и недоумение.

Эффективность текста зависит 1) от ограничения разнообразия его элементов (так как наиболее эффективен симметричный повтор), 2) от расположения повторяющихся элементов в пропорционально заданных позициях (сильные позиции соответствуют математическим пропорциям и вычисляются при помощи коэффициентов золотого сечения разного уровня), 3) от реализации наиболее эффективной

для восприятия структуры, которая отражает три вида симметрии: трансляционную (повтор), зеркальную (повтор в начале и конце), винтовую (золотое сечение).

Подчиненность структуры среднестатистического текста законам симметрии первоначально (в 1990-е годы) выявлена при исследовании сплошной выборки диалектных (Г.Г. Москальчук), художественных (А.Ю. Корбут), фольклорных (О.Б. Лихачева) текстов. Во всех названных группах текстов исследовалось расположение структурообразующих содержательных повторов относительно абстрактной линейной модели, текстовой оси координат, которая названа метроритмической матрицей (Г.Г. Москальчук). Текстопорождающая матрица соответствует материальному телу текста, которое воспринимается органами чувств последовательно, элемент за элементом, независимо от устной или письменной формы. Таким образом, матрица понимается как *абстрактная семантически целостная превращенная форма мыслительной деятельности, порождающая линейную материальную структуру, построенную по законам симметрии.*

Гармонический центр текста – точка золотого сечения, соответствующая пропорции 0,618, – является осью зеркальной симметрии формы текста. Зеркально симметрична средняя зона любого текста, ограниченная пропорциями: 0,382 и 0,854 – пропорциями золотого сечения второго уровня. Зеркально симметричен весь текст относительно точки золотого сечения. Такое инвариантное свойство текста как симметричность его формы и преимущество зеркальной симметрии над другими ее видами показывает, что текст, как продукт речевой деятельности, принципиально не отличается от предметов материальной культуры (см. также [Белоусов, Блазнова, 2004: 95-98]). Ведь все искусственно созданные предметы (продукты деятельности человека) обладают симметрией разного типа и чаще всего зеркальностью.

Текст – продукт ментально-психической деятельности человека, являющийся содержательной моделью мира на сознательном уровне [Лотман, 1992: 6]. Однако математически точное воспроизведение симметрии во всех возможных текстах объясняется только с позиций бессознательного, поскольку человек знакомится с принципами наиболее эффективного строения объектов (к каковым и

сам относится!) не на рациональном уровне. Усиление роли бессознательного для языковой коммуникации уже отмечено не только психологами, но и языковедами [Чувакин, 1998: 178].

Исследователями симметрии высказывалось предположение о связи психических феноменов с конфигурацией тела [Шевелев, 1986: 107-118], с другой стороны, еще Л.С. Выготский предостерегал нас от полного отождествления мысли и слова. Мы смеем предположить, что симметрия есть один из признаков, не позволяющих отождествить мысль и слово (язык). Ведь основным признаком языкового знака как текстообразующего субстрата, который обнаружен еще С.О. Карцевским является его асимметризм [Гак, 1980].

Однако соответствие процессов говорения и мышления обуславливается в первую очередь высокой вероятностью применения законов симметрии при создании целостной материально-речевой структуры – единственного способа непосредственного представления мысли в воспринимаемом виде. По меткому выражению Л.В. Сахарного, мысль симультанна, то есть мгновенна, одномоментна, а ее речевое воплощение — сукцессивно, то есть развернуто во времени, линейно [Смысловое восприятие речевого сообщения, 1976: 47]. Текст – связанная единством содержания последовательность, имеющая линейное материальное тело, построенное по законам симметрии/ пропорции – по законам матрицы. Поэтому он и сукцессивен, и симультанен в процессе восприятия.

Статистически выявленное математически точное строение текстов представляется невероятным для традиционной лингвистики и стилистики текста. Что же позволяет объяснить механизм появления этой математически точной структуры – матрицы? Имеющиеся в нейролингвистике данные о речевых функциях полушарий головного мозга человека, соотнесенные с представлением о текстопорождающей матрице, дают возможность представить линейное развертывание нелинейного содержания как однонаправленный процесс материализации нематериального. Этот ментально-материальный процесс имеет психолингвистическую природу. Он чрезвычайно сложен для наблюдения и описания.

Текстообразующая матрица-суперконструкт – теоретическое построение, осуществленное на основе анализа статистических законов, действующих внутри текста. Это идеальный инструмент исследователя, который позволяет наблюдать самые разнообразные явления изнутри текста, так как измеряет время-пространство исследуемого объекта исходя из него самого. Поштучное измерение повторяющейся части в самых разных текстах при соотнесении каждого измерения с единым суперконструктом позволило текстосимметрии сделать шаг вперед в теоретическом представлении о материальной стороне лингвистического текста. Правильная интерпретация статистически значимых лингвистических фактов, обнаруженных в интервалах и позициях матрицы, позволит любому желающему получить новое знание о структуре разных уровней текста, опираться на законы природной формы.

1.2.2. Структурные уровни, субстрат и форма текста

Традиционная лингвистика рассматривает в тексте иерархию взаимодействующих уровней структуры. Изначально в филологических науках его деление на три уровня: идейно-эстетический (идеологический), жанрово-композиционный и собственно-языковой (Волошинов В.Н./ Бахтин, Жирмунский; Максимов; Гальперин; Новиков Л.А. и мн. др.). Языковой уровень в соответствии с уровнями языковой системы делят на ярусы (или языковые уровни): фонетический, лексико-словообразовательный (семантический), грамматический (морфологический и синтаксический). Это деление на уровни и ярусы по сути отражает взаимодействие двух основных структур текста: содержательной и формальной. В системно-центристской традиции они носят название двух *strata*: *content* и *expression*, – каждый из которых, согласно Соссюру, в свою очередь делится на форму и субстанцию (*form* и *substance*). Обсуждение взаимоотношений формы и содержания, признание их первичными текстовыми категориями считается методологически первичным как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике (Андерсон, Дресслер, Ельмслев, Серио, Серль, Соссюр, Ульдалль, Филмор, Бахтин, Виноградов, Гальперин, Кухаренко, Лотман, Мельничук, Одинцов, Тураева, и мн. др.).

Разграничение (образно выражаясь, в одной плоскости сечения) поверхностного (языкового) уровня, как уровня лексических и синтаксических единиц, и

структурного (глубинного) уровня как инварианта позиционной сетки (матрицы) характерно для научных работ Г.Г. Москальчук и Лаборатории междисциплинарных исследований Бийского педагогического университета. При таком подходе к структуре текста уровень содержания временно отстраняется, что теоретически обосновано только на определенных этапах внутри исследований, имеющих специфические задачи [Блазнова, 2002б: 10].

Тот уровень структуры, который служит, по выражению Р.О. Шор, «физическим субстратом», носителем композиции («архитектонического принципа») определялся ею как поверхностный [Шор, 1927: 138]. Этот уровень собственно и изучается текстосимметрикой, а понятие физического субстрата пересекается в рамках данного направления с понятием *формы*. Длительное время наблюдалась пестрота терминологии и некоторая туманность определений иерархии двух основных уровней структуры текста (сугубо языкового и содержательного). Смысловая структура справедливо признавалась чем-то идеальным, способом же существования смысла объявлялся «внешнематериальный субстрат» без описания его свойств [Черняховская, 1983: 4-5]. С другой стороны, если понятие «внешняя структура» понималось как расположение содержательных элементов [Человеческий фактор в языке, 1991: 198], то она неизбежно, хотя и неоднозначно, относилась с категорией содержания и пересекалась с понятием содержательной структуры.

Определение уровня глубинной структуры как семантического (Андерсон, Филмор, Чейф), содержательного (Пешё), но продуцируемого бессознательно (Серрио) характерно для зарубежной лингвистики и детерминировано учением Хомского. Это понятие было воспринято российской лингвистикой вместе с соответствующим термином. Понятие поверхностной структуры возникло как дихотомическое к *deep structure* и характеризовалось в отечественной науке как лингвистическая форма, в которую облечена глубинная структура [Игнатьева, 2002: 13; Мурзин, 1986: 74; Нехлина, 1983:9; Стриженко, 1976: 154; Тураева, 1986: 56-58 и мн. др.], к ней относили синтаксис и комбинаторику [Папина, 2002: 13].

Наблюдается неравновесие глубинной и поверхностной структур: объем первой значительно превышает объем второй [Chomsky, 1962: 3-9; Чейф, 1975: 19-20] – это одно из следствий асимметричности языкового знака и человеческого сознания. Такая дихотомия не совсем удобна для текстосимметрики по сути и в связи с распространением обсуждаемых терминосочетаний в других, иногда почти противоположных, значениях. Термином «поверхностная структура», не противопоставляя понятию «глубинная», иногда обозначают и фонетико-грамматический облик естественного или искусственного текста [Горелов, Седов, 2001: 100]. Для современных исследований неэффективно и неудобно по отношению к тексту и употребление пары терминов: «внутренняя форма», под которой подразумевается собственно содержание, и «внешняя форма», определенная Т.Г. Сокольской как «совокупность языковых единиц, предстающих перед читателем в виде объективной реальности, материи, данной ему в ощущениях» [Сокольская, 1986: 3], поскольку более привычными являются терминосочетания глубинная и поверхностная структура.

Главным для данной работы в понятиях «поверхностный» и «глубинный» является противопоставление значений: «осознаваемый» и «неосознаваемый». Несмотря на опасность быть непонятыми, для соблюдения внутренней логики работы мы будем определять два основных типа текстовых структур (уровней структуры) следующим образом.

Поверхностная структура – наиболее изучаемая в лингвистике и филологии – *содержательная структура*. Обоснование использования именно этого термина заключается в бесспорном факте: содержание – собственно то, ради чего и создается текст отправителем, и то, с чем контактирует осознанно и чего ищет в нем получатель. Ни тот, ни другой в обычных условиях не дают себе отчета в грамматическом, фонетическом или другом строе. Все другие уровни текста требуют специального анализа и могут быть рассмотрены только специалистами. Такое понимание поверхностной структуры – открытой непосредственному наблюдению – не противоречит традиционному употреблению термина [Филмор, 1999: 253].

Поверхностная структура текста с точки зрения информационного наполнения неоднородна. Она неизбежно несет два вида информации: основную и второстепенную. Содержание – выражаемое с помощью категории информативности текста – это основная информация, которая предназначена продуцентом для передачи реципиенту. Второстепенная информация явно не предназначена для передачи, однако извлекается реципиентом в зависимости от его субъективной позиции и с ней связанных задач. Например, из художественных текстов читатель может извлечь знания об иной культуре, содержащиеся там как сопутствующие. Из научного текста с полемическим содержанием реципиент может извлечь сведения о личных взаимоотношениях ученых и тому подобное. Личностные качества и проблемы реципиента часто создают «фильтр» при восприятии текстов и публицистики и препятствуют пониманию заложенного продуцентом содержания, искажая его. Эти проблемы достаточно давно и эффективно исследуются библиопсихологией и психолингвистикой (Рубакин; Сорокин; Белянин; Язык и сознание – парадоксальная реальность).

Поверхностная структура речевой деятельности (такое терминосочетание употреблено исследователем) признается В.А. Карповым продуктом кибернетическим – то есть продуктом, имеющим вход и выход [Карпов, 1992: 127-128]. В нашем понимании это продукт=текст, который осуществляет непосредственный обмен энергией и информацией с окружающей средой. Различное понимание художественных, научных и других текстов и различное отношение к ним в разные эпохи (равно как и личностные «фильтры», упомянутые выше) как нельзя лучше подтверждают вывод В.А. Карпова.

Глубинная структура – тот уровень текста, который, хотя и «оформляет» содержание, но не осмысливается ни адресантом, ни адресатом при нормальных условиях общения (при отсутствии помех). Некоторые законы глубины структуры действуют независимо от сознания говорящего, находятся не в светлом поле его сознания [Манаков, Москальчук, 2000; Корбут, 1998, 1999, 2002а; Касаткина, 2002]. Форма текста, понимаемая как принцип линейного выстраивания материальных элементов, не осмысливается в нормальных условиях ре-

чевой деятельности и принадлежит глубинной структуре. Категория целостности текста равно реализуется как в структуре формы, так и в структуре содержания, обеспечивая координацию глубинного и поверхностного уровней текста (имеются уже работы по исследованию этой координации [Солодянкина, 2004]).

Глубинный уровень речевого продукта (в нашем понимании – текста) признается некибернетическим – не имеющим ни входа, ни выхода [Карпов: там же], замкнутым, статическим. На глубинном уровне действуют имманентные законы текста и/ или языка. Они воздействуют на формирование динамической поверхностной структуры столько раз, сколько раз текст вовлекается в речевую деятельность в периоды своего порождения или в однократные/ неоднократные периоды восприятия и понимания.

Аналогично высказывался по проблемам структурных уровней текста Л.В. Сахарный: «Текст – некоторым образом организованная форма, связываемая с содержанием, которое может быть более или менее диффузным, переменным. Жесткость структуры проявляется только в форме. Для содержания характерна размытость, многоуровневость – от предельно «обобщенного» содержания, которое представляет собой просто фиксацию наличия содержания до разных по степени детализации возможных интерпретаций этого содержания» [Сахарный, 1986: 93].

Линейное размещение элементов содержательного повтора (элементов симметрии) *в текстообразующей матрице есть один из инвариантных признаков глубинной структуры.* Собственно содержательный повтор не может принадлежать только глубинной структуре – его функционирование осуществляет координацию поверхностного и глубинного уровней, формируя целостность [Иванова, 1984; Киселева, 1984]. В связи с чем, каждый вариант размещения такого повтора в линейной перспективе текста – это проекция поверхностной структуры на линейную перспективу глубинной (так же понимают взаимоотношения ритмических повторов и содержания в традиционной лингвистике текста А.Н. Васильева; В.В. Васильева; Р.А. Нехлина; А.В. Федоров и другие).

Инвариант же этого размещения, отвлеченный от конкретного содержания, принадлежит уже исключительно глубинной структуре текста.

Таким образом, работа с элементами содержательного повтора (элементами симметрии), которые являют «на поверхности» признаки глубинного уровня структуры, позволяет текстосимметрии не вступать в противоречие с лингвистикой и психолингвистикой, считающими, что цельность текста выражается в первую очередь в его содержании. К тому же изоморфизм глубинной и поверхностной структур не только самоочевиден, но и уже доказан в лингвистике [Москальчук, 1998: 208-215; Корбут, 1996, 2000; Солодянкина, 2004].

Статистическое исследование проекций поверхностной структуры на структуру глубинную позволяет описать целостность формы как инвариант и таким способом представить смысловую целостность текста в качестве его линейного структурно-языкового признака. Именно средствами статистики уже была обнаружена модельно-языковая роль ритмических структур при формировании текста: «Частоты словесных ритмических структур определяются не индивидуальностью автора или содержания произведения, а *свойствами языка* и, может быть, общими особенностями речи», появляются основания «*моделировать некий общий процесс* формирования ритмической структуры..., ориентируясь на... воссоздание реальных статистических показателей» (выделено – А.К. [Красноперова, 1989: 15, 74]).

На уровне глубинной структуры необходимо выделить не менее двух ярусов. Используемый при создании речевого продукта материал представляет собой общественно закрепленный *языковой субстрат* (собственно языковые единицы и языковая система, названные у Лотмана языковым материалом [Лотман, 1994: 42, 44-45, 66-67]). Материализованная в конкретном тексте *форма* есть собственно линейное расположение элементов субстрата, которое осуществляется как моделирование представлений о главных свойствах формы объекта. В работах Г.Г. Москальчук именно такая материализованная форма называется глубинной структурой.

Для обозначения совокупности всех лингвистических единиц и их системных взаимоотношений (языковой системы и структуры), которые объективно и независимо существуют для каждого говорящего и используются им при форми-

ровании речевого продукта, здесь избирается номинация «языковой субстрат». Первичное относительно природной материи понятие языкового материала и вторичное понятие языковой субстанции, аналогично употребляемые в работах Фердинанда де Соссюра, Луи Ельмслева и Джона Серля, нами учитываются, но не принимаются в качестве терминов, так как, с одной стороны, не имеют адекватного для работы содержания, с другой стороны, оказываются многозначными, поскольку используются другими исследователями в разных значениях. Понятие субстрата – наиболее абстрактно, и поэтому наиболее адекватно для нашего исследования, предполагающего максимальный уровень абстрагирования от каждого конкретного текста. Использование говорящим языкового субстрата в процессе порождения текста автоматизировано и осознается только в ситуации недостаточной языковой компетенции (при несоответствии замыслу употребляемых единиц) [Леонтьев А.А., 2001; Норманн, 1994: 38-39; Корбут, Приходько, 2002].

Понятие субстанции в языкознании вынужденно разделяется на субстанцию выражения и субстанцию содержания. Первая из них – природная материя, которая, заключаясь в форму, превращается в субстанцию содержания (функцию). Взаимоотношения формы и субстанции в лингвистическом тексте аналогичны взаимоотношениям формы и субстанции в нелингвистических текстах: скульптуры и мрамора, симфонии и музыкального тона, танца и простейшего пластического движения и т. д. [Лотман, 1994: 42-45; Ульдалль, 1999: 291-292].

Мы пользуемся понятием субстрата и нерасчлененно, и расчленяя его аналогично языковедческой традиции на первичный и вторичный субстрат. Первичный субстрат, структурируясь, подчиняясь данной форме, внутри любого из текстов максимально теряет свои первоначальные свойства. Особенностью вторичного языкового субстрата является его изначальная социальная значимость с не материальными, не природными свойствами. Объективная материальная природа языка есть в то же время рационально-абстрактная иерархическая система, «в которой воплощен принцип «единичное – особенное – всеобщее» [Лотман: там же; Пищальникова, 2000: 29; Степанов, 2002: 10]. В этом смысле языковой субстрат наиболее приспособлен для передачи самой разнообразной информа-

ции, нежели все иные субстраты [Лотман, 1994: 66-67]. Ввиду обязательного абстрагирования, в отличие от субстратов субстанционального типа, языковой субстрат может рассматриваться нерасчлененно, вслед за Г. Гийомом, характеризующим его как оперативный субстрат языковой системы [Гийом, 1992: 136].

Наиболее совершенной формой, по общему признанию, обладает художественный текст. При анализе его исследователь имеет дело с превращенным языковым субстратом, объективно-научные и социально закрепленные свойства которого внутри конкретного текста трудно определимы, а зачастую и не определимы. Есть и еще одна причина отсутствия успехов глобального характера при описании текста как закрепленной в языке материальной структуры: «формообразующая деятельность человека при создании текста не находится в светлом поле его сознания и осуществляется почти рефлекторно, а основное внимание уделяется *содержимому формы*» [Манаков, Москальчук, 2001:58], наблюдается сосредоточенность на поверхностной структуре.

«Выход» на глубинный уровень осуществляется только в виде семиотических или когнитивных моделей (Бутакова; Игнатьева; Рогозина и др.), которые не характеризуют целостное высказывание со стороны общеязыковой формы. Тот модельный уровень, выход на который осуществлен в исследовании И.В. Рогозиной, отличается от предполагаемого в данной работе гораздо большей шириной охвата реальности: моделируется медийная реальность – совокупность обобщенных структур разного типа. Такое исследование имеет уже не лингвистический, а полисемиотический объект. Анализ процессов восприятия и понимания в самых разных работах также максимально приближен к содержательной структуре текста или текстов, из чего может следовать размышление о структуре концепта [Белянин, 1988; Жинкин, 1998: 168; Новиков Н.И., 1983: 112; Седов, 1999: 25-32 и др.].

Переход к необходимой системно-языковой абстракции значительно осложняется и тем, что содержимое формы обладает собственной структурностью, структурой смысла/ содержания. Структура – семантическое ядро формы, законсервировавшей совершившийся/ совершившийся во времени процесс [Седов, 1999: 60]. В этом смысле именно форма, как обобщенная структура смысла, несет на себе соци-

ально значимые, стабильные свойства текста, поскольку его информация и собственно содержание зависимы от многих субъективных параметров (связанных с продуцентом и реципиентом) и имеют подвижный динамический характер.

Объективно-научные линейные свойства лингвистической формы удается обнаружить на уровне глубинной структуры только после применения принципов симметрии и синергетики [Манаков, Москальчук, 2001а; Корбут, 1995а; Москальчук, 1994, 1998, 1998а; Белоусов, 2001; 2001а; Дорофеева, 2004а]. Исследование свойств языкового субстрата при условии отчуждения от поверхностной структуры (от содержания) удалось осуществить при анализе морфологического заполнения сильных позиций, в которых как раз и обнаруживаются проекции поверхностного уровня структуры на глубинный. Диссертационное исследование Н.А. Блазновой доказало объективное безразличие к тексту языкового субстрата, рассматриваемого *вне влияния формы и как несодержательный элемент* [Блазнова, 2002; 2002а: 12], хотя и рассматриваемый с учетом матрицы. Статистическое осмысление результатов анализа морфологического заполнения сильных позиций, выполненное Н.А. Блазновой, объективно подтверждает наличие двух ярусов глубинной структуры: первичного субстрата – языка – и вторичного субстрата – формы.

В отличие от исследований по грамматике текста, где рассматривается не столько форма текста, сколько его субстрат, текстосимметрика, не заостряя внимания на избирательно проанализированных свойствах субстрата, переходит к форме. Учитывая имеющееся в науке широкое ее понимание, включающее все структурно-языковые свойства речевого акта (лексику, синтаксис, стилистику), средства передачи (устно/ письменно, официально/ интимно и др.) и его конкретные физические параметры (громкость, интонация, темп и др.) [Кибрик, 1987: 19-20], текстосимметрика избирает для моделирования формы только одну, но существенную сторону: порядок линейной последовательности элементов.

Успешное получение знаний о сущности формы текста зависит от анализа первично содержательных ее признаков, а более конкретно – от правильного выделения элементов, несущих существенные признаки содержательной структуры, ко-

торое позволяет сделать шаг к необходимой формализации [Общее языкознание: Методы лингвистических исследований, 1973: 190]. Одним из таких содержательных элементов – признаков формы, координирующих структурные уровни текста, – является объект текстосимметрии – элемент симметрии.

Элемент симметрии, понимаемый как повтор, равно принадлежит форме и содержанию, глубинной и поверхностной структурам. Выраженный посредством первичного языкового субстрата, элемент симметрии теряет языковую абстрактность (многозначность) и превращается в часть формы текста – вторичный субстрат. Анализ действия элементов симметрии в качестве вторичного субстрата (в рамках метроритмической матрицы, принадлежащей глубинной структуре) уже неоднократно выполнялся автором в практике лингвистической экспертизы газетных материалов и лингвистического анализа художественного текста [Корбут, 1996; 2000]. Экспериментальное исследование восприятия и понимания текста как целого, осуществленное на материале поэтических текстов В.А Дорощевой, показало, что «тематический контур текста есть результирующая динамики повторов и ключевых слов» [Дорощева, 2004: 112]. То есть принадлежность элементов симметрии к форме и содержанию доказана экспериментально.

Форма текста – это материально выраженная с помощью лингвистического субстрата *целостная симметрично-асимметричная структура*, которая является «результатом завершенных процессов» [Манаков, Москальчук, 2001 а: 13-15] и отражает общественно значимый стереотип. Форма текста есть последовательность, имеющая два способа репрезентации для двух органов восприятия: в виде печатного/ рукописного текста (пространственный способ – для зрительного анализатора) и в виде звукового/ внутренне озвученного ряда при прослушивании/ чтении (временной способ – для слухового анализатора). Первичный признак формы лингвистического текста – ее линейность. Это означает, в свою очередь, что «способом построения» формы с точки зрения симметрии является *трансляция элементов*. Принцип линейности, таким образом, – это первичный формально-композиционный принцип текста, непреодолимый в свойствах первичного субстрата.

С позиций текстосимметрии форма лингвистического текста принципиально рассматривается как наиболее масштабное абстрагирование от многочисленных составляющих процесса его порождения [Манаков, Москальчук, 1999: 149; 2001: 60-61], следствием чего является выделение главных *собственно формообразующих составляющих* этого процесса. Принцип П. Кюри, сформулированный в результате исследования симметрии кристаллов, одинаково значим для описания законов формы живых объектов и текста. «Симметрия порождающей среды как бы накладывается на симметрию тела, образующегося в этой среде. Получившаяся в результате форма тела сохраняет только те элементы своей собственной симметрии, которые совпадают с наложенными на него элементами симметрии среды» [Шафрановский, 1971: 50].

Сочетая в нужных пропорциях симметрию и асимметрию, сопрягая их элементы позиционно, вариации формы дают возможность наблюдать некоторые свойства ментальных состояний продуцента [Белоусов, 2001: 110]. Текстосимметрия же ставит своей целью описание принципов построения формы текста, извлеченных из множества текстов статистическим методом, – инвариант. Сопоставление реальных вариаций с инвариантом фундаментально для текстосимметрии. Другим направлениям лингвистики и другим наукам, основным объектом которых является человек говорящий, обнаруженный инвариант позволяет обрести значительные научно-исследовательские перспективы.

Исследование свойств целостности формы в лингвистике фактически всегда было сосредоточено на анализе композиции. Положение о двух типах композиции: внутренней и внешней – соотносимо с положением текстосимметрии о поверхностной и глубинной структурах. Внутренняя композиция художественного произведения – «построение и развертывание темы» [Жирмунский, 1921: 65] – это композиция «формально-содержательная, организованная на основе художественной симметрии, гармонии» [Черемисина, 1984: 4]. В лингвистике и поэтике бытует мнение, что существуют как «нормативные типы композиции», так и «индивидуально-неповторимые способы художественного по-

строения» [Волкова, 1976: 79]. Текстосимметрика в таком случае исследует *нормативные типы композиции и их вероятность*.

Лингвистическая композиция художественного текста может рассматриваться: 1) как смена трех видов речи: речи автора, речи персонажей и несобственно-авторской речи (Б.А. Успенский); 2) как смена трех основных типов речи: повествования, описания, рассуждения (Е.А. Иванчикова); 3) как смена смысловых пластов, смена регистров речи, связанных с грамматической категорией времени и модусной рамкой (Г.А. Золотова). Исследование композиции в трех перечисленных аспектах актуально для письменных текстов, имеющих сложную и многоуровневую грамматическую структуру, а особенно для текстов художественных. Но ни один из аспектов не может быть отрицаемым представляемым здесь подходом.

Более того все перечисленные способы представления лингвистической композиции при необходимости могут быть рассмотрены как проекции на *форму* текста – с позиций текстосимметрики. Ведь в рамках этого направления учитывается действие общественно значимых законов глубинной структуры в форме. Главный метод текстосимметрики – учет пропорционального и позиционного заполнения линейной структуры – позволяет выявить «*типы композиционно-словесного оформления замкнутых в себе произведений, как особого рода целостных структур*» (выделено А. К.) [Виноградов, 1963: 203]. Эти типы, понимаемые как инвариант и вариации, могут быть в равной мере применены при исследовании любого яруса глубинного уровня или к различным структурам поверхностного уровня текста.

1.2.3. Бытие лингвистического текста

Вопрос о бытии лингвистического текста включает два основных аспекта: где существует объект и как существует объект. Первый из них непосредственно связан с понятием *среды* бытия лингвистического текста, второй – с понятием *системы* лингвистического текста. В отечественной психолингвистике проблема бытия текста всегда рассматривалась однозначно: текст сопровождает неречевую деятельность, вписывается в нее – а значит, исходной средой для лингвистического текста признается разносторонняя деятельность человека [Леонтьев А.Н., 1975].

В то же время бытие текста – это процесс двоякого рода: порождение и восприятие [Мурзин, 1986: 74; Лотман, 1992: 27]. В обоих случаях текст «открывается» в среду своего существования – сознание реципиента или продуцента, а также их деятельность [Лотман, там же: 25-27]. С одной стороны, лингвистический текст связан с законами природы через посредство предметной и теоретической деятельности продуцента и реципиента. С другой стороны, сам человек с его физиологией и психикой есть результат действия законов природы, следовательно, тексту как продукту естественного говорения не требуется никакого посредника, чтобы осуществлять «собственное» формообразование по законам природы [Корбут, 1995: 20; Москальчук, 1999, 2000; Манаков, Москальчук, 1999 и др.].

Следствием этого положения является то, что *глубинной средой бытия текста* (протосредой) признается *природа*: как универсальная среда действия универсальных законов. Именно эта среда и порождает глубинную структуру текста, влияет на процесс его формообразования принципиально. *Внешней средой* является *деятельность человека* говорящего/ слушающего (исключая их речевую деятельность). И, наконец, *средой поверхностной*, наблюдаемой в поверхностной структуре текста, следует признать *концептуальные системы реципиента* (принимающая среда) и *продуцента* (порождающая среда). Необходимо учитывать при этом, что *обе системы сами являются результатом действия законов природы* и деятельности обоих субъектов.

Взаимодействие внешней и поверхностной среды бытия с художественным текстом (без употребления используемых здесь номинаций этих понятий) фактически рассмотрено в книге Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» [Лотман, 1992]. Дальнейшее исследование взаимоотношений текста и культуры, которая признается средой для функционирования текста, приводит к еще одному содержанию определения: «текст есть формальная единица культуры. Культура разлагается на тексты, состоит из текстов, хотя и не сводится к ним» [Мурзин, 1994а: 161-165]. Является вполне очевидным, что два понятия: деятельность человека и культура – практически совпадают по своему объему.

Процесс взаимодействия текста с внешней средой, подстраивание его лингвистической формы под вид/ тип деятельности является перспективным предметом современных исследований как лингвосинергетики [Белоусов, 2001; 2001а; 2002; 2002а], так и коммуникативной лингвистики, изучающей совокупности текстов, отдельные тексты или их фрагменты как дискурс (речь, погруженную в жизнь) [Арутюнова, 1990: 132-136; Михалева, 2004: 128-129; Рогозина, 2003: 3-4 и мн. др.].

В понятие среды функционирования языка большинством лингвистов включаются и человек, и общество, и внешний мир [Зубкова, 2003: 447]. А поскольку текст – основная форма существования языка, то для текста мы вычленим *три уровня порождающей среды*: природу, неречевую деятельность, речевую деятельность. Вопрос о бытии лингвистического текста как продукта речевой деятельности (порождающей среды третьего уровня) предполагает соединение двух на первый взгляд противоположных процессов: порождения и восприятия речи. А значит, в этом смысле текст имеет *две среды бытия* на третьем (поверхностном) уровне: передающую и принимающую.

Предполагается, что *принимающей средой* следует считать *концептуальную систему реципиента, передающей – концептуальную систему продуцента* [Бутакова, 2001: 25; Пищальникова, 1999: 169; Поломошнова, 2002: 45]. В обоих указанных случаях бытие текста есть процесс: текст, представляющий информацию/ содержание в лингвистическом виде, произносится/ пишется или слушается/ читается на протяжении некоего времени. Бытие текста (понимаемое как деятельность, а не «складирование») имеет конкретные временные рамки лишь при пересечении со средой третьего/ второго уровня (концептуальными системами реципиента/ продуцента и их деятельностью) [Лотман, 1992: 27; Белоусов, Блазнава, 2004: 88-89].

Концептуальная система продуцента, как поверхностная, непосредственно порождающая текст среда (включая и ментальное состояние по К.И. Белоусову), является системой, изначально родственной и синергетической тексту. В процессе продуцирования происходит обмен информацией между текстом и порождающей

его средой и подстраивание первого под вторую. В результате чего формируется концептуальная структура текста, понимаемая как *«локализованный в определенных участках среды процесс, способный перемещаться в среде, перестраиваться в ней»* [Князева, Курдюмов, 1992: 6; Пищальникова, Герман, 2000: 17]. Бытие лингвистического текста в данном случае можно признать полным.

Концептуальная система реципиента, как поверхностная среда, принимающая, вторичная, первоначально является не родственной тексту, не синергетической ему системой. В процессе восприятия и понимания происходит двусторонний обмен информацией между неродственными системами: синергетическое подстраивание концептуальной системы реципиента под концептуальную систему текста и приспособление концептуальной системы текста к концептуальной системе реципиента. В результате этого процесса текст и его вторичная среда должны стать родственными, синергетическими системами (см. также [Пищальникова, 1999: 169]). В противном случае понимание текста не состоится, и бытие его можно признать неполным, поскольку оно остановилось на формировании нижних уровней содержания.

Таким образом, при исследовании проблемы текста и среды необходимо наблюдать два процесса разной природы: 1) способ обмена информацией между родственными синергетическими системами, 2) способ обмена информацией между неродственными синергетическими системами.

Конкретными репрезентантами передающей/ принимающей среды являются концептуальные системы продуцента/ реципиента. Оба выделенных объекта имеют нематериальную природу, и, следовательно, прямой анализ их структуры по принципу симметрии невозможен. Однако к промежуточным материально выраженным текстам, полученным экспериментальным путем, принцип симметрии применим. Эти экспериментальные промежуточные объекты имеют «смешанную» психо-физическую природу, как и всякий нормальный лингвистический текст [Пищальникова, 2000: 31]. Такие лабораторные тексты могут являться объектом текстосимметрии, поскольку имеют материальную

линейную структуру. Для изучения названных выше процессов избран метод направленного эксперимента (см. главу 5).

Поверхностная среда текста (концептуальные системы участников речевого акта) имеет нелинейную континуальную (полевую) природу. Рассматривая континуальную среду как контекст (окружение текста), В.А. Пищальникова обнаружила феномен сосуществования разноприродных сущностей: линейной речи и полевого сознания [Пищальникова: там же]. Нет сомнений, что секрет феноменального сосуществования этих разноприродных объектов кроется в законе динамической симметрии. Динамическая симметрия (см. главу 3) сочетает асимметрию динамики линейного роста в законе золотого сечения с устойчивой отдельностью в зеркальной симметрии.

Нелинейная асимметричная поверхностная среда текста, если понимать ее как сознание/ концептуальные системы участников речевого акта, предварительно сформирована законами природы. А, следовательно, по принципу П. Кюри каким-то образом подчинена принципу симметрии и пропорции (главным принципам, управляющим законами природы). Ибо: «законы природы управляют явлениями, а принципы симметрии управляют законами природы...», и потому принципы симметрии позволяют предсказывать законы природы [Тарасов, 1982: 166].

Гармонизация текста – действие законов формообразования, законов создания гармонии в период бытия текста, понимаемого как синергетический процесс, соединяет квантовую и континуальную природу – то есть координирует, «примиряет» линейность с нелинейностью. Таким образом, принципиальным при обсуждении вопросов о лингвистическом тексте и его среде является положение о совпадении, наложении групп симметрии названных структур. При полном отсутствии симметрии между текстом и его средой бытие текста как таковое невозможно.

1.2.4. Пересечение среды и структуры (жанровые группы текстов)

Жанровое разнообразие речи непосредственно связано с разнообразной деятельностью говорящих, которая является внешней средой бытия лингвистического текста (как и текста любого другого типа). Двусторонняя сущность этого объекта заключается в том, что, будучи единичной обособленной системой,

текст имеет функциональную нагрузку в определенной сфере деятельности. То есть внешняя среда неизбежно влияет на вариации формы, не нарушая природой заданного принципа.

Именно это положение дел породило обсуждение актуальной в последние годы проблемы определения речевых жанров и их классификации (см. обзор [Шевченко, 2003: 13-19]). Не вдаваясь в подробности различных точек зрения на речевые жанры и не анализируя разнообразные аспекты классификации жанров речи, текстосимметрика принимает за исходное положение М.М. Бахтина. Речевые жанры – «относительно устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы высказывания», « типовые модели построения речевого целого », имеющие нормативное значение [Бахтин, 1979: 241-258; Иконников, 1977: 12-15; Татарникова, 2004: 120; Хорст, 1978: 43-47].

Подчиняясь условиям той деятельности, которую они сопровождают (открываясь во внешнюю среду), тексты приобретают черты формального сходства, структурные признаки жанровой группы (см. главу 4). Принципиальными для текстосимметрии являются два положения: *о структурном единообразии текстов, принадлежащих к одному жанру, и наличии данной социумом модели построения целого*. В своем аспекте текстосимметрика обнаруживает реальные структурные параметры, характерные для групп текстов, называемых *жанровыми группами*. Таким образом « типовые модели построения речевого целого » обретают зримые черты в элементах междутекстовой симметрии: типичных « рисунках » линейного строения и междутекстовых элементах.

Применяемое здесь описательное сочетание « жанровая группа » не является строгим термином, количественно и качественно ограничивающим включаемые в нее тексты и очень косвенно соотносится с проблемой дифференциации « житейских жанров » [Волошинов В.Н., 1995: 314-315; Арутюнова, 1999: 649], которые с позиций текстосимметрии могут быть объединены в одну жанровую группу. Жанровая группа может состоять как из узкой немногочисленной группы текстов, ограниченной достаточно строго, – в материале данного исследования это политическая проза, – так и из очень широкой группы текстов, ограниченной очень условно, – в

нашем материале это художественная проза. Основным признаком жанровой группы любого объема признается «типичная ситуация социального взаимодействия людей» [Дементьев, Седов, 1999: 6]. Совокупность текстов жанровой группы представляет собой жанровую макроструктуру, которая входит в общетекстовую – внежанровую – макроструктуру в качестве составляющей.

Одна из задач текстосимметрии – исследование формального сходства текстов внутри жанровых групп. Это сходство генетически обусловлено особенностями внешней среды бытия жанровых групп. Обобщенное представление такого формального сходства текстов с позиций пропорции и симметрии названо *жанровой формой текста*. Жанровая форма текста фактически представляет собой жанровую линейную модель материальной структуры.

Отношения между внежанровой и жанровой формами (моделями) текста есть отношения инварианта и варианта/ов (вариаций), неизбежных при реализации модели текста в дискурсе. То есть данное направление лингвистических исследований выделяет свой специфический аспект, теоретически мало соприкасающийся с традиционным жанроведением, поскольку жанровая форма текста как один из предметов исследования текстосимметрии, направлена на максимальное абстрагирование как от свойств содержания, так и от свойств лингвистического субстрата.

1.3. ТЕКСТ КАК СИСТЕМА

Каждый отдельный текст независимо от его авторства, стиля, предназначения является целостным образованием, автономной системой. Такая автономная система как лингвистический текст не может возникнуть одномоментно. Формирование лингвистической системы-текста требует определенного промежутка времени. Поэтому становится возможным говорить о процессе формирования текста (его порождении/ продуцировании) как об истории системы. Не выраженная материально часть продуцирования (этап программирования) во внимание не принимается, поскольку она не зафиксирована посредством лингвистических единиц. Поэтому для текстосимметрии история системы-текста начина-

ется с произнесением/ написанием первого его лингвистического элемента (этап реализации). Вся история лингвистической системы «текст» фиксируется как свершившийся факт в материальном теле текста. Материальное тело содержит все необходимые характеристики системы, фазы ее развертывания, «возраст» [Манаков, Москальчук, 2001а; Москальчук, 2002, 2003] – для текстосимметрии только эти свидетельства существенны.

С другой стороны, эта система-текст предназначена для восприятия, она не может быть и освоена одномоментно: текст, представляющий информацию в лингвистическом виде, читается или слушается на протяжении некоего времени. Структура этого *времени восприятия* (восприятия последовательности лингвистических элементов) неизбежно подобна структуре *времени порождения* (произнесения/ написания последовательности лингвистических элементов).

Лингвистический субстрат текста сам принадлежит исходной языковой системе, имеющей длительную историю. Элементы языка превращаются в элементы системы-текста, претерпевая необходимые структурно-семантические изменения. Другими словами, текст возникает на пересечении двух систем: более стабильной общественной системы языка и менее стабильной индивидуальной системы участников речевой коммуникации (их концептуальных систем). Обе пересекающиеся системы имеют гетерогенный характер: минимально одним составляющим общественной системы является культура, минимально одним составляющим индивидуальной системы является языковая компетенция (возможно добавление многих других составляющих, но для данного исследования это несущественно).

Языковые элементы, заимствованные из внешней для текста общественной системы языка, функционируют только во внутритекстовых индивидуальных системах-текстах. То есть: едины и сфера существования языковых единиц-элементов текста (лингвистический текст), и их назначение в названной системе (текстообразование/ структурообразование/ системообразование). Поскольку в процессе порождения или восприятия текста элементы поступают в систему постепенно – у каждого из них свое место в истории данной системы (в данном случае безразлично определяется ли это место временем восприятия

или временем порождения). Лингвистически это место-время элемента определяется его позицией в тексте. И, так как формирование автономной лингвистической системы текста требует определенного промежутка времени, история системы текста=системы отражается в произнесении/ написании/ чтении/ слушании каждого его лингвистического элемента.

Итак, социализация части концептуальной системы продуцента предполагает пересечение двух гетерогенных систем: внутренней индивидуальной системы сознания говорящего и внешней общественной системы языка. И наоборот: интериоризация социального продукта-текста (предварительно социализированной концептуальной системы продуцента) предполагает пересечение внешней общественной системы языка и внутренней индивидуальной концептуальной системы воспринимающего. В процессе порождения или восприятия элементы поступают постепенно – у каждого из них свое место во времени восприятия или порождения.

Одни элементы имеют «более старый возраст» внутри системы (появляются раньше), другие – «более молодой» (появляются позже). Появление следующего элемента внутри единичного текста зависит от предыдущих (в лингвистике текста это описывается как проспекция, в психолингвистике как прогнозирование, в дериватологии как инкорпорирование). Одни элементы принципиально оригинальны внутри системы, другие имеют большее или меньшее сходство. Внутрисистемный элемент, так или иначе *похожий на другой элемент этой же системы*, есть элемент симметрии данной системы, придающий ей автономность и структурность. Другими словами, этот элемент – внутритекстовый повтор.

Время системы измеримо на глубинном уровне через последовательность позиций, замещаемых в закрепленной в языковом сознании форме текста. Этот принципиальный механизм формообразования фиксирует текстопорождающая матрица – в виде неопредмеченного времени. В структуре самой текстопорождающей метроритмической матрицы значимы два критерия: распределение элементов симметрии и делимитация внутритекстовых составляющих, определяемых относительно теоретически расчетных по пропорции золотого сечения

позиций. Фиксированная пропорционально позиция является способом измерения внутритекстового времени – опредмеченного времени системы [Манаков, Москальчук, 2001: 60].

В целом определение системы в философии, как «множества элементов, находящихся в определенных отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность... на основе каких-либо интегративных (системообразующих) свойств» [Философия, 2001: 192] прекрасно характеризует и текст. Выявление системообразующих свойств, которые возможно описать с позиций симметрии, – одна из задач текстосимметрики. В направлении ее решения дается исходное определение взаимоотношений системы и структуры текста с позиций текстосимметрики.

Лингвистическая система=текст есть единство и взаимосвязь последовательно представленных превращенных элементов лингвистического субстрата, порождающее целостный текст. Структура названной системы соответственно есть полученный порядок линейного расположения лингвистических элементов разноуровневого характера.

1.4. ПЕРВИЧНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТЕКСТА

В качестве важнейших свойств текста в рамках текстосимметрики исследуются материально закрепленные свойства его формы. Первично воспринимаемым элементарным (внешним) свойством формы текста является его объем и наличие повторов (симметрические свойства). Исследование показало, что в непосредственной зависимости от объема, принимаемого за первичный параметр, находятся и остальные свойства текста: количество реализуемых текстовых категорий, поуровневое структурирование (объемно-прагматическое членение), информативность (количество и виды информации), композиция и др., а главное – наличие повторов, то есть симметрические свойства его структуры.

Объем как первичный параметр текста лишь косвенно соотносится с признаком текстуальности. Непрямое его отношение к обобщенно понимаемой текстуальности объясняется тем, что фактор объема фактически нивелирован в

связи с разнообразными требованиями внешней среды – видами основной деятельности продуцентов.

С выявлением значимости симметрии для текста – первичной задачей текстосимметрии – непосредственно связана задача определения репрезентативного *материала*. Для выявления тотальной сферы действия симметрии в тексте вообще наиболее простым критерием подбора материала является критерий разнообъемности текстов. С точки зрения данного направления, текст – величина физическая, а, следовательно, первой проблемой на этом пути является выбор единицы измерения объема текста. Единица объема текста (составляющая его единица) долгое время не была обнаружена лингвистикой (см. выше).

Н.В. Черемисиной для исследования композиционной иерархической организации художественного текста была избрана объемно убывающая последовательность единиц: 1) глава (часть), 2) абзац (строфа), 3) предложение (строка), 4) синтагма, 5) слово [Черемисина, 1984]. Недостатками такого подхода являются лингвистическая разноуровневость единиц измерения текста, субъективно-авторская его оценка и невозможность применения такого поуровневого членения ко всем текстам. Ни предложение, ни СФЕ или ССЦ, ни регистровое объединение предложений тоже не могут служить единицей измерения текста не только в силу отсутствия изоморфизма между ними и текстом, но и потому, что ими может быть измерен *не любой* текст. Для адекватного измерения объема текста необходима единица, которая имела бы изоморфные (гомоморфные) целому характеристики.

Синтаксема, убедительно предложенная в качестве элементарной единицы Г.А. Золотовой, все-таки является единицей синтаксиса (предложения), а не текста [Золотова, 1988: 4-5; 1998], хотя возвращение к словоформе, расцениваемой как важнейший коммуникативный элемент, продуктивно для дальнейшего движения от лексемы в языке к «слову в тексте». Вообще признание слова основной элементарной единицей текста является в лингвистике и психолингвистике достаточно устойчивой традицией. По многочисленным свидетельствам лингвистов и психолингвистов, именно слово является минимальной текстовой составляющей: «основной

единицей» (Ф. де Соссюр), «мельчайшей операцией содержательного уровня» (А.А. Леонтьев), «смысловым квантом» (Т.Н. Николаева).

Слово, как истинно изоморфная тексту единица, способно при определенных условиях быть текстом (можно вспомнить понятие Ю.Д. Дешериева «слово-предложение» или понятие Л.В. Сахарного «текст-примитив»). Феноменальное подобие слова и художественного текста отмечено давно: «Отдельно взятый словесный образ является элементом такой структуры (структуры художественного текста – А.К.) и обладает всеми ее свойствами» [Иванова, 1984: 57]. При сопоставлении слова как минимальной составляющей целого с целым текстом, действительно, обнаруживается самоподобие самоорганизующейся системы (как в отношении целого, так и его частей). То есть проявляются синергетические характеристики текста и слова в нем, создающие фрактальность структуры текста. Это означает, что слово и текст, в котором это слово находится, могут рассматриваться как *вполне сопоставимые языковые единицы – языковые модели*.

Основные признаки подобия слова и текста, их синергетические характеристики, заметны даже при поверхностном осмыслении:

– в слове нет обязательных средств связи между морфемами/ в тексте нет обязательных средств связи между предложениями или СФЕ;

– для слова актуальна сочетаемость и топологическая закреплённость морфем/ для текста актуальна сочетаемость и топологическая закреплённость смысловых частей;

– содержание слова/ текста зависит от его состава;

– слово/ текст непроницаемы для посторонних элементов;

– слово/ текст могут состоять как из множества составляющих их единиц, так и из одной единицы;

– слово может быть развернуто в текст/ текст может быть свернут до слова *при сохранении подобия их смысловых структур*.

Итак, слово внутри текста, адаптированное к системе данного текста, есть тот самый малый масштаб системы, который позволяет увидеть закономерно-

сти устройства этой системы в ее полном масштабе – сохраняет свойства целого при уменьшении [Блазнова, 2002а: 13].

Исходя из всего сказанного, объем текста при исследовании его симметрологического аспекта определяется в словах/ словоформах (не учитываются предлоги и служебные части составных словоформ). Однако это вовсе не означает, что, признавая объем (размер) текста одним из его важнейших параметров, измерение его с позиций текстосимметрии возможно осуществлять только в словах. Физический объем текста может быть измерен практически в любых одноуровневых единицах, исчерпывающе представляющих его объем: синтагмах, предложениях, абзацах, содержательных частях и др. [Черемисина, 1983, 1984; Москальчук, 2001: 106]. Так как перечисленные единицы тоже можно признать изоморфными, подобными, всему тексту в целом. СФЕ и ССЦ в качестве единиц измерения физического объема не применимы, так как состав текста не исчерпывается этими единицами.

Выбор *исключительно* одной единицы – слова – для измерения его объема в данном исследовании связан с необходимостью измерений самого разного масштаба: от самого малого до самого большого. Измерительная единица самого малого масштаба применяется для соблюдения сопоставительных процедур значительно различающихся по объему текстов.

1.4.1. Среднестатистический объем русскоязычного текста

Теоретически для определения среднестатистического объема текста необходимо учесть весь репертуар текстов, сопровождающих человеческую деятельность. Но, поскольку выявление такого статистического параметра не является главной целью исследования, рамки изученного материала были существенно ограничены.

Рассмотрены наиболее активные в деятельности современного человека *жанровые группы текстов*, обладающих разнообъемными первичными параметрами. Проанализирован объем текстов следующих жанровых групп, связанных с основными видами деятельности человека: художественная проза, поэзия, публи-

цистика (статья в газете), политическая проза (статья в газете), научная проза (статья в сборнике статей), объявление в газете, пословица.

Объемы текстов исследованной выборки колеблются от 2 до 61680 слов (выборка А.Ю. Корбут с такими колебаниями составляет 2056 текстов). Для определения среднестатистического объема на таком пестром фоне важны достаточные для усреднения статистические процедуры. Пробное усреднение было проведено для письменных текстов. Использовалась общая выборка в 1482 текста. Среднестатистический объем письменного текста определялся в два этапа. На первом этапе высчитаны средние объемы письменных текстов в каждой жанровой группе, так как для каждой из них свойственны свои оптимальные колебания объема (см. табл. 1.1, строки 3 и 4).

Средний объем художественно-прозаического текста составил: 3446 слов. (3445,98 при колебаниях от 6 до 61680). Средний объем научно-прозаического текста составил: 763 слова (762,93 при колебаниях от 3340 до 166). Средний объем поэтического текста составил: 63 слова (63,17 при колебаниях от 8 до 1165). Средний объем политического прозаического текста составил: 1144 слова (1144,3 при колебаниях от 685 до 2080). Средний объем публицистического прозаического текста составил: 650 слов (649, 93 при колебаниях от 208 до 1454). Средний объем прозаического текста газетного объявления составил: 18 слов (17,69 при колебаниях от 7 до 68).

На втором этапе все полученные средне-групповые объемы были сложены и разделены на количество исследованных групп письменных текстов (6). *Среднестатистический объем письменного текста* составил 911 слов (911,43). Столь высокое числовое значение требует осмысления, так как может быть подвергнута сомнению его достаточная объективность. В связи с выше сказанным представим результаты предварительного осмысления числового показателя среднестатистического объема письменного текста. Следует учесть, что перечисленные ниже положения не являются исчерпывающими.

Полученное высокое числовое значение среднего объема письменного текста признается удовлетворительным по следующим соображениям:

- 1) объем письменного текста должен быть достаточным в связи с отсутствием у собеседника (читающего) знания параметров внеязыковой ситуации, сопровождающей данный текст (описание этих параметров по необходимости вводится в структуру письменного текста);
- 2) больший в сравнении с устным объем письменного текста обусловлен дополнительными возможностями при его продуцировании (неоднократное возвращение к продуцированию, редактирование, расширение объема информации и т.д.);
- 3) больший объем обусловлен дополнительными возможностями при восприятии (неоднократное восприятие, перерыв в восприятии, отсроченное восприятие и т. д.);
- 4) величина объема письменного текста обусловлена обязательной более высокой языковой компетенцией его продуцента;
- 5) более сложная синтаксическая структура письменного текста обуславливает его больший объем.

Так как результаты пробного усреднения оказались положительными, среднестатистический объем русскоязычного текста (независимо от его письменной/ устной формы) определялся тем же способом. Он был получен делением суммы среднестатистических объемов всех исследованных с этой целью жанровых групп на количество жанровых групп (так как внутри жанровой группы колебания объема текстов минимальны). На первом этапе определялся среднестатистический объем текста в каждой жанровой группе делением суммы объемов текстов жанровой группы на количество исследованных текстов данной жанровой группы (табл. 1.1).

Выборка автора не включила достаточно представительные в деятельности человека жанровые группы устных текстов (кроме текстов пословиц), и в определение среднестатистического объема русскоязычного текста были введены результаты исследования устных текстов, полученные другими исследователями. Включение данных исследования устной речи значительно расширяет количественный объем выборки, давшей среднестатистический результат, и повышает ее качество. Общее количество рассмотренных в этом аспекте текстов составляет 7774. Средний объем текста диалектной речи – 39 словоформ

[Москальчук, 1990]. Средний объем фольклорного текста (сказка, быличка, заговор) – 508 словоформ [Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002: 92]. Средний объем текста речи в стрессовой ситуации – 50 словоформ [Приходько, 2001: 140]. Средний объем пословицы – 5 словоформ [Корбут, 2004в].

Средний объем устного текста по данным четырех основных групп составляет 151 слово (150,5; приблизительные колебания, так как нет точных данных о максимальном объеме устного текста от 2 до 1500). Тот факт, что объем устного текста в среднем оказывается в 6 раз меньше объема письменного текста связан с его свойствами, которые обратны свойствам письменного текста:

- 1) устный текст не должен включать сведения о сопровождающей внеязыковой ситуации, так как у собеседника они имеются;
- 2) меньший в сравнении с письменным объем устного текста обусловлен отсутствием дополнительных возможностей при его продуцировании;
- 3) при восприятии устного текста отсутствуют дополнительные возможности;
- 4) высокий уровень языковой компетенции продуцента не обязателен;
- 5) менее сложная синтаксическая структура устного текста обуславливает его меньший объем.

Все приведенные выше обстоятельства позволяют утверждать, что вычисление среднестатистического объема текста на русском языке путем деления суммы средне-групповых объемов на количество исследованных групп на первых порах является достаточным. В общей сложности среднестатистический объем русскоязычного текста определен по выборке в 7774 текста, среди которых имеются представители 12 жанровых групп, то есть этот показатель является достаточным для рамок данного исследования. Полученное среднестатистическое значение объема русскоязычного текста составило 669 слов (668,6 при колебаниях от 2 до 61680).

Среднестатистический объем русскоязычного текста – это сравнительно-ориентировочный показатель. С его обнаружением появилась возможность проводить первичную оценку текста как с позиций текстосимметрии, так и с позиций любого другого направления лингвистики или любой другой науки,

занимающейся исследованием лингвистического текста. Отклонения в объеме текста в сторону увеличения или уменьшения могут быть оценены соответствующим данной дисциплине образом. Теперь имеется возможность утверждать, что для достаточного выражения воли, для передачи достаточного количества информации и/ или для выражения эмоционального состояния *человеку в среднем необходимо 669 слов*.

В реальной речевой деятельности людей *объем текста* в качестве его элементарного первичного параметра напрямую связан со сферой функционирования текста, со сферой основной деятельности, то есть *зависит от* вторичной среды бытия текста – *деятельности продуцента*. Все отклонения от среднестатистического объема текста (!) являются результатом его подстройки под эту вторичную среду (вид/ тип основной деятельности). С чем именно связаны отклонения от среднестатистического объема: с увеличением количества информации, с необходимостью воздействия на реципиента, с необходимостью адаптации продуцента или еще с какими-либо функциями данного текста – проблемой текстосимметрии не является.

Кроме того, количественный показатель среднестатистического объема русскоязычного текста может стать опорой для классификации текстов на русском языке и для сопоставительных характеристик при исследовании самых разных текстов. Для рамок текстосимметрии как раздела лингвистики текста такой показатель среднестатистического объема текста является принципиально важным, так как свидетельствует в пользу объясняющей силы текстосимметрии, потому что степень симметричности внутренней структуры текста тоже напрямую связана с его объемом.

1.4.2. Среднестатистический объем текстов жанровых групп

Поскольку жанровые группы текстов связаны с деятельностью продуцента (трудовой, игровой, учебной, а далее: эстетической, теоретической, политической и др.), по показателю среднестатистического объема жанровой группы можно наблюдать подстройку первичного параметра текста под одну из трех основных функций языка/ текста в деятельности: когнитивную, коммуникатив-

ную, эмоциональную [ЛЭС: 564]. Средние показатели первичного параметра по жанровым группам русскоязычного текста лишь на первый взгляд являются условными. Данные таблицы 1.1 демонстрируют явную зависимость первичного параметра текста от его основной функции.

Эстетическая деятельность, без использования искусственных/ специализированных приемов (рифма, метр) показывает наибольший объем своих текстов. Например, художественная проза и сказка имеют самый большой числовой показатель среднего объема (см. табл. 1.1, столбцы 2 и 9). Для художественно-прозаического текста он составляет более 3000 слов, для сказки – более 1200 слов. Познавательная деятельность, результаты которой в материале эксплицируются посредством пословиц и научных статей, явно обходится меньшим объемом. Пословица имеет средний показатель объема более 5 слов (см. табл. 1.1, столбец 8), научная статья – более 760 (см. табл. 1.1, столбец 4). Уже эти высказанные здесь поверхностные наблюдения позволяют поставить новые вопросы перед исследователями-лингвистами и представителями смежных наук, осмысливающими текст в разных аспектах.

Таблица 1.1. Объем жанровых форм (среднестатистический объем текстов некоторых жанровых групп по данным выборки из 3479 текстов).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Художественная проза	Поэзия	Научная проза	Публицистич. проза	Политическая проза	Объявление	Пословица	Сказка	Быличка
2. Средний объем	3445,98	63,17	762,93	649,93	1144,3	17,69	5,37	1233,80	179,88
3. Макс. объем	61680	1165	3340	1454	2080	68	14	2836	329
4. Миним. объем	6	8	166	208	685	7	2	875	127

Среднестатистический объем текста – 669 слов – сопоставляется со средними объемами текстов жанровых групп, представленными в таблице 1.1, и дает вполне однозначную картину. Тексты, выполняющие *когнитивную функцию* в качестве основной, (пословицы и объявления) имеют объем значительно *меньше* среднестатистического (см. табл. 1.1, столбцы 8 и 7). Тексты, связанные с *коммуникативной*

функцией как основной – публицистические, политические, научные (см. табл. 1.1, столбцы 5, 6, 4), – имеют объем *приближенный* к среднему.

Выполняющие в первую очередь *эмоциональную* (эстетическую) функцию художественные тексты *отклоняются* от среднестатистического объема. Художественно-прозаические тексты отклоняются в сторону увеличения объема текста более чем в три раза (см. табл. 1.1, столбец 2). Художественно-поэтические тексты отклоняются в сторону уменьшения объема более чем в десять раз. Возможно, что причины уменьшения среднестатистического объема поэтического текста (см. табл. 1.1, столбец 3) связаны, во-первых, с его подстройкой под когнитивную функцию и повышение информативности в связи с гармонизацией формы, во-вторых.

Объем каждого из текстов в жанровой группе индивидуален, колебания числовых показателей объема значительны, поэтому в качестве исходного параметра жанровой формы может быть принят только средний объем, который мы назвали *объемом жанровой формы*. Объем жанровой формы признается ее первичным признаком, содержание в рассматриваемом аспекте игнорируется. Значение объема жанровой формы представляется в лексемах, каждая из которых занимает одно синтаксическое место (словоформах), так как именно лексема является единообразной структурной единицей для *всех* текстов. Поскольку жанровые группы текстов сформировались в соответствии с деятельностью продуцентов, по числовому значению объема жанровой формы можно наблюдать подстройку первичного параметра текста (как абстрактного представителя жанровой группы) к данной деятельности, являющейся внешней средой бытия текста.

Оценка исходного параметра каждой жанровой формы может производиться по *отклонению* ее объема от среднестатистического объема текста. Объем жанровой формы зависим от основной функции жанра в сфере деятельности, а анализ объемов жанровых форм позволяет поставить перед исследователями речевых жанров новые разноаспектные проблемы. Почему, например, прозаический текст, сопровождающий эстетическую деятельность (художественная проза и фольклорная сказка), имеет наибольший объем, а прозаический текст, сопровождающий ког-

нитивно-педагогическую деятельность (пословица и быличка), – наименьший объемом (см. столбцы 8 и 10). Возможно ли объяснить многословие эстетической и политической деятельности (столб. б) в сравнении с деятельностью научной (столб. 4)?

1.4.3. Объем текста и его структурирование

Естественные науки твердо констатируют факт связи размера объекта с его свойствами: «размеры, то есть пространственные протяженности объектов материального мира, являются их фундаментальнейшими характеристиками» [Шмидт-Ниельсен, 1987: 5]. Размеры – «универсальный масштаб, в зависимости от которого глубоко и многосторонне изменяются свойства предметов и процессов» [там же]. Укрупнение размеров при сохранении подобия объектов влечет за собой значительное изменение свойств – структурных и динамических.

Многообразии размеров текстов при сохранении подобия, и, следовательно, значительная разница их структурно-динамических свойств долгое время являлись трудно преодолимыми препятствиями для определения объекта исследования в рамках общей теории текста. Принципиальное значение имеют в этом направлении любые попытки произвести классификацию текстов (попытки известны в отечественной лингвистике с 80-х годов [Иртенева, 1983]). Для текстосимметрики, имеющей дело с физическими характеристиками, опорной является объемная классификация текстов, которая фактически существует на практике.

Уже литературоведческая классификация жанров прозы есть не что иное, как объемная классификация текстов. «Миниатюра – *маленькое по объему*, но композиционно и содержательно завершенное произведение... жанровые признаки М. всегда относительны» [КЛЭ: т. 4, с. 844]. Рассказ – «*малый прозаический жанр, соотносимый с повестью, как более развернутой формой...*» [там же: т. 6, с. 190], «*небольшое художественное повествовательное произведение*» [СТСРЯ: 686]. «Повесть – повествовательное произведение с сюжетом менее сложным, чем в романе, и обычно *меньшее по объему*» [там же: 537]. «Роман – *большое повествовательное произведение...*» [там же: 707] (везде выделено А.К.).

Попытки осуществления связи объема текста с лингвистической классификацией текстов тоже известны достаточно давно. Г.Л. Пермяков, исследуя инвари-

антность мысли, представил объемную текстовую «пирамидку»: пословица – поба-сенка – басня – сказка. Б.М. Лейкиной предложено первичное деление текстов на однофразные (минимальные), где предложение автономно, и неоднофразные, где предложение неавтономно. Некоторые исследователи, выделяя пословицу как особый текст, использовали специальный термин – «мини-текст» [Соболева, 1995], который, безусловно, дает в первую очередь объемную характеристику предмета исследования. В практике описания жанровых форм объем признается частью композиции и измеряется в количестве слов [Кудрявцева, 2003: 132-133]. При характеристиках речевых жанров часто используется приблизительное понятие объема [Бровкина, 2000: 9].

Сопоставляя реальные объемы текстов со средним показателем объема текста, можно предложить первичную элементарно-структурную классификацию текстов с позиций текстосимметрии. Хотя такая классификация является формальной и рассматривает текст при максимальном уровне абстракции, она вполне соотносима с известными в лингвистике подходами к тексту и его структуре. Всего в репертуар речевой деятельности входят четыре группы текстов. Здесь предложены приблизительные (ориентировочные) показатели объема.

Объемный тип 1. Текст минимального объема от 2 до 20 слов ориентировочно (в таблице 1.1, это пословица и объявление)– *микротекст*. Синтаксическая структура такого текста соответствует синтаксической структуре предложения (или СФЕ). Микротекст имеет простое синтаксическое структурирование, часто одноуровневое [Корбут, 1995а]. Семантико-синтаксические связи членов предложения являются текстообразующими связями элементов таких текстов. Данный тип текстов обладает слабой категорией членности, так как членение на абзацы отсутствует. Наличие содержательных макроструктур, описанных ван Дейком в микротекстах маловероятно.

Деление информационной структуры микротекста на виды не актуально: на первый план выходит фактуальная или концептуальная информация [Соболева, 1995]. Вероятность симметричности структуры наиболее низкая (в сравнении с другими текстами). Структурно-функциональное разделение элементов

симметрии невозможно (см. главу 2). Таким образом, микротекст имеет *одноуровневое структурирование* (это текст типа *предложение*). Из встретившихся нам это пословицы, афоризмы, фразы, толкования, хокку, танки, анекдоты и объявления, а также любые другие краткие высказывания в целостной информационной структурой.

Объемный тип 2. Текст более чем минимального объема – *минитекст*. Объем ориентировочно от 20 до 600 слов. Частично описана группа минитекстов (названная микротекстами) у В.И. Юганова. С точки зрения синтаксической минитекст чаще представляет собой комбинацию предложений и СФЕ, а следовательно, имеет двухуровневое синтаксическое структурирование. Содержательно-фактуальная информация в минитексте на первом плане. Категория членности присутствует. Для минитекстов вероятно формирование содержательной макроструктуры в понимании ван Дейка.

Синтаксически минитекст чаще соответствует ССЦ. Включение в структуру более одного ССЦ маловероятно. Четкое деление на коммуникативные типы речи внутри минитекста отсутствует. Абзацное членение обычно имеет место. Несимметричная структура для минитекста маловероятна. Элементы симметрии и члены предложения находятся на разных уровнях. Системно-функциональное разделение элементов симметрии возможно. Симметричность структуры минитекста имеет максимальные показатели (см. ниже). В целом, в минитексте наблюдается *двухуровневое структурирование* (это текст типа *предложение – СФЕ*). В выборке минитексты представлены прозаическими миниатюрами, поэтическими текстами, быличками и некоторыми другими.

Объемный тип 3. Текст среднего объема от 600 до 3000 слов – *мидитекст*. Этот тип включает в структуру разнообразные синтаксические конструкции и информативно-содержательные части. Для структуры мидитекста характерно включение разных коммуникативных типов речи. С синтаксической точки зрения третий объемный тип представляет собой комбинацию СФЕ, ССЦ и автосемантических предложений и имеет сложное (многоуровневое) синтаксическое структурирование.

Категория членимости реализуется в мидитекстах в наиболее ярком виде. В мидитекстах наблюдается дробная членимость на микротемы, обязательно формирование содержательных макроструктур по ван Дейку. Абзацное членение в этом типе текстов также обязательно.

Несимметричная структура мидитекстов невероятна. Функциональное разделение элементов симметрии обязательно. Степень симметричности структуры понижена (см. главу 3). Вероятно присутствие всех видов информации при условии, что содержательно-фактуальная информация на первом плане. Мидитекст *имеет трехуровневое структурирование* (это текст типа *предложение – СФЕ – ССЦ*). В качестве мидитекстов в материале представлены художественно-прозаические рассказы, научные, публицистические, политические статьи, средние поэтические формы. Устные речевые жанры в качестве мидитекстов маловероятны.

Объемный тип 4. Макситекст – текст большого объема: более 3000 слов. Макситекст имеет сложную содержательную и синтаксическую структуру. Категория членимости в этом типе текстов имеет многоуровневое выражение. Объемно-прагматическое членение макситекстов включает главы, содержательные части, абзацы. Для макситекстов обязательно формирование содержательной структуры с участием нескольких макроструктур, описанных ван Дейком.

Синтаксическая структура мидитекстов включает все комбинации всех имеющихся в арсенале языка синтаксических единиц. Несимметричная структура невероятна. Степень симметричности структуры не исследована. Функциональное разделение элементов симметрии обязательно. Макситекст имеет *многоуровневое структурирование* (типа *предложение – СФЕ – ССЦ – содержательная часть*). К макситекстам могут быть отнесены только письменные жанры: повесть, роман, поэма, монография и др.

Микро- и минитексты не имеют комбинаций регистров речи или имеют их минимальные комбинации, часто включают один регистр. Миди- и макситексты представляют собой регистровые комбинации [Золотова, 1998: 28-34] в обязательном порядке.

Предложенная здесь элементарно-объемная четырехчленная классификация текстов обусловлена особенностями действия законов симметрии внутри каждой из объемных групп (см. главу 3). Следует высказать уверенность в том, что объем текста напрямую связан с его информационным, синтаксическим и симметрическим структурированием. В таком случае имеющийся числовой показатель среднестатистического объема текста (669 слов) позволяет отнести названную языковую единицу к мидитекстам, что говорит о неодноуровневом структурировании типичного текста, правильно определенном лингвистикой еще в 80-е годы XX века. Это обстоятельство объясняет причины достаточно долгого исключения микро- и минитекстов из формулировок и описаний при попытках определения лингвистического текста как такового.

1.5. СИММЕТРИЧНОСТЬ СТРУКТУРЫ – ИНВАРИАНТНОЕ СВОЙСТВО ТЕКСТА

Уже говорилось выше, что безошибочным признаком структурности любого материального объекта является симметрия. Более того, симметрия признается основным признаком целостной структуры этого объекта [Овчинников, 1979: 41; Тарасов, 1982:12; Система. Симметрия. Гармония, 1988: 210]. Именно поэтому в философском определении симметрии подчеркивается, что симметрия фиксирует устойчивое, сохраняющееся в объекте, его инвариантные признаки [ФЭС: 582].

Поскольку симметрия выступает одним из общенаучных методов выявления и описания инвариантных закономерностей [Готт, 1988: 247; Акопян, 1980: с. 113; Овчинников, 1979; Шубников, Копщик, 1972; Сороко, 1984; Коломейцев, 1990], принцип симметрии позволяет определить сохраняющееся (инвариантное) свойство. То есть, симметрия, устанавливающая структурные инварианты, есть необходимый метод исследования любых уровней структуры [Шубников, Копщик там же: 264]. В связи с перечисленными общенаучными положениями, текстосимметрия обратилась к исследованию симметрии текста, как к ключу, открывающему его инвариантные свойства – свойства его целостности. Кроме того, эвристичность прин-

ципа симметрии – такое свойство, которое позволяет ценой минимальных усилий обнаружить законы структуры.

Итак, *признаком симметричности структуры* лингвистического текста признается *наличие в ней повторяющихся элементов*. К какой разновидности и к каким способам повторения могут быть отнесены эти элементы в данном случае безразлично. Если повторяющиеся элементы есть – значит, принцип симметрии в качестве структуро- и формообразующего действует.

Поскольку основная единица исследования – текст, первый этап работы над конкретным текстом – это его анализ на наличие повторяющихся в структуре данного текста элементов (элементов симметрии). На втором этапе вычисляется количество текстов, не имеющих элементов симметрии. Такие тексты без каких-либо повторов мы называем текстами несимметричной структуры. Третий этап – сопоставление числа текстов, имеющих элементы симметрии, с числом текстов, не имеющих элементов симметрии (далее – ЭС).

Первичной задачей текстосимметрики, таким образом, является *определение тотальной сферы действия симметрии в тексте вообще*, а значит, и ее концептуальной значимости для процессов его формообразования. Поэтому оценка структуры каждого текста выборки первоначально проводилась по наличию/ отсутствию ЭС.

Совместными усилиями трех исследователей (Г.Г. Москальчук, А.Ю. Корбут, О.Б. Лихачева) наличие/ отсутствие повторов исследовано в 7791 тексте. Исследовано текстов: диалектной речи – 2327, художественной прозы – 729, поэзии – 983, публицистики – 55, объявлений – 308, научной прозы – 61, фольклорных текстов – 3328 (былички – 1000, сказки – 1000, заговоры – 1000, пословицы – 328).

Во всей исследованной совокупности обнаружено 502 текста без повторов (без ЭС), то есть, *текстов с несимметричной внутренней структурой*. Вероятность структурирования среднестатистического текста без участия ЭС в формообразовании вычисляется по формуле вероятности следующим образом: $502: 7791 = 0,0644$. Итак, можно утверждать, что вероятность появления текста с несимметричной структурой в дискурсе равна 6,44 % – менее 65 текстов на 1 тысячу.

Другими словами, только каждый 936 текст в любой сфере речевой деятельности не содержит повторов. Это означает, что тотальная сфера действия симметрии в глубинной и поверхностной структурах среднестатистического текста составляет 93,56 %. Таким образом, принцип симметрии определен как структуро- и формообразующий принцип текста.

Эвристичность принципа симметрии позволяет продуктивно выделять единые свойства текстов самого различного объема и разной жанровой принадлежности – *внежанровой речевой макроструктуры*. Равно продуктивен этот принцип и при исследовании обусловленных различными сферами деятельности свойств текстов (жанров/ жанровых групп) – *жанровых макроструктур*.

Наибольшую вероятность несимметричности внутренней структуры имеют тексты минимального объема микротексты. Это объявления – жестко отредактированные, рассчитанные на обязательную письменную фиксацию тексты со средним объемом 18 слов, из которых 370 текстов на 1 тысячу (37%) – тексты с несимметричной структурой. Аспонтанные (воспроизводимые) микротексты пословицы со средним объемом 5 слов имеют вероятность несимметричной структуры ~ 195 текстов на 1 тысячу (19,5%). Однако даже в микротекстах максимальная вероятность несимметричности не может быть признана величиной статистической, так как она не достигает 40%.

Вероятность несимметричности внутренней структуры бытовой диалектной речи со средним объемом 39 слов – спонтанного минитекста – уже гораздо ниже: 127 текстов на 1 тысячу (12,7%). Аспонтанный фольклорный минитекст быличка со средним объемом 111 слов показывает еще более низкую вероятность несимметричной структуры: 10 текстов на 1 тысячу (1%). Без учета жанра и объема – с включением микро- и минитекстов афоризмов и миниатюр в общую выборку (см. табл. 1.2) – вероятность несимметричности структуры художественной прозы составляет 34 текста на 1 тысячу (3,4%) [Корбут, 1995: 14, 17; Корбут, Москальчук, 1997: 186; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002].

Анализ полученных статистических данных позволяет наблюдать следующую закономерность: *увеличение объема и уровня структурированности текста приводит к уменьшению вероятности несимметричной внутренней структуры.*

Еще более заметна выявленная закономерность при статистическом анализе фольклорной сказки – аспонтанного *макситекста* со средним объемом в 1234 слова, — внутренняя несимметричность которой невероятна и составляет 0 текстов на 1 тысячу (0%) [Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002]. Та же невероятность несимметричной структуры (0%) наблюдается в *миди-* и *макситекстах*: во внутренней структуре текстов художественной (ХПТ), научной (НТ) и публицистической прозы (см. табл. 1.2). Последние из перечисленных групп текстов не только аспонтанные, но и хорошо отредактированные и закреплённые в письменной форме тексты.

Таблица 1.2. Вероятность симметричности структуры русскоязычных прозаических текстов (7370 текстов)

1	Устная речь					Письменная речь			
	2 ДР (спонтанная)	3 Сказка	4 Заговор	5 Быличка	6 Пословица	7 ХПТ	8 НТ	9 Публиц.	10 Объявл.
3. Всего текстов	2327	1000	1000	1000	328	729	61	41	308
4. Симметричных	2031	1000	1000	990	264	704	61	41	194
5. Вероятность симметрии	87,3%	100%	100%	99%	80,5%	96,6%	100%	100%	63%
6. Средний объем	39	1234	111	180	5	3446	763	650	18
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Итак, наличие элементов симметрии во внутренней структуре текста оценивается как участие принципа симметрии в его формообразовании. Определённые по отсутствию ЭС в структуре невероятность несимметричности внутренней структуры миди- и макситекстов, низкая вероятность несимметричности внутренней структуры мини- и микротекстов позволяют констатировать следующий признак нашего объекта. *Симметричность внутренней структуры есть инвариантный принцип формообразования лингвистического текста.* Увеличение объема текста и уровня его структурированности соответственно

находится в прямой зависимости от действия принципа симметрии во внутренней структуре. *Для лингвистического текста существует объемный порог, за которым действие принципа симметрии становится обязательным, а несимметричность внутренней структуры невероятной.*

Сопоставив данные таблиц 1.1 и 1.2, можно констатировать лишь наличие объемного порога лингвистического текста, за которым ЭС в его структуре становятся обязательными. Симметричность можно расценить как максимальную жесткость лингвистической структуры. Первоначально в качестве объемного порога, за которым отсутствие симметрии во внутренней структуре невозможно, можно признать минимальный объем научного текста – 166 слов (ср.: строку 4 столбца 4 табл. 1.1 со строкой 5 столбца 8 табл. 1.2).

Уточнить числовое значение объемного порога несимметричной структуры лингвистического текста можно эмпирическим путем. Для такого уточнения должна быть избрана жанровая группа, наиболее разнообразная по данным относительного объема, с наиболее приближенным к среднестатистическому средним объемом и представленная достаточным количеством в материале. Избрана художественная проза. Для того чтобы убедиться в достаточности количества проанализированных текстов, мы применили статистическую формулу

$$k = \frac{4\sigma^2}{L^2}$$

объема выборок, предлагаемую Б.Н.Головиным [Головин, 1971: 59].

где k – необходимое количество выборок, σ – среднее квадратичное отклонение, L – ошибка наблюдения.

Чтобы высчитать σ и L , была исследована предварительно плотность ЭС в каждой из трех композиционных зон в 582 текстах. Наибольшее количество требуемых для исследования текстов показал расчет по результатам плотности ЭС в зоне начала, где $\sigma = 0,2779$, $L = 0,0226$, таким образом, необходимое количество текстов при условии максимальной надежности результатов (95%) равно:

$$k = \frac{4 \times 0,2779^2}{0,0226^2} = 617,6$$

Следовательно, для получения статистически корректных результатов о плотности ЭС в словесной структуре художественно-прозаического текста необходимо исследовать 618 текстов (по данным о плотности ЭС в зонах ГЦ и конца мы получили меньшее необходимое количество: соответственно 606 и 608 текстов).

Нами исследовано 729 художественных прозаических текстов. В структуре 25 текстов ЭС не обнаружены. Уточнение объемного порога для несимметричности структуры художественно-прозаического текста осуществлено путем сопоставления статистических данных по исследованию художественно-прозаических текстов трех объемных группах: от 5 до 16 слов, от 17 до 50 слов, от 51 до 150 слов, свыше 150 слов (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Зависимость вероятности симметричности структуры художественно-прозаического текста от его объема

Объем текста	Количество текстов в выборке	Количество текстов несимметричной структуры	Вероятность несимметричной структуры
1. Независимо от объема	729	25	3,4%
2. От 5 до 16	118	21	17,8%
3. От 17 до 50	75	3	4,0%
4. От 51 до 150	143	1	0,7%
5. Свыше 150	393	0	0%

Полученные данные демонстрируют прямую зависимость между параметрами объема и симметричности структуры текста: с возрастанием объема в три раза (от 17 до 50 слов, затем от 50 до 150 слов) вероятность несимметричности структуры уменьшается в два этапа – сначала в 4,45 раза, а затем в 5,7 раза. В тексте, превышающем объем в 150 слов несимметричность структуры невероятна.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Определение общеструктурных и общесистемных свойств текста – наиболее актуальная проблема общей теории текста и текстосимметрии. От решения названной проблемы зависит и определение статуса текста в языковой системе, как единицы, с одной стороны, венчающей лингвистическую систему,

представляющей ее в наиболее законченном виде и обеспечивающей функционирование этой системы, с другой.

Для решения названной проблемы необходим переход на высокий уровень абстрагирования, позволяющий отвлечься от частных содержательных и лингвистических свойств объекта. Чтобы получить наиболее конкретизированные представления о свойствах главного коммуникативного признака лингвистической материальной формы текста – линейности – важно привлечь методы статистики и симметрии.

Выбор наиболее абстрагирующего теоретического аспекта исследования требует выделения двух уровней структуры текста: *поверхностной (содержательной и индивидуальной) и глубинной (формальной и социальной) структуры*. К анализу привлекается абстрактная глубинная структура, так как законы ее действуют независимо от сознания говорящего. Уровень глубинной структуры включает два яруса: *языковой субстрат* (языковые единицы/ языковую систему) и *форму* (оптимальные правила линейного моделирования языкового субстрата). Элементы субстрата превращаются в элементы системы-текста, претерпевая необходимые структурно-семантические изменения.

Текст возникает на пересечении двух систем: общественной и индивидуальной. Единичная лингвистическая система-текст осуществляет интеграцию последовательно представленных превращенных элементов субстрата, в целостность. Полученная в результате структура представляет собой порядок линейного расположения элементов (линейную модель конкретного текста).

Понимание среды бытия лингвистического текста непосредственно связано с пониманием уровней структуры. *Глубинной средой бытия текста* (протосредой) признается природа (универсальная среда действия универсальных законов). Глубинная среда порождает глубинную структуру текста, влияя на процесс его формообразования. *Внешней средой* является деятельность участников речевого акта (исключая их речевую деятельность). Наблюдаемой в содержании *поверхностной средой* считаются концептуальные системы рецепи-

ента (принимающая среда) и продуцента (порождающая среда): обе системы сами являются результатом действия законов природы и их деятельности.

Итак, для лингвистического текста вычленяются три уровня порождающей среды: природа, неречевая деятельность, речевая деятельность. Бытие лингвистического текста как продукта речевой деятельности (порождающей среды третьего уровня) предполагает соединение двух процессов: порождения и восприятия речи – в этом смысле текст имеет *две среды бытия*.

Среднестатистическому говорящему в среднестатистических условиях необходимо 669 слов. Однако *объем текста* в качестве его элементарного первичного параметра напрямую связан со сферой функционирования текста, то есть *зависит от деятельности продуцента/ реципиента*. Все отклонения от среднестатистического объема текста являются результатом его подстройки под эту вторичную среду и действуют в пределах жанровых макроструктур.

В качестве исходного параметра жанровой формы принимается объем среднего представителя жанровой группы – *объем жанровой формы*. Жанровые формы текстов с главной когнитивной функцией (пословицы и объявления) имеют объем значительно меньше среднестатистического. Жанровые объемы текстов с главной коммуникативной функцией (публицистические, политические, научные), имеют объем приближенный к среднему. Художественные тексты с главной эстетической функцией отклоняются от среднестатистического объема: прозаические – в сторону увеличения объема более чем в три раза, поэтические – в сторону уменьшения объема более чем в десять раз.

Непосредственная связь структурных и категориальных признаков текста с величиной его объема влечет за собой необходимость первичной объемной классификации текстов, их деление на четыре группы: микротексты, минитексты, мидитексты и макситексты.

Вероятность отсутствия элементов симметрии в текстовой макроструктуре (в любом отдельно взятом тексте) составляет – 6,4 % или 64,4 текстов на 1 тысячу, то есть тотальная сфера действия симметрии в дискурсе – 93,6 %: каждый 937 текст не содержит повторов.

Симметричность структуры текста признается его инвариантным свойством, так как: 1) среднестатистическая вероятность симметричности структуры лингвистического текста очень высока, 2) числовое значение среднестатистического объема лингвистического текста превышает объемное пороговое значение несимметричности структуры (150 слов) более чем в три раза (669 слов). То есть среднестатистический текст с несимметричной структурой теоретически невероятен. Последнее положение уменьшает вероятность несимметричной структуры текста и дополнительно повышает вероятность симметричности его структуры.

Все выше сказанное позволяет сформулировать исходный постулат обсуждаемого в данной работе раздела общей теории текста – текстосимметрии – следующим образом:

принцип симметрии внутренней структуры есть инвариантный принцип формообразования лингвистического текста.

Признание симметричности структуры инвариантным свойством текста увеличивает объясняющую силу текстосимметрии для общей теории текста. Сущность предмета исследования текстосимметрии может быть конкретизирована следующим образом:

предметом текстосимметрии является линейная форма лингвистического текста, рассматриваемая как целостная отдельность, структурированная по законам симметрии.

Содержательная и структурная функции повтора, несущего признаки глубинной и поверхностной структур текста и его симметрологическая сущность позволяют признать повтор элементом симметрии текста. Положение об основном объекте текстосимметрии может быть конкретизировано следующим образом:

основным объектом текстосимметрии являются самые разнообразные повторы (смысловые, внутрисктурные, межструктурные и др.), рассматриваемые в качестве элементов симметрии текста.

2. ВНУРИТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ СИММЕТРИИ

Элементы симметрии лингвистического текста являются основным объектом текстосимметрии. Выделение элементов симметрии как принципиального свойства структуры текста позволило сформироваться данному разделу в рамках общей теории текста. Обсуждение ключевого понятия текстосимметрии – элементов симметрии текста – предполагает, во-первых, осмысление философского методологического, общелингвистического и лингвистического аспектов; во-вторых, требует как можно более точного сопряжения позиций симметрологии и лингвистики; в-третьих, влечет за собой разноаспектную классификацию элементов симметрии текста. Решение названных задач направлено на достижение цели главы – определения и классификации элементов симметрии.

2.1. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ: ФОРМА, КОМПОЗИЦИЯ, СТРУКТУРА, СИММЕТРИЯ

Материально оформленный (имеющий форму) объект – текст – стабильно описывается в науке при посредстве трех терминов: «композиция», «структура», «система». Абсолютным большинством авторов два первых термина в этом случае используются в качестве синонимов. Тогда как термин «композиция» – в отличие от терминов «система» и «структура» – никогда не употребляется по отношению к объектам нематериальным, абстрактным, не имеющим формы, в том числе и к языку. Причины распределения терминологии объясняет философия, определяя структуру как инвариант, «наиболее устойчивое в данной системе при различных внешних и внутренних взаимодействиях». Устойчивое, инвариантное (как это и наблюдается при функционировании языковой системы) «воплощается в ряде конкретных вариантов» [Шубников, Копчик, 1972: 278, 310; Удачина, 1970: 41-47; Сороко, 1984: 74]. При определении структуры чаще всего делается акцент на теоретическом абстрагировании [Волкова, 1976: 275; Сороко, 1984: 83-84], этот термин считается более широ-

ким и соответственно употребляемым как к материальным так и к нематериальным объектам.

Термин «композиция», будучи употребим к объектам, имеющим материально закреплённую форму, которая может быть описана в терминах симметрии, в рамках текстосимметрии понимается как *структура, обладающая определённой группой/группами симметрии*. Такой взгляд на композицию текста не противоречит мнению многих исследователей, следующих за В.В. Виноградовым. Их определение связи композиции с языком через «наличие стилистической доминанты (относительно статичного образного стержня произведения) и стилистической оппозиции (замены в линейной последовательности)» [Язык и композиция художественного текста, 1983: 3-5] не противоречит определению текстосимметрии, поскольку элементы симметрии есть элементы статичного, а элементы диссимметрии есть элементы замены.

Определение композиции/структуры лингвистического текста через симметрию уже наблюдалось неоднократно в отечественной лингвистике: «некая художественная симметрия», «...комплекс или синтез закономерностей, определяющих взаимосвязь формальных и художественно-содержательных элементов текста и пропорциональность в расположении словесного материала» [Черемисина, 1982: 4; 1983: 11; Корбут, 1995; Корбут, Москальчук, 1997; Москальчук, 1998; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002; Манаков, Москальчук, 2001].

Применение принципа симметрии в филологических исследованиях тоже далеко не ново. Он был использован М.А. Петровским при анализе архитектоники (понимаемой как композиция) новеллы [Петровский, 1927], В.М. Жирмунским – при анализе композиции стиха [Жирмунский, 1921], Д.Д. Благим при композиционном анализе прозы Пушкина [Благой, 1955] и Г.А. Гуковским при анализе композиции романа «Евгений Онегин» [Гуковский, 1957]. Р.О. Шор ещё в 1927 году выразила уверенность в том, что именно симметрия есть композиционный принцип художественного текста [Шор, 1927: 140].

В сугубо лингвистических работах по отношению к структуре языка принцип симметрии применил С.О. Карцевский, размышляя над синкретизмом форм

синтаксиса. Асимметрию между элементами информации и элементами высказывания обскуждал в своих работах А.А. Реформатский [Реформатский, 1987: 158]. Явления симметрии и асимметрии в грамматической системе языка рассматривались в восьмидесятые годы [Гак, 1980; Вопросы грамматической асимметрии, 1981], в языковой семантике [Арутюнова, 1999: 245] и в общей языковой системе [Карпов, 1992]. Принцип симметрии был использован при исследовании структуры сложного предложения [Береговская, 1984; Формановская, 1978; Калашникова, Альникова, 1991]. Понимание близости понятий «симметрия» и «форма» постепенно вошло в практику исследования фрагментов текста, которые считались объединением в более крупные единицы – «логико-смысловые общности симметрично оформленных конструкций» [Хворова, 1986: 28].

В 80-е годы принцип симметрии окончательно определен как структурно-композиционный в лингвистических исследованиях художественного текста [Черемисина, 1981; 1982; 1983; 1984; 1986; Мышкина, 1985; 1985 а; 1991; Скляренко; Голуб; Никонова; Разборщикова]. А в 90-х – 2000-х, после сближения теоретических положений симметрологии и лингвистики и соответственной теоретической переработки, он был применен в качестве структурного формообразующего принципа к тексту как целому: в диалектной речи [Москальчук, 1990], художественной прозе [Корбут, 1995], поэзии [Москальчук, 1998; Корбут, 2002а], фольклоре (Лихачева; Корбут, Лихачева, Москальчук), объявлениях [Корбут, 2002]. Работа в этом направлении идет достаточно интенсивно.

Повтор, участвующий в оформлении целостности внешней композиции, поверхностной и глубинной структур лингвистического текста, по общему мнению, является и структурообразующим, и композиционным повтором, а также следствием *естественной симметрии* текста. Таким образом, повтор, рассматриваемый как элемент симметрии текста, объединяет понятия «структура», «композиция», «симметрия», «форма». А поскольку названный элемент – основной объект текстосимметрики, в рамках данного направления все три

понятия признаются близкими по смыслу. Синонимичными признаются и дериваты: структурообразующий, формообразующий, композиционный.

Представляющаяся на первый взгляд разница в употреблении терминов «композиция» и «структура» связана с тем фактом, что использующие их науки, например: литературоведение и искусствоведение (композиция), симметрология и кристаллография (структура), лингвистика и философия (структура) – ранее не пересекались. Интеграция наук в современном обществе естественным образом повлекла за собой интеграцию терминологии и ее временную субъективно-стилистическую окраску. Параллельное употребление этих терминов как синонимов в данной работе связано с желанием автора быть понятым исследователями всех филологических и нефилологических направлений.

«Античное понимание симметрии как геометрического равенства в современной науке получило широкое обобщение как инвариантность определенных свойств относительно некоторых преобразований». При описании симметрии объектов в центре внимания всегда оказывается структура, «онтологический смысл которой всегда тесным образом связан с понятием инвариантности» [Волошинов А.В., 1993: 12]. Исследование элемента симметрии (повтора) в качестве основного средства, принципиально оформляющего целостность текста, и анализ полученной картины его симметрической целостности уже дали перечень композиционных схем текста [Корбут, 1995: 13-16; Москальчук, 1998: 50-51]. Эти композиционные схемы – типы и модели – принципиально являются *способами превращения языкового субстрата в лингвистическую форму текста*. Таким образом, для текстосимметрии положение о повторе – определяющее, фундаментальное положение. Разноуровневый (принадлежащий как поверхностной, так и глубинной структурам) *повтор* является средством оформления целостности, то есть придает тексту форму.

Элемент симметрии текста, таким образом, объединяет все обсуждаемые понятия: композиция, структура, симметрия и форма – так как этот *структурно-композиционный* элемент, реализуя законы симметрии, позволяет тексту обрести *симметричную форму*.

2.2. МЕТОДЫ ТЕКСТОСИММЕТРИКИ

Предмет текстосимметрии – линейная форма текста, *динамически структурированная* по законам симметрии, и ее объект – *динамически изменяющий свою структурную роль* повтор, представляют преобразенные для наблюдения исследователя *свойства динамической сложной системы=текста*. Метод данной дисциплины, предназначенный для наблюдения и изучения таких динамических свойств, есть *синергетический метод*. В отличие от характерного для языкознания «вертикального» метода исследования текста (и языка), стремящегося к исчерпывающему описанию всех структурных или семантических свойств сложного объекта, специфика метода текстосимметрии заключается в «горизонтальном» исследовании своего объекта. Такое исследование представляет собой определение свойств объекта *только и исключительно* среди других таких же объектов, не как единичное, а как общее. Идущее вширь, а не вглубь исследование позволяет описать неочевидные глубинные законы структуры сложного динамически изменяющегося объекта=текста в случае применения единообразной методики к исследуемой речевой действительности методики, предполагающей возможность любой «ширины охвата».

Применение единообразной методики к объектам столь разной природы как, например, единичный текст и жанровая группа текстов оказывается возможным благодаря *симметрическому методу*. Сущность этого метода выражена в высказывании В.С. Готта: «Поиск симметрии – это поиск единого и тождественного в том, что первоначально виделось различным, разобщенным» [Готт, 1988: 21]. Главным методическим приемом симметрического метода является поиск и *наблюдение сходного*, наличие которого в структуре текста и образованных текстами структурах любой степени абстракции принимается за аксиому. Такое наблюдение сходного принципиально новым для лингвистики не является: описание языковой системы осуществляется таким путем уже более двух тысяч лет (начиная с грамматики Панини), а значит, и сам симметрический метод применяется и применялся на уровне языковой абстракции и не чужд лингвистике.

Текстосимметрика перемещает поиск постоянного, обобщающего и интегрирующего, *не связанного с какой-либо внеязыковой реальностью*, который декларируется общей структурной лингвистикой [Ельмслев, 1999: 136-137], в сферу исследования текста. Того объекта, назначение которого, напротив, заключается в максимальной приближенности к внеязыковой реальности – в отражении внеязыковой реальности, частной и конкретной в содержании большинства текстов. Таким интегрирующим понятием на уровне языковой абстракции и является повтор, приобретающий обобщенно-интегративные признаки в понятии *элемент симметрии*.

Принципиально значимый переход от «вертикального» пути к «горизонтальному» проистекает из свойств самого текста, который есть горизонтально осуществляемое в практических целях развертывание вертикальной теоретической языковой системы. Универсальным средством (а в обобщенном смысле и методом) оценки способов горизонтального развертывания является понятие позиции [Гийом, 1992: 53]. Позиция характеризует порядок: предшествование и последование или левизну/ правизну «первичных» элементов. «Связь двух или более позиций и создает собственно *композицию*» [Карпов, 1992: 96-97; Урманцев, 1988: 51-52]. Понимаемая в таком смысле позиция значима для любых системно-структурных объектов, текстосимметрика вносит лишь небольшое уточнение, говоря о *внутритекстовой позиции* элемента. Рассматриваемый относительно внутритекстовой позиции элемент симметрии приобретает уже не *вещное* содержание, характерное для рамок одного текста, а характеризует свойства внутритекстовых отношений, из которых состоит целое [Ельмслев, 1999: 150].

2.3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СИММЕТРИИ

Определение элементов симметрии лингвистического текста – центральная задача текстосимметрии. Классическая симметрология дает широкое определение ЭС, осуществляющих реализацию групп симметрии, преобразований автоморфизма, включая в ЭС все свойства объекта, которые позволяют признать данный объект симметричным [Шубников, Копчик, 1972: 261-294]. Тек-

стосимметрия же, следуя своей *первичной задаче*, значительно упрощает подход к понятию ЭС, сосредоточиваясь на одном признаке – *повторении элементов в структуре*. Выбор данного признака связан с сугубо лингвистическими свойствами объекта – свойствами его субстрата. Упрощение задачи определения ЭС лингвистического текста на начальном этапе, на котором предполагается анализ текстов на наличие повторов и определение их распределения в линейном целом, не означает сужения значения определяемого. Расширение понятия до рамок симметрологии – задача следующего этапа, на котором определяются группы симметрии – формообразующий инвариант.

Вопрос о повторе в тексте имеет длительную историю. В лингвистической литературе предлагались различные термины для номинации текстообразующих (архитектонических) повторов: лейтмотивные слова (Тарасинская), доминанта текста (Максимов, Цветкова Н.Е.), сквозные повторы (Семейко, Кожин, Кожина М.Н., Данилевская, Некрасов), номинативная цепочка (Клочкова), топикальная цепочка (Червакова, Ноздрина), тематическая цепочка (Арнольд), референтная цепочка (Коболева), реприза (Фортунатов), композиционный повтор (Змиевская, Мурзаева).

Ключевые слова, рассматриваемые, например, И.В. Арнольд, Т.М. Николаевой, В.А. Лукиным и психолингвистами, очень близки к объекту текстосимметрии. «Повторяющиеся слова и значения или семы, то есть *компоненты значений*, несут главную художественную информацию, поддерживаются разными типами выдвигания, являются ключевыми» [Арнольд, 1984: 7] (выделено А.К., обзор см. [Шевченко, 2003: 94-99]).

Широкий подход к структурообразующим элементам текста, обеспечивающим его связность на уровне целого, назывался и повторной номинацией. Понятие повторной номинации включает синонимические, антонимические, гипо- и гиперонимические, метафорические и метонимические отношения [Lakoff, 1971: 56; Гак 1979, 1987; Реферовская, 1983: 69]. Рассматривая проблемы связности и текстообразования многие авторы вкладывают в понятие повтора очень широкий смысл, понимая его как: тематические элементы (например: март – апрель – весна скоро – потеплело – весенний густой запах леса) [Гилев,

1984: 110], некоторую совокупность смысловых признаков (например, лопата – рыть, дорога – идти) [Гиндин, 1972: 13-14]. Важным для текстосимметрии является то, что принцип повторяемости определяется как конструктивный принцип, связывающий, упорядочивающий оба уровня структуры текста («план выражения и план содержания») [Харитонова, 1984: 7].

В стилистике текста многие исследователи выделяют композиционно организующий образ, в структуру которого входят аналогия, метафора, символ, контраст (Н.А. Змиевская; Г.М. Иванова; Р.А. Киселева) – это явление может быть определено как ЭС. Абстрагирование при осмыслении проблемы повтора приводит к его определению как «синтаксической модели реализации линейной речевой цепи» с повторением языковой единицы, принадлежащей любому лингвистическому уровню, особой языковой формы [Мальченко, 1975: 34]. Такой подход достаточно продуктивен для текстосимметрии.

Исчерпывающая классификация видов лексико-грамматических связей, осуществляемых посредством повторной номинации (в нашей терминологии ЭС) представлена В.Г. Борботько. Близкие к принципу симметрии по сути классификации повторной номинации предложены Е.М. Крадожен, А.С. Некрасовым, Н.Е. Цветковой. Таким образом, анализ лингвистической литературы показал, что лингвистика текста (не обращаясь к принципу симметрии) уже около 30 лет констатирует факт симметрических преобразований основного текстообразующего элемента – повтора – при сохранении некоторой инвариантной его части. Это наблюдение повлияло на выбор номинации ключевого понятия текстосимметрии как *элемента симметрии*, поскольку представленные современной лингвистикой сущностные свойства анализируемого повтора есть симметрические свойства объекта.

Термины: «симметрия», «симметричный» – в последнее время стали общенаучными. Общенаучная номинация для исследования поведения структурообразующего повтора, который назван элементом симметрии, связана 1) с необходимостью той высокой степени абстрагирования, которой позволяет достичь именно принцип симметрии, 2) с его инвариантностью для структуры текста, 3) с его сущностными свойствами в процессе формообразования.

В классической симметрологии к «элементам симметрии» относят абстрактные представления о способах, позволяющих совершать операции в рамках сохранения симметрических свойств объекта: оси, плоскости, центры симметрии, углы поворотов и др. Структурообразующему повтору, рассматриваемому текстосимметрикой при решении начальных задач, в симметрологии приблизительно соответствует понятие симметричных точек [Шафрановский, 1985: 20, 33]. С функционированием ЭС (структурообразующего повтора) связано и само определение структуры текста как симметричного объекта. Поскольку ЭС функционируют внутри текста, который имеет принципиально линейную форму, наиболее удобно в рамках направления определить структуру (композицию) этого объекта с позиций симметрологии. Композиция есть *трансляционно-тождественное (подобное), контрастное (антисимметричное) или варьированное (цветное) повторение элементов структуры во времени (или пространстве)* [Шубников, Копцик, 1972: 303].

«Принципы симметрии требуют: ищите в каждом... процессе сохраняющуюся величину...» [Шубников, Копцик, 1972: 311]. Величиной, повторяющейся в процессе порождения или восприятия текста, являются ЭС. Каждый элемент повторения, если его рассматривать с методологических позиций как категорию повторяемости, необратим. Это значит, что каждый следующий элемент содержит новое. В таком случае приходится признать, что преобразования элементов внутри процесса неизбежны. Эти преобразования и создают внутри-текстовую лингвистическую систему. Однако на уровне структуры необходимо абстрагироваться от изменений повторов (видов симметрии ЭС) для определения принципов формообразования (групп симметрии) текста.

Таким образом, элементы симметрии текста рассматриваются не как идентичные повторения, а как повторение с учетом изменений лингвистической структуры элемента, преобразований соответствующих перечню видов симметрии, и определяются предельно широко. *Элементы симметрии текста – те элементы линейной структуры, которые содержат встречающуюся бо-*

лее одного раза в тексте-системе информацию, безразлично относящуюся к традиционно понимаемым лингвистическим уровням.

Системой в данном, лингвистическом, понимании считается текст как *единство и взаимосвязь* представленных в последовательном процессе *смыслов*, порождающих содержание. *Структурой* – *порядок линейного расположения* (порядок следования) элементов многоуровневого значения – ЭС. Тот порядок, который обусловлен законами симметрии, имеет группы симметрии.

ЭС текста как содержательно-логический его элемент (в виде конкретного для каждого текста смысла [Пищальникова, 1992: 34-36]) принадлежит уровню *поверхностной структуры* текста – *содержанию*. ЭС текста, представленный в линейной словесной структуре более одного раза, выражаемый лингвистически разноуровневыми единицами и размещенный в сильных позициях текста, принадлежит ярусу *глубинной структуры* – *форме*. ЭС текста как связочный элемент (см. ниже) принадлежит другому ярусу *глубинной структуры* – *субстрату*. То есть ЭС текста объединяют оба типа уровней его структуры и функционируют на разных как сугубо лингвистических, так и не сугубо лингвистических уровнях и ярусах.

2.3.1. Критерии выделения ЭС

Первичным простейшим критерием выделения ЭС является *чувственный критерий*: факт повтора, фиксируется в практике восприятия речи (в звучащем или графическом виде). Этим простейшим критерием пользуются все исследователи, не обсуждая его как очевидный. Необходимость повторения объясняется теорией информации: *повторение приводит сознание воспринимающего в состояние ожидания информации, настраивает на периодичность, постепенность ее раскрытия* [Моль, 1966: 124]. В лингвистической литературе это явление часто обсуждается как рекуррентность [Скребнев, 1975: 139; Чебаевская, 1978: 108] или осцилляция [Мальцев, 1976: 132].

Различение функциональной нагруженности повторов требует выдвижения дополнительного критерия. Н.А. Змиевская выделяет особую функцию, назвав ее актуализацией, описывает ее типы. Для аспекта целостности и оценки формы текста перспективно осмысление композиционного типа актуализации,

который характеризуется расположением элементов повтора в композиционно важных позициях: заглавии, начале, конце и др. [Змиевская, 1978: 11-17].

То есть дополнительным критерием выделения ЭС признается широко обсуждаемая в лингвистике текста (лингвистике декодирования) сильная позиция. Сущность действия этого критерия заключается в том, что – является ли повтор структурно значимым в рамках целого, выполняет ли повтор связочную функцию в структуре фрагмента – определяется по размещению его элементов в сильных или несильных позициях текста. Сильные позиции текста, таким образом, являются *композиционным критерием* выделения ЭС. Композиционный – структурный – критерий есть основной критерий выделения структурообразующих ЭС.

Понятие позиции традиционно в российской лингвистике и восходит к Московской фонологической школе. Суть его, заключающаяся в *различении смысла*, которое обеспечивается языковыми единицами в определенных позициях, актуальна и для лингвистики текста. Однако в лингвистике текста это понятие трансформируется в связи с основной отличительной особенностью объекта – его свойством обладать содержанием, *сопрягающим некоторое количество смыслов*. Определение позиции в лингвистическом тексте возможно в двух аспектах: содержательно-психологическом и системно-процессуальном. Наиболее осмыслен разными авторами первый из аспектов.

Сильная позиция – это наиболее эффективная точка текста, при восприятии которой в сознании реципиента сочетаются высокая степень запоминаемости и готовность к восприятию информации. Расположение концептуально значимой информации в сильных позициях – бессознательно применяемый продуцентом способ формообразования текста как линейного объекта. Применение этого способа зависит от психофизиологических особенностей продуцента.

Выдвигая на первый план концептуально важные смыслы, сильные позиции устанавливают иерархию смыслов, оформляют целостность текста, создавая гармонию – как наиболее эффективную для восприятия форму [Черемисина, 1984; Москальчук, 1998: 37-41; Корбут, 2000: 34-37]. Текстосимметрия, занимаясь исследованием формы текста, признает позицию вторым фундаментальным

понятием после понятия повтора. Сущность позиции координирует с пониманием одной из важнейших разновидностей симметрии живого – с пропорцией. В связи со сказанным каждая из сильных позиций обсуждается отдельно.

Заглавие. На особое значение повторения заглавия указывал еще В.В. Виноградов [Виноградов, 1963: 149]. Психологической доминантой, «которая определяет построение рассказа» считал заглавие Л.С. Выготский [Выготский, 1987: 152]. Обязательность и усиление смыслообобщающей роли повторения слова-заглавия в художественном тексте отмечается многими исследователями русскоязычных и иноязычных художественных текстов [Кухаренко, 1980: 54; Семейко, 1971: 96; Бялоус, 1987: 9; Кожевникова Н.А., 1988: 61; Петрова, 1984: 2 и др.].

У заглавия обнаруживается моделирующая функция [Новиков А.И., 1983: 98-99]. Лингвисты именуют заглавие «первым звеном основной топикальной цепочки» [Ноздрина, 1980: 5-6]; определяют модели текста как повторы его элементов (трехвершинное кольцевое сцепление [Петрова, 1983, с.4], трехвершинный кольцевой повтор [Бялоус, 1987: 9]). То есть, определено, что эта сильная позиция выполняет моделирующую функцию: текстообразующую функцию [Юганов, 1989: 189]; композиционную функцию [Кожина Н.А., 1984: 178; Ключерева, 2001: 82]. Заглавие в целом тексте определяют как самую сильную позицию [Кожина Н.А., 1986: 3; Кожевникова Н.А., 1988: 170-171].

На материале русской прозы более точные данные получил А.С. Некрасов, выяснив, что в 45% исследованных им текстов вынесенная в сильную позицию заглавия номинация персонажа включается в сквозной повтор, оказываясь одним из смысловых содержательных центров всей идейно-художественной структуры текста [Некрасов, 1985: 13-14]. На материале английского языка то же свойство обнаружено как более часто встречающееся – в 89% текстов [Петрова, 1983: 13].

Выявлен также немаловажный для текстосимметрии факт: «повторяемость самого знака в пределах текста не только не обязательна, но и в большинстве случаев вообще не имеет места» [Кухаренко, 1980: 54; Кожина Н.А., 1988]. Действительно, лексический повтор заглавия наблюдается не всегда, но положение о доминирующем тематическом поле текста, соотносимом с загла-

вием, которому и соответствуют повторяющиеся слова [Чернухина, 1977: 47], позволяет реципиенту, а за ним и исследователю фиксировать как повторы слова одного с заглавием семантического поля.

Яркие наблюдения сделаны исследователями поэтических текстов, которые увидели «различного рода семантические отношения» заглавия с самим текстом (полевые отношения): «Темнеет – ночь», «Прощание – здравствуй!», «частичный повтор сочетания, данного в заглавии», «варьирование его составляющих» [Джанджакова, 1979: 207-214], имплицитную связь заглавия и текста [Кожина Н.А., 1986: 4].

Заглавие, подзаголовок, эпиграф «составляют единый комплекс, ориентирующий читателя» в лингвистическом пространстве текста. Следовательно, широкое понимание заглавия включает в себя «сотрудничающие» с ним пограничные элементы» [Кожина Н.А., 1988: 174; Корбут, 2000: 34-36; Лукин, 1999]. Структурно-семантические свойства эпиграфа и подзаголовка: а) их отдельность, б) выражение общего идейно-тематического содержания, в) расположение в зоне заглавия – позволяют считать подзаголовок и эпиграф сильными позициями текста, которые относятся к зоне заглавия и включаются в критерии обнаружения ЭС.

Таким образом, вынесение в сильную позицию заглавия (подзаголовок, эпиграфа) признается одним из основных критериев обнаружения ЭС в тех текстах, где заглавие имеется. В нашей выборке это: художественная проза, публицистика, политическая проза, научная проза, поэзия.

Начало и конец. Об этих сильных позициях – как композиционно значимых – неоднократно писали многие исследователи (И.В. Арнольд, Н.И. Бялоус, Н.А. Змиевская, Н.В. Кириченко, А.Ю. Корбут, В.А. Кухаренко, Г.Г. Москальчук, Н.В. Петрова, Н.В. Черемисина и др.). Н.В. Петровой доказана роль начала, как интродуктивного отрезка текста, на основе которого осуществляется развертывание содержания, то есть начало вводит ЭС или поддерживает ЭС, ранее введенный заглавием. В письменном тексте начало выделено графически пробелом слева – этот чисто формальный признак является инвариантным. Пози-

ция конца рассмотрена Н.И. Бялоус: предельный сегмент текста, реализующий как основную функцию делимитации. Выделенный пробелом справа, конец тоже имеет инвариантный формальный признак. Композиционное значение сильных позиций начала и конца демонстрируют и графики вероятности размещения ЭС в разных жанровых макроструктурах (см. ниже).

Сильные позиции начала и конца в текстосимметрии координируют с пропорциями золотого сечения (с текстопорождающей матрицей). То есть в сильную позицию начала, помимо первого элемента, входят элементы, находящиеся в пропорциональных точках текста: 0,146 и 0,236 – а в сильную позицию конца, помимо последнего в тексте элемента, входит элемент, находящийся в пропорциональной точке 0,944. Расположение элемента в сильных позициях начала и конца (пять композиционных точек: 0, 0.146, 0.236, 0.944, 1) – второй критерий выявления структурообразующего ЭС.

Гармонический центр. Впервые значимость этой сильной позиции – золотого сечения текста – была доказана Н.В. Черемисиной. Кроме того, она обнаружила, что текст может иметь несколько гармонических центров (далее ГЦ), имея в виду ГЦ частей текста, и что они могут быть связаны повтором – даже на весьма далеком расстоянии [Черемисина, 1981: 120-121]. Системное описание пропорций текста, как многократного последовательного золотого сечения, выделение дополнительных сильных позиций – гармонических центров зон – а также слабых позиций текста – позиций делимитации – было осуществлено Г.Г. Москальчук и неоднократно подтверждено дальнейшими исследованиями на уровнях поверхностной и глубинной структур [Москальчук, 1998: 39-71; Корбут, 2001; Лихачева, 1998; Блазнова, 2002; Белоусов, 2002; Ионова, 2002; Касаткина, 2002; Приходько, 2004 и др.].

Список сильных позиций текста в исследованиях, связанных с этой проблематикой, был дополнительно расширен пропорциями: 0,146 (граница зачина текста); 0,236 (гармонический центр зоны начала); 0,944 (гармонический центр зоны конца) [Москальчук, 1998; Корбут, 1995; Блазнова, 2002]. В качестве критериев выделения структурообразующих ЭС на первом этапе достаточно учесть

только одну из пропорционально выделяемых позиций – гармонический центр текста с пропорцией 0,618.

Взаимодействие ЭС с сильными позициями имеет очень высокую степень вероятности. Это взаимодействие есть одно из условий обязательного распределения ЭС по телу текста, а значит, появляется возможность с максимальной точностью рассматривать взаимодействие самих сильных позиций при формировании содержания.

Для выделения элементов симметрии в лингвистическом тексте применяются три критерия: 1) чувственный критерий – чувственно фиксируемое повторение, 2) композиционный критерий – расположение элементов повтора в сильных позициях: заглавии (подзаголовке, эпиграфе), начале, гармоническом центре, конце, 3) критерий контактной многократности – контактное многократное употребление (о третьем критерии см. ниже).

Порядок применения критериев для анализа текста с позиций текстосимметрии безразличен, так как предполагается максимально возможное абстрагирование от содержания. Хотя структурообразующие элементы симметрии могут не занимать все возможные в тексте сильные позиции, для выявления их в каждом конкретном тексте теоретически достаточно только одной из сильных позиций, занятой элементом симметрии. Два основных критерия далее подвергаются экспериментальной проверке.

2.3.2. Экспериментальная верификация чувственного и композиционного критерия

Экспериментальные исследования вопроса о восприятии повторов в тексте нам неизвестны. В связи с чем в данном исследовании была поставлена задача по проведению экспериментального анализа восприятия ЭС. Экспериментальному анализу подвергались первый и второй критерии выделения ЭС. Во-первых, выявлялась собственно фиксация повторов разных видов. Во-вторых, была осуществлена верификация композиционного критерия: размещения ЭС в сильной позиции.

Помещение структурообразующего элемента в сильную позицию и его восприятие в сильной позиции осуществляются интуитивно. Уровень воспри-

ятия сильных позиций слушающим/читающим нуждался в специальной проверке, наличие контраста в восприятии сильной/ несильной позиции не было ранее подтверждено экспериментально. Кроме того, для оценки преобразований ЭС важно хотя бы предварительно определить наличие контраста в восприятии повторов разных видов при размещении их элементов в сильных позициях. Для верификации основных критериев выделения ЭС в качестве структурообразующих элементов был избран метод направленного психолингвистического эксперимента, в котором простая фиксация элемента считалась необходимым признаком восприятия его как структурообразующего.

Такая экспериментальная проверка композиционного критерия фактически подтверждает наличие в сознании формальных (модельных) признаков текста в виде линейно зафиксированных при восприятии опор (позиций). Важнейшее условие проведения верификации основных критериев выделения ЭС текста – максимальное абстрагирование («отчуждение языка от его носителя» [Арапов, 1988: 177]). Чтобы осуществить абстрагирование и получить результаты восприятия «чистой позиции» без учета содержательных факторов, были созданы *квазитексты* – относительно бессмысленные как для экспериментатора, так и для испытуемого ряды слов. Отчуждение – невосприятие смысла – таких бессвязных рядов уже было обнаружено ранее [Горелов, Седов, 2001: 97]. В квазитексты для анализа роли повторов в сильных и несильных позициях были включены повторяющиеся слова и/или повторяющиеся значения.

Квазитексты были составлены в соответствии с определением композиции, данным в симметрологии. Трансляционно-тождественному повторению элементов структуры в квазитекстах соответствуют *лексические* повторы: в нашей терминологии симметричные. Варьированному повторению соответствуют *тематические* повторы (например, «одежда – обувь», «музыка – скрипка»): в нашей терминологии – варьированный повтор. Контрастному повторению соответствует *антонимический* повтор – повтор слов, находящихся в антонимических отношениях (например, «лето – лыжный», «плохо – комфорт»): в нашей терминологии это антисимметричные повторы.

Образцы квазитекстов (сильные позиции выделены)

А. Объем – 20 слов. 1. Симметричный повтор в сильных позициях: начало, конец; симметричный повтор и варьированный повтор в несильных позициях. «*Книга* идти Иван белый смеяться мой книга глава красота злой уметь *весело* лепить собака резкий очень ласково лепить *книга*».

2. Варьированный повтор в сильных позициях: начало; варьированный повтор в несильных позициях. «*Садить* морковь кто веселый весь посадка вынести картошка уехать резкость красный *тарелка* носиться он деревянный сзади голова жить очки *вправо*».

Б. Объем – 25 слов. 1. Варьированный повтор в сильных позициях: гармонический центр, конец; варьированный повтор в несильных позициях. «*Всякий* лошадь шаль гиперолоид как-либо по-моему сотня неизвестность меня грозиться убранный там мостик гиппопотам уточка *поехать* укутанный сколько светиться через как-будто шаль сорок пять торт *гостиница*».

2. Антисимметричный повтор в сильных позициях: начало, гармонический центр, конец; антисимметричный повтор в несильных позициях. «*Хорошо* солонка ах где-то хватит опасность кафе укрыться ква марсианин тыкать карандаш будто бы пояс убежать *плохо* ветвистый они мята песочные молодой удовольствие моя благодаря *комфорт*».

Первые элементы и повторяющие их единицы располагались в сильных позициях: абсолютное начало (первое слово квазитекста), абсолютный конец (последнее слово квазитекста), гармонический центр (двенадцатое слово в квазитексте длиной 20 лексем, шестнадцатое слово в квазитексте длиной 25 лексем) или других позициях. Всего было поведено 1124 опыта: за один опыт считалось восприятие на слух одним испытуемым одного квазитекста. Эксперимент проводился со студентами дефектологического и филологического факультетов третьего и пятого курсов Иркутского педуниверситета; участвовали 167 человек.

Образцы формулирования темы квазитекста

Повторы

А 1: Книга,
глава

А 2: Садить,
морковь,
посадка,
картошка

Б 1: Шаль,
кутаться

Б 2: Хорошо,
удовольствие,
комфорт;
плохо,
опасность

Варианты формулирования темы

«О создании книги и ее части», «О книгах», «О печатании книг»,
«Читать главу», «Про рассказ», «Искусство».

«Овощи, огород», «Огород», «Сельхозработы»,
«Посадка», «Про природу, где садить», «Про
домашнее», «Про посадку, огород», «Дача».

«Оля кутается в шаль», «Чтение, укутавшись шалью»,
«Укутавшись шалью», «... простудился и ...».

- а) «Наслаждение жизнью», «Отдых на море», «О чем-то хорошем», «Беседа
молодых людей в кафе», «Отдых в буфете после занятий»,
«Счастливый отдых», «Что-то приятное»;
б) «Радостные слова и злые слова», «Эмоции, переживания, чувства»
«Предчувствие беды сквозь маску «хорошо»», «Быт», «Секс».

После восприятия квазитекста и письменной фиксации запомнившихся слов испытуемым предлагалось сформулировать предполагаемую тему про-

слушанного ряда или составить сюжет. Такое задание давалось с целью извлечения бессознательно зафиксированных слов. Из зафиксированных слов учитывались только ЭС. Результаты эксперимента приводятся в таблице 2.1. Полученные данные свидетельствуют:

- 1) о высокой вероятности фиксации *любых повторов* воспринимающим во всех позициях (~ 57%);
- 2) о *более высокой вероятности* фиксации повтора, элементы которого расположены в *сильных позициях* (среднее возрастание ~ на 16%);
- 3) о *наиболее высокой вероятности* фиксации *симметричных повторов* в *сильных позициях* (~ 95%);
- 4) о *наиболее низкой вероятности* фиксации *варьированного повтора*, элементы которого расположены в *слабых позициях* (~ 41%).

Таким образом, результаты эксперимента подтвердили справедливость основных критериев выделения ЭС, что выражается в вероятности фиксации этих элементов реципиентами. Контраст в восприятии повторов разных видов обнаружен, контраст в восприятии сильных и несильных позиций обнаружен.

Таблица 2.1. Фиксация повторов в сильных позициях

		Заданное количество	Зафиксировано	Контраст между сильной и несильной позицией	
Симметричные	сильн.	46	423	94,84%	28,17%
	слабая	684	456	66,67%	
Варьированные	сильн.	733	389	53,07%	11,71%
	слабая	1533	634	41,36%	
Антисимметричн.	сильн.	604	370	61,26%	7,44%
	слабая	275	148	53,82%	
Всех видов		4275	2420	56,61%	в среднем 15,77%

Для проверки гипотезы о существовании в линейной модели текста, наряду с сильными позициями, слабых позиций проводился дополнительный эксперимент, который был построен как контрольный. Контроль заключался в перестановке элементов из сильной позиции в слабую. Слабыми позициями теоретически считаются границы композиционных зон – пропорции 0,382 и 0,854 [Москальчук, 1998: 52-57; Ионова, 2002]. В квазитекстах для контрольного эксперимента кратность элементов симметрии была минимальная (двух-трехкратное употребление).

Квазитексты для контрольного эксперимента. Объем – 20 слов.

1а). Симметричный и варьированный повторы в сильных позициях: начало, гармонический центр, конец: «*Звонарь* последняя праздновать тот молодость кавказский кое-как ушел мало восемь колется *звонарь* северные природа глупости умывать дважды собачий какая-то *колокол*».

1б). Симметричный и варьированный повторы в слабых позициях: «*Ушел* последняя колокол тот молодость кавказский кое-как звонарь мало восемь колется *дважды* северные природа глупости умывать звонарь собачий какая-то *сто*».

В сильной позиции зафиксировано 75,33% повторов, в слабой позиции – 56,00%. Таким образом, контрольный эксперимент показал, что разница вероятности фиксации сильных и слабых позиций составляет 19,33% – контраст между восприятием повторов в сильных/ слабых позициях, несмотря на высокую вероятность восприятия любых повторов в любых позициях, имеет место.

Дополнительные данные о композиционной роли повтора с расположением элементов в сильной позиции дал анализ сформулированных реципиентами тем квазитекстов. Заданное количество тем – 1412; сформулировано – 705 тем: это составляет 49,93%. Примерно половина испытуемых отказались от определения темы квазитекста. Семантически сопоставлялись с ЭС только сформулированные темы (см. варианты формулировки тем реципиентами).

Из 705 сформулированных тем совпали с семантическим полем повторов 463, что составляет 65,67%. Содержание 329 тем представлено повторами в сильной позиции. То есть 46,70% из общего числа сформулированных тем обусловлены влиянием ЭС в сильной позиции.

От числа тем, совпавших с семантическим полем повторов, представленные сильной позицией составили 71,06%. С другой стороны, лишь 19,15% сформулированных реципиентами тем не совпали с повторами в сильной пози-

ции. Тогда как при расположении элементов повтора в слабой позиции процент выбора его семантики для формулирования темы составил лишь 19,00% (ср. с 71,06%). Этот результат лишь незначительно превышает процент ее несовпадения содержания темы с семантикой повторяющихся слов – 15,18%.

Если рассмотреть влияние сильной/ слабой позиции на формулирование темы со стороны первичной заданности, то выяснится, что повторами в сильных позициях заданы 464 темы. В 329 случаях при формулировании содержания реципиент опирался на семантику повторов в сильной позиции совпали, а 135 – не случаях на нее не опирался. Это значит, что 70,91% тем обусловлены сильной позицией, а 29,09% – не обусловлены.

241 тема была задана повторами в несильных позициях. Являлись опорой для создания содержательной структуры 134, не являлись опорой – 107. Иными словами, 55,60% тем обусловлены несильной позицией, а не обусловлены – 44,40%. В целом же опора на семантическое поле, создаваемое ЭС в сильной позиции, осуществляется в 2,46 раза чаще, чем ЭС в несильной позиции. Полученное соотношение структурообразующей и не структурообразующей функции ЭС в квазитексте составляет 329:135.

Анализ фиксации повторов в сильных позициях квазитекста и влияния их на структурирование квазисодержания показал, что критерий выделения структурообразующих элементов симметрии – их расположение в сильных позициях – соответствует особенностям восприятия текста человеком. Экспериментально подтверждено более интенсивное влияние повторов, расположенных в сильной позиции, на формирование содержательной структуры. Это означает, что сильные позиции действительно выполняют функции «смыслоразличения» в структуре текста и являются наиболее эффективными точками текста. Информация в этих позициях имеет высокую степень запоминаемости и влияния на формирование содержательной структуры текста. Восприятие текста осуществляется с опорой на текстообразующую метроритмическую матрицу, которая может быть признана языковой моделью текста.

Результаты эксперимента с квазитекстами позволяют сделать методологически важный для текстосимметрии вывод: любые элементы симметрии (повторы) в любых позициях влияют на фиксацию элемента в памяти и формируют содержательную структуру. Становится понятной бессознательно применяемая принципиальная *стратегия слушающего*. Эта стратегия заключается в *выделении ЭС из текста и их содержательном осмыслении в рамках концептуальных систем участников речевого акта*. Причем степень влияния ЭС на содержание, формируемое в принимающей среде – концептуальной системе реципиента, – повышается при их расположении в сильных позициях линейного целого, отраженных в текстопорождающей матрице. *Восприятие текста протекает с опорой на абстрактную модель текста*, являющуюся главной функциональной единицей языка/ речи. Актуально и дальнейшее экспериментальное исследование проблемы опоры реципиента на языковую модель при восприятии.

2.3.3. Критерий контактности элементов текста:

коэффициент контактности

Предлагаемые выше критерии выделения симметрического свойства текста (ЭС) учитывали в первую очередь распространенное лингвистическое понятие о позиции. Одним из принципов классификации повторов в лингвистических исследованиях выдвигается контактное и дистантное расположение элементов. Многократное употребление элемента в условиях близкого контекста (контактное расположение) оценивается как стилистический прием и как прием выдвижения (в литературе – однородная конвергенция [Арнольд, 1981: 38, 1990: 64-65; Чебаевская, 1978]). Дистантное расположение признается композиционным приемом [Змиевская, 1978]. То есть у контактных и дистантных повторов обнаруживаются разные функции.

Третий критерий выделения ЭС связывается с многократным (более трех) употреблением элемента в контактной позиции. Этот критерий тоже является позицией, так как учитывает порядок следования элементов, и поэтому назван позицией *контактной многократности*. Сами же ЭС, находящиеся в такой позиции, называются *контактно-многократными повторами* (КМП).

Вопрос о контактности/дистантности элементов в структуре текстов является методической проблемой, вытекающей из проблемы сопоставимости текстов, значительно различающихся по объему. Каким должно быть максимальное расстояние между элементами для признания их контактности? В лингвистических исследованиях фигурируют два дихотомических понятия: микроконтекст и макроконтекст. Контактными признаются повторы в условиях микроконтекста, дистантными – в условиях макроконтекста. Макроконтекстом считались абзац, раздел, глава [Аладьина 1983: 4], целое произведение [Чебаевская, 1978: 108-109; Змиевская, 1978: 18]. Понятие микроконтекста не определялось с достаточной строгостью, а фигурировало как синонимичное понятию «фрагмент». Мерой дистантности/ контактности для текстосимметрии, приближающейся к точным наукам не могут служить и обобщенно понимаемые «раздельные», «различной длины гетерогенные» сегменты [Скребнев, 1975: 139; Мальцев, 1976: 133; Радина, 1986]. Предлагались в лингвистической литературе и более конкретные критерии контактности.

Определение контактных элементов как расположенных на расстоянии: в два слова [Браво, 1983; Тарасинская, 1978], в одну стихотворную строку [Крадожен, 1989] в одно предложение [Лосева, 1980], в одну стихотворную строфу [Цветкова Н.Е., 1986], в одно СФЕ [Змиевская, 1978] – не выдерживают требований сопоставимости текстов в макроструктуре. Единых, применимых для любого текста, критериев контактности в лингвистической литературе не выявлено. Поскольку эта проблема легко решается с использованием принципа пропорции, текстосимметрия предлагает определение проблемы контактности/дистантности элементов текста при помощи вычисления *коэффициента контактности* (КК).

При первичной обработке материала в некоторых текстах было обнаружено локальное многократное расположение ЭС. С точки зрения психологии читателя этот контактно-многократный повтор сводится к фиксации локально расположенных многократно повторяющихся ЭС. Психолингвистический аспект употребления аналогичного повтора при формировании смысла художественного текста рассматривался В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1992: 33-36]. Эффект кон-

тактно-многократного повтора используется и методистами, так как он ритмически организует контекст, создавая ритмический цикл, который служит «надежной смыслоразличительной опорой» в рамках целого текста [Колосничина, 1993: 19].

Этот эффект конвергенции в КМП обусловлен совмещением двух приемов – компактности и многократности, – которое усиливает действие повтора. Именно поэтому интуитивно читатель ощущает выдвигание многократно повторенного на относительно небольшом участке текста элемента и не упускает его из виду на дальнейших участках текста. Таким образом, фиксируется особая смысловая нагрузка элементов контактно-многократного повтора, его влияние на формирование смысловой и ритмической целостности текста – обнаруживается структурообразующая функция на глубинном и поверхностном уровнях. С точки зрения читателя КМП сводится к фиксации ЭС, то есть является критерием эвристической стадии, заключающейся в наблюдении над фактами без предрешения их содержания [Риффатер, 1980: 91]. Этот критерий был применен при выделении КМП после чего КК был вычислен математически, исходя из фактических параметров.

Ярким примером является КМП в рассказе Г.Семенова «Чистый антик»: образ «руины, развалины, разрушения» располагается в зоне начала до гармонического центра начала, а его однократно встречающиеся элементы располагаются во всех трех зонах. Параметры приведенного КМП отражены в таблице 2.2, строка 17.

Галки проснулись в черных звонницах колокольни, выметнулись, закружились в суетном танце над руинами церкви. <...> Давно уже снято все железо и вся медь <...> Осталась одна лишь кирпичная громадина с отвалившейся тут и там штукатуркой <...>

Как же там может жить задумчивый человек, если каждый день видит он перед собой эти мрачные руины, которые казнят его душу немым укором? Это ж трудно представить себе, что ты родился там и с первых дней сознательной жизни вынужден наткаться взглядом на развалины единственного каменного строения. Развалины эти невольно приучают к мысли, что тебе судьбой полагается усвоить и впитать с молоком матери, воспитать в душе дикий огонь вселенского разрушения, каким горели души дедов, миром разваливших, растаскавших и пожегших кирпичную церковь, возносившуюся над мирным селом. Эти камни приучат тебя смотреть равнодушно и на другие разрушения, на другие буйства сородичей, тоже познавших сердечную тоску от вечного созерцания окаменелой разрухи <...> живут в беспомыслии, не думая, не вспоминая о разрушенной церкви, не замечая ее, как если бы ничего тут никогда не было и прадеды их не лежали в гробах под тремя свечами в холодных стенах сирых руин <...>

Никакое богатство не пойдет впрок, если чуть ли не на дворе, за оградой над крышей темнеют страшные зевы разрушенной колокольни и если разбитый барабан купола торчащими железками, изогнутыми и ржавыми, вечно будет язвить сердце, питая его ржавчиной и тленом погибшего мира.

<...> Не может живой человек, не потерявший памяти, жить и быть счастливым <...>, если над головой его высится каменная развалина, хаос и оскудение некогда поющей церкви. Разруха каменная разрушит и дух человека, развалит его и не даст ему покоя на земле...

Однократные элементы КМП могут встречаться и не в позиции многократности. Элементы повтора, показанного в примере, встречаются в приведенном тексте до и после КМП, во всех композиционных зонах. Одно употребление до КМП: «Кукушка в лесу кукует, и кажется, ласковое ее ауканье не из леса долетает, а доносится из-под сводов гулкового храма, развалины которого темнеют посреди спящего села». Однократные элементы в зоне начала, расположенные после КМП: 1) «Совсем иное дело – разграбленная, поруганная церковь..., которая невинной жертвой мертвит человеческую душу...»; 2) «Даже вон церковь разваленную рисует красками, не нашел в другом месте хорошую». Однократные элементы КМП в зоне гармонического центра и после: 1) «Смотря с недоумением и грустной улыбкой по сторонам, плывя голубоватым взглядом по обветшалым домишкам, по камням и стенам облезлых руин, вздыхает...»; 2) «А у нас вон что творится – одни развалины». Однократные элементы в зоне конца, расположенные до гармонического центра конца (1) и после него (2): 1) «... она будет долго-долго отмывать тяжкие воспоминания о нищем своем селе, о матери, пропадающей там, и о страшной разрухе...»; 2) «... ничто не потеряно, не истрачено в дальней дороге, взгляд не очерствел, не померк от созерцания той нищеты и разрухи, откуда она вырвалась наконец, как из страшной неволи».

Так как анализ каждого текста включал составление линейной модели, на первом этапе вычисления КК мы исходили из практического измерения расстояния, занимаемого не менее чем тремя ЭС, которые считали контактными (КМП), на линейной модели текста. Это расстояние на отрезке в 100 миллиметров, который принят за единую элементарную модель текста, не превысило 10 миллиметров. На рис. 2.1 в квадратных скобках обозначена длина КМП на модели – 5 мм, в круглых – кратность повтора, k – элементы КМП в несильных позициях.

— [] ————— к к к

КМП1(18)

Рис. 2.1. Контактно-многократный повтор в линейной структуре текста

При исследовании явления контактности ЭС определялись:

- 1) относительный объем текста, охваченный КМП, (измеряется в словах) – K_2 ;
- 2) кратность повторяющейся единицы (количество употреблений ЭС) – k ;
- 3) относительная плотность КМП (кратность, деленная на относительный объем) – P ;
- 4) абсолютный объем КМП – доля от объема текста (относительный объем КМП, деленный на относительный объем текста) – D ;
- 5) абсолютная плотность КМП – дистанция между элементами, выражаемая в долях объема текста (абсолютный объем КМП, деленный на кратность) – d .

Таблица 2.2. Контактно-многократный повтор и его параметры

№ КМП п/п	Объем текста	Относительный объем КМП	Кратность КМП	Относительная плотность КМП	Абсолютный объем КМП	Абсолютная плотность КМП
	K_1	K_2	K	$P = k : K_2$	$D = K_2 : K_1$	$d = D : k$
1.	11327	321	9	0,029	0,028	0,003
2.	-/-	102	6	0,059	0,009	0,002
3.	-/-	494	14	0,028	0,044	0,003
4.	15488	210	7	0,033	0,014	0,002
5.	-/-	160	4	0,025	0,010	0,003
6.	-/-	150	5	0,033	0,010	0,002
7.	1278	31	4	0,129	0,024	0,006
8.	-/-	22	3	0,136	0,017	0,006
9.	1510	16	4	0,250	0,011	0,003
10.	7545	93	5	0,054	0,012	0,002
11.	678	14	3	0,214	0,021	0,007
12.	3105	31	3	0,097	0,010	0,003
13.	965	27	3	0,111	0,028	0,009
14.	730	56	7	0,125	0,077	0,011
15.	2264	72	8	0,111	0,031	0,004
16.	1093	26	5	0,192	0,023	0,005
17.	8385	361	16	0,044	0,043	0,003
18.	7611	89	3	0,034	0,012	0,004
19.	-/-	78	3	0,039	0,010	0,003
20.	1135	41	5	0,122	0,036	0,007
21.	884	25	4	0,160	0,028	0,007
22.	2949	31	8	0,258	0,011	0,001
23.	850	7	4	0,571	0,009	0,002
24.	2901	46	5	0,109	0,016	0,003
25.	-/-	27	4	0,148	0,009	0,002
26.	-/-	99	9	0,091	0,034	0,004
Ср.		100,73	5,77	0,124	0,022	0,004

Исследование параметров КМП для получения КК выполнено на материале художественной прозы (18 текстов, 26 КМП) в связи с эффективностью использования приема контактной многократности именно в этой жанровой группе. Все полученные по КМП данные приведены в таблице 2.2. Анализ данных позволяет выявить наиболее стабильный показатель, который может служить эмпирически обнаруженным критерием контактности, поскольку не зависит от объема текста, объема КМП и его кратности.

Критерием КМП не может служить относительный объем КМП в виду большого разброса его числовых значений: от 7 до 494 синтаксических мест. Разброс числовых значений относительной плотности КМП составляет от 0,025 до 0,571 (от 2-3 элементов до 57 элементов КМП на сто синтаксических мест), следовательно, это тоже неэффективный показатель. Абсолютный объем КМП имеет более стабильные числовые значения: от 0,009 (КМП занимает 1/111 часть текста) до 0,044 (КМП занимает 1/23 часть текста). Однако и этот показатель недостаточно стабилен. Наиболее стабильным параметром может быть признана абсолютная плотность КМП, числовые значения которой лежат в пределах от 0,001 (между элементами КМП 1/1000 доля текста) до 0,011 (между элементами КМП 1/91 доля текста), поскольку выявлено, что в 18 случаях из 26 коэффициент d равен или менее 0,005 (между элементами КМП 1/200 доля текста). Этот параметр признается эмпирически полученным КК, а за его числовое значение берется максимальный результат.

Итак, если абсолютная плотность контактно-многократного повтора не превышает показателя 0,011, такой повтор следует признать композиционным. Основным методическим выводом из анализа параметров КМП является констатация не только возможности, но и необходимости совместного исследования структуры текстов самого разного объема. В таком случае результаты исследования каждого отдельного текста должны быть представлены не относительными параметрами, зависящими от объема текста, а абсолютными параметрами – в пропорциях.

Единицами измерения абсолютных параметров являются не лексемы, не предложения, не сверхфразовые единства или абзацы, а доли текста, занимае-

мые исследуемым явлением. Это важнейший методический вывод, который можно сделать из анализа параметров КМП. Научно-теоретическим обоснованием данного вывода являются симметрия подобия и теория пропорций. Сущность коэффициента контактности заключается в указании на стабильно зафиксированную долю текста (пропорцию), которая должна вмещаться между элементами, учитываемыми как контактные.

Полученный эмпирическим путем КК может быть применен при исследованиях текста, связанных с необходимостью изучения взаимообусловленности и взаимовлияния различных его элементов, расположенных на определенном расстоянии. Применение КК эффективно как при изучении структурных аспектов, так и при анализе психологии восприятия и воздействия.

Критерий контактности непосредственно связан с системно-процессуальным пониманием позиции как меры внутритекстового пространства-времени, при котором позиция элемента текста представляет собой опредмеченное, зафиксированное в структуре время. В текстосимметрии КК применяется при исследовании любых флуктуаций, понимаемых как локальные отклонения относительно теоретически рассчитанных позиций, «несвоевременные» появления элементов.

Выражение величины реального КК в виде пространственной части единичного текста, измеряемой в словах, подчиняется математической пропорции. В текстах до 40 слов $КК = 0$, так как: $40 \times 0,011 = 0,44 \sim 0$, а, следовательно, флуктуацией является любое расстояние в лексемах. В этом случае, при определении точности попадания ЭС в искомые позиции исследователь обязан признать флуктуацией как предшествующее, так и последующее положение элемента. Тогда как в текстах объемом 41 и более синтаксических мест признаются контактными только те слова, которые располагаются одно за другим непосредственно ($41 \times 0,011 = 0,46 \sim 1$), а флуктуацией относительно расчетной позиции будет признан элемент, на расстоянии, превышающем одно слово вправо или влево.

Таким образом, в текстах, превышающих объем в 41 слово, предшествующее и последующее относительно теоретически рассчитанной позиции синтаксические места флуктуацией не являются, так как контактными при росте объема текста яв-

ляются слова, расположенные на расчетном расстоянии. Относительное увеличение контактного расстояния в текстах – в виде объема контактности в лексемах – показано в таблице 2.3. После объема текста в 859 слов объем контактности равняется или превышает 10 слов. Для каждого конкретного текста объем контактности вычисляется умножением $КК = 0,011$ на количество структурных единиц (словоформ) данного текста, полученный результат округляется до целого числа.

Таблица 2.3. Связь роста объема контактности (в лексемах) с объемом текста

Объем текста	41 – 130	131 – 222	223 – 313	314 – 411	412 – 494	495 – 585
Объем КК	1	2	3	4	5	6

Итак, пороговым значением точности расположения искомого элемента в обнаруженной теоретически позиции до единицы измерения является объем текста в 40 слов. Определение наличия/отсутствия флуктуаций элементов текста относительно теоретически определенных позиций осуществляется в каждом конкретном случае с помощью коэффициента КК.

* * *

Все три критерия, используемых для выделения повторов как элементов симметрии, связаны со стратегиями человека в процессах порождения и восприятия текста. Эти стратегии имеют конкретные опоры в виде чувственно ощущаемых лингвистических единиц, последовательность которых представляет собой лингвистическую форму текста. Первый из критериев, названный чувственным, не осложнен какими-либо дополнительными обстоятельствами – это только фиксация повторения (ритма).

Второй критерий, названный композиционным, осложняется обстоятельством, вызывающим необходимость сопоставления фиксируемого повтора с пропорциями целого сообщения. Поскольку фиксация осуществляется в виде пропорций чувственно ощущаемого целого – композиционный критерий тоже имеет чувственную природу. Чувственное соединяется с ментальным (абстрактным, рациональным) в виде пропорции, а значит именно этот критерий максимально сопрягает материальную форму сообщения с нематериальной структурой мысли.

Третий из критериев выделения ЭС, критерий контактной многократности, максимально чувственен в смысле более жесткого ощущения ритма. Этот чувственно фиксируемый ритм есть отражение эмоционального состояния продуцента (комфортного или дискомфортного) и способ порождения того же эмоционального состояния реципиента, которое способствует пониманию содержания.

Таким образом, все три критерия выделения содержательно-композиционных элементов – ЭС – опираются на чувственную природу лингвистической формы текста, то есть и сами являются чувственными.

2.4. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТЕ:

ВИДЫ СИММЕТРИИ И ТИПЫ ЭЛЕМЕНТОВ СИММЕТРИИ

В литературоведческом аспекте разнообразные виды симметрии в структуре целого художественного прозаического текста рассмотрены Н.Л. Мышкиной. В лингвистических исследованиях подробно описаны лишь частные виды повторов, отражающих преобразования повторяющегося элемента на уровне субстрата: корневые, лексические, семантические (в том числе и контрастные), синтаксические, повтор сложных синтаксических целых. Попытка рассмотреть в рамках целого повторы разных языковых уровней с лингвистических позиций была предпринята Н.А. Змиевской на материале английского языка, однако ею не были учтены повторы элементов, находящихся в антонимических отношениях (контрастные). Необходимость широкого подхода к структурообразующему (содержательному) повтору в психолингвистике уже отмечалась (например, у Г.Г. Почепцова [Текст как психолингвистическая реальность, 1982: 3]).

Для выделения структурообразующих повторов при широком его понимании в исследованиях данного направления применяется одно ограничение: наличие у элементов повтора оформляющей содержание функции. Максимальный отказ от рамок, ограничивающих учет повторов в тексте, влечет за собой и максимальное сужение аспектов поверхностного многообразия повторов, что как раз и позволяет достичь максимальной степени абстракции и определить их сущностную роль.

В широком смысле любой повтор есть элемент симметрии текста. Учитывая сформировавшиеся в лингвистике взгляды на повторы в тексте, к ЭС относятся: повторяющиеся слова, части слов, синонимы, антонимы, гипо- и гиперонимы, слова одного семантического поля, местоименные повторы (местоименные замены), в том числе и средства связи местоименно-союзных и местоименно-соотнесительных предложений, а также повторы синтаксической структуры. То есть, как ЭС учитываются лингвистические повторы всех уровней субстрата, кроме сугубо фонетического. Например, на данном этапе исследования не учитывается в качестве ЭС стихотворная рифма, которая, безусловно, к явлениям симметрии относится [Шубников, Копчик, 1972] (см. ниже пример анализа ЭС в стихотворении Л. Мартынова).

Злоба туч

Черна
Утроба
Белых туч –
Когда б не злоба
Этих туч,
То бури не произошло бы,
Но опрокинул вихрь, могуч,
И их самих.
И светлый луч
Стоит у гроба черных туч.

Л. Мартынов

Первые две сильные позиции (заглавие и начало) представляют три текстообразующих единицы: «злоба», «туч», «черна». Для данного текста эти позиции оказались достаточными критериями. Текст содержит 5 разновидностей ЭС, которые могут быть рассмотрены в качестве субстрата следующим образом:

- антонимы: *черный, белый* – преобразование до противоположности;
- двух- трехкратные лексические повторы: *злоба (2) туч (3), черный (2), и (2)* – отсутствие преобразований;
- синонимы: а) *белых, светлых*; б) *буря, вихрь* – вариативные преобразования;
- местоименные повторы: *белых – этих; туч – их, самих* – вариативные преобразования;
- повтор семантического поля: *злоба, черна, буря* – вариативные преобразования.

Объем текста равен 31 единице. Из них 17 единиц – ЭС. Коэффициент симметричности данного текста, понимаемый как пропорциональная часть целого: $17 : 31 = 0,55$. То есть элементы, включенные в симметрические отношения и являющиеся структурообразующими, занимают 55% объема данного текста. Сгруппированные на уровне субстрата повторы в качестве ЭС представляют преобразования элементов, которые могут быть рассмотрены как симметрические.

В текстосимметрии составлен перечень актуальных для формообразования текста видов симметрии: 1) зеркальная, 2) трансляционная (переносная), 3) винтовая, 4) бордюрная, 5) качественная (от цветной до антисимметрии – контраста), 6) диссимметрия (с пропуском компонентов на фоне симметрии), 7) объемная, масштабная (подобие) [Манаков, Москальчук, 2001: 61; Корбут, 1995: 7-8, 2000: 29-30].

Перечисленные виды симметрии значимы для описания аспекта изменения ЭС и/или аспекта формообразования текста. Обязательное изменение ЭС связано с необратимостью линейного процесса порождения/восприятия текста, с одной стороны. С другой стороны, осуществляется обязательная подстройка структуры ЭС под ту фазу, которую проходит текст-система в момент появления данного элемента.

«Группы преобразований четырехмерного пространства-времени совместно с цветными группами определяют специфические законы композиции для временных искусств» [Шубников, Копцик, 1972: 298]. Это положение справедливо для любого, а не только художественного, текста. В современной симметрологии описаны многочисленные виды симметрии, актуальные для объяснения процессов формообразования живых объектов [Шафрановский, 1985]. Для описания поверхностной и глубинной структуры текста виды симметрии живописи оказываются наиболее соответственными. Решение насущных теоретических задач текстосимметрии вызывает необходимость иллюстрации представлений о реализации симметрических преобразований каждого вида симметрии, поэтому предлагается предварительный анализ примеров преобразований (согласно перечню видов симметрии).

Зеркальная симметрия гораздо более эффективна для формообразования, так как организует целостность (в виде самоотражений структуры; подобный анализ целостности у [Севбо, 1969: 83-84]). Однако этот вид симметрии может быть использован и как способ адаптации языкового элемента к структуре. Такой адаптации повторяющегося элемента, которая вынужденно ограничивает однообразие, вводит элемент энтропии с целью сохранения внимания продуцента и реципиента к содержимому формы.

Принципиальный признак этого вида симметрии в том, что в отношении зеркальности вступают только *два элемента* (которые могут иметь в простую, так и составную структуру). Эти два отражающихся друг в друге относительно плоскости зеркальной симметрии (оси зеркальной симметрии) элемента сами несимметричны. В симметрологии они называются *энантиоморфами*. «Энантиоморфы – это объект и его зазеркальный двойник при условии, что сам объект зеркально асимметричен. <...> Один из энантиоморфов левый, а другой правый» [Тарасов, 1982: 19]. *Лингвистические энантиоморфы* всегда имеют *составную структуру* (т.е. включают не менее 2-х лингвистических элементов).

Второй специфической особенностью преобразований ЭС зеркального вида является обязательное сочетание зеркальности с переносом (трансляцией). Такая специфика зеркальности связана с временной структурой лингвистического текста, как и всех временных видов искусства [Баранова, 1985: 5-7]. Строго говоря, это уже не зеркальная, а зеркально-переносная (зеркально-трансляционная) симметрия. В лингвистическом объекте зеркальность осуществляется за счет обратного порядка элементов (членов) правого энантиоморфа в его сравнении с левым. Идеальный вариант преобразования ЭС зеркального вида наблюдается в стихотворении С. Корбута из цикла «Формы». Структура обоих энантиоморфов четырехчленная, каждый из членов равен слову.

* * *

Солнцем¹ пахнет² клевер³ в поле⁴.
 Песня жаворонка льется.
 Безнадежностью заполнен
 Зимний день. Но сердце помнит:
 В поле⁴ клевер³ пахнет² солнцем¹...
 Все проходит. Все вернется.

Двучленные энантиоморфы, элементы которых – словосочетания (синтагмы) наблюдаются в миниатюре Ф. Кривина.

Параллели и меридианы

– Главное направление – с запада на восток!

– С севера на юг – главное направление

Воображаемые линии ведут воображаемый спор, но ничего не меняется на земном шаре.

Четырехчленные энантиоморфы (их элементы – предложения) при идеальной зеркальности относительно строки «А как насчет миллиарда?» у того же автора (см. пример ниже). Все три приведенных текста имеют один тип преобразования – самоотражение структуры, неполная зеркальная симметрия. Первый и третий примеры имеют зеркальные преобразования как способ адаптации элемента к структуре (зеркально отраженные структуры повторов), а второй пример сочетает два вида симметрии: зеркальность и вариативность.

Ф. Кривин

Высшая математика

Ноль, деленный на ноль, дает любое число.¹

В числителе ноль – в знаменателе ноль.²

Сверху ноль – снизу ноль.³

– Сейчас мы должны получить тысячу, – говорит Верхний Ноль.

– Получим!⁴

– А как насчет миллиарда?

– Получим!⁴

Вот оно как хорошо: что захочешь – все получается.

Сверху ноль – снизу ноль.³

В числителе ноль – в знаменателе ноль.²

Ноль, деленный на ноль, дает любое число.¹

Только взять эти числа никто не может.

Трансляционная (переносная) симметрия в чистом виде – это введение собственно повтора (не преобразованного ЭС) в правый контекст. В этом случае формально можно констатировать отсутствие адаптации – однообразие. Переносов элементов может быть любое количество. Если же трансляционная симметрия участвует в процессе формообразования (формирует целостность текста), а не является частным случаем его структуры (адаптацией), она называется *бордюрной*. Для определения формообразующего бордюра наличие/ отсутствие преобразований ЭС при трансляции игнорируется, то есть транслироваться могут как идентичные, так и преобразованные элементы.

Трансляция словосочетания «черный человек», его десятикратное употребление, понимаемое как девятикратный отказ от адаптации формообразующего элемента, наблюдается в «Черном человеке» С. Есенина. Примеры трансляции имеются практически в любом миди- и макситексте. В научной и политической прозе вероятность трансляции идентичного элемента выше, чем в художественной и публицистической. Даже в минитексте вероятность повторения одного слова в разных формах очень высока. Все остальные виды симметрии лингвистического текста в силу первичного принципа его формообразования – линейности – сочетаются с трансляцией.

Масштабная симметрия (подобие) наблюдается и в качестве формообразующей, и как адаптация. Во втором случае это преобразование ЭС с расширением или сужением значения в правом контексте. Первая разновидность – увеличение масштаба – обуславливается введением гиперонима/ов в правый контекст. Вторая разновидность – уменьшение – введением гипонима/ов. Обе разновидности часто встречается в объявлениях: 1) «Выполним *плотничные работы. Строим* дома, крыши, бани, дачи. Также *навеска* полок, *врезка* замков, *мелкий ремонт* и проч.», 2) «Авторизованное антенное предприятие, *все виды работ, связанные с телеприемом. Монтаж* любой сложности... *Установка радиоантенн, монтаж мачт*».

Масштабная симметрия обеих разновидностей характерна и для научной прозы: «население Сибири – Западной Сибири, Алтая, Забайкалья...», «Служебные слова – союзы». Если представить масштабную симметрию на поверхностном уровне в терминах литературоведения, она частично совпадет с градацией [Лит. ЭС: 79], поэтому в работах по стилистике текста выделяются повторы такой разновидности [Дудникова, 1969: 256; Шехтман, 1972: 67].

Принцип уменьшения масштаба ЭС – один из поверхностно-композиционных принципов приведенной ниже миниатюры Ф. Кривина (второй принцип – зеркальность с вариацией).

Закон всемирного тяготения
 У Вселенной не порядок с одной Галактикой.
 – Что это у тебя, *Галактика*? Как-то ты вся затуманилась?..
 – Да вот – *Солнце* тут есть одно...
 У Галактики не порядок с одним Солнцем.

– Откуда у тебя, Солнце, пятна?
 – С *Землей* что-то не ладится...
 У Солнца не порядок с одной *Землей*.
 – Что у тебя, Земля там происходит?
 – Понимаешь, есть один *Человек*...
 У Земли не порядок с одним *Человеком*.
 – Что с тобой, *Человек*?
 – Бог его знает! *Ботинок* как будто жмет...
 Один ботинок – и тяготит всю Вселенную!

Качественная симметрия используется только для адаптации элементов повтора. В тексте она имеет несколько разновидностей. *Цветная симметрия* рассматривалась ранее в симметрологии как усиление или ослабление экспрессии, при котором наблюдается придание слову нового качества: «Не жалею, не зову, не плачу...» (С. Есенин), «Найду. Загоню. Доконаю. Замучу» (В. Маяковский) [Шубников, Копчик, 1972: 302]. Понимаемая в этом смысле цветная симметрия тоже частично пересекается с градацией.

Если усиление экспрессии понимать как окрашивание ЭС в более яркий/ие цвет/а, то ослабление значимости слова, которое наблюдается в абсолютном большинстве случаев при его местоименной замене, будем считать его окрашиванием в менее яркий цвет (обесцвечивание). В таком случае, *местоименный повтор* аналогичен ослаблению экспрессии и, следовательно, относится к *разновидности цветной симметрии*. Примеры не приводятся, поскольку местоименный повтор широко распространен в любых текстах и признается одним из важнейших средств связности – анафорической связью (см. обзор [Шевченко, 2003: 105]).

Качественное варьирование, понимаемое как экспрессивная окраска вообще, может быть самым разнообразным: «Спичечка-спичка – спиричуэлс» (С. Эпов), «Я съездил на Соловки и осоловел на всю жизнь» (Ф. Абрамов).

Гомологией или *симметрией подобия* в лингвистическом тексте следует признавать корневые, аффиксальные, морфемно-звуковые, грамматические и синтаксические повторы, наблюдаемые при адаптации элементов. Гомология в тексте распространена в самых разных жанровых группах. Например, корневые ($^1, ^{1*}$) и грамматические ($^{1*}, ^2$) повторы в пословице: «Пашню¹ пашут^{1*}, руками не машут²».

Криволинейная симметрия проявляется при адаптации содержательного элемента к структуре в вариативных полевых ЭС. *Все слова текста, относя-*

щиеся к одному фрагменту действительности и тем самым формирующие содержательное единство текста, его смысл, признаются полевыми повторами. Криволинейная симметрия осуществляет превращения и приращения смысла в художественных текстах, а также обеспечивает достоверность в текстах других жанровых групп. Например, криволинейная симметрия в сочетании с трансляцией обеспечивает превращение языкового значения лексемы «идти» в содержание текста у Ф. Кривина:

Идущие

Дождь идет.

Снег идет.

Идет по земле молва.

Споры идут.

Разговоры.

А кого несут?

Вздор несут. Чуть несут. Ахинею, ерунду, галиматью, окоlesiцу.

Все настоящее, истинное не ждет, когда его понесут, оно идет само, даже если ног не имеет.

Об этом приходится помнить, потому что годы идут.

Жизнь идет, и не остановить идущего времени

Антисимметрия – крайний случай цветной симметрии, известна в стилистике текста как контраст и имеет очень широкий спектр употребления от выразительных потребностей художественного текста до формулирования доказательств от противного в научной прозе и формулировок отрицаний/отказов в бытовых жанрах речи. В сочетании с трансляцией и зеркальностью антисимметрия может функционировать в качестве формообразующего вида: «Утопили щуку» (пословица). Но чаще встречается как способ адаптации: «В свои без малого 38 лет (176–86) до сих пор одинок. А ведь так хочется семейного счастья» (объявление).

Диссимметрия рассматривается как пропуск компонентов в структуре ЭС на фоне симметрии. В качестве частного случая в целом тексте, адаптации, диссимметрией признается любое варьирование элементов: зеркальное, масштабное, цветное, криволинейное, антисимметричное. Диссимметрия – формообразующее средство/способ, конкурирующий с симметрией в структуре целого. Диссимметрия проявляется в неравенстве долей при золотом сечении и в искажении зеркальности.

Винтовая симметрия (логарифмическая спираль) – симметрия роста и развития целого организма (белок, побег, дерево, человек). Она являет себя как золотое сечение – пропорциональное уменьшение правого в линейной структуре. Винтовая симметрия обнаруживается только в целостных объектах. Поэтому такой вид симметрии не встречается в качестве адаптации структуры ЭС, ведь они являются лишь частью целого. Сама же винтовая симметрия проявляется как «рисунок ЭС» на линейной модели текста. Такое уменьшение правого наблюдается в тексте «Идущие» от точки золотого сечения до конца: превращение в «несут» с более узким смыслом и сужение, остановка развития, возвращение к изначальному в Контекстуальном значении «идти»: семантика слова «идущего».

Таким образом, роль видов симметрии в формообразовании текста заключается в осуществлении двух типов преобразований в структуре текста.

1. *Преобразования повторов в структуре текста* (ранее известные как виды повторов) *отражают процесс адаптации элементов к внутритекстовой системе* (к структуре содержания). Эта адаптация представляет собой подстройку поверхностной структуры текста, актуальную как для порождения, так и для восприятия. Процесс адаптации связан с актуализацией диссимметрии в срединных зонах текста в виде разного рода семантических повторов. Явления актуализации диссимметрии наблюдаемые лингвистами породили большое количество разноаспектных классификаций повторов, единым основанием классификаций была наблюдаемая вариативность. Причины вариативности в литературе связывались с колебаниями мысли в процессе порождения текста [Шехтман, 1972: 66].

Диссимметрия усиливает информационную структуру текста в интересах продуцента, препятствуя потере информации в условиях обязательности повторений, организующих содержание. В то же время само повторение, обеспечивающее комфортное восприятие для реципиента становится возможным благодаря определенному уровню диссимметрии последующего члена повтора по отношению к предыдущему (благодаря преобразованию). Диссимметрия при адаптации элементов повтора ранее описывалась фактически в терминах языкознания, характеризующих языковые уровни.

При анализе процесса адаптации содержательных элементов текста элементами его симметрии являются преобразованные повторы. Такой тип симметрических преобразований в структуре текста в соответствии с его сущностью, адаптацией, назван А-подстройкой. Для А-подстройки актуальны все виды симметрии, кроме винтовой.

2. *Преобразования структуры целого текста отражают процесс формообразования* (проявляющийся в специфике заполнения позиций и межпозиционных пространств). Процесс адаптации элементов (первый тип симметрических преобразований) в данном случае игнорируется. Осуществляется подстройка глубинной структуры текста, объективирование его языковой формы. Элементы симметрии второго типа обнаруживаются в виде рисунка ЭС в структуре целого. Элементами симметрии второго типа являются те характеристики, которые позволяют описать форму текста: плоскости симметрии, пропорции, масштабные изменения при подобии. Второй тип преобразований в соответствии с его сущностью, формообразованием, понимаемым как *обретение групп симметрии*, назван Г-подстройкой. Для Г-подстройки как типа симметрических преобразований в структуре текста актуальны четыре вида симметрии: трансляционная, зеркальная, масштабная, винтовая.

Элементы симметрии признаются первоэлементами текстовой системы, структурообразующими элементами, их наличие обеспечивает устойчивость и отдельность текста, создавая, его форму. ЭС текста имеют лингвистическое выражение, но не закрепляются строго за каким-либо языковым уровнем. В этом смысле система языка и система текста не накладываются друг на друга (как в случае с системой фонем, морфем, лексем и т.д.), а пересекаются.

2.5. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СИММЕТРИИ ПЕРВОГО ТИПА

Являющий композиционную сущность, широкий подход к структурообразующему повтору – как элементу, игнорирующему факт преобразований – имеет глубокие корни в лингвистике и стилистике текста. Композиционная (архитектоническая, структурообразующая, текстообразующая и т. п.) функ-

ция у повторов самых различных уровней была обнаружена на материале русского, английского, немецкого, французского, испанского языков. Важнейшая функциональная нагрузка повторов выявлена в деловой речи, научной речи, публицистике, разговорной речи, художественной речи. Это, безусловно, свидетельствует об универсальности и инвариантности данного явления.

Новизна предлагаемой ниже классификации ЭС заключается в полном отказе от уровневого подхода в связи с тем, что исследуемую структурообразующую функцию выполняют повторы разных уровней. Эта языковая разноразноуровневость при единстве содержательно-композиционной функции (что можно понимать как внеязыковую одноуровневость) отмечается многими лингвистами, поэтому в основу классификации фактически легли взгляды следующих исследователей: Аладьиной, Арнольд, Астафьевой, Белуновой, Браво, Гака, Гиндина, Глухих, Головкиной. Голуб, Голышевой, Дудниковой, Ереминой, Змиевской, Иванчиковой, Ильенко, Кожина, Кожиной М.Н., Крадожен, Лебедевой, Лепиной, Лихачевой, Мальцева, Мальченко, Москальчук, Мурзаевой, Мышкиной, Некрасова, Нехлиной, Ноздриной, Павлова, Рабчинской, Русяковой, Семейко, Сковородникова, Тимощук, Формановской, Харитоновой, Цветковой Н.Е., Цветковой Т.С., Черемисиной, Чернухиной, Шелеховой, Шехтман, Шишкиной и др.

Так как подход к структурообразующему повтору как элементу симметрии в значительной степени подготовлен предыдущими исследованиями, в которых описано огромное количество наблюдаемых фактов текста, предлагаемая текстосимметрикой классификация ЭС, имеет возможность отвлечься от сугубо лингвистических частных задач и исходит из трех положений: о необратимости линейного процесса, об адаптации ЭС, о разных функциях ЭС. В предлагаемой классификации актуализированы три главных аспекта бытия повторов в целом тексте: время их появления и пространственное положение (системно-процессуальный), их адаптация к системе (структурно-системный), их роль в системе (структурно-функциональный).

2.5.1. Системно-процессуальная классификация элементов симметрии

В рамках текстосимметрии становится наблюдаемым и поддается описанию процесс выстраивания элементов структуры текста в такую последовательность, которая представляет собой содержательно значимую, оптимальную для восприятия систему. Это осуществляется благодаря комфортным свойствам лингвистической формы. Форма, которая собственно отражает в линейном виде принципы выстраивания элементов, показывает их взаимодействие в системе. В этом-то направлении и движется осмысление вопроса о принципе внутрисистемных взаимоотношений ЭС, которые рассматриваются как *системно-процессуальные*.

Для выявления принципа внутрисистемных взаимоотношений ЭС осуществляется их оценка относительно истории системы. В этом аспекте все ЭС распределяются по линейно-процессуальному принципу – по принципу их следования.

Лингвистический текст – система, в которую элементы поступают во временной последовательности (в ходе ее истории). Поскольку такая ментально-лингвистическая система адаптирует (подстраивает под себя) последовательно поступающие элементы субстрата, то она крайне редко может содержать только новые, не повторяющие каких-либо смысловых компонентов уже реализованного содержания (неадаптированные) элементы.

Элемент симметрии текста – *как системный элемент* – встречается на протяжении истории системы более одного раза в связи с необходимостью постепенной подстройки этой системы под постепенно формируемое содержание. Первое, крайне левое, употребление ЭС названо в лингвистике антецедентом повтора [Руслякова, 1981: 8; Ахманова, 1966: 48]. Исходя из понятия антецедента, Г.Г. Москальчук представляет структуру повторяющегося комплекса [Москальчук, 1998: 26] (см. также [Корбут, 1995: 9]) следующим образом:

[антецедент <...> повтор 1 <...> повтор 2 <...> повтор n].

То есть, антецедент – это первичное введение в систему структурообразующего/ системообразующего элемента, при обязательном условии, что сходные с ним элементы (повторяющие сам элемент или какие-либо его смысловые компо-

ненты) появятся позже во времени/ правее в линейной перспективе. Деление ЭС в системно-процессуальном аспекте на левые и правые / ранние и поздние ярко иллюстрирует положение о тексте как объекте, имеющем уникальную *пространственно-временную* структуру. Существование такой структуры возможно постольку, поскольку бытие текста осуществляется во времени, а его фиксация – в пространстве. Это положение разделяют многие лингвисты (см. [Якобсон, 1990: 317; Жинкин, 1982: 13], а также Белоусов; Дорофеева; Москальчук и др).

К ЭС относятся как antecedенты, так и не antecedенты, поэтому предыдущие исследования статистических закономерностей ЭС в структуре текста не могли содержать характеристик их системно-процессуальных взаимоотношений. Если же стабильно рассматривать antecedенты-ЭС в качестве крайне левых – неадаптированных – элементов структуры, а остальные ЭС (не antecedенты) в качестве более правых – адаптированных – можно уточнить специфику организации текста как пространственно-временной структуры.

Таким образом, системно-процессуальная классификация ЭС включает два их типа: ЭС-antecedенты и ЭС-повторы – не antecedенты. При таком подходе все виды преобразований ЭС (виды симметрии) полностью игнорируются. Оценка же самой системы может быть осуществлена за счет статистической оценки позиционного размещения ЭС того или другого типа относительно матрицы. За счет размещения antecedентов и собственно повторов в линейной перспективе можно представить структурообразование текста как процесс постепенной настройки системы для передачи содержания. Потому что каждый из antecedентов есть точка введения первичного элемента ЭС, который при следующем употреблении подстраивается под порядок системы в каждой следующей точке. Разные композиционные функции, обнаруживаемые З.В. Русяковой у antecedента и собственно повтора (в ее терминологии – сукцедента) [Русякова, 1981: 15-16], обусловлены внутрисистемными обстоятельствами этой подстройки.

«Ход истории» системы-текста – структурообразующий процесс, введение и адаптация, отраженные в последовательности ЭС, – рассматривается на примере статистики системно-процессуальных типов ЭС в макроструктуре статей В.И. Ле-

нина (обсуждаемая жанровая группа названа политической прозой). Для обнаружения фазовых переходов от роста симметрии (увеличения количества ЭС-повторов) к ее уменьшению (увеличению количества антецедентов) анализируется количество искомых элементов в шести стандартных интервалах с фиксированными в матрице пропорциональными характеристиками.

Исследованы 20 статей объемом от 685 до 2080 лексем (средний объем – 1144 лексем). *Коэффициент симметричности* (КС) – отношение количества ЭС в макроструктуре к общему количеству элементов макроструктуры – характеризует пропорциональное количество ЭС в данной жанровой макроструктуре.

Средний КС всего корпуса текстов – КС макроструктуры – достаточно высок: 0,431 (максимален этот показатель в статье «Партийная организация и партийная литература» – 0,512; минимален в статье «Памяти Коммуны» – 0,353). Чтобы не казалось, что более 35% таких текстов заняты повторяющимися элементами, необходимо произвести системно-процессуальную оценку ЭС, сопоставив количество ЭС-антецедентов с количеством ЭС-повторов. Это достигается при помощи введения *коэффициента избыточности* (КИ).

КИ в свою очередь представляет собой отношение ЭС-повторов к общему количеству элементов. Средний КИ макроструктуры политической прозы – 0,353. Разность КС и КИ составляет *коэффициент антецедентов*, которые собственно повторами не являются и частично характеризуют количество асимметрии.

Средний коэффициент антецедентов политической прозы (КА макроструктуры) соответственно: $0,431 - 0,353 = 0,08$. По этому коэффициенту возможна оценка пропорционально необходимого исходного количества структурообразующих элементов текста для его теоретически достаточной эффективности. Они составляют в среднем не более 8%, тогда как общее среднее количество ЭС – 43,1%. Системно-процессуальные параметры композиционных интервалов макроструктуры политической прозы отражены в таблице 2.4.

Данные таблицы показывают что, уже в первом интервале общая пропорционально-количественная характеристика ЭС выше среднего результата и со-

ставляет 44,5%. Несколько увеличиваясь во втором (самом коротком) интервале, КС уменьшается в 3-5-м интервалах, а в конце текста КС вновь выше среднего: 46,3% элементов текста занимают ЭС.

Таблица 2.4. Системно-процессуальная оценка политической прозы

Интервал	Зачин	ПредГЦн	ПостГЦн	ПредГЦ	ПостГЦ	Конец	Сред.
	1	2	3	4	5	6	7
Его объем	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146	1
КС	0,445	0,458	0,448	0,409	0,404	0,463	0,431
КИ	0,288	0,375	0,362	0,349	0,348	0,413	0,353
КА	0,157	0,083	0,086	0,060	0,56	0,050	0,08

Поведение ЭС-антецедентов представляет обратную картину. В первом интервале антецедентов максимальное количество: они составляют 15,7% от всех элементов интервала (КИ зачина = 0,157). В последнем интервале – антецедентов не более 5% (КА конца = 0,05). Причем от первого ко второму интервалу наблюдается резкое падение количества антецедентов ~ в 2 раза (в 1,89). К концу количество антецедентов падает более чем в три раза. Эти пропорциональные данные позволяют увидеть движение системы в процессе ее истории, ее самоорганизацию, которая заключается в том, что при общем пропорциональном росте ЭС в тексте уменьшается количество «новых» ЭС и увеличивается количество «старых» ЭС (см. последний столбец).

Текст – первоначально нестабильная система – стабилизируется к концу, причем можно наблюдать две зоны фазовых переходов от нестабильности к стабильности во внутритекстовой системе макроструктуры: между вторым-третьим и пятым-шестым интервалами. Первый фазовый переход отмечен в пропорции 0,236 (ГЦн), второй в пропорции 0,854. Последняя пропорция фиксирует слабую позицию (граница зоны ГЦ и зоны конца).

Процесс системообразования в жанровой группе политическая проза идет в следующем порядке. В направлении от абсолютного начала текста наблюдается

усиление процесса симметризации (увеличение количества ЭС-повторов). Затем в точке ГЦн процесс симметризации сменяется процессом диссимметризации (уменьшение количества ЭС-повторов). Диссимметризация растет в интервале постГЦн. А далее – в зоне ГЦ, занимающей два интервала, – соотношение симметрии и диссимметрии стабилизируется. Стабильное соотношение разнонаправленных процессов симметризации/ диссимметризации вновь сменяется усилением процесса симметризации вплоть до абсолютного конца текста. Схематически движение процесса изображено на рисунке 2.2.

Проявление диссимметрии на поверхностном уровне наблюдается во введении новых микротем (частично отказывающихся от предыдущих смыслов). Описывая участие повторов в членении текста с позиций традиционной лингвистики, З.В. Русякова определила роль antecedентов как сигналов о начале новой микро-темы [Русякова, 1981: 15].

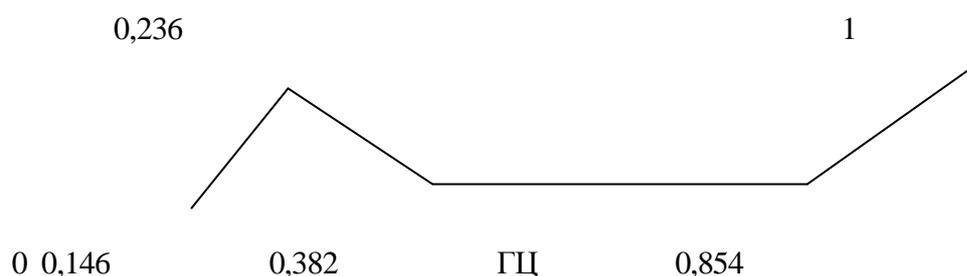

Рис. 2.2. Процесс симметризации структуры текста политической прозы (Г-подстройка).

Найденные коэффициенты КС, КИ и КА с разных сторон характеризуют единый процесс формообразования лингвистического текста – симметризацию его структуры, Г-подстройку. Соответственно своей сущности они называются *коэффициентами симметризации*. Максимальный баланс коэффициентов симметризации при равенстве объемов самих интервалов предГЦ и постГЦ наблюдается в зоне гармонического центра (ср. столбцы 4 и 5 табл. 2.4). Все три коэффициента в этой зоне имеют числовые показатели ниже среднего. Близость пропорциональных характеристик интервалов, прилегающих к ГЦ, и числовые показатели коэффициентов симметризации говорят: 1) о выделении этой зоны в структуре всего процесса текстообразования, 2) об остановке процесса симмет-

ризации и усилении процесса диссимметризации в зоне ГЦ; 3) о балансе симметрии и асимметрии в рамках границ слабых позиций (0,382 – 0,854).

Это означает, что зона ГЦ (середина) в меньшей степени участвует в формообразовании текста политической прозы, здесь активизируются не столько сугубо структурные, стабилизирующие, сколько какие-то иные процессы. Наиболее нагружены функцией структурообразования («озабочены организацией процесса», созданием отдельной формы) зоны начала и конца. Наблюдается *неполная зеркальная антисимметрия процесса структурообразования* в данной жанровой группе. Потому что:

а) начальный период процесса системообразования – занимающий два интервала от 0 до 0,236 – характеризуется ростом симметризации и не участвует в процессе формообразования жанровой макроструктуры (не является левым энантиоморфом);

б) второй период процесса – занимающий во внутритекстовом пространстве-времени 0,146 часть – от 0,236 до 0,382 – характеризуется усилением процесса диссимметризации и ослаблением процесса симметризации;

в) последний период, занимающий во внутритекстовом пространстве-времени 0,146 часть – характеризуется усилением процесса симметризации и ослаблением процесса диссимметризации;

г) схема процесса формообразования целостности (Г-подстройки) имеет – два элемента симметрии второго типа:

– первый элемент – плоскость зеркальной симметрии, совпадающая с ГЦ (0,618): левый энантиоморф расположен от 0,236 до 0,618, правый энантиоморф – от 0,618 до 1;

– второй элемент симметрии – преобразование процесса в обратный – антисимметрия.

Чтобы убедиться в правильности выбора коэффициентов симметричности для характеристики процесса системообразования текста, сравним их пропорционально-числовые показатели в макроструктуре политической прозы с теми же показателями макроструктуры поэтического текста (см. табл. 2.5).

В целом при более высоком среднем КС в поэтической макроструктуре наблюдается большая интенсивность процесса диссимметризации в сравнении с политической прозой, поскольку числовой показатель КА – большой, а показатель КИ – меньший. КА тоже постепенно уменьшается, но в отличие от политической прозы интенсивность его уменьшения более плавная: в интервале 2 он падает не в два, а лишь в 1,5 раза. К концу же уменьшается в большей степени: в 4,2 раза. Фазового перехода от роста симметрии к ее убыванию в интервале 3 не наблюдается. *Макроструктура поэтического текста* в целом характеризуется *более последовательным и менее интенсивным процессом роста симметризации* структуры.

Таблица 2.5. Системно-процессуальная оценка поэтического текста
(по данным на 177 текстов)

Интервал	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец	Средние
	1	2	3	4	5	6	7
Его объем	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146	1
КС	0,458	0,428	0,386	0,350	0,366	0,403	0,449
КИ	0,201	0,259	0,266	0,262	0,291	0,342	0,272
КА	0,257	0,169	0,120	0,088	0,075	0,061	0,180

Ослабление процесса симметризации структуры в интервале 4 незначительно. Однако здесь следует констатировать факт усиления интенсивности диссимметризации. Процесс симметризации вновь усиливается в интервале 5 и максимально возрастает к концу – в интервале 6. То есть фазовые переходы расположены иначе: к диссимметризации – в пропорции 0,382, к симметризации – в пропорции 0,618 (см. рис. 2.3). В поэтической макроструктуре зона нестабильности процесса симметризации намного короче и охватывает один интервал: предГЦ, – в отличие от макроструктуры политической прозы, где зона нестабильности процесса симметризации охватывает 3 интервала: постГЦн, предГЦ, постГЦ (рис. 2.2).

Осмысление элементов симметрии второго типа в макроструктуре поэтического текста дает возможность увидеть иную картину процесса формообразования поэтического текста. К формообразующим элементам симметрии макроструктуры поэтического текста относятся: **а)** трансляция; **б)** винтовая симметрия (логарифмическая спираль); **в)** искаженная в сочетании с винтовой симметрией зеркальность: плоскость зеркальной симметрии в точке золотого сечения; **г)** поворот плоскости зеркальной симметрии на 10° влево; **д)** подобие (уменьшение правого элемента).

Сопоставление процессов структурообразования в двух речевых жанровых группах дает возможность увидеть различное и общее: сделать предварительный вывод о генеральном процессе текстообразования с позиций текстосимметрии.

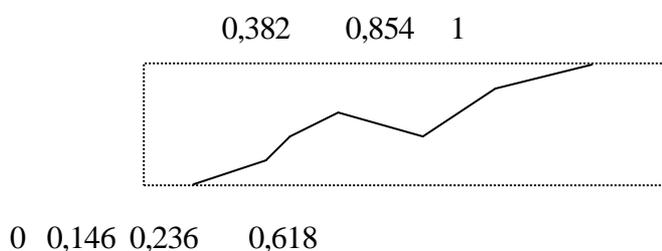

Рис. 2.3. Процесс симметризации структуры поэтического текста (Г-подстройка).

Это структурообразующий процесс, который представляет собой *усиление симметризации структуры от начала к концу*. Временное ослабление процесса симметризации наблюдается в зоне ГЦ двух жанровых структур, где несколько усиливается процесс диссимметризации. Усиление процесса диссимметризации в зоне ГЦ подтверждает большую информационную значимость этой зоны.

Факт большей информационной значимости зоны ГЦ наблюдался и ранее в художественных и устных текстах. Этот же факт подтвердился при исследовании распределения показателей нулевой информации (пауз хезитации) в макроструктуре высказывания в стрессовой ситуации [Корбут, Приходько, 2002: 128-129]. Подробные и убедительные доказательства информационной значимости зоны ГЦ в русском поэтическом тексте представлены в исследовании В.А. Дорофеевой [Дорофеева, 2004].

Таким образом, системно-процессуальная классификация ЭС служит одним из ключей к характеристике инвариантных процессов системообразования текста. Анализ ЭС в названном аспекте показывает зональную вариативность процессов текстообразования в жанровых группах, а также функциональную специфику композиционных частей текста: структурную или информационную нагрузку интервалов и зон. Оценка структуры текста в пространственно-временном аспекте – перспективный путь осмысления текстообразующих процессов.

2.5.2. Структурно-системная классификация элементов симметрии

В связи с разноуровневостью исследуемых ЭС и их текстовой функцией, существенно новым является симметрологический подход к уровневому аспекту классификации повторов, называемому в лингвистике парадигматическим. Совокупность всех изменений или отсутствия изменений (в терминах симметрии – преобразований) повторяющегося элемента в линейной перспективе текста оценивается по принципу симметрии. Актуальность парадигматического аспекта для содержательной классификации ЭС первого типа обусловлена тем, что правый элемент повтора не всегда сохраняет полное тождество с левым элементом (это учитывается в большинстве имеющихся в литературе классификаций). Предлагаемая здесь классификация, оставаясь традиционной при учете наличия изменений, является новой по подходу.

Описание вариантов преобразования ЭС в тексте-системе в процессе их адаптации представляет собой их структурно-системную классификацию. В этом аспекте выделяется три типа ЭС: *симметричные* (сохраняющие тождество правого элемента левому элементу), *варьированные* (с любым преобразованием элементов, кроме противоположного), *антисимметричные* (с противоположным преобразованием элементов).

2.5.2.1. Симметричные элементы

Отсутствие преобразований правого элемента в текстосимметрии названо симметричным повтором. Симметричные ЭС лексического уровня в лингвистической литературе терминологически назывались идентичными или абсолютными,

синтаксического уровня – полными. Среди симметричных встречаются повторы всех уровней лингвистического субстрата. ЭС, названные нами симметричными, допускают минимальные вариации. Среди них возможны преобразования последующего/правого элемента двух видов: укорочение и удлинение.

Симметричные ЭС без преобразований правого элемента относятся к *идентичным*, ЭС с укорочением правого элемента – к *усеченным*, повторы с удлинением правого элемента – к *дополненным*. В соответствии с лингвистической традицией, грамматические изменения лексически идентичных элементов преобразованиями не признаются. В предлагаемых примерах как ЭС-антецеденты чаще всего выступают заглавия в связи с большей наглядностью и высокой частотностью этих случаев.

Симметричные идентичные ЭС традиционно относились к лексическим и синтаксическим повторам. Это повторы слов: «невозвращенец» в повести А. Кабакова «Невозвращенец»; «лунный блик» в миниатюре В.Астафьева «Лунный блик»; «рекламный», «восприятие», «дискурс» в статье «Восприятие рекламного мифа как дискурса»; «понятие этнос», «определение» в статье «Об определении понятия этнос»; «беда» в пословице «Едет беда на беде, бедой беду погоняет» и т. п. К синтаксическим повторам в традиционных классификациях будут отнесены идентичные ЭС-повторы:

– предложений или предикативных частей: «Иду в ресторан» в миниатюре Ф. Абрамова «Иду в ресторан»; «Мороз, звенящий железный мороз» в рассказе С. Ливеровского «Ultima ratio»; «я думаю» в статье В.И. Ленина «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге»;

– повторы сверхфразовых единств: «Я протаптываю тропинку. Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка» в сказке Ф. Кривина «Сказка про белого бычка»; «Заправил Арнольд Мефодьевич паяльную лампу бензином, наточил немецкий штык и пошел к кабану. – Не режь меня. Гантенбайн! – взмолился кабан. – Додержи до Нового года/ Рождества – не пожалеешь! – Задумался Арнольд Мефодьевич, вспомнил русские народные сказки и воздержался колоть кабана» в сказке А. Гаврилова «Гантенбайн и кабан».

Симметричные усеченные ЭС представляют собой преобразование правого элемента как повтор части словосочетания или предложения:

– в миниатюрах: «Сильный колос» – «колос», «колосья» (В. Астафьев); «Жених да невеста, которые никогда не подводят» – «Жених», «невестушка» (Ф. Абрамов); «Мать и матица» – «мать», «матица» (Г. Пряхин);

– в научных и публицистических статьях: «Слагаемые имиджа фирмы» – «имидж»; «А.П. Щапов о религиозных обычаях сибирского населения» – «обычай»; «Явление «уподобления смыслов» в сакральных текстах» – «уподобление смыслов», «фирма «Бумеранг» – «Бумеранг» и т. п.

Симметричные дополненные ЭС чаще представляют собой преобразование слова в сочетание слов, словосочетания в предложение, осложнение или усложнение предложения-антецедента в правом контексте, иногда преобразование предложения в сверхфразовое единство:

– «Экзотика» – «хореографический коллектив «Экзотика», «Солнышко» – «детский хореографический ансамбль «Солнышко» (публицистика); «Выготского» – «Л.С. Выготского» (научная проза), «Иероглиф» – «иероглиф страха» (В. Маканин); «Два брата» – «два брата, два злака» (А. Зверев); «На кого беда падет» – «на кого беда падет, того нужда не оставит» (В. Астафьев); «Я был Тарпаном» – «но я был, был Тарпаном!» (Ф. Кривин).

Симметричных ЭС, по нашим данным, в среднестатистическом тексте около 45% от всего их количества (44,59%).

2.5.2.2. Варьированные элементы симметрии

Варьированные ЭС в традиционных классификациях распределялись по разным группам, объединяясь по уровням языкового субстрата. Именно в варьировании элементов большая часть исследователей видела основной способ текстообразования [Гак, 1987; Жолковский, Щеглов, 1977; Павлов, 1983; Севбо, 1969]. Описание варьированных ЭС в данной работе традиционно производится по характеру вариаций ЭС на уровне субстрата в правом контексте.

Морфемно-грамматическое варьирование ЭС соотносимо с морфемно-словообразовательным уровнем. Словообразовательные вариации – это повторение

однокоренных слов (в традиционной классификации – корневые повторы), повторение аффиксов (повторы аффиксальные), повторение служебной части составной формы (грамматические повторы – повторы синтаксем).

Корневые повторы: «Зеленые звезды» – «зелень» (В. Астафьев); «Пробуждение» – «пробуждать», «пробуждаться» (С. Гансовский); «Бесплатные ананасы» – «бесплатно» (А. Бологов); «Танцуют все» – «танцевальные» (публицистика); «Роль коммуникативной конвенции...» – «коммуникация» (научная проза)

Аффиксальные повторы: «коньякович, спотыкович, перцович»; «переделывать, передумать» (Ф. Абрамов).

Морфемно-звуковые повторы: «Идешь в гости – неси подарок в горсти» (пословица).

Грамматические повторы: повтор синтаксемы [Золотова, 1988: 4-5], понимаемый как повтор синтаксической позиции с предлогом и без предлога: «Мода» – «нимбы носят вокруг головы, а петли – вокруг шеи» (Ф. Кривин); «Женится – переменится» (пословица).

Лексическое варьирование связано с семантическими преобразованиями правого элемента. Это местоименные, синонимические и полевые повторы: повторы с местоименной и синонимической/ контекстуально синонимической, семантической заменой слова или словосочетания.

Синонимическое и местоименное варьирование ЭС: «Служебные слова в составе устойчивых выражений» – «служебные части речи» – «они», «устойчивые сочетания» – «такие сочетания» (научная проза); «Марьины коренья» – «крупные багрово-розовые цветы», «они» (В. Астафьев); «Новое положение» – «видное место» (П. Низовский); «Миг» – «мгновение», «момент», «секунда» (Ю. Бондарев); «Рожь, рожь» – «колос», «хлеб» (А. Твардовский); «Москва¹ стоит на болоте, ржи в ней¹ не молотят», «Которая¹ собака много лает, та¹ мало кусает» (пословицы).

Семантические полевые варьированные повторы (сюда же относятся метонимические повторы, гипо- и гиперонимы) в традиционных классификациях [Гиндин, 1972; Жолковский, Щеглов, 1977; Некрасов, 1985; Павлов, 1983 и др.]

включают обычно в тематические цепочки/ тематические сетки (номинационные, топикальные цепочки).

Примеры: «Взгляды дореволюционных исследователей на административные особенности Восточной Сибири...» – «управление», «чиновничество»; «Стратегия и тактика в процессе массовой коммуникации» – «цель», «способ», «воздействие» (научная проза); «Летняя гроза» – «дождь», «молния», «гром», «ливень», «туча» (В. Астафьев); «В День Победы» – «мир», «война» (Ф. Абрамов); «Первый снег, последний снег» – «белые мухи», «зима», «снегопад», «белизна» (В. Цеханович); «Отец» – «папаша», «ребенок», «дети», «дитя», «мальчик» (Л. Петрушевская); «Моя Арктика» – «Таймыр», «Диксон», «во льдах» (Ю. Мориц); «По ремеслу – промысел», «Были б денежки¹ в кармане – будет и тетушка в торгу¹» (пословицы).

Синтаксические повторы с варьированием обусловлены любыми перестановками и заменами в правых элементах фразовых и сверхфразовых повторов [Астафьева, 1962; Цветкова Н.Е., 1986; Крадожен, 1989 и др.]. Иногда это переход словосочетания в предикативную единицу или предикативное сочетание. Переход словосочетания в предикативное сочетание: «Пилот первого класса Куликов» – «Вот он какой Куликов – пилот первого класса» (С. Залыгин); «Объездчик Ещев» – «Я объездчик, а фамилия Ещев» (Г. Семенов); «Больше жизни» – «...любить надо, любить. Сильнее жизни любить, как любил...», «Больше жизни люблю» (В. Астафьев).

Различные преобразования предложения: «План выполняем» – «План выполняем по реализации топлива», «Какой план выполняли?», «А зимой мы выполняем план по экономии топлива» (Ф. Абрамов); «Мустанги» – «А чем мы питаемся?», «...что мустанги питаются шакалами», «...что они питаются падалью», «Мы питаемся травкой», «Мустанги – они не питаются мустангами?» (Ф. Кривин).

Преобразование сверхфразового единства: «Прекрасная мельничиха» – «Мы заколотили гроб и торжественно понесли его в соседнюю комнату. В соседней комнате я увидела много могил...», «Старуха схватила змею за хвост. И, танцуя, пошла на кладбище...», «Старуха не отвечает. Несет ангелочка на кладбище», «Ста-

руха махнула рукой и поспешила на кладбище. Никогда не видела, чтобы с такой радостью посещали кладбище» (Е. Сазанович).

В связи с разностью лексического наполнения к синтаксическим повторам с варьированием относятся и повторы синтаксической структуры: «Было тихо. Было темно» (Ф. Кривин, Ночь); «Человек без родины, что соловей без песни», «Хозяин в дому, что медведь в бору, хозяйюшка в дому, что оладышек в меду» (пословицы).

Варьированные повторы несколько преобладают среди всех ЭС, возможно в связи с их максимальной структурной нагрузкой: по предварительным данным в среднестатистическом тексте их около 53% (52,65%).

2.5.2.3. Антисимметричные элементы симметрии

Антисимметричное преобразование (ранее известное как контрастное повторение) правого элемента на уровне субстрата осуществляется тремя путями: а) заменой правого элемента на антоним, б) употреблением различных форм отрицания, в) введением слов антонимического семантического поля в правый контекст. В связи со способом преобразований правого элемента антисимметричные повторы распределяются на три подгруппы.

Антисимметричные антонимические повторы встречаются как корневые и приставочные. Корневая антисимметрия: «жить – умереть» (Е. Попов); «Жизнь» – «смерть»; «буйный – кроткий» (А. Лосев); «плохо – хорошо», «найти – потерять» (Ф. Абрамов); «При пире, при бражке – все дружки; при горе-кручине все ушли» (пословица). Приставочная: «Неправильные дроби» – «самая правильная дробь»; «раскапывали – закапывали» (Ф. Кривин); «счастье – несчастье» (Н. Долинина); «настраивать – расстраивать» (Ф. Абрамов); «революционный – контрреволюционный» (Ленин); «К добру гребись – от худа шестом суйся» (пословица).

Антисимметричные повторы с отрицанием. «Свет в окне» – «окно не горело», «Идеал» – «готовых идеалов нет» (Ю. Бондарев); «Гвоздь» – «это не гвоздь» (Ю. Поройков); «называют себя марксистами» – «Они не поняли диалектики» (Ленин); «Пашню пашут – руками не машут» (пословица). Антисимметричные полевые повторы: «Рука немого, говорящая рука» (Ю. Мориц); «Ко-

зел горячился – Баран был холоден – горячился Козел – оживился Баран – холодно бросил Козел – горячился Баран – загорелся Козел – пожал плечами Баран (Ф. Кривин); «Бесплатные ананасы»: – «деньги». (А. Бологов); «Ах ты, ноченька!» – «побудка» (В. Астафьев).

Антисимметричные ЭС – редкий тип преобразованных ЭС (около 2% в среднестатистическом тексте).

2.5.2.4. Виды преобразований элементов в микро- и макроструктурах

Исходя из структурно-системной классификации ЭС данным направлением в качестве преобразований признаются два вида: варьирование и антисимметрия. Преобразование элемента симметрии в одном отдельно взятом тексте, понимаемом по отношению к группе текстов как микроструктура, может быть осуществлено всеми известными способами. Например, в макситексте, рассказе В. Куликова, наблюдаются следующие преобразования ЭС дальнего порядка – композиционных ЭС (см. ниже). Пример демонстрирует абсолютное соответствие между элементами симметрии и ключевыми словами, которые рассматриваются как текст, являющийся сжатым «синонимом»-перифразой к исходному развернутому тексту [Сахарный, 1989: 83]. Это значит, что кодирование текста для информационно-поисковых систем может осуществляться с учетом сильных позиций, что позволяет несколько облегчить задачу программиста.

заглавие <i>Импровизация</i>		
симметричные (идентичные)	варьированные (полевые)	антисимметричные (полевые)
<i>импровизация музыка</i>		
<i>рояль</i>		
<i>концерт</i>		
<i>пианист</i>		
<i>музыкальная тема</i>		
	<i>смерть</i>	<i>жить</i>
<i>сыграть смерть</i>		

Все виды преобразований можно увидеть и в микротексте-пословице: *При пире¹, при бражке¹ – все² дружски³, при горе-кручине^{1*} все² ушли³*. Вариативные синонимичные – ¹; симметричные идентичные ²; антисимметричные антонимичные – ¹, ^{1*} антисимметричные полевые – ³.

Наиболее бедными с точки зрения преобразований элементов структуры являются минитексты-объявления: *Комн²., Первомайский¹ (в 2-комн^{2*}., 1/5 пан., ре-*

шетки, жел. дверь) посуточно, сдаю. Дешево. Первомайский¹, Бажова, 19 –18.

Симметричные –¹, варьированные словообразовательные –², ^{2*}.

Итак, ЭС в лингвистическом тексте претерпевают преобразования, осуществляемые на разных уровнях субстрата: словообразовательном, лексическом, синтаксическом. Цель работы заключается в определении инвариантных симметрических свойств текста как групп его симметрии (Г-подстройки), для чего требуется высокая степень обобщения наблюдаемых фактов. При выявлении зон симметризации/диссимметризации, коэффициентов симметризации, преобразования ЭС не учитываются.

Преобразования ЭС не принципиальны для выявления целостных свойств языковой формы текста (инварианта) – с этой целью не анализируются в текстовой макроструктуре. Но соотношение видов симметрии, участвующих в преобразовании ЭС (А-подстройка), косвенно связано с процессами симметризации/ диссимметризации и жанровой речевой макроструктурой текстов. Это значит, что предпочтение видов симметрических преобразований ЭС зависит от специфических свойств как передающей, так и принимающей среды бытия текста.

Структурно-системные виды ЭС – факт бытия поверхностной структуры текста, так как в глубинной структуре отражаются наиболее обобщенные, абстрактные представления поверхностных элементов. Другими словами, глубинная проекция игнорирует виды преобразований ЭС, которые прямо не отражаются в группах симметрии целого текста. Однако *три вида ЭС*, охарактеризованных выше, фактически отражают *три способа существования/ адаптации структурообразующего элемента*, первично представленного во внутритекстовой системе antecedентом. Они рассматриваются текстосимметрикой как способы преобразований, проявляющие роль видов симметрии внутри структуры главных формообразующих элементов текста. Статистический анализ видов преобразования ЭС в жанровых группах, понимаемых как жанровые макроструктуры, позволяет обнаружить пороговые значения симметризации/ диссимметризации при подстройке ЭС (адаптации элементов структуры).

Среднестатистические данные о преобразованиях в миди- и макситекстах, приведенные выше, говорят о незначительном преобладании (около 8%) вариативных преобразований ЭС над отсутствием преобразований. Можно ли такое *преобладание вариативного преобразования элементов структуры* считать стойкой тенденцией (инвариантным преобладанием)? Ведь различные сферы деятельности человека, которые сопровождаются текстами разных жанровых групп, вызывают значительные различия в условиях среды бытия текстов.

Различия среды бытия текстов могут вызвать внутри жанровой группы актуализацию преобразований другого вида (по принципу П. Кюри) – это повлечет и различия в соотношении структурно-системных типов ЭС. Именно такой факт обнаружен при сравнительной оценке соотношения системно-структурных типов ЭС в разных жанровых группах.

Для выявления соотношения видов преобразований ЭС в разных группах миди- и макситекстов обобщены данные по четырем жанровым группам прозаического текста: публицистической, политической, научной, художественной (см. табл. 2.6). Для сравнения видов преобразований ЭС в микро- и минитекстах составлено то же соотношение в пословицах и газетных объявлениях (см. табл. 2.7).

Обнаружены колебания в предпочтении вида преобразований внутрисистемного элемента между жанровыми группами. В данном аспекте по принципу уменьшения/увеличения количества симметричных элементов в ущерб варьированным объединяются художественная и публицистическая проза, политическая и научная проза. *Увеличение количества симметричных элементов в ущерб варьированным* в политической и научной прозе свидетельствует об актуализации качества точности текста в ущерб качеству образности в условиях научного и политического общения в его письменной разновидности.

Таблица 2.6. Виды преобразований ЭС в миди- и максигруппах

Вид преобразования	Публицистическая	Художественная	Политическая	Научная	Среднее в максигруппе
Симметрия	38,13%	39,57%	51,19%	49,45%	44,59%
Варьирование	60,79%	51,59%	48,82%	49,40%	52,65%
Антисимметрия	1,1%	8,84%	0,85%	1,15%	2,99%

Обращает на себя внимание и показатель антисимметричного преобразования элементов. Этот вид преобразований не является статистически значимой величиной ни для одной жанровой группы. Он стабилен в публицистической, политической, научной прозе (~ 1%) и более чем в 8 раз активен в художественной (~ 9%). Результат такого сопоставления говорит о незначительной роли антисимметрии в структуре миди- и макситекстов.

Повышение же значимости антисимметрии в макроструктуре художественного текста, возможно, связано со спецификой эстетической деятельности как вторичной среды бытия текста и особенностями художественного сознания как поверхностной среды бытия. Антисимметричные элементы говорят об использовании принципа контраста, противопоставления. Поскольку это – один из наиболее экспрессивных принципов, вполне естественно, что он более активен в поверхностной структуре художественного текста.

При дальнейшей оценке преобразований ЭС как процессов симметризации/диссимметризации требуется переход на более высокий уровень абстракции. Для получения обобщенной картины – определения соотношения симметрии/диссимметрии в поверхностной текстовой макроструктуре – показатели вариативных и антисимметричных преобразований ЭС расцениваются по принципу наличия/отсутствия преобразований и элементы суммируются, как преобразованные, «избирающие» *диссимметрию* при адаптации к структуре, поскольку изменение качества первичных элементов и есть операция асимметризации [Карпов, 1992: 137].

Преобразованные структурообразующие элементы составляют от 50% (49,67) до 62% (61,89). Не преобразованные ЭС составляют от 38% (38,13) до 51% (51,19). Средний показатель диссимметризации при адаптации ЭС в структуре – 56%. Средний показатель симметрии структуры ЭС – 44%. Таким образом, преобладание процессов диссимметризации при адаптации ЭС в структуре миди- и макситекстов незначительно ~ 12%.

Иную картину процесса преобразований ЭС показывают мини- и микротексты – пословицы и объявления (см. табл. 2.7). Здесь наблюдается уменьшение количества симметричных и рост диссимметричных – преобразованных ЭС (вариан-

тивных и антисимметричных). Максимальное среди всех жанровых групп количество антисимметричных элементов в микротекстах-пословицах говорит, с одной стороны, о значительном усилении роли экспрессии в этой жанровой группе. С другой стороны, большая доля антисимметричных преобразований связана со стремлением этих текстов к максимальной широте охвата действительности (фигурально выражаясь, от края до края). Этот тип преобразований обусловлен усилением когнитивной функции у текстов минимального объема, стремящихся к выражению большего объема информации. К ней также относятся не выделенные из совокупности художественных прозаических текстов афоризмы и фразы.

Таким образом, усиление экспрессии как качество поверхностной структуры сочетается с максимально возможной активизацией концептуальной информации, принадлежащей этой же структуре. Возможно, именно экспрессия как эстетико-эмоциональная категория играет роль катализатора в структуре процесса понимания концепта.

В целом, минигруппа исследованных текстов характеризуется уменьшением количества не преобразованных структурообразующих элементов до 19,68 – 22% (~ 20%) и увеличением количества преобразованных – до 78 – 80,33% (~ 80%). Соотношение 20: 80 позволяет утверждать, что примерно *четырежды* преобладание процесса диссимметризации структурообразующих элементов над симметризацией для минитекстов следует признать *системообразующим*.

Таблица 2.7. Преобразования ЭС в мини- и микротекстах.

Виды преобразований	Пословицы	Объявления	Среднее в минигруппе	Среднестатистическое значение
Симметричные	22,0%	19,68%	21,12%	36,67%
Вариативные	55,0%	76,23%	63,05%	56,98%
Антисимметричные	23,0%	4,10%	15,84%	6,5%

Полученное при сравнительном анализе системообразующих процессов в мини- и максигруппе заключение говорит о значительной объясняющей силе двучленной объемной классификации текстов. Деление на мини- и макситексты

(миниатюры/ афоризмы и повести/ рассказы) было осуществлено ранее в отношении художественной прозы [Корбут, 1995: 14-15].

Итак, для прозаических текстов обнаружены *пороговые значения процесса симметризации/диссимметризации структурообразующих элементов. Симметричных элементов в структуре ЭС не менее 20%, диссимметричных элементов не более 80%. Среднестатистическое соотношение симметрии/диссимметрии в структуре ЭС – 36 : 64. Баланс симметрии/диссимметрии 50 : 50 возможен только при максимальном усилении процесса симметризации в связи с условиями среды. Усиление процесса диссимметризации элементов структуры находится в прямой зависимости от объема текста: чем меньше объем, тем сильнее процесс диссимметризации, и, наоборот, при большем объеме, процесс диссимметризации слабее.*

2.5.3. Структурно-функциональная классификация элементов симметрии

Если рассматривать структурирование текста в той же научной парадигме, что и структурирование объектов материального мира, следует вспомнить, что сложно структурированные объекты (к которым относятся все лингвистические тексты, чей объем превышает 16 слов) имеют несколько параметров порядка. В физике кристаллов это называется ближним и дальним порядком [Китайгородский, 1984: 46-51]. Свойства живых тканей определяются дальним макроскопическим порядком, свойства кристаллов – дальним микроскопическим [там же: 49].

Как макроструктуры рассматриваются в естественных науках целостные объекты: молекулы, животные, популяции, экологические зоны, планеты, звездные системы, галактики. Как микроструктуры – электроны, атомы, кристаллы, молекулы, органы жизнеобеспечения и т. д. Сложные макроскопические системы «не сводятся к микроскопическому уровню атомов, молекул, клеток...» [Майнцер, 1997: 49].

Именно этот феноменальный закон действует в рамках сложно структурированного текста (миди- и макситекста), в котором микроструктуры (языковые элементы) соединяются в макроструктуру на уровне новой сложности с другими, пока

еще не описанными с достаточной строгостью, структурными законами. Этот закон в лингвосинергетике называется эмерджентностью – приращением смысла в тексте в сравнении со смысловыми структурами составляющих текст лингвистических единиц. Другими словами, это закон структурирования содержания (информации). Обсужденное положение далеко не ново как для отечественной, так и для зарубежной лингвистики.

Если же исследователь со вниманием изучает микротекст (пословицу, афоризм, слоган), то с неизбежностью обнаруживает тот же закон. Ведь не любое предложение становится микротекстом, а лишь то, в котором «появляется дальний порядок» – обнаруживается приращение смысла, формируется более сложная структура, полнота содержания (информации).

Традиционная лингвистика априори принимала текст за макроструктуру, так как исследовала миди- и макситексты. Формальный аспект текстообразования описывался по большей части фрагментарно – не как целостность. В связи с чем, основное внимание было уделено свойствам субстрата – элементам ближнего порядка, организующим структуру фрагментов как связную. Они рассматривались довольно подробно в синтаксисе текста, в функциональной грамматике, в функциональной морфологии и т. п.

Группы симметрии, вне сомнений, в первую очередь отвечают за организацию элементов дальнего порядка. Причиной этого (и, в то же время, следствием из этого) является их реализация в глубинной структуре текста, в инварианте. В настоящее время имеется несколько работ, где рассматриваются элементы дальнего порядка в симметрологическом аспекте (без опоры на функциональную классификацию ЭС). Отношение же элементов ближнего порядка структуры в названном аспекте до сих пор не рассматривалось. Вопрос о разнице между повтором и повтором в миди- и макситекстах – это вопрос об элементах дальнего и ближнего порядка со структурообразующими функциями, реализующимися на разных уровнях структуры.

В стилистике текста достаточно давно выделяются те повторы, взаимодействие которых на расстоянии организует содержательное целое [Данилев-

ская, 1985: 64; Шишкина, 1983: 135 и мн. др.] – это, вне сомнений, элементы дальнего порядка. Узко поставленную в текстосимметрии проблему функционального разделения повторов разрешает структурно-функциональная классификация ЭС. Классификация ЭС в названном аспекте проводит дихотомическое их разделение на два вида: *элементы дальнего порядка*, к которым относятся *структурообразующие/ формообразующие ЭС*, и *элементы ближнего порядка – ЭС связности/ контекстообразующие ЭС*.

К элементам ближнего порядка – ЭС связности – относятся в первую очередь различного рода местоименные преобразования, те повторы, которые «выполняют функцию первичной ориентации в тексте» [Новиков А.И., 1983: 148]. К элементам дальнего порядка – разноуровневые содержательные повторы (ключевые слова). Построение денотатной структуры текста, описываемое А.И. Новиковым, фактически является поиском элементов дальнего порядка и опирается на содержательные повторы. ЭС ближнего порядка – принципиально контактно расположенные элементы. ЭС дальнего порядка – принципиально дистантно расположенные элементы. Если же посмотреть на ЭС ближнего порядка (контекстообразующие) с точки зрения ключевых слов, выявляется, что далеко не все они могут быть отнесены к ключевым. Тогда как ЭС дальнего порядка – это, безусловно, ключевые слова (вместе с элементами междутекстовой симметрии – см. гл. 4). Внешние средства связи (по А.И. Новикову) относятся к ЭС ближнего порядка, внутренние средства связи – к ЭС дальнего порядка [Новиков А.И., 1983: 27].

Основная функция ЭС дальнего порядка – интегративная. С одной стороны, они участвуют в структурировании содержания текста, являя его говорящему/ слушающему как целостность. С другой стороны, за счет ЭС дальнего порядка создается целостная устойчивая отдельность (форма), выстраиваемая или воспринимаемая, но не осмысливаемая.

Симметрология описывает процесс создания целостности как использование видов преобразований формы в самое себя – автоморфизмы. Автоморфизмы текста – самоотражения текста в процессе превращения его в целост-

ность (Γ -подстройки). Для выявления автоморфизмов текста могут быть учтены только ЭС дальнего порядка, как это сделано при исследовании абсолютной плотности ЭС диалектной речи, художественного прозаического текста (первичное обнаружение групп симметрии текстовой макроструктуры) и фольклорного текста (см. главу 3).

Полученные графики плотности структурообразующих ЭС более отчетливо проявляют группы симметрии (формообразующие процессы). Тогда как недифференцированный учет всех ЭС – и структурообразующих ЭС и ЭС связности – создает менее четкий рисунок формы текста в макроструктуре жанровой группы (см. рис. 3.3–3.6 и 4.2–4.3). Первоначально терминологически ЭС дальнего порядка назывались композиционными и структурообразующими повторами [Корбут, 1995, 1995а].

Композиционный критерий значим только при выделении структурообразующих ЭС, он был последовательно применен при исследовании 729 художественно-прозаических текстов. Контактность ЭС дальнего порядка с теоретически выделенной позицией зачастую не наглядна и требует проверки по коэффициенту контактности, что осуществлялось при создании списка композиционных моделей и композиционных типов текста [Москальчук, 1998: 50-51].

По нашему мнению, ЭС дальнего порядка в миди- и макситекстах могут быть признаны «ансамблевой структурой» третьего и четвертого уровня сложности [Москальчук, 2003: 285-286]. Функциональная значимость этих элементов находится в зоне бессознательного. В связи с чем, объективно сформулированных правил создания симметрии художественной или публицистической формы (Γ -подстроек) в редактировании мы не наблюдаем, хотя рамочная композиция и признается наиболее частотной и эффективной.

Основная функция ЭС ближнего порядка – организация связности внутри содержательного фрагмента текста. Если преобразования ЭС дальнего порядка игнорируются, наиболее частотный вид преобразования ЭС ближнего порядка может быть легко определен: это местоименное и грамматическое варьирование. Контактность при расположении элементов ближнего порядка не требует

проверки при помощи коэффициента контактности в связи с наглядностью контактного расположения или спецификой дейксиса, характеризующегося обязательной отсылкой. Функциональное использование ЭС ближнего порядка осуществляется в значительной степени осознанно.

Правила организации ЭС ближнего порядка сформулированы в различных справочниках по русскому языку, стилистической обработке и литературной правке текста: в разделах, посвященных употреблению местоимений, при описании типов лексико-стилистических ошибок. Частично ЭС ближнего порядка описаны как стилистические и риторические фигуры [Береговская, 1984, Формановская, 1978], а также в справочниках по литературоведению.

Интегративные процессы в тексте, понимаемые как связь отдельных частей в единое целое, в коммуникативной лингвистике рассматривались в связи с выделением категорий интеграции и завершенности (Арнольд; Гальперин; Москальская; Тураева). Обе названные категории обслуживаются ЭС дальнего порядка. Особо выделяемая И.Р. Гальпериным категория когезии, понимаемая как формы/ способы связи в тексте, обслуживается ЭС ближнего порядка.

Важной для функциональной классификации ЭС в текстосимметрии является проблема небольших по объему текстов, в которых, по мнению И.Р. Гальперина, когезия полностью обеспечивает интеграцию [Гальперин, 1981: 124-130]. Текстосимметрия решает проблему функций ЭС в небольшом по объему тексте принципиально противоположным образом, поскольку ни один текст не может быть организован без элементов, принципиально организующих его текстуальность (то же у А.И. Новикова о доминировании внутренних средств связи [Новиков А.И., 1983: 27-28]).

Реальные представители ЭС дальнего и ближнего порядка не строго однофункциональны. Часто ЭС совмещают обе функции, особенно в структуре микро- и минитекстов. В этом случае мы говорим не о совмещении ЭС дальнего и ближнего порядка, а о наличии в тексте *только ЭС дальнего порядка как собственно текстообразующих элементов*. В микротексте названный переход ближнего порядка в дальний обязателен в связи с теснотой ряда лингвистических элементов.

В качестве примера рассматривается минитекст со следующими параметрами. Объем = 83 слова. КК = 1, следовательно, сильные позиции занимают три места (элемента/слова): теоретически рассчитанный элемент и ± 1 элемент. ЭС занимают 42 места. $КС = 42 : 83 = 0,51$. КИ = 0,43; КА = 0,08, значит, 7 мест занимают антецеденты.

Сильные позиции, занимающие по три слова: заглавие¹, зачин², ГЦн³, ГЦ⁴, ГЦк⁵, абсолютный конец⁶ – выделены полужирным шрифтом. Слабые позиции^{а,б} обозначены вертикальной чертой. Представители ЭС дальнего порядка подчеркнуты. ЭС ближнего порядка выделены курсивом.

В. Астафьев

Паутина¹

Грибное предосенье. Липнет паутина к лицу. Заденешь, раздерешишь паутину – и в сырую траву горохом осыпаются² пауки. Пугаясь в смятой паутине, они часто³ и беспомощно перебирают закорючинками лапок.

А ведь в только что растянутой паутине, в *сложных и* |^а *мудрых хитросплетениях ее они жили*, кого-то сторожили и чувствовали *себя по-хозяйски дома*.

Нарушился порядок. Не стало гармонии. Рухнул паучий⁴ мир, выпало звено из природной отлаженной жизни, лопнула еще одна *ее тонкая струна*.

Я смотрю на железнодорожный *мост*, мерцающий сплетениями паутины над широкой |^б *рекой*, и вижу, как быстро-быстро по его нитям⁵ перебирается *многолапый* и многорукий паук.⁶

Заглавием задан структурообразующий ЭС «паутина» (на рис. 2.4 обозначен – п). Наблюдается адаптация этого элемента в ходе истории системы: словообразовательное варьирование (паук, паучий), местоименное варьирование (они, себя, ее, его), полевое варьирование (лапки, хитросплетения, сплетения, нити, многолапый, многорукий, мост).

Гармонический центр выдвигает структурообразующий повтор «рухнул паучий мир» (на рис. 2.4 обозначен – р). Наблюдается синонимическое и синтаксическое варьирование (разорвешь паутину, смятая паутина, нарушился порядок, не стало гармонии, выпало звено из жизни, лопнула ее струна). К структурообразующему ЭС, семантическому полю «гармония», примыкает поле повтора «жили – жизнь – ее» (на рис. 2.4 обозначен – ж).

В структуре ЭС наблюдаются виды симметрии: трансляция, цветная, криволинейная, масштабная, гомология. Цветная симметрия с ослаблением яркости: они, себя, ее, его. Цветная симметрия с усилением яркости: нарушился, не

стало, рухнул. Криволинейная симметрия (метафора): паутина – мост (на рис. 2.4 обозначена – π^M). Масштабная симметрия (часть вместо целого): пауки – лапки. Гомология: паутина – пауки – паучий.

Структурообразующие повторы – ЭС дальнего порядка – занимают 6 из 6 сильных позиций. Встречаются они и в не сильных позициях. В слабых позициях ЭС дальнего порядка не наблюдается. Структурообразующие ЭС создают содержательный стержень: паутина – гармония, вмешательство извне – дисгармония, а также формируют концептуальную и подтекстовую информацию: предупреждение об опасности разрушения природной гармонии для человечества.

Большинство ЭС связности – элементов ближнего порядка – в данном мини-тексте совмещают функцию представителей ЭС дальнего порядка, так как выражают местоименное варьирование структурообразующих повторов. Ближний порядок без совмещения функций формируют пять рядов фрагментообразующих повторов. Полевые: «грибное – предосень» (на рис. 2.4 – о), «по-хозяйски – дома» (на рис. 2.4 – д), «мост – река» (на рис. 2.4 – м). Грамматические – «заднешь – раздерешь» (на схеме 1 – р). Синонимические – «сложных – мудрых» (на рис. 2.4 – с).

Схематическая последовательность всех элементов текста наглядно показывает роль ЭС в процессе формообразования.

Рисунок 2.4. Линейная последовательность элементов текста «Паутина».

Поо.п.рРп.....п.рпп.....п.....пс.{сспжж.....пддрррррррррррррррррррррр.жр..ж.р...п^М.пп.}м.....пп.п.пП

На рисунке обозначены: 1) сильные позиции – жирным шрифтом; 2) ЭС ближнего порядка – курсивом; 3) ЭС структурообразующие – прямым шрифтом; 4) слабые позиции – фигурными скобками; 5) элементы, не участвующие в структуро- и системообразовании – точками.

Группы симметрии данного текста представляет линейная последовательность, обобщающая структурообразующие ЭС, в этом обобщении выявляются ЭС дальнего порядка (см. рис. 2.5). ЭС ближнего порядка в формообразовании не участвуют. Формообразование данного текста осуществляется за счет зеркальной симметрии, создаваемой с помощью ЭС дальнего порядка.

текста «Строка». Группы (элементы) симметрии: зеркальное отражение, антисимметрия, трансляция, золотое сечение.

Анализ приведенных примеров подтверждает гипотезу о наличии инварианта автоморфных преобразований текста как специфической лингвистической формы. Эта форма целостности (модель) функционально нагружена в процессах порождения/ восприятия речи: она обеспечивает их нормальное протекание. *Сочетание зеркальной симметрии с винтовой симметрией (золотым сечением) есть инвариант автоморфных преобразований текста* – инвариант Г-подстроек.

Эта гипотеза уже нашла подтверждение в предыдущих исследованиях по отношению к частным группам дискурса: художественно-прозаическому тексту и диалектной речи [Корбут, 1995: 19; Москальчук, 1998: 60]. Инвариант формообразования принадлежит уровню глубинной структуры, находится не с светлом поле сознания, то есть, формообразование/ структурирование движимо законами текстопорождающей метроритмической матрицы.

* * *

Определение объясняющей силы структурно-функциональной классификации ЭС возможно путем количественного сопоставления ЭС обоих видов: дальнего и ближнего порядка. Это сопоставление позволит увидеть причины расхождения результатов количественных измерений повторов, выполненных по одной методике, при различном учете их структурно-функциональных видов.

Для количественного сопоставления ЭС дальнего и ближнего порядка были случайным образом избраны 50 художественно-прозаических текстов трех авторов (В. Астафьева, Ф. Абрамова, П. Низковского), в которых предварительно было осуществлено исследование только композиционных повторов (результаты отражены в [Корбут, 1995a]) – ЭС дальнего порядка.

Вторичное исследование тех же текстов с учетом всех видов ЭС, несмотря на некоторые методические трудности в выделении ЭС дальнего порядка, обнаружило два значимых факта: 1) количество функционально не дифференцированных ЭС в значительной мере преобладает над количеством ЭС дальнего порядка, 2) количество ЭС дальнего порядка сопоставимо с количеством ЭС-

антецедентов, хотя фактическое их совпадение наблюдается далеко не во всех случаях. Колебания количественных показателей, в связи с ограничением объемов текстов исследованной группы, невелики, поэтому усредненные результаты измерений отражают фактическое соотношение количеств (см. табл. 2.8).

Количественная оценка представителей ЭС дальнего порядка по отношению к недифференцированной их группе выявила следующие соотношения:

1) общее количество ЭС текста в среднем в 3,8 раз превышает количество ЭС дальнего порядка, 2) процентное соотношение между ЭС дальнего и ближнего порядка составляет в среднем 26 : 74, то есть элементов ближнего порядка больше почти в три раза, 3) наблюдается количественная близость, почти равенство, ЭС дальнего порядка и ЭС-антецедентов: 13,52 и 13,42 соответственно, 4) в минитекстах от общего количества элементов ЭС элементы дальнего порядка составляют около 11%.

Таблица 2.8. Количественное соотношение ЭС разных видов.

	Колебания значений	Средние значения
Объем текста	51 – 334	119,54
Количество всех ЭС	20 – 146	51,7
Количество ЭС дальн. порядка	4 – 31	13,52
Количество ЭС ближ. порядка	16 – 115	38,18
Количество антецедентов	3 – 32	13,42

Полученные данные по оценке количества ЭС дальнего порядка являются предварительными, так как по этой проблеме исследовано небольшое количество текстов, принадлежащих лишь к одной жанровой и объемной группе. Однако и эти предварительные результаты говорят о количественной стабильности структурно-функциональных групп ЭС – трех-четырёхкратное преобладание ЭС ближнего порядка прогнозируемо. Подтверждается достаточность выбора небольшого количества содержательных повторов из текста для оценки его структурно-композиционного своеобразия – его лингвистической формы.

Серьезное методическое значение имеет вывод о том, что проблема учета какого-либо вида повторов в качестве структурообразующих или не структурообразующих не актуальна. Учет разных ЭС повлечет за собой количественные, но не качественные расхождения в результатах исследований. Например, в исследовании

порционирования элементов симметрии в структуре поэтического текста В.А. Дорофеевой применялся недифференцированный подход к выделению ЭС. Однако, в связи задачей исследования информационного поля текста, ею выделялись ЭС дальнего порядка (смыслообразующие) и не учитывались повторы союзов и частиц [Дорофеева, 2004: 30]. Несмотря на расхождение в количестве и функциональном назначении учитываемых единиц, график динамики плотности повторов в поэтическом тексте В.А. Дорофеевой по конфигурации совпадает с нашим [там же: 61-62], полученным по данным от недифференцированного подхода (см. ниже).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.

Понимание повтора как структурно-композиционного элемента, который играет решающую роль в создании лингвистической формы текста, собственно материализующей мысль говорящего, традиционно для отечественной лингвистики и стилистики текста. Применение принципа симметрии для описания структуры языка, языковых уровней и языковых единиц продуктивно для современного языкознания. Возникшее в конце XX – начале XXI века на стыке лингвистики, симметрологии и синергетики новейшее направление, которое декларирует понимание текста как опосредованного природного объекта, применяет при анализе его лингвистической формы и системы принципы симметрии и пропорции, статистически выявляя закономерности, твердо опирается на предшествующее отечественное и зарубежное языкознание.

Элемент симметрии текста, понимаемый как материально закрепленный в структуре элемент – повтор языковой единицы или ее компонента, – является центральным понятием в текстосимметрии. В повторе, понимаемом как элемент симметрии текста, объединяются важнейшие категории текстосимметрии: композиция, структура, симметрия, форма – поскольку при функционировании этого структурно-композиционного элемента по законам симметрии создается симметричная форма текста.

Элемент симметрии текста как содержательно-логический его элемент (в виде конкретного для каждого текста смысла функционирует на обоих уровнях

структуры (глубинном и поверхностном), тем самым демонстрируя единство формы и содержания названного объекта.

Критерии выделения повтора как структурной единицы: чувственный, композиционный и критерий контактной многократности – опираются на механизмы порождения и восприятия текста. Экспериментальная верификация чувственного и композиционного критериев подтверждает функционирование повторов в качестве содержательно-тематических элементов. В конечном счете, все три критерия имеют чувственную природу, так как связаны с восприятием последовательности материальных единиц.

Проблема сопряжения позиций симметрологии и лингвистики потребовала определения двух типов элементов симметрии лингвистического текста. Элементы симметрии первого типа есть лингвистические элементы – повторы. Их наличие принципиально характеризует текст как объект симметричной структуры. Элементы симметрии второго типа чрезвычайно абстрактны, они характеризуют самопреобразования структуры материального объекта при формообразовании и являются в тексте как последовательность разноуровневых лингвистических повторов.

Элементы симметрии первого типа есть языковые элементы, претерпевающие симметрические преобразования и приспособленные для текстообразования. Элементы симметрии второго типа не являются языковыми, а лишь реализуют свою сущность посредством языкового субстрата, предназначенного для формирования текста. Таким образом, сопряжение симметрологии и лингвистики осуществляется тем же способом, что и сопряжение элементов симметрии второго типа с описанием формы любого другого материального объекта.

Преобразования элементов симметрии первого типа в структуре текста названы адаптацией, а процесс их преобразования в соответствии с его сущностью – А-подстройкой. Для А-подстройки актуальны все виды симметрии, кроме винтовой. Процесс адаптации элементов (первый тип симметрических преобразований) для определения элементов симметрии второго типа игнорируется.

При реализации в тексте элементов симметрии второго типа осуществляется подстройка глубинной структуры текста под языковой инвариант. Преобразования

структуры целого текста проявляются в заполнении позиций и межпозиционных пространств элементами симметрии первого типа. Это наблюдается в виде рисунка ЭС в линейной структуре целого. Элементами симметрии в этом случае являются те характеристики, которые позволяют описать форму текста: плоскости симметрии, пропорции, масштабные изменения при подобии, повороты и др. Второй тип преобразований в соответствии с его сущностью, формообразованием, понимаемым как *обретение групп симметрии*, назван Г-подстройкой. Для Г-подстройки как типа симметрических преобразований в структуре текста актуальны четыре вида симметрии: трансляционная, зеркальная, масштабная, винтовая.

Для классификации ЭС первого типа текстосимметрикой выделены три главных аспекта бытия повторов в целом тексте: время их появления и пространственное положение (системно-процессуальный), их адаптация к системе (структурно-системный), их роль в системе (структурно-функциональный). Каждый из аспектов классификации перспективен для исследования поскольку характеризует реальные симметрические процессы в тексте.

Достоинством анализа ЭС в первом аспекте является возможность определения первичных элементов (антецедентов) и вторичных элементов, что позволяет определить степень избыточности текста или его композиционно значимой части. Системно-процессуальная классификация ЭС – деление на антецеденты и собственно повторы – позволяет обнаружить рост количества симметрии к концу. Этот инвариантный процесс текстообразования определен как симметризация структуры. Следствием из системно-процессуальной классификации ЭС является введение трех коэффициентов симметризации текста – коэффициента симметричности, коэффициента избыточности и коэффициента антецедентов, – которые характеризуют процесс текстообразования с разных сторон.

Структурно-системная классификация обобщенно отражает способы адаптации элементов к структуре как наличие/ отсутствие вариаций. Отсутствие вариаций показывают две разновидности симметричных ЭС: идентичные усеченные и идентичные дополненные. Учитывается два вида ЭС при их вариации: вариативные и антисимметричные. Вариации и их отсутствие характе-

ризуют процессы симметризации/ диссимметризации внутри структуры текста (как вариации основных ее элементов).

Для прозаических текстов обнаружены *пороговые значения* процесса симметризации/ диссимметризации структурообразующих элементов: симметричных ЭС не менее 20%, диссимметричных не более 80%. Среднестатистический баланс симметрии/ диссимметрии в структуре ЭС – 36 : 64. Изменение этого баланса находится в прямой зависимости от объема текста: чем меньше объем, тем больше диссимметрии, и, наоборот, при большем объеме текста наблюдается меньший объем диссимметрии. Таким образом, структурно-системная классификация показывает связь линейного объема текста с диссимметрией его элементов и позволяет увидеть применение разнообразных видов симметрии в структуре одного текста.

Структурно-функциональный аспект классификации ЭС первого типа предполагает сопоставление строения материальных структур разного происхождения: продуктов речевой деятельности (текстов) и природных объектов. Этот аспект дает возможность описать главные и второстепенные ЭС в сложно структурированных текстах. Главными ЭС, ответственными за самодостаточность структуры признаются ЭС дальнего порядка – структурообразующие, интегрирующие. Второстепенными ЭС, ответственными за состояние структуры в каждой конкретной точке, признаются ЭС ближнего порядка – контекстообразующие, стилистические.

Контекстообразующие ЭС (ЭС ближнего порядка) – это контактно расположенные элементы повтора, которые осуществляют ориентацию реципиента в микроструктуре. Этот вид ЭС используется продуцентом и реципиентом вполне сознательно. Структурообразующие ЭС (ЭС дальнего порядка) дистантно расположены в миди- и макситекстах и функционируют в качестве формообразующих, оценка их функций осуществляется бессознательно.

Новое знание о строении текста дает предварительная количественная оценка элементов симметрии как представителей ЭС дальнего порядка. Несмотря на фактически большое количество ЭС, в качестве интегрирующих (для образования структуры текста) в среднем используется не более четверти из них. Соотношение между ЭС дальнего и ближнего порядка составляет в среднем 1 : 3. Обнаруженная

количественная близость, почти равенство, ЭС дальнего порядка и ЭС-антецедентов говорит о верно определяемом принципиальном свойстве структуры.

Принципиально необходимыми для текста являются структурообразующие элементы симметрии которые непосредственно связаны с ЭС второго типа. В рамках минитекстов и микротекстов не всегда можно провести пословное разделение ЭС дальнего и ЭС ближнего порядка, так как в условиях тесноты ряда часто наблюдается совмещение функций повторов.

Проблема выбора повторов для исследования в качестве структурообразующих или не структурообразующих для анализа макроструктуры является квази-проблемой, так как принципиальный подход к их различиям влечет за собой количественные, но не качественные расхождения в результатах исследований макроструктуры. Важно избрать единые для всех измерений принципы.

Выявленные адаптационные свойства внутритекстовых элементов симметрии (их преобразование, вариативность) позволяют уточнить определение главного объекта текстосимметрии:

это абстрактно понимаемый динамически изменяющийся при становлении системы и структуры текста повтор.

3. РЕАЛИЗАЦИЯ ВНУРИТЕКСТОВОЙ СИММЕТРИИ – ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Глобальные законы мироустройства: повторение (подобие) и пропорциональность при построении целого из элементов, существующие в виде самоорганизации – отражаются в сознании человека и во всей его деятельности. Формирование глубинного уровня лингвистического текста – его формообразование – осуществляется при участии элементов внутритекстовой симметрии. То есть лингвистический объект на принципиальном, глубинном уровне подчиняется законам мироустройства. Выявление специфики действия этих законов при структурообразовании основного лингвистического объекта – цель текстосимметрии. Предлагаемая глава предназначена для определения ведущего принципа текстообразования в виде инварианта и описания идеальной (глобальной) формы текста с позиций текстосимметрии.

Многообразная деятельность человека обуславливает сопровождающую ее речевую деятельность и, таким образом, являясь средой существования лингвистического текста, влияет на вариации формы этого речевого продукта. Влияние это порождает генетическое различие речевых (жанровых) форм. Однако все жанровые формы подчиняются единому или единым принципам текстообразования, не отклоняясь значительно.

Специфика влияния на текст конкретной сферы деятельности – серьезное препятствие на пути выявления общетекстовых законов. Давление материала (при условии его традиционного ограничения) хорошо знакомо каждому исследователю. Именно этим обстоятельством обусловлено мнение о несопоставимости тех или иных текстов (например, устной и письменной форм). Такая установка могла породить только такие лингвистические исследования текстов, выводы которых носят частный характер. А частный характер выводов, в свою очередь, уводил все дальше от глобального понимания основного лингвистического объекта.

Выявление жанровых форм – важнейшая задача текстосимметрии. В процессе исследования в зоне внимания всегда находятся и цель и основная за-

дача, поскольку глобальные текстовые формы существуют посредством жанровых и единичных форм. В то же время генетически обусловленные сферами деятельности жанровые формы, обобщаясь, образуют форму глобальную.

Исследование любых свойств текстовой (и жанровой) формы возможно только в лингвистической макроструктуре, поскольку в ней проявляется совокупность структурных свойств текстов, объединенных выборкой. Признаками макроструктуры являются лишь те свойства текста, как ее представителя, которые имеют в макроструктуре статистическое значение: наблюдаются более чем у 40% объединенных в макроструктуру текстов.

Решение основной задачи ставит перед текстосимметрикой первичную методическую проблему – проблему выбора материала как рационального и необходимого ограничения исследования. Поскольку для данного направления принципиально сопоставимыми являются все лингвистические тексты, важно решить, какие жанровые группы необходимо сопоставлять в первую очередь, а какие – во вторую.

Следуя логике принципа симметричности всех природных и неприродных структур, для решения основной проблемы первоначально избираются группы теоретически самых симметричных и самых несимметричных текстов. При формировании жанровых групп общие законы текстообразования, законы текстовой макроструктуры, проявляющиеся в инварианте, коррелируют со структурой среды – деятельности – и порождают характерные для каждой среды отклонения – жанровые варианты.

Поскольку симметрия – это проявление гармонии, эстетики, логично предположить, что эстетическая деятельность человека порождает самые симметричные тексты – художественные, а из названных – тексты поэтические. Крайнюю оппозицию им составляют тексты, максимально обусловленные прагматически. Эти тексты и полагаются самыми несимметричными. Таким речевым продуктом являются, например, объявления.

Отклонения от основного закона формообразования текста, понимаемого как реализация сочетания групп зеркально-симметричной структуры с группа-

ми винтовой симметрии, не превышают допустимых порогов. В связи с этим, в макроструктуре любой из жанровых групп обнаруживаются группы зеркальной симметрии. Так анализ жанровой макроструктуры, с одной стороны, подтверждает основной закон формообразования и способствует обнаружению порогов симметричности/ асимметричности структуры текста, с другой стороны, дает возможность создать список вариантов текстовых форм, обусловленных генетически – условиями происхождения. Первой стороне – исследованию глобальной структуры – и посвящается третья глава.

3.1. КОЭФФИЦИЕНТЫ СИММЕТРИЗАЦИИ ТЕКСТА

Изучение речевой деятельности как общего речевого потока, речи в жизни – дискурса – не дает возможности обнаружить какие-либо законы построения его структурных единиц, поскольку не предполагает строгости такого понятия. Это не явное на первый взгляд противоречие отделило лингвистику текста, понимающую свой объект как абстрактную конструкцию, от анализа дискурса [ЛЭС: 137]. Как и для лингвистики текста, для текстосимметрии понятие текста как структурной и функциональной единицы речевой деятельности центрально.

Однако путь текстосимметрии к выявлению глобальных законов текстообразования лежит через три ступени работы с тремя основными структурно-функциональными единицами дискурса. Первая из них – микроструктура (конкретный текст), вторая – жанровая макроструктура (совокупность текстов в единой среде), третья – внежанровая макроструктура (вся речевая масса текстов). Первая единица абсолютно конкретна и может быть охарактеризована с любых позиций. Специфические свойства структуры второй единицы обусловлены специфическими признаками среды ее бытия.

Структура третьей единицы исключительно абстрактна и не может быть охарактеризована с позиций дискурса, несмотря на то, что фактом дискурса она является. Преимущество текстосимметрии состоит в том, что для исследования текстовых структур самых различных уровней она имеет адекватные любому уровню абстрагирования «единицы измерения» – *коэффициенты симметризации*. Универ-

сальность предложенных коэффициентов симметризации заключается в том, что они в равной степени могут быть применены по отношению к любой из названных единиц, как конкретной, так и абстрактной.

Все три коэффициента симметризации текста: коэффициент симметрии, коэффициент избыточности и коэффициент antecedентов – характеризуют процесс симметризации структуры лингвистического текста с разных сторон. Все три коэффициента представляют *пропорциональное количество единиц текстовой структуры, участвующих в процессе симметризации этой структуры*, относительно всего количества ее единиц (относительно целого). Полученная делением количества искомых единиц на общее количество единиц структуры десятичная дробь (любой из коэффициентов симметризации) представляет пропорциональную часть от целого – *долю*, которая и легко может быть превращена в процентную характеристику. То есть любой из названных коэффициентов характеризует количество анализируемых структурных элементов относительно целого.

Общее пропорционально-относительное *количество единиц текста, участвующих в процессе симметризации* структуры без их системно-процессуального разделения – представляет КС. Он показывает, какая доля текста занята структурными элементами ЭС. То есть, *какая доля участвует в создании групп симметрии текста*, какое относительное количество элементов необходимо для создания устойчивой фрактальной структуры. Математически КС представляет собой отношение количества лексических элементов текста, являющихся ЭС, к общему количеству его лексических элементов. Подобный коэффициент симметричности (были учтены не все лингвистические повторы) был применен при исследовании трех жанров фольклора [Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002: 92] и при исследовании поэтических текстов [Дорофеева, 2004: 61].

КИ в свою очередь представляет собой отношение количества условно избыточных элементов текста, собственно повторяющих какую-либо уже представленную информацию (организуя связность и корректируя информативность), к общему количеству элементов. Этот коэффициент непосредственно связан с категорией информативности текста, так как характеризует относи-

тельно-пропорциональное количество элементов, *создающих жесткость смысловой структуры при передаче и ее надежность при восприятии*.

Поскольку такие элементы в разной степени информационно избыточны, достаточно высокое значение этого коэффициента требует осмысления проблемы соотношения информативности и информации. Собственно КИ позволяет представить количество информации в тексте в процентном отношении к его объему.

Для текстосимметрии коэффициент избыточности имеет принципиальное значение. КИ характеризует активность процесса симметризации структуры, поскольку показывает числовое значение пропорционального количества собственно симметричных элементов, ЭС-повторов, симметризирующих структуру.

Третий из коэффициентов симметризации – коэффициент антецедентов, который вычисляется как разность КС и КИ, – характеризует пропорционально необходимое количество структурообразующих элементов, которые будут повторены, симметризованы, далее. Сущность КА – в оценке пропорционально необходимого исходного количества структуро/системообразующих элементов текста для его теоретически достаточной эффективности.

Числовое значение процентного содержания антецедентов в структуре говорит об активности процесса симметризации с другой его стороны: увеличение КА ослабляет этот основной текстообразующий процесс. Коэффициент антецедентов, характеризуя количество первично употребляющихся элементов (не повторяющих информацию), напрямую связан с количеством информации. А, следовательно, его числовое значение участвует в вычислении значения *коэффициента асимметрии*, который с позиций текстосимметрии характеризует количество абсолютной информации.

Итак, за счет вычисления коэффициентов симметризации в системобразовании лингвистического текста наблюдаемы два противоположно направленных процесса: *симметризация* и *диссимметризация*. Первый из них проявляется как *увеличение пропорционального количества ЭС* (повторов в первую очередь). В соответствии с увеличением количества ЭС происходит повышение степени симметричности какого-либо интервала текста в сравнении с другим интервалом. Процесс дис-

симметризации проявляется как *уменьшение пропорционального количества ЭС* и соответственно – понижение степени симметричности какого-либо интервала текста, жанровой или текстовой макроструктуры в сравнении с другим интервалом. Усиление процесса симметризации говорит об увеличении степени структурности текста, поскольку ЭС являются собственно структурообразующими элементами.

3.2. СИММЕТРИЯ И ИНФОРМАЦИЯ КАК СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ

Тотальные свойства глубинной структуры текста, которые подчиняются формально-структурным законам симметрии, не воспринимаются сознательно. Напротив, обязательная передача информации – принципиальное назначение текста любого типа (и лингвистического в том числе), рассчитанное на сознательное восприятие. Это аксиома, что само наличие информации в тексте тоже является его тотальным свойством.

Информация и содержание – свойства поверхностной структуры – извлекаются из лексико-грамматической и, в первую очередь, формально-структурной системы текста, которая обладает различными признаками симметрии. Однако в общей симметрологии имеется постулат о слабой информативности симметричных систем, поскольку повторение не передает новой информации. В этом аспекте возникает серьезное теоретическое *противоречие между* обнаруженной *тотальной симметрией* формально-структурной системы текста, которую демонстрируют коэффициенты симметризации, и его основным свойством – *информативностью*. Чтобы снять выявленное противоречие, важно понять сущность информативной функции симметрии – повторений внутри текста и между текстами.

Понимание информации применительно к тексту отличается от научно-технического ее понимания. Поэтому по отношению к тексту используются иные термины-синонимы: семантика, смысл, содержание, информативность. Два из них недостаточно удобны для нашего исследования, поскольку первый не употребляется по отношению к целому, а второй недостаточно терминологичен. В то же время ни один из терминов не может обозначить всю полноту

информации, содержащуюся в любом из текстов, так как с позиций участников речевого акта подлежит необходимой оценке лишь актуальная информация. Термины «содержание» и «информативность» следует признать дублетными, так как оба они оценивают именно актуальную информацию, а ее сущность зависит от симметрических качеств текста.

Информация, понимаемая как «обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом» [БЭС: 455], предполагает передачу и получение принципиально *новых* сведений. Максимальной долей информации, в таком случае, обладает тот текст, каждый элемент структуры которого является новым для передающей и принимающей систем, участвующих в процессе продуцирования/восприятия. Такой текст не имеет избыточной информации – это текст с несимметричной структурой (без повторов).

Избыточность – «естественное свойство структурированных систем», важнейшее свойство, реализующее внутреннюю меру структуры [Сороко, 1984: 190-191]. Лингвистический текст и есть такая естественно структурированная система, в которой реализуется естественно необходимая ей мера, поэтому в практике речи (сплошном дискурсе) тексты с несимметричной (асимметричной) структурой имеют низкую степень вероятности. В то же время для текста как естественной информационной системы, предназначенной для человеческого общения, свойственна не количественная, а качественная информация [Колмогоров, 1987: 33-35].

Содержание – философское и литературоведческое понятие, синонимичное понятию информативности в лингвистике [Лит.ЭС: 471; ФЭС: 595]. От качественной информации содержание отличает одна, но существенная черта. Информация – нечто, предназначенное продуцентом для передачи реципиенту и извлекаемое реципиентом по мере необходимости. Понимание содержания речевого акта Е.А. Кибриком, как характера и структуры передаваемой информации, включает обширные свойства [Кибрик, 1987: 24-25] и ближе к принятому в нашей работе понятию «информация».

Содержание – сущностное обобщение информации, абстрагирование от нее («глобальное или интегральное содержание», по К.А. Долинину [Долинин, 1985: 8], «невербальные смыслы», по А.Н. Васильевой [Васильева А.Н., 1983: 131], инвариант прочтения, по Ю.Б. Бореву [Борев, 1986: 8]). В этом смысле оно шире информации, может включать и то, что реципиенту не предназначено, и то, чего не имел в виду продуцент. Информация – понятие более конкретное, часто включающее огромный (для многих инокультурных текстов практически неисчерпаемый) список фактов. То есть, в своем роде информация обширнее содержания.

Процесс продуцирования текста предстает в общих чертах как превращение социальных значений (неактуальных, а значит, и неинформативных, не обладающих качественной информацией) языковых единиц в контекстуальные (актуальные и качественно информативные) смыслы, и их суммирование в содержание, формируемое продуцентом (или реципиентом). Реципиент в свою очередь изначально воспринимает лингвистический текст как лично-ассоциативную содержательную сумму смыслов, которая может и не совпадать с передаваемой содержательной структурой [Фрумкина, 2001: 189; Когнитивный анализ слова, 2000: 161-163; Кравченко, 2001: 126-136]. Назначение избыточной (повторяющей) информации (и шире – симметрии) в этом процессе заключается в воздействии на реципиента в целях повышения вероятности адекватного прочтения содержания – в повышении надежности сообщения, что и заключается в восприятии его качественной информации. Происходит коррекция процесса формирования принимаемой информационно-содержательной структуры путем варьированного повторения с целью сделать принимаемую структуру наиболее адекватной передаваемой содержательной структуре.

Механизм формирования избыточной информации проецируется на глубинный уровень как процесс симметризации структуры. Так избыточная поверхностно-информационная структура (повторы разного рода) способствует коррекции содержательной структуры для реципиента. Это выражается в повышении уровня запоминаемости и в устойчивой связи содержания с повторяющимися элементами.

Названный факт подтверждается наблюдениями многих исследователей [Бабич, 1991: 48; Васильева А.Н., 1983: 190; Глаголев, 1967: 13-17; Кожин, 1980: 67; Руслякова, 1981: 8 и др.], а также результатами психолингвистических экспериментов: с квазитекстами (см. выше) и деформированными текстами [Дорофеева, 2004].

Действие избыточной информации в тексте осуществляется на всех уровнях субстрата (языковых уровнях) и может рассматриваться во всех лингвистических аспектах. Например, избыточна оценочная интонация, соответствующая коннотативному компоненту лексического значения; избыточны приставочно-предложные повторы (*извлечь из, подставить под*); избыточны указательные местоимения и средства, их заменяющие. Наиболее избыточны среди лексических элементов лексические повторы. Частично избыточны синонимы, гипо- и гиперонимы, антонимы, слова одного семантического поля. Избыточную информацию несут повторы синтаксической структуры предложений или словосочетаний и все тематические (в противовес рематическим) элементы.

Результаты исследования перечисленных элементов субстрата изолированы друг от друга в разных разделах лингвистики. Однако все они функционируют исключительно во внутритекстовой системе. То есть: едины сфера их существования (лингвистический текст) и назначение этих элементов в названной системе (текстообразование/структурообразование/связность). Текстосимметрия же осуществляет объединение всех лингвистических аспектов избыточной информации, выражаемой элементами внутритекстовой симметрии, в пропорционально-числовом значении коэффициента избыточности.

Собственно симметричные элементы формируют структурное единство, устойчивость системы, внутри этой системы они неизбежно информационно избыточны. Каждый элемент, симметричный предыдущему, абсолютно или частично повторяет уже представленную информацию. Тогда как новая информация внутри системы всегда асимметрична, то есть не повторяет никаких смысловых компонентов. Таким образом, только асимметричные элементы системы абсолютно информативны, потому что каждый из них представляет исключительно новую информацию.

Ментально-лингвистическая система=текст адаптирует последовательно поступающие элементы информации и поэтому крайне редко может содержать только новые, неповторяющиеся (неадаптированные) элементы. Следствием процесса адаптации элементов являются, например, коммуникативная преемственность предложений, звуковое уподобление (рифма и фонетическая корреспонденция [Сивуха, 1990]), грамматико-синтаксическое уподобление (часто встречается в пословицах). Адаптированные элементы *относительно ограничивают количество нового, асимметричного*.

Элементы симметрии являются носителями структуры – негэнтропийными элементами. Они облегчают ее восприятие (комфортны как для продуцента, так и для реципиента) и формируют качественную информацию – создают информационно-содержательную структуру внутри лингвистического текста. Тогда как элементы асимметрии, которые являются межструктурными носителями информации, – это элементы энтропии, носителями внутритекстовой структуры не являющиеся. Они детализируют общеинформационную структуру.

Не исключая взаимопереходов и частичного тождества понятий системы и структуры текста, следует признать содержание текста – качественной информацией и тотальным свойством систем данного типа, а также его поверхностной – *предназначенной для восприятия* – структурой. В таком случае, линейные негэнтропийные стратегии при порождении текста (коммуникативная преемственность предложений в поверхностной структуре, линейная пропорциональная делимитация и симметризация в глубинной структуре) являются тотальным свойством структур данного типа. Глубинная часть этих свойств не предназначена для сознательного восприятия, а лишь создает психологический и физиологический комфорт.

Принцип трансляции и адаптации элемента к данной информационной системе – основной принцип эффективности лингвистической структуры при передаче качественной информации. Симметрия в виде лингвистических повторов сохраняет преемственность информации внутри текста, обеспечивает постепенность поступления нового и его тесную связь со старым. Этим объясняется высокая степень симметричности структуры текста, выражаемая КС.

Это и делает лингвистический текст самым надежным, совершенным и самым распространенным средством передачи информации.

КС, КИ и КА единичного текста выражают его конкретные свойства и непосредственно связаны с количеством и качеством информации в нем. Однако теоретическое и практическое значение в первую очередь имеет выявление тенденций, характерных для разных жанровых групп, а также всеобщей принципиальной тенденции. Взаимоотношения симметрии и информации – структуры и системы лингвистического текста – более сложные, нежели это кажется на первый взгляд.

Информативность традиционно считается важнейшей категорией текста, характеризующей предметно-смысловое содержание в качестве объекта восприятия (то есть, это обеспечивающий понимание фактор) [Смысловое восприятие, 1976: 35; Сорокин, 1985: 17; Педагогическое речеведение, 1998: 76]. Элементы внутритекстовой симметрии лингвистического текста, являясь избыточными, повышают надежность его правильной интерпретации, частично повторяя ранее представленную информацию и постепенно видоизменяя ее (того же мнения придерживается З.В. Русякова, относя корневой повтор к «частично-дублетным и информативно-необходимым элементам» [Русякова, 1981: 3]). Элементы *внутренней асимметрии повышают количество информации* в тексте, но не обеспечивают ее надежную интерпретацию. Таким образом, несомненно для лингвистического текста, что каждый из двух типов элементов – и симметричные, и асимметричные – несет свою меру информации.

Поскольку в рамках симметрологии как науки о структуре природных объектов только асимметричные элементы рассматриваются как передающие новую информацию, информативные, то понятия *информация в тексте* и *информативность текста* принципиально разводятся. Информативность текста уже определена как степень надежности, обеспечение наибольшей адекватности содержания продуцента содержанию реципиента. Информация в рамках текстосимметрии определяется как *степень новизны элементов структуры текста относительно его предшествующих фрагментов* и называется *абсолютной информацией*.

Абсолютная информация связана исключительно с асимметрией разных уровней структуры текста, информативность, напротив, – почти исключительно с формальной и содержательной симметрией в структуре лингвистического текста. И если основное свойство информации – *быть переданной для обмена*, то носителями ее в тексте как системе следует признать *все* элементы как избыточные (симметричные), так и не избыточные (асимметричные). В этом случае противоречие между симметрологией и текстосимметрикой будет снято, а функции симметрии в лингвистическом тексте будут оценены более точно. Для пропорционально-количественной оценки избыточных/не избыточных элементов системы служит коэффициент избыточности текста.

Предназначены для восприятия, для коррекции информации, для формирования содержания – в первую очередь элементы симметрии, часть из которых (исключая антецеденты) избыточна. И если содержание текста признать его информационным инвариантом – следует признать, что именно ЭС несут основную информацию. При этом ЭС-антецеденты вводят основную информацию как новую, а ЭС-повторы обеспечивают ее адаптацию внутри информационной системы. В свете всего сказанного, можно утверждать, что *симметрия, помимо структурообразующей, выполняет в тексте две функции: коммуникативную и информативную.*

3.2.1. Количество асимметрии в тексте как информационный порог

Максимальное количество асимметрии в тексте может быть представлено как пороговое значение абсолютной информации для лингвистического текста. Есть необходимость более подробно рассмотреть тексты симметричной структуры на предмет количества асимметрии в них. Анализ элементов асимметрии (элементов абсолютной информации) обнаруживает две составляющие их группы. К первой группе элементов асимметрии, безусловно, относятся все неструктурные элементы текста – не ЭС. Ко второй – та часть структурных элементов – ЭС, – которая представлена антецедентами, так как антецеденты вводят новую для предшествующего состояния системы информацию.

Какую пропорциональную часть объема (пропорциональное количество) занимают *элементы асимметрии* в симметричном тексте, показывает сумма КА и

пропорционального количества не участвующих в структурообразовании элементов. Относительно-пропорциональное количество неструктурных элементов асимметрии есть разность между единицей (целым) и КС: $1 - \text{КС}$.

Сопоставительный анализ количества асимметрии в макроструктурах жанровых групп (см. табл. 3.1) дает возможность увидеть достаточно жесткие закономерности. Во-первых, количество элементов асимметрии зависит от объема и жанра текста. Во-вторых, количество элементов асимметрии в текстах симметричной структуры ограничено. Общее пропорциональное количество элементов асимметрии (см. табл. 3.1, столбец 5) в определенной степени стабилизировано: они занимают от 0,653 до 0,730 части текста при среднестатистическом числовом значении 0,695. То есть *асимметрии в структуре среднестатистического русскоязычного текста не менее 65% и не более 73%*.

Таблица 3.1. Объем асимметрии в структуре речевых жанровых групп

Речевой жанр/ Кол-во текстов в выборке	Средний объем	КС	КИ	КА	Неструктурные элементы: 1- КС	Элементы асимметрии
1	2	3	4	5	6	7
Политическая проза/ 20	1144	0,431	0,353	0,084	0,569	0,653
Публицистическая проза/ 28	772	0,366	0,282	0,061	0,634	0,695
Научная проза/ 61	763	0,366	0,299	0,067	0,634	0,701
Художественная проза/ 124	177	0,366	0,301	0,065	0,634	0,699
Поэзия средних форм/ 50	320	0,364	0,270	0,094	0,636	0,730
Поэзия малых форм/ 523	39	0,516	0,276	0,240	0,484	0,724
Пословица/ 267	5	0,635	0,355	0,280	0,365	0,645
Средние параметры по выборке/ 1134	460	0,435	0,305	0,127	0,565	0,695

Порог максимального количества абсолютной информации в тексте с симметричной структурой определим по нижней границе количества симметрии или по верхней границе количества асимметрии. Для получения порогового значения абсолютной информации привлечены параметры самого асимметричного речево-

го жанра – объявления. Числовое значение КС самых асимметричных текстов составляет 0,183. То есть несимметричные элементы в тексте объявлений занимают 0,817 от целого, что ~ на 10% превышает результаты измерения макроструктур других речевых жанровых групп. Этот же результат еще раз подтверждает специфичность, связанную с прагматическими особенностями данного жанра.

Самый асимметричный речевой жанр обладает очень специфическими чертами. Во-первых, в объявлении почти отсутствует содержание как таковое – в связи с усилением количественной части информационно-содержательной структуры. Во-вторых, информация не рассчитана на естественное восприятие, запоминание и преобразование во внутренние смыслы: при пользовании текстами этой группы реципиенту и продуценту требуется обязательное вспомогательное средство – фиксация в письменной форме. В-третьих, междутекстовые элементы жанровой формы, замещают внутритекстовые ЭС функционально (см. гл. 4). Из практики анализа жанровой макроструктуры объявления определен *порог количества абсолютной информации в симметричном тексте* – 82%. Этот порог представляет собой жанровое отклонение количества асимметрии от среднестатистического значения в сторону увеличения.

Анализ таблицы 3.1 показывает отклонения количества асимметрии в обе стороны, что, безусловно, связано с условиями бытия жанровых форм. Первичное приблизительное осмысление наблюдаемых отклонений показывает, что *отклонения в сторону уменьшения количества асимметрии* связаны с двумя условиями: 1) с повышением структурности при уменьшении объема, 2) с необходимостью воздействия на реципиента (политическая проза). *Отклонения в сторону увеличения количества асимметрии* также связаны с двумя условиями: 1) с необходимостью повышения информационной емкости в ущерб коммуникативной эффективности, 2) с обязательным наличием письменной формы текста.

Основным на данном этапе является признание значимости для специфики жанровой макроструктуры не столько количества асимметрии, сколько необходимого количества структурообразующих элементов (ЭС). То есть *различия жанровых макроструктур заключаются в усилении/ослаблении структу-*

рообразующей функции ЭС. Среднестатистическое пропорционально необходимое количество асимметрии в тексте почти стабильно ~ 70%, а значит, элементов, структурирующих текст изнутри (на уровне микроструктуры) ~ 30%.

3.3. СТЕПЕНЬ СТРУКТУРНОСТИ ТЕКСТА И ЕГО ОБЪЕМ

Относительное количество элементов симметрии текста, образующих микроструктуру, способно охарактеризовать степень структурности текста через значение коэффициентов симметризации. Разброс значений КА в жанровых группах имеет довольно заметные различия (см. табл. 3.1, столбец 3): от 0,061 в публицистической прозе до 0,280 в пословице. Максимальное и минимальное значения отклоняются от среднестатистического: +0,153 и -0,066. Это позволяет сделать предположение, что исходное количество структурообразующих элементов связано с жанром и объемом.

Зависимость от объема заключается в возрастании исходно необходимого количества структурообразующих элементов более чем в 2 раза для текстов минимального объема (поэтическая миниатюра и пословица) в сравнении с текстами среднего и максимального объема. Об этой же закономерности говорит и пропорциональное количество неструктурных элементов (см. табл. 3.1, столбец 4), которых в мини- и микротекстах (поэтических миниатюрах и пословицах) менее половины (до 50%), а в мидитекстах более половины ~ на 10% (от 60%).

Наблюдаемая зависимость структуры речевого жанра от условий бытия, которая заключается в большем числовом объеме набора исходно необходимых структурообразующих элементов для поэзии в сравнении с прозой (см. также табл. 3.4), – для лингвистического текста первична. В тоже время объем исходного набора структурообразующих элементов, необходимых для прозы, не зависит от ее специфики (научной, публицистической, художественной). Только политическая проза требует повышения степени структурности, в виде увеличения исходного количества структурообразующих элементов ~ на 20%.

Все ЭС являются структурными элементами микроструктуры-текста, остальные элементы при таком подходе – не структурные, поэтому значением КС в опре-

деленной мере характеризуется и степень структурности среднего представителя жанровой группы. Статистически минимальная степень симметричности структуры (структурности на уровне микроструктуры), таким образом, составляет 36,6 %.

Возможность уточнить связь между объемом текста и степенью его внутренней симметричности (структурности), определяемой КС, дает анализ КС 190 прозаических текстов, наиболее близких по поверхностным характеристикам и условиям порождающей внешней среды: художественной и нехудожественной прозы. Для организации наблюдения тексты сгруппированы по первичному параметру. Получены четыре их группы:

- 1) с объемом от 100 до 300 словоформ,
- 2) с объемом от 300 до 600 словоформ,
- 3) с объемом от 600 до 1000 словоформ,
- 4) с объемом более 1000 словоформ.

Ранее для вычисления среднестатистического значения КС во внежанровой макроструктуре включались данные по микротекстам и поэзии. В связи с чем, среднестатистический КС не достаточно корректен при сравнительной характеристике избранных групп текстов. Поэтому получено среднее значение КС прозы с первичным параметром более 100 единиц – среднепрозаический КС. Среднепрозаическое значение КС составило 0,405. С полученным средним значением КС могут быть корректно сопоставлены средние значения КС в подобранных объемных группах прозаических текстов – групповые КС.

Таблица 3.2. Динамика зависимости степени структурности прозаического текста от его объема

№ группы текстов	Объем Текстов	Значение КС	Сопоставление со средним КС
1	100-300	0,426	> 0,405 (+0,021)
2	300-600	0,414	> 0,405 (+0,09)
3	600-1000	0,374	< 0,405 (-0,052)
4	Более 1000	0,370	< 0,405 (-0,058)

Коэффициенты симметризации групп 1 и 2 имеют числовое значение больше среднего. Групповые значения КС 3 и 4 – значение меньше среднего (см. табл. 3.2). Полученные результаты подтверждают обратную зависимость степени структурности от объема, выявленную на материале микро- и мини-текстов (поэтические миниатюры, пословицы, объявления – см. ниже).

Подобная работа по выявлению связи объема поэтического текста с количеством повторов в нем была проделана В.А. Дорофеевой [Дорофеева, 2004: 57]. Несмотря на некоторые различия в учете повторов, ее таблица показывает ту же закономерность (см. табл. 3.3). Тенденция уменьшения степени симметричности с увеличением объема может быть признана инвариантной.

Таблица 3.3. Соотношение количества повторов и объема поэтического текста

Объем текста в словоформах	Количество текстов в группе	Коэффициент плотности повторов
12 – 50	179	0,431
51 – 100	405	0,419
101 – 150	171	0,395
151 – 200	79	0,382
201 и выше	70	0,371

Стандартное правило структурирования русского текста: *тексты большего объема требуют меньшего количества внутривидовых элементов* – степень симметричности текста обратна его объему.

Пороговое значение объема текста, после которого структурность падает, по значению КС определить не удастся, так как результаты исследования демонстрируют постепенное падение КС. Однако падение степени симметричности структуры текста в проанализированном материале (и в прозе и в поэзии) незначительно: в среднем на 6% (с 43 до 37%).

Обнаружено, что степень структурности в некоторым образом связана и со значением коэффициента контактности элементов текста (КК – см. п. 2.2.3). Значение КК при объеме текста до 40 слов менее 1 (~ 0), тогда как при объеме текста более 100 слов его значение ≥ 2 . Коэффициент антецедентов в группе текстов до 40 слов $> 0,2$, тогда как КА в текстах свыше 100 слов $< 0,1$ (ср.

столбцы 2 и 5 табл. 3.1). Становится возможным сделать предположение, что объемный порог падения структурности находится в коридоре между значениями в 41 слово и 100 слов.

Обнаруженное падение структурности обусловлено внутрискруктурными причинами, а не влиянием внешней среды. Другими словами, энтропия внутри текста самопроизвольно возрастает с возрастанием его объема, что соответствует второму закону термодинамики [Манаков, Москальчук, 1999: 60]. Однако степень ее возрастания незначительна: не более 7%.

3.4. УСИЛЕНИЕ СИММЕТРИЗАЦИИ – ИНВАРИАНТНЫЙ ПРОЦЕСС ФОРМООБРАЗОВАНИЯ ТЕКСТА

Симметризацией называется негэнтропийный процесс, который заключается в повышении вероятности адаптации элемента в структуре в процессе образования системы, другими словами, рост количества ЭС. Процесс симметризации/адаптации в жанровой макроструктуре показывает анализ числовых значений коэффициентов симметризации по композиционным интервалам этой макроструктуры. Анализ поступательного изменения количества ЭС от начала к концу дал возможность представить правдоподобную гипотезу о росте интенсивности процесса симметризации структуры текста от начала к концу с наличием зоны остановки/ослабления этого процесса где-то в середине текста. Более подробное исследование процесса осуществляется за счет анализа плотности ЭС в каждом из композиционных интервалов жанровых макроструктур и внежанровой макроструктуры.

Анализ плотности ЭС в композиционных интервалах дает возможность увидеть не только движение процесса симметризации, но и группы симметрии жанровых макроструктур – их Г-подстройки. Совокупность характеристик жанровых макроструктур представляет инвариант русскоязычного текста на уровне глубинной структуры. Инвариант существует в виде языковой модели, которая бессознательно используется всеми говорящими на русском языке как при порождении, так и при восприятии текста.

3.4.1. Самые симметричные тексты: поэтическая миниатюра

Теоретически в качестве самого симметричного текста принята поэтическая миниатюра. Для уточнения полученных выводов эта жанровая группа сопоставляется с жанровой группой средней поэтической формы. Определение вероятности симметричной структуры в жанровой группе минитекстов было произведено по выборке из 933 миниатюр (733 русских поэтических миниатюры и 200 переведенных на русский язык текстов японской любовной лирики, танка). Обнаружены 10 текстов малой формы, не содержащих ЭС. Это русские верлибры, объемом от 6 до 13 слов – микротексты.

Одиноко
бьется в груди
городок забвения.

Джангиров

Дольше всего
жаль бывает
разбитого одиночества.

Тюрин

Вероятность несимметричной структуры текста поэтической миниатюры составляет 11 текстов на 1 тысячу – 1,1%. Далее исследовались русские поэтические миниатюры (микро- и минитексты) симметричной структуры объемом от 10 до 70 слов – всего 523 текста (9 авторов из 10 поэтических сборников, взятых случайным образом). Выборка текстов средней поэтической формы большего, чем в 2,5 раза объема (мидитекстов): от 200 до 1165 слов – составила 50 текстов тех же авторов. Выражения «миниатюра» и «средняя форма» в данном случае не имеют строгого терминологического значения.

Наиболее точный показатель тенденции симметризации макроструктуры русской поэтической миниатюры – усредненный КС (общее количество ЭС во всех текстах, деленное на общее количество слов во всех текстах). Результаты исследования КС русского поэтического текста представлены в таблице 3.4.

Измерения показали: 1) средний объем русской поэтической миниатюры – 39 слов; 2) числовое значение КС при этом объеме составляет 0,516; 3) средний объем поэтического текста средней формы – 320 слов; 4) числовое значение КС при этом объеме – 0,364. Это значит, что 51,6% объема текста поэтической миниатюры (20 из 39 слов) заняты ЭС. Тогда как 36,4% (116 из 320 слов) заняты ЭС в поэтическом тексте средней формы. То есть, при увеличении сред-

него объема поэтического текста в 8 раз наблюдается уменьшение КС более чем на 40% (в 1,418 раз). Разброс числовых значений КС отдельных текстов достаточно велик. Минимальный КС миниатюр – 0,138 (А. Твардовский «Столбы, селенья, перекрестки»), максимальный – 0,917 (Л. Озеров «О тебе хочу я думать»). Минимальный КС средней формы – 0,236 (С. Есенин «Голубень»), максимальный – 0,578 (А. Прокофьев «Россия стоит на граните»).

Высокий КС жанровой макроструктуры и очень низкая вероятность несимметричной структуры подтверждают гипотезу о том, что *русская поэтическая миниатюра – самый симметричный речевой жанр*. Симметричный фон стабилизирует линейную перспективу текста. Этот стабильный формообразующий фон непосредственно соотносится и с содержательной структурой, участвует в структурировании содержания.

Определение среднего объема текстов с высоким и низким числовым значением КС внутри жанровой группы минитекстов позволило увидеть зависимость ослабления симметризации от увеличения объема. Средний объем текстов с низким КС (числовое значение $\leq 0,333$) составил 42 слова. Средний объем миниатюр с высоким КС (числовое значение $\geq 0,600$) составил 35 слов. При увеличении объема текста на 44,5% числовое значение КС уменьшилось на 16,7%. Следовательно, обратная зависимость количества симметрии (а также и степени структурности) текста от его объема подтверждается и внутри поэтической жанровой группы. Вновь подтвердился принцип: чем короче текст, тем больше симметрии в нем, тем выше степень его внутренней структурированности.

На поверхностном уровне это выражается в увеличении объема качественной информации (высокой концентрации мысли, сосредоточенности на одной идее). Для реализации информационно-содержательной структуры в условиях ограниченного объема приходится использовать словесные вариации содержания, проявляя смысловые компоненты (детали) в условиях тесноты ряда. Роль ЭС в процессе самоорганизации жанровой макроструктуры, благодаря анализу самого симметричного речевого жанра поэтической миниатюры, можно описать в общих чертах.

Принадлежит поверхностной структуре текста как вариации содержания, представители качественной информации – ЭС – формируют группы симметрии, на уровне глубинной структуры являясь формообразующими элементами.

3.4.2. Абсолютно симметричные тексты: пословица

Вторая жанровая группа максимально симметричных текстов выявлена в результате исследования – по максимальному числовому значению КС. В соответствии с закономерностью: чем короче текст, тем больше количество симметрии, тем сильнее процесс симметризации и выше степень симметричности – самыми симметричными среди текстов с симметричной структурой оказались микротексты – русские пословицы. Исследованы 317 пословиц: 267 из них имеют симметричную структуру.

Таблица 3.4. Параметры симметричности жанровых макроструктур

	Поэтическая миниатюра (10-70 слов)	Средняя поэтическая форма (200-1165 слов)	Пословица (2-14 слов)	Художественная проза (12-1678 слов)
Средний объем	38,67	319,51	5,37	176,77
Количество ЭС на 1 текст	19,95	116,22	3,55	64,67
КС	0,516	0,364	0,635	0,366
КИ	0,276	0,270	0,355	0,301
КА	0,240	0,094	0,280	0,065

Вероятность функционирования пословиц с несимметричной структурой в дискурсе составляет 19,5%. Средний КС жанровой макроструктуры пословицы выше, чем в поэтических минитекстах: 0,635. Следовательно, степень структурности жанра пословицы предельно высока. Средний числовой показатель КИ пословиц составляет 0,355, а в поэтических миниатюрах его числовое значение меньше: 0,276. КА, характеризующий степень внутренней структурированности текста, в микротекстах-пословицах тоже выше, чем в поэтических минитекстах: 0,280 и 0,240 соответственно.

Наблюдаются: высокое числовое значение КА (представителей «нового», пока не адаптированной к содержанию информации) и его близость к значению

КИ (представителей «старого», адаптированной к содержанию информации) в обеих жанровых макроструктурах (в отличие от числовых значений тех же показателей в миди- и макситекстах). Это говорит о более высокой информативной емкости жанровых групп с максимальной степенью симметричности структуры. То есть полученный результат подтверждает большую значимость когнитивной функции для мини- и микротекстов.

Совмещение А- и Г-подстроек в жанровой структуре микротекста влечет за собой более жесткое проявление процесса симметризации. Обнаружены микротексты-пословицы с симметричностью структуры 100% ($КС = 1$). Все элементы такого текста являются ЭС. Причем, симметричный текст, состоящий из двух элементов, всегда имеет стопроцентную симметричность. Первый из его элементов – антецедент, второй – собственно повтор. Например: *По ремеслу – промысел*. Максимальный объем пословицы со стопроцентной симметричностью структуры в рамках исследованного материала – 10 слов: *Хозяин в дому, что медведь в бору – хозяйюшка в дому, что оладышек в меду*.

Всего из 267 симметричных текстов-пословиц в материале встретилось 40 текстов со стопроцентной симметрией структуры – *абсолютно симметричных текстов*. Вероятность появления абсолютно симметричных пословиц в дискурсе составляет 126 текстов на 1 тысячу или 12,6% ($40 : 317 = 0,126$). Вероятность обнаружения абсолютно симметричных среди пословиц симметричной структуры не намного выше – 150 текстов на 1 тысячу, 15% ($40 : 267 = 0,150$).

Поскольку зональный КС в абсолютно симметричных текстах равен 1 по всем композиционным зонам, процесс симметризации в таких текстах стабилен, а практическое наблюдение его движения затруднено. Объемным пороговым значением для абсолютной симметричности структуры текста предварительно может быть признан интервал от 2 до 10 слов.

Наличие текстов со стопроцентной симметрией структуры еще раз подтверждает необходимость разведения терминов «информативность» и «информация». В противном случае 15% пословиц и афоризмов будут признаны неинформативными, находящимися за порогом восприятия. Поскольку ранее обсу-

ждавшийся «порог восприятия» предположительно обозначен для текстов, в которых «информативность ... не превышает 20%» [Пищальникова, 1999а: 77].

Ввиду уникальности речевого жанра пословицы в таблице 3.5 приводятся все полученные варианты соотношения количества ЭС (S) с объемом текста (V).

Таблица 3.5. Симметрия в структуре русской пословицы.

Объем V	Вариации S:V	Кол-во текстов		Объем V	Вариации S:V	Кол-во текстов
2	2 : 2	3		8	8:8	5
					7:8	1
					6:8	8
					5:8	6
					4:8	1
3	3:3 2:3	2 26		9	8:9	1
					6:9	2
					5:9	1
					4:9	1
4	4:4 3:4 2:4	14 3 30		10	10:10	1
					8:10	1
					7:10	1
					6:10	1
					5:10	1
5	5:5 4:5 3:5 2:5	2 24 7 31		11	9:11	1
					5:11	1
6	6:6 5:6 4:6 3:6 2:6	12 1 22 5 11		12	4 : 12	1
7	7:7 6:7 5:7 4:7 3:7 2:7	1 5 4 19 4 5		13	12 : 13	1
				14	4 : 14	1

Абсолютно симметричные тексты реализуют высшую степень проявления тенденции симметризации в формообразовании лингвистического текста – его инвариант. Пословица может быть признана не только носителем образа

мышления, воплощением когнитивной структуры сознания народа, но и воплощением эталонного образа текста с полной реализацией закона текстообразования в его языковом сознании. Другими словами, русская пословица симметричной структуры – идеальная модель русского текста.

3.5. ПРОЦЕСС СИММЕТРИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА КАК ЕГО ОБЪЕМНАЯ САМОПОДСТРОЙКА

Обнаруженный факт повышения степени симметричности от начала к концу на уровне глубинной макроструктуры текстов минимального объема обусловлен прагматическими причинами. Возможно, в сфере языкового сознания присутствует особый признак текстуальности, связанный с ЭС, – объем информативности, который проявляется на уровне поверхностной структуры. Иначе, почему формально один и тот же набор языковых единиц может быть опознан то как незаконченное, то как законченное высказывание? Это относится, например, к заглавиям-пословицам. *На всякого мудреца довольно простоты*: как пословица – это текст с полным объемом информации (содержания), а как заглавие к пьесе А.Н. Островского – не текст, так как не обладает информационно-содержательной полнотой.

Синтаксическая структура микротекста полностью соответствует синтаксической структуре предложения, а объем содержания такого текста значительно превышает объем информации, характерный для названной синтаксической единицы. Хотя микротекст и имеет одноуровневое структурирование, для поверхностной структуры его не актуальны семантико-синтаксические связи членов предложения. Поэтому объем его содержания возрастает за счет актуализации содержательно-концептуальной информации. Вероятнее всего предположить, что актуализация концепта происходит благодаря повышению степени симметричности структуры микротекста в сравнении с другими текстами общего дискурса.

Наращение силы процесса симметризации при системообразовании жанра пословицы проявляется при анализе показателей КС, КИ и КА в интервалах этой макроструктуры и их сравнении с теми же показателями поэтического минитекста.

Для получения числовых значений коэффициентов симметризации в каждом из интервалов макроструктуры пословицы исключены тексты с высшей степенью симметричности – стопроцентной (табл. 3.6).

Таблица 3.6. Процесс симметризации в микротекстах (пословицы)

Интервал/ коэффициент	Зачин 1	ПредГЦн 2	ПостГЦн 3	ПредГЦ 4	ПостГЦ 5	Конец 6
КС	0,757	1	0,867	0,435	0,565	0,952
КИ	0	0,017	0,116	0,265	0,529	0,952
КА	0,757	0,983	0,752	0,170	0,036	0

Обязательным интервалом симметризации является интервал предГЦн: КС=1. Статистически значима для расположения antecedентов только композиционная зона начала, включающая три интервала: зачин, предГЦн, постГЦн. При этом все элементы зачина являются antecedентами (КА=КС), предГЦн микротекста – интервал почти обязательного расположения antecedента (вероятность 98%), тогда как расположение antecedента в конце невероятно (КА=0).

Так как объем исследованных пословиц не превышает 14 слов, интервалы 1, 2, 3, 6 включают собственно сами структурно-композиционные точки:

- абсолютного начала (0 и 0,146), ГЦн (0,236),
- границы между зонами (0,382 и 0,854),
- абсолютного конца (0,944 и 1).

Третья композиционная точка текста – сильная позиция гармонический центр зоны начала 0,236 – для жанровой структуры данного микротекста есть *максимально вероятная точка «зарождения» процесса симметризации*. Две последние структурно-композиционные точки текста – 0,944 и 1 – есть точки *максимальной степени проявления этого процесса*.

Движение процесса в рассматриваемой жанровой макроструктуре наиболее наблюдаемо по коэффициенту избыточности, который равен 0 в абсолютном начале и равен КС в абсолютном конце. Рост этого коэффициента поступателен и не имеет замедлений. Коэффициент antecedентов, характеризующий обратный процесс – движение асимметрии – так же последовательно демонст-

рирует убывание: КА максимален в зачине (интервале 1) и равен 0 в конце (интервале 6). То есть, процесс симметризации структуры пословицы нарастает от начала к концу без образования интервалов ослабления. Есть резон высказать предположение, что процесс диссимметризации в жанровой структуре микротекстов полностью отсутствует.

Уже поэтический минитекст, имеющий двухуровневое структурирование, больший объем и более развитую структурность содержательно-фактуальной информации, понижает количество симметрии в своей структуре. Это выражается в наличии интервала ослабления процесса симметризации (см. п. 2.4.1. рис. 2.3) при появлении процесса диссимметризации в первом интервале зоны гармонического центра (предГЦ). Уменьшение количества симметрии и ослабление процесса симметризации становится максимальным в мидитекстах, охватывая три интервала (3,4,5): последний интервал зоны начала и всю зону ГЦ (см. п. 2.4.1 рис. 2.2). Это, безусловно, связано с увеличением количества неструктурных информационных элементов, а также с *обязательным наличием элементов ближнего порядка* (А-подстройки). Поэтому в конечных композиционных интервалах мидитекстов, в отличие от микротекстов, имеется некоторое количество antecedентов (см. табл. 2.4).

Увеличение количества структурообразующих элементов – элементов Г-подстройки – и отсутствие элементов связности как таковых – элементов А-подстройки – позволяет *инварианту общеречевой макроструктуры в чистом виде проявиться именно в микротекстах*. Отсюда и следует увеличение количества симметрии при уменьшении объема. Процесс симметризации в микротексте, в отличие от текстов большего объема и более сложной синтаксической структуры, усиливается стремительно, так как между ЭС зачастую не расположено никаких других элементов (они контактны).

Это значит, что *объем текста действительно является его основным исходным параметром*, в зависимости от которого осуществляется самоподстройка структуры и регулируется относительно-пропорциональное количество двух типов элементов текста: 1) структурообразующих элементов (ЭС), 2) неструктурных элементов (не ЭС).

3.6. ОЦЕНКА ФОРМООБРАЗУЮЩИХ ПРОЦЕССОВ РЕЧЕВОЙ МАКРОСТРУКТУРЫ

Ведущий процесс формирования речевой макроструктуры русскоязычного текста, действующий во всех жанровых группах, направлен на усиление структурной негэнтропии. Это и есть процесс усиления симметризации структуры от начала к концу. Движение этого процесса наблюдаемо посредством анализа значений КС в композиционных интервалах внежанровой речевой макроструктуры. Усиливающаяся симметризация отражает статистически значимую тенденцию текста к формированию категорий устойчивой отдельности, целостной завершенности, структурности (определенной жесткости структуры).

Средние общегрупповые значения коэффициентов симметризации в каждом из композиционных интервалов макроструктуры текста показывают изменение количества симметрии: ее увеличение или уменьшение. Такие среднетекстовые числовые значения КС получены путем деления суммы числовых значений коэффициентов симметризации по каждому из композиционных интервалов в каждой из жанровых макроструктур на количество исследованных жанровых групп.

Из данной процессуальной оценки общегрупповой макроструктуры русскоязычного текста исключены крайние по показателям степени симметричности жанры: самый симметричный – пословица – и самый асимметричный – объявление (см. табл. 3.7). Использована выборка из 806 текстов 5 речевых жанровых групп: поэтического текста, художественной прозы, публицистической прозы, политической и научной прозы.

Искомый интервал с ослаблением процесса симметризации (негэнтропии) и усилением процесса диссимметризации (энтропии) во внежанровой речевой макроструктуре обнаружен. Это – интервал 4 – предГЦ (см. рис. 3.1). Особая функция этого интервала уже была отмечена ранее [Москальчук, 2003: 288].

Во внежанровой речевой макроструктуре обнаружены два противоположно направленных процесса: 1) процесс симметризации; 2) процесс диссимметризации. В интервале 1 действует симметризация. В интервалах 2, 3, 4 набирает силу диссимметризация. В интервалах 5 и 6 вновь преобладает процесс

симметризации. Фазовый переход к усилению процесса диссимметризации – в интервале 2, обратный переход к усилению процесса симметризации – в интервале 4. Оба фазовых перехода наблюдаются от границы зачина и зоны ГЦ (пропорции 0,382) до гармонического центра (пропорции 0,618). Такое же «поведение» процесса, но с более экстремальным режимом отмечено в макроструктуре поэтического минитекста (см. рис. 3.7).

Таблица 3.7. Системно-процессуальная оценка симметрии внежанровой речевой макроструктуры текста

Интервал	Зачин	ПредГЦн	ПостГЦн	ПредГЦ	ПостГЦ	Конец	Среднее
	1	2	3	4	5	6	7
Его объем	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146	1
КС	$\frac{2.151}{5} =$ 0.430	$\frac{2.131}{5} =$ 0.426	$\frac{1.962}{5} =$ 0.392	$\frac{1.827}{5} =$ 0.365	$\frac{1.857}{5} =$ 0.371	$\frac{1.951}{5} =$ 0.390	$\frac{1.969}{5} =$ 0.394
КИ	$\frac{1.176}{5} =$ 0.235	$\frac{1.412}{5} =$ 0.282	$\frac{1.562}{5} =$ 0.312	$\frac{1.505}{5} =$ 0.301	$\frac{1.574}{5} =$ 0.315	$\frac{1.748}{5} =$ 0.350	$\frac{1.507}{5} =$ 0.301
КА	0.195	0.144	0.080	0.064	0.056	0.040	0.093

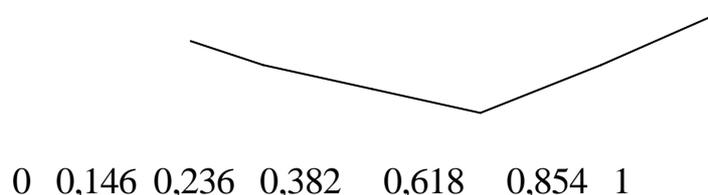

Рис. 3.1. Процесс симметризации внежанровой речевой макроструктуры

Итак, процесс формирования текстовой макроструктуры имеет интервалы изменения силы процесса симметризации: его ослабление/ усиление. Эти интервалы в разной степени привязаны к точке золотого сечения – центральной линейной позиции коммуникативной лингвистической единицы.

Инвариантными признаются четыре характеристики процесса симметризации: 1) усиление симметризации от начала к концу, 2) ослабление процесса симметризации в интервале предГЦ, 3) колебательные изменения силы процесса, связанные с жанровыми характеристиками, в интервалах, приближенных к ГЦ, 4) значимость пропорции/пропорций золотого сечения для колебательных

изменений силы процесса симметризации, то есть для расположения внутрисистемных фазовых переходов.

Ведущим структурирующим процессом при порождении-восприятии текста остается процесс ослабления энтропии и усиления порядка, усиливающийся в направлении увеличения возраста системы. По-видимому, причиной односторонности данного процесса является ослабление энергетических затрат, накопление энергии с возрастом системы [Манаков, Москальчук, 1999: 60]. Процесс симметризации (систематизация размещения повторов) – первый фактор эволюции сложной системы, каковой является лингвистический текст. Этот процесс есть упорядочивающее средство, которое обеспечивает нелинейную связь обратного направления, называемую ранее осцилляцией (колебательным процессом при восприятии текста).

Процесс диссимметризации – второй фактор эволюции, аналог диссипации, преимущественно действующий на отдельных участках системы (в отдельных интервалах, единичных текстах, единичных жанровых группах) [Князева, Курдюмов, 1997: 65-66].

3.6.1. Композиционные точки в процессе симметризации

Связь сильных позиций с оформлением группы симметрии текста как целостного объекта обнаружена в предыдущих исследованиях. Ведущая роль этих позиций при формировании группы симметрии макроструктуры текста названа цельюоформляющей функцией. На основе анализа вероятности позиционного закрепления ЭС была предложена типология текстов и выделен позиционный инвариант [Москальчук, 1998: 49-52; Корбут, 1995: 16-18].

Поскольку обнаружена значимость пропорций золотого сечения для процесса симметризации, немаловажно позиционное наблюдение проявлений этого процесса, определение участия самих композиционных точек в структурообразовании текста и инвариантном процессе. Это участие определено по вероятности попадания ЭС в композиционно значимые точки (начало, конец и пропорции золотого сечения разного уровня). Названная вероятность именуется *позиционной симметризацией*. Позиционная симметризация (как вероятность) опре-

деляется после деления количества точек золотого сечения, занятых ЭС во всей выборке, на количество исследованных текстов

Поведение композиционных точек в процессе симметризации макроструктуры пословиц уже представлено в таблице 3.6 – в виду практического равенства интервала зоны и точки в микротекстах. В названной макроструктуре, объединяющей тексты одноуровневой синтаксической структурированности, наблюдается поступательное усиление процесса симметризации в композиционных точках, последовательная смена ЭС-антецедентов на ЭС-повторы.

Однако процесс диссимметризации в макроструктуре пословицы присутствует. Высокая вероятность позиционной точности ЭС – 75,7%, 100%, 86,7% – в точках 0, 0.146, 0.236, 0.382 (интервалы 1,2,3) сменяется падением вероятности – 43,5% – попадания ЭС в сильную позицию ГЦ – 0.618 (интервал 4). Затем диссимметризация вновь сменяется симметризацией, и в точках 0.854, 0.944 и 1 вероятность размещения ЭС повышается до 86,5% (интервал 5) и до 95,2% (интервал 6). Это идеальное соответствие протекания процесса внежанровому инварианту (см. рис. 3.1) объясняется исключительно физическими параметрами объекта: его минимальным объемом, который обеспечивает «тесноту ряда» ЭС дальнего порядка.

В рассмотренном аспекте обнаружена еще одна зависимость между уровнями структурированности текста и его объемом: *при одноуровневой синтаксической структуре – в микротекстах – глубинные процессы «обнажаются»*. Глубинные процессы становятся легко наблюдаемыми, потому что глубинная когнитивная структура здесь преобладает над содержательной поверхностной структурой.

Поведение тех же точек в двухуровневой структуре минитекстов иное. Так как физические параметры изменились – увеличился объем текста, – вероятность попадания ЭС в пропорции золотого сечения становится гораздо ниже и изменения ее скачкообразны (см. табл. 3.8). Наблюдается смена от падения вероятности к ее росту в двух точках: 0.236 и 0.944 (интервалы 2 и 6). В целом частота расположения ЭС в анализируемых точках во всех случаях имеет статистическую вероятность – выше 45%.

Сопоставление результатов измерения позиционной точности в разных поэтических формах констатирует гораздо более высокую степень позиционной точности мидитекста – текста многоуровневой синтаксической структурированности: в макроструктуре средней поэтической формы вероятность позиционной точности ЭС стабильно выше 80%. Тогда как в макроструктуре текстов двухуровневой синтаксической структурированности, минитекстов – малой поэтической формы – эта вероятность несколько ниже.

Таблица 3.8. Позиционная симметризация русского поэтического текста (вероятность в %)

	Композиционно значимые точки текста							
	0	0,146	0,236	0,382	0,618	0,854	0,944	1
Миниатюра	70,36 ~70	57,36 ~57	45,89 ~46	57,17 ~57	58,69 ~59	56,59 ~57	51,82 ~52	63,67 ~64
Средняя форма	90	96	84	84	94	88	84	88

Эффект более точного попадания ЭС в пропорции золотого сечения мидитекста связан с уменьшением количества ЭС относительно объема структуры – то есть с уменьшением КС при увеличении объема. Этот факт обусловлен и уменьшением количества структурообразующих элементов в текстах большего объема. С одной стороны, структурных элементов меньше, с другой стороны, располагаются они более рационально.

Позиционная точность – «своевременное появление» ЭС в истории системы – усиливается в прозаических текстах, жесткость глубинной ритмико-содержательной структуры которых в инварианте оказывается значительной (табл. 3.11).

Увеличение объема текста удлиняет последовательность и увеличивает «силу» его линейности, действующую в данном случае как усиление асимметрии (энтропия). Следствием этого является увеличение разнообразия на поверхностном уровне, что влечет за собой и увеличение количества информации. В то же время разнообразие на поверхностном уровне компенсируется унификацией, усилением структурности на уровне глубинном [Манаков, Москальчук, 2001: 17; Пищальникова, Герман, 2000: 8]. Этим объясняется обсуждаемый ниже факт.

При сопоставлении данных таблиц 3.4 и 3.9: количества симметрии (КС) и вероятности ее закрепления за структурно значимыми позициями – обнаруживается *компенсация относительно меньшего количества ЭС их относительно большей позиционной точностью*. Это процесс самоорганизации – синергетический процесс, действующий как самоподстройка системы, при увеличении ее размеров для сохранения ведущего принципа ее структурирования – *вторая сторона объемной самоподстройки*. Микротексты, в виду их одноуровневой структуры и совпадения объема точек с объемом интервалов, являются исключением.

Таблица 3.9. Позиционная симметризация русского прозаического текста (вероятность)

	Композиционно значимые точки текста							
	0	0,146	0,236	0,382	0,618	0,854	0,944	1
Художественная проза	123 т. 99,2%	104 т. 83,9%	100 т. 80,6%	105 т. 84,7%	108 т. 87,1%	111 т. 89,5%	105 т. 84,7%	103 т. 83,1%
Нехудожественная проза	109 т. 100%	103 т. 94,5%	106 т. 97,2%	106 т. 97,2%	105 т. 96,3%	108 т. 99,1%	80 т. 73,4%	107 т. 98,2%
Средние данные	232 т. 99,6%	207 т. 88,8%	206 т. 88,4%	211 т. 90,6%	213 т. 91,4%	219 т. 94,0%	185 т. 79,4%	210 т. 90,1%

Максимальная точность попадания ЭС в пропорции золотого сечения – композиционные точки – наблюдается в миди- и макситекстах. Дифференциации сильных (0, 0.146, 0.236, 0.618, 0.944, 1) и слабых (0.382, 0.854) позиций текста в участии процесса симметризации не наблюдается. В связи с выявленными особенностями, наблюдение *только позиционной симметризации* (при учете ЭС дальнего и ближнего порядка) устойчивых тенденций движения *процесса симметризации (инварианта) не выявляет* и необходимо только для разного рода сопоставительных характеристик.

Преимущественное расположение ЭС в композиционных точках есть следствие до конца непреодолимого для структуры лингвистического текста принципа трансляции элементов. Распределение ЭС по композиционным точкам *представляет бордюрную симметрию при формообразовании лингвистического целого, совмещающая ее с винтовой симметрией золотого сечения.* Такая

динамическая трансляция связана со специфическими *взаимоотношениями системы и структуры* лингвистического объекта, вторая из которых принципиально линейна, первая принципиально не линейна.

3.7. ГРУППЫ СИММЕТРИИ РЕЧЕВОЙ МАКРОСТРУКТУРЫ: ФОРМА ТЕКСТА

Выявленные выше процессуальные характеристики внежанровой макроструктуры текста представляют внутреннее движение этой временной системы как стремление системы к преодолению энтропии, к устойчивости. Сами процессуальные характеристики есть свойства *временные*. Наиболее устойчивые структуры, обретая пространственные характеристики, в процессе своего становления обретают и пространственные группы симметрии – форму, – а с нею и устойчивость.

Форма же пространственного объекта может быть исчерпывающе описана группами его симметрии. Обсуждение пространственных характеристик текста несколько условно, но описание его формы как групп симметрии перспективно, так как предоставляет возможность выйти на нужную степень абстракции, а затем наглядно и исчерпывающе описать принципиальные свойства формы. Определение групп симметрии жанровой макроструктуры производится по «рисунку» расположения ЭС в линейной перспективе. Такой рисунок есть график линейной плотности ЭС, показывающий интервалы ее возрастания и падения в макроструктуре. Линейная плотность определяет собой количество ЭС, зафиксированное в каждом из интервалов и/или в каждой из координат текстовой макроструктуры (жанровой или внежанровой).

Существуют два способа графического построения с целью определения групп симметрии макроструктуры текста. Первый из них – указание количества ЭС в каждой координате макроструктуры – *абсолютная плотность ЭС*. Второй – измерение отклонений количества ЭС от нормы, зафиксированной в матрице как объемно-пропорциональные соотношения межпозиционных пространств. *Относительная плотность ЭС* показывает их фактическое объемно-

пропорциональное количество в каждом интервале. Оба способа позволяют увидеть картину формирования групп симметрии текстовой макроструктуры. Абсолютная плотность ЭС в данном исследовании учитывает только ЭС дальнего порядка (структурообразующие). Относительная плотность ЭС учитывает оба их функциональных типа (ЭС дальнего и ближнего порядка).

3.7.1. Абсолютная плотность ЭС и динамическая зеркальность

С помощью определения абсолютной плотности ЭС ранее исследовались диалектная речь, художественная проза и фольклор [Москальчук, 1990; Корбут, 1995; Корбут, Москальчук, 1997; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002]. Абсолютная плотность ЭС в названных жанровых группах определялась по анализу количества ЭС дальнего порядка в каждой координате (точке) макроструктуры каждой жанровой группы.

Графическое изображение количества ЭС в каждой из 100 исходных координат на линейной модели текста несколько хаотично [Корбут, 1994а], поэтому группы симметрии текстовой макроструктуры рассматриваются на усредненных и унифицированных графиках [Москальчук, 1989; Корбут, 1995; Корбут, Москальчук, 1997]. На унифицированном графическом изображении абсолютной плотности ЭС в макроструктурах диалектного (ДР), художественно-прозаического (ХПТ) и фольклорного (ФТ) текстов выделяются интервалы, вступающие в отношения энантиоморфизма (отношения отражающего и отражаемого) относительно оси зеркальной симметрии (см. рис. 3.2–3.6).

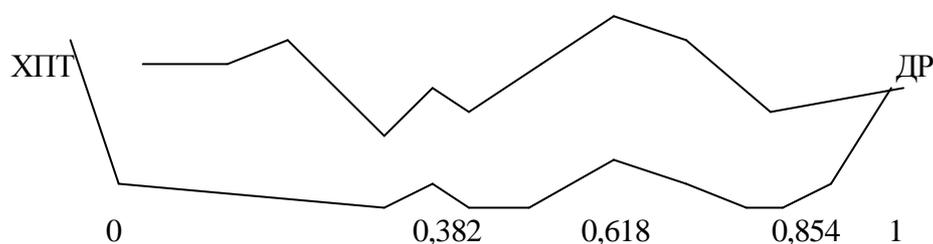

Рис. 3.2. Вероятность размещения ЭС в макроструктурах ДР и ХПТ

Примечания. Данные ДР получены Г.Г. Москальчук. Данные ХПТ – А.Ю. Корбут.

Заглавие ХПТ условно вынесено за координату 0.

Зеркальная симметрия макроструктуры ДР выражена не явно: формирование левого энантиоморфа начинается не в абсолютном начале (не от коорди-

наты 0), а вблизи ГЦн – в пропорциональной точке 0,218. Однако в зоне гармонического центра макроструктуры этой жанровой группы бытовых текстов в интервалах предГЦ и постГЦ (интервалы 4, 5) наблюдается зеркальная симметрия относительно ГЦ, близкая к идеалу.

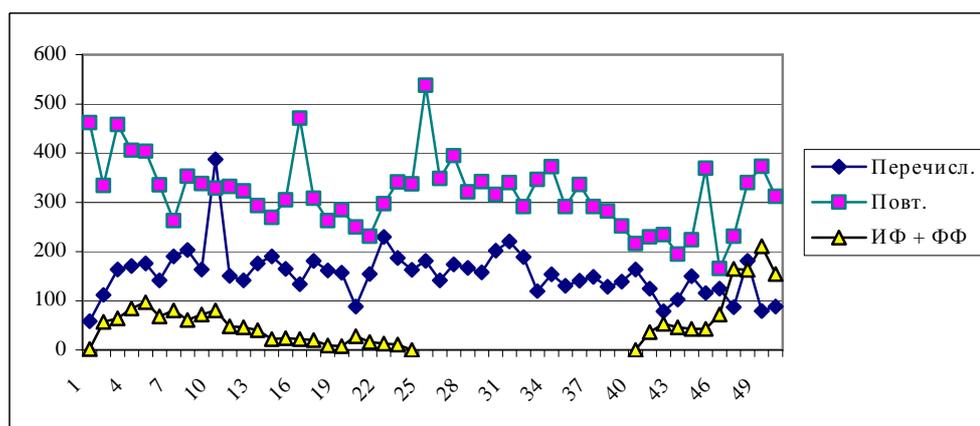
Не абсолютно идеальная зеркальная симметрия – наиболее распространенный вид симметрии формы объектов живой природы (например, лист растения, бабочка, лягушка, тигр, человек). Данный вид симметрии в живой природе обусловлен необходимостью сохранять целостность организма при горизонтальном передвижении (не случайно все искусственно созданные движущиеся по горизонтали тела построены с учетом зеркальной симметрии) [Шафрановский, 1985: 14]. То обстоятельство, что макроструктура текста обладает зеркальной симметрией (симметрией целостности при передвижении вдоль) говорит о данном объекте как об устойчивой целостной динамической системе. Исследования морфологии новеллы М.А. Петровского также подтверждают приоритет зеркальной симметрии в художественной прозе.

Движение исследуемой системы (текста) фактически осуществляется не в пространстве, а во времени. Полученная же линейная модель макроструктуры текста является преобразованием временной симметрии в пространственную симметрию. Такой феномен преобразования временного ритма в пространственный науке уже известен [Вейль, 1968: 78; Волошинов А.В., 1993: 36-39].

Сопоставление временного и пространственного видов искусства: музыки и архитектуры уже стало традицией [Волошинов А.В., 1992: 247; Ритм, пространство и время в литературе и искусстве, 174: 3-5]. Зеркальная симметрия выполняет функции формообразования и структурообразования в текстах искусства временного вида – музыки – и даже считается фундаментальным принципом структуры музыкального текста [Каракулов, 1989: 6-7; Баранова, 1985: 14]. И наоборот, золотое сечение (винтовая симметрия) в структуре пространственных текстов позволяет сохранить в них динамику временных ритмов [Розенов, 1982; Ковалев, 1989; Шевелев, 1986]. В.А. Карпов, исследуя язык как симметричную систему, утверждает, что отношения левого и правого наиболее

актуальны для языковых подсистем и языка в целом, другими словами, язык=система характеризуется теми же самыми свойствами, которые обнаружены в неживой и живой природе в виде существования лево-правых объектов (объектов, зеркально отраженных) [Карпов, 1992: 165-169].

Зеркально-симметричное оформление глубинной структуры лингвистического текста, таким образом, объясняется необходимостью сохранения целостных свойств при передвижении во времени. *Зеркально-симметричное оформление направлено на преодоление линейности текста.* Зеркальная симметрия способствует передаче в сукцессивной – временной и линейной! – структуре текста симультанной – пространственной и полевой! – структуры целостности. С другой стороны, поскольку инвариант структуры текста, заложенный в языковом сознании, обнаружен при помощи ЭС, эти элементы следует признать лингвистическим средством оформления целостности.

0 0,146 0,236 0,382 0,500 0,618 0,854 1

Рис. 3.3. Плотность структурных элементов в фольклорном тексте (быличка)

Примечания. Результаты получены О.Б. Лихачевой. Перечисл. – синтаксические ЭС, повт. – лексические ЭС, ИФ – инициальные формулы, ФФ – финальные формулы.

Результаты анализа абсолютной плотности ЭС *зеркально-симметричное оформление структуры текста* представляют как *инвариантное*. Эта тенденция к зеркальности формы текста в дискурсе существует в двух вариантах: зеркально-статическая и зеркально-динамическая симметрия.

Первый вариант – зеркально-статический – реализуется в свою очередь в двух вариациях. При первой вариации *правый энантиоморф* (часть, расположенная

после оси зеркальной симметрии) *равен левому* (расположенному до оси зеркальной симметрии).

В случае такого равенства сжатие или растяжение энантиоморфов отсутствуют. То есть группы масштабной симметрии (симметрии подобия) при Г-подстройках не обнаруживаются, а группы зеркальной симметрии наглядны. Такая картина наблюдается в макроструктуре ДР. Ось зеркальной симметрии находится в гармоническом центре, но исходная точка формирования зеркальности смещена, и поэтому зеркальность не совмещается, в отличие от ХПТ, с симметрией подобия (рис. 3.2).

Вторая вариация зеркально-статической симметрии: *ось зеркальности находится в координате 0,500*. Эта вариация отнесена к статическому варианту, так как наблюдается статическое равенство частей (отсутствует золотое сечение). Правый и левый энантиоморфы имеют приблизительное равенство: правый энантиоморф незначительно растянут. Группы масштабной симметрии правого энантиоморфа (подобие) в сравнении с инвариантом имеют обратное значение: не сжатие, а растяжение. Такая картина наблюдается в жанровой макроструктуре былички (рис. 3.4).

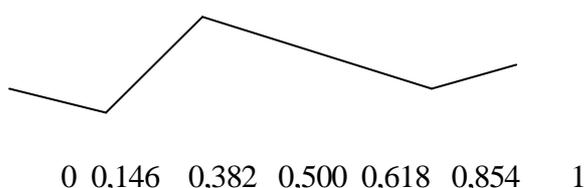

Рис. 3.4. Абсолютная плотность ЭС в макроструктуре былички (унификация)

Статический вид зеркальности во второй вариации с расположением оси зеркальной симметрии в точке 0,500 обнаружен также В.О. Приходько в макроструктуре речи в стрессовой ситуации [Корбут, Приходько, 2002: 128]. Обе вариации объединяются в общий *вариант формообразования – зеркально-статический*, поскольку статические виды симметрии предполагают отсутствие масштабных изменений/ равенство симметричных элементов/ деление на равные доли [Ковалев, 1989: 19].

Второй вариант зеркального оформления макроструктуры текста реализуется в макроструктурах ХПТ и ФТ (сказка – см. рис. 3.2; 3.6). Этот же вариант обнаружен О.Н. Касаткиной в структуре текстов священного писания (в структуре евангелий) [Касаткина, 2002]. Второй вариант зеркального оформления макроструктуры представляет собой совмещение трех групп симметрии: зеркальной симметрии, золотого сечения и масштабной симметрии (подобия).

В этом случае 1) ось зеркальной симметрии располагается в ГЦ, 2) в отношении зеркальности включается вся целостная структура, 3) правый энантиоморф сокращен в сравнении с левым. Похожая картина наблюдается, например, в случае масштабного переноса с уменьшением при формировании молодого побега дерева или хвоста животного. Этот вариант симметрии относится к динамическому виду [Шафрановский, 1972: 10; Ковалев, там же], в связи с чем *второй вариант* оформления внешней структуры текста назван *зеркально-динамическим*.

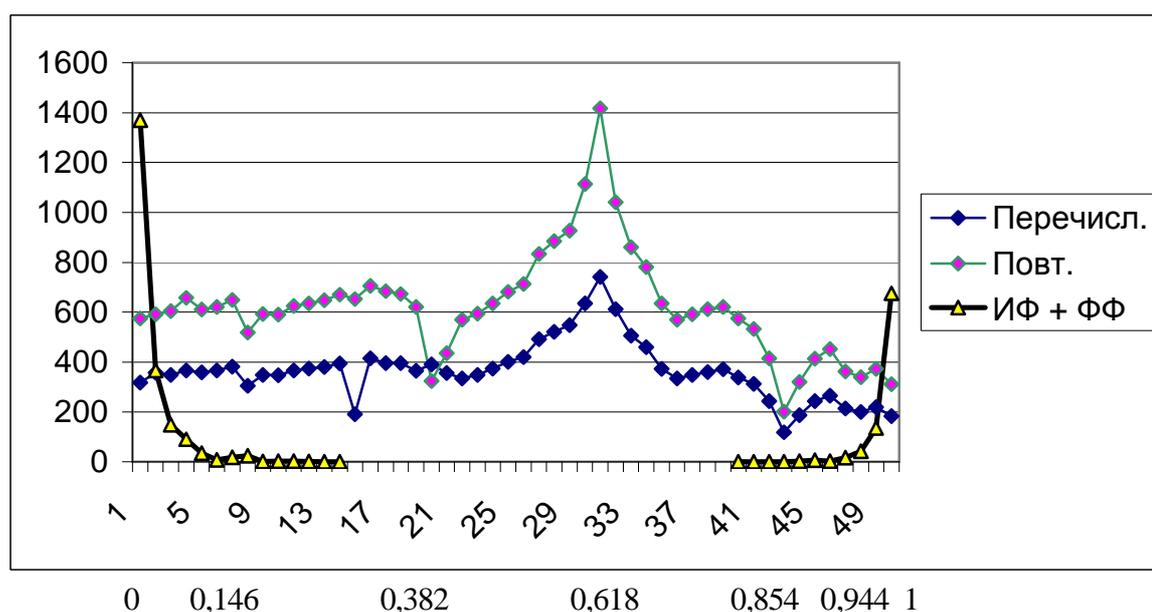

Рис. 3.5. Плотность структурных элементов в фольклорном тексте (сказка)

Примечания. Результаты получены О.Б. Лихачевой. Перечисл. – синтаксические ЭС, повт. – лексические ЭС, ИФ – инициальные формулы, ФФ – финальные формулы.

Макроструктура ДР включает динамическое золотое сечение в качестве основного элемента зеркальной симметрии – оси зеркальности. Макроструктура былички включает золотое сечение второго уровня (0,382 и 0,854) в качестве левой и правой частей обоих энантиоморфов: за счет чего правый энантиоморф растянут.

Инвариант зеркального оформления структуры текста воплощается в двух вариантах: *зеркально-статическом* и *зеркально-динамическом*. Однако динамический вид симметрии присутствует в макроструктурах, построенных по зеркально-статическому варианту. Таким образом, *золотое сечение во внежанровой речевой макроструктуре* является *инвариантом группы симметрии*. ГЦ признается осью зеркальной симметрии в инварианте текстовой макроструктуры. Зона гармонического центра текста, в свою очередь, есть зона проявления инвариантных свойств.

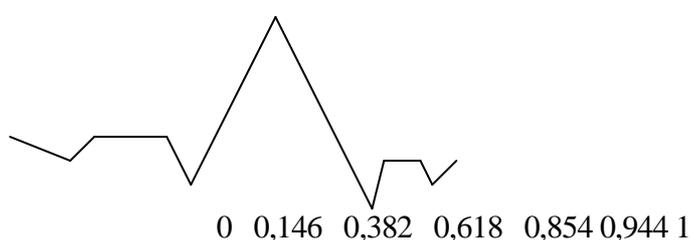

Рис. 3.6. Абсолютная плотность ЭС в макроструктуре сказки (унификация)

Золотое сечение – это вид динамической симметрии, предполагающий деление целого на неравные доли. Деление в неравном пропорциональном отношении рассматривается как вид симметрии живого: целое относится к большему, как большее относится к меньшему (отношение отражено коэффициентом 0,618). Уникальна «роль золотого сечения, соединяющего два принципа: принцип роста, создающий геометрически пропорциональные части, и принцип целого, собирающий эти части в единый организм. Таким образом, золотое сечение – это подобие формы в рамках целого или динамическая симметрия частей и целого» [Волошинов А.В., 1993: 5, 19-20].

Золотое сечение – признак динамического равновесия частей, поскольку «причиной» неравного деления являются закономерности роста организма. Этот вид симметрии наблюдается в строении живых тел как на низшем уровне (строение белка), так и в строении внешней формы тела (точка золотого сечения на уровне пояса человека [Гика, 1936: 19-21, 118; Шевелев, 1990: 30]; обзор вопроса см. также [Белоусов, Блазнова, 2004: 95-96]).

Именно такой вид равновесия частей в составе целого связан с инвариантными свойствами естественных систем, каковою и является текст: «обобщенные золотые сечения суть инварианты, на основе и посредством которых в процессе самоорганизации естественные системы обретают гармоническое строение, структурно-функциональную устойчивость» [Сороко, 1984: 83-84, 217]. Золотое сечение во временном виде искусства – музыке – рассматривается, например, у Розенова и А.В.Волошинова [Волошинов А.В., 1993: 26]. В смысловой структуре художественного текста и в мелодико-ритмической структуре предложения этот вид симметрии обнаружен и рассмотрен Н.В. Черемисиной.

Поскольку золотое сечение в тексте – точка расположения оси зеркальной симметрии, это означает, что оно является принципом оформления целостности данного объекта. Оформление целостности объекта его делением по принципу золотого сечения считается оптимальной организацией структуры [Шевелев, 1990: 62]. То есть в макроструктуре лингвистического текста зафиксирована симметрия подобия, которая, с одной стороны, выражает единство целого и частного [Шевелев, 1990: 119], а с другой, отражает динамичность процесса текстообразования [Гика, 1936: 104, 128, 184; Шафрановский, 1972: 10].

Наиболее явно симметрия подобия представлена в макроструктурах ХПТ и других речевых жанров прозы: публицистической, научной, богословской (евангелий, исследованных О.Н. Касаткиной), а также одного из наиболее популярных жанров фольклора – сказки. В названных макроструктурах золотое сечение и подобие почти идеальны. Эта идеальность подтверждает более высокую степень структурности данных текстов на глубинном уровне, поэтому размещение оси зеркальной симметрии в точке золотого сечения считается инвариантным при оформлении групп симметрии структуры текста.

Имеется связь структурных вариаций текста с объемом: зеркально-статическое оформление структуры реализуется в текстах малого объема с не многоуровневой структурированностью. Наиболее идеально соответствуют зеркально-динамическому варианту структуры миди- и макситекстов, зафиксированных в письменной форме.

Результаты сравнения групп симметрии жанровых макроструктур позволяют констатировать большую устойчивость и жесткость письменного текста. Причина этого, с одной стороны, психолингвистическая: ситуация порождения письменного текста содержит гораздо больше условий для коррекции [Основы теории речевой деятельности, 1974: 254; Сахарный, 1989: 41]. С другой стороны, более идеальная форма письменного текста в сравнении с устным, видимо, связана с дополнительным способом реализации – «развертыванием в пространстве», что отличает его от чисто временного развертывания устных высказываний [Якобсон, 1990: 317; Жинкин, 1982: 13]. Другими словами, письменный текст имеет как временную, так и пространственную формы, в отличие от одного вида формы устного.

Сравнение лингвистической формы художественного/нехудожественного текста на глубинном уровне позволяет сделать предположение о сущности художественности, которая может быть представлена с позиций текстосимметрии как наиболее идеальное соответствие зеркально-динамическому виду симметрии на уровне глубинной структуры.

Сочетание двух видов симметрии в структурном инварианте текста характеризует его как высоко и эффективно структурированный объект, обладающий динамической целостностью формы, имеющий наиболее оптимальное строение. Кроме того, сочетание двух видов симметрии в оформлении целостной структуры текста позволяет представить продукт психической деятельности человека (его речевой деятельности) и основную единицу дискурса – природным объектом.

3.7.2. Относительная плотность элементов симметрии и группы симметрии

Второй способ графического построения для определения групп симметрии текстовой макроструктуры предполагает сопоставление стабильного *пропорционального объема композиционного интервала* в матрице с *пропорциональным средним объемом ЭС* этого же интервала в исследуемой макроструктуре. Измерение линейной плотности ЭС вторым способом более точно показало законы их распределения по композиционным интервалам текста.

Для определения относительной плотности средний пропорциональный объем ЭС интервала определяется путем деления количества ЭС в данном интервале исследуемой выборки на сумму ЭС всех интервалов в этой выборке. Таблица 3.10 представляет результаты названных измерений в самых симметричных макроструктурах.

Показателем изменения плотности ЭС является разность между средним пропорциональным объемом ЭС и нормальной пропорцией матрицы – отклонение от нормы. Показатель изменений плотности по интервалам имеет как отрицательные, так и положительные значения. То есть объем ЭС в макроструктуре колеблется от увеличения к уменьшению. Отклонения пропорционального количества ЭС от пропорционального объема интервала в самых симметричных макроструктурах составляют от +0,101 до -0,054.

Таблица 3.10. Плотность ЭС в самых симметричных макроструктурах русскоязычного дискурса

Имя интервала	Пропорциональный объем					
	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	ПредГЦ	ПостГЦ	Конец
№ интервала	1	2	3	4	5	6
<i>Матрица</i>	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146
ЭС в поэт. миниатюре/ Отклонение	0,174 +0,028	0,099 +0,09	0,127 -0,019	0,208 -0,028	0,221 -0,015	0,157 +0,011
ЭС в пословице/ Отклонение	0,186 +0,040	0,191 +0,101	0,215 +0,069	0,182 -0,054	0,225 -0,011	0,232 +0,086

В результате анализа данных выявлены общие формообразующие тенденции в максимально симметричных русскоязычных текстах:

- 1) распределение ЭС по всем зонам,
- 2) более высокая их плотность в начальных интервалах 1, 2 (зачин, предГЦн) и конечном интервале 6 (конец),
- 3) падение плотности ЭС в срединном (срединных) интервале (интервалах) – 3, 4, 5 (постГЦн, предГЦ, постГЦ).

Форма русской поэтической миниатюры фактически изображена на графике отклонений линейной плотности ЭС от матрицы (рис. 3.7). Ось абсцисс –

пропорциональный объем композиционных интервалов в матрице, ось ординат – отклонения пропорционального объема ЭС в каждом интервале от объема композиционных интервалов в матрице (см. табл. 3.10).

Группы симметрии макроструктуры поэтической миниатюры достаточно наглядны: зеркальное отражение с расположением плоскости отражения в точке золотого сечения и подобие (отражение с уменьшением). То есть, наглядна зеркально-динамическая симметрия (зеркальное подобие), реализующаяся в качестве формообразующего принципа русской поэтической миниатюры.

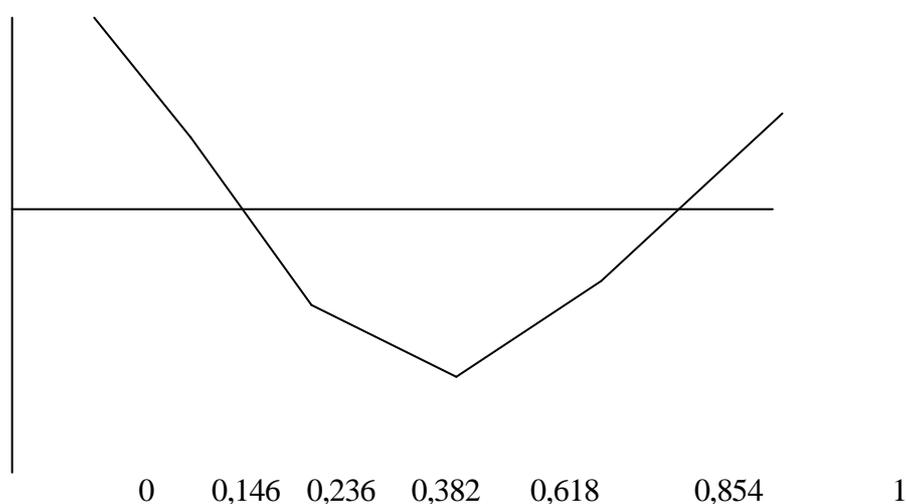

Рис. 3.7. Группы симметрии русской поэтической миниатюры (относительная плотность ЭС)

Сложнее дело обстоит с макроструктурой пословицы. Рисунок симметрической формы макроструктуры этого микротекста менее упорядочен: ось зеркальной симметрии расположена в ГЦ, но начало левого энантиomorфа не в точке 0, а в точке 0,236. Такая картина напоминает график абсолютной плотности ЭС в диалектной речи. Однако сам процесс симметризации в макроструктуре пословицы и поэтической миниатюры протекает одинаково.

Энантиоморфы макроструктур микро- и минитекстов имеют противоположные свойства: 1) до точки золотого сечения – ГЦ – относительный пропорциональный объем ЭС уменьшается, 2) в ГЦ наблюдается наименьшее количество ЭС, 3) после точки золотого сечения относительный пропорциональный

объем ЭС увеличивается вплоть до конца текста. Противоположно направленный до и после ГЦ рисунок количества ЭС в макроструктурах текстов наименьшего объема подтверждает два *формообразующих принципа текста: зеркальность и золотое сечение*.

Группы симметрии значительно больших по объему прозаических текстов определяются тем же способом, что и группы симметрии микро- и минитекстов. Параметры для построения графического изображения каждого из речевых жанров прозы приведены в таблице 3.11. При формировании макроструктур речевых жанров прозы наблюдаются жанровые вариации (см. табл. 3.11). В целом не отступают от определенного по минитекстам инварианта политическая, научная и художественная проза, при чем научная и художественная жанровые макроструктуры – представляют инвариант идеально. Публицистическая проза характеризуется скачкообразными колебаниями количества ЭС в зоне начала и уменьшением в зоне конца

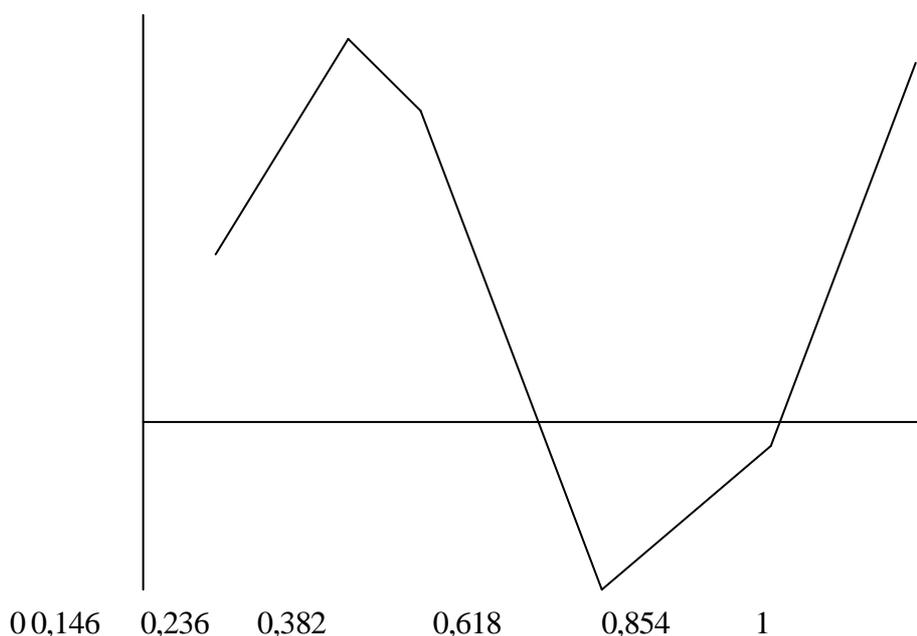

Рис. 3.8. Группы симметрии русской пословицы

По величине среднего отклонения объема ЭС от пропорционального объема интервала в матрице определены группы симметрии внежанровой макроструктуры прозы. По оси ординат на графическом изображении отме-

чены средние отклонения объема, ось абсцисс – пропорциональный объем всех элементов структуры в матрице (см. рис. 3.8).

Таблица 3.11. Относительная плотность ЭС
в жанровых макроструктурах русской прозы

Имя интервала	Пропорциональный объем					
	Зачин	ПредГЦн	ПостГЦн	ПредГЦ	ПостГЦ	Конец
№ интервала	1	2	3	4	5	6
<i>Матрица</i>	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146
ЭС в политической / <i>Отклонение</i>	0,151 +0,005	0,096 +0,004	0,152 +0,006	0,224 -0,012	0,221 -0,015	0,157 +0,011
ЭС в публицистическ. / <i>Отклонение</i>	0,158 +0,012	0,089 -0,001	0,157 +0,011	0,234 -0,002	0,233 -0,003	0,130 -0,16
ЭС в научной / <i>Отклонение</i>	0,166 +0,020	0,095 +0,005	0,148 +0,002	0,220 -0,016	0,232 -0,004	0,139 -0,007
ЭС в художественной ./ <i>Отклонение</i>	0,164 +0,018	0,095 +0,005	0,143 -0,003	0,221 -0,015	0,223 -0,013	0,154 +0,008
ЭС в среднем / <i>Отклонение</i>	0,159 +0,014	0,094 +0,004	0,150 +0,004	0,225 -0,011	0,227 -0,009	0,145 -0,001

Обнаружено изменение глубинных процессов во внежанровой макроструктуре прозы, связанное с укрупнением размеров объекта. Изменение заключается в более равномерном распределении ЭС в структуре текста (меньшей интенсивности процесса симметризации): график отклонений приближен к оси абсцисс. Приближение пропорционального распределения ЭС к пропорциям, заданным матрицей, говорит об *усилении роли золотого сечения в качестве Г-подстройки при увеличении объема объекта.*

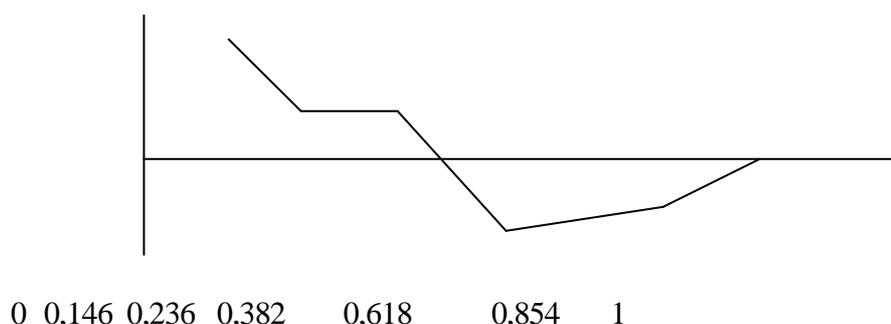

Рис. 3.9. Группы симметрии прозы (по среднему значению отклонений)

Хотя графическое изображение внежанровой макроструктуры прозы демонстрирует не столь явный энантиоморфизм, общие принципы не нарушаются: до золотого сечения наблюдается понижение графика, после – его повышение. Это позволяет прийти к окончательному выводу относительно *групп симметрии внежанровой речевой макроструктуры: это сочетание зеркальности с золотым сечением*. Положение о *динамической разновидности зеркальной формы текста, которая характерна для всех живых природных объектов*, доказано.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Методика исследования текста, предлагаемая текстосимметрикой позволяет определить ведущий принцип текстообразования в виде инварианта, который представляет текст как глобально понимаемую языковую форму. Выявление глобальных законов текстообразования осуществляется путем симметрологического анализа трех основных структурно-функциональных единиц дискурса, первая из которых – конкретный текст (микроструктура), вторая – совокупность текстов в единой среде (жанровая макроструктура), третья – вся речевая масса текстов (внежанровая макроструктура).

Обе макроструктуры являются абстрактно-теоретическими единицами. Наиболее абстрактна третья единица, в которой в статистическом виде и выявляется глобальная языковая форма текста. Практическое и теоретическое преимущество текстосимметрики заключается в специализированном способе измерения текстовых макроструктур любой степени абстракции – коэффициентах симметризации. Поскольку предложенные коэффициенты отражают пропорции между элементами симметрии и любой из структурно-функциональных единиц, их интервальный или зональный анализ позволяет наблюдать два противоположно направленных процесса: *симметризацию* и *диссимметризацию*.

Сущность процесса симметризации заключается в организации негэнтропии в структуре. Симметризация проявляется как увеличение пропорционального количества ЭС. Увеличение числовых значений коэффициента симметри-

зации и коэффициента избыточности сигнализирует о повышении степени симметричности композиционного интервала или композиционной зоны в микро- или макроструктуре.

Процесс диссимметризации – энтропийный процесс, который проявляется как *уменьшение пропорционального количества ЭС*, соответственно понижается и степени симметричности на каком-либо участке микро- или макроструктуры. Диссимметризация наблюдается в уменьшении числового значения коэффициента симметризации и коэффициента избыточности, а также в увеличении числового значения коэффициента antecedентов.

Поскольку в рамках симметрологии как науки о структуре природных объектов только асимметричные элементы рассматриваются как передающие информацию – информативные – то понятия «информация в тексте» и «информативность текста» принципиально разводятся. Оба разнонаправленных процесса в своей мере прогнозируют содержание текста и участвуют в создании информативности.

Повышая количество информации в тексте, асимметрия не повышает вероятности ее понимания. Симметрия (в виде лингвистических повторов) ограничивает асимметрию, организует преемственность информации внутри текста, обеспечивает постепенность поступления нового и его тесную связь со старым, а, следовательно, повышает вероятность понимания содержания текста. Благодаря процессу симметризации лингвистический текст является самым надежным, совершенным и самым распространенным средством передачи информации.

Более того, именно ЭС формируют инвариант информационно-содержательной структуры текста. ЭС-antecedенты вводят основную информацию как новую, а ЭС-повторы обеспечивают ее адаптацию внутри информационной системы. Элементы симметрии как вариации содержания – свойство поверхностной структуры, а как признаки групп симметрии – свойство глубинной структуры и средство создания формы.

С уверенностью можно утверждать, что симметрия в тексте выполняет три функции: структурообразующую, коммуникативную и информативную. Среднестатистическое пропорциональное соотношение асимметрии и симметрии в тексте почти стабильно 70 : 30. Различия жанровых макроструктур заключаются в усилении/ ослаблении структурообразующей функции симметрии.

Объем текста является его исходным параметром, в зависимости от которого находится количество элементов симметрии (КС) и их распределение в линейной структуре (КК). С одной стороны, чем больше текст, тем меньшее относительное количество ЭС для него требуется и в тем большей близости эти элементы находятся. С другой стороны, чем больше текст, тем больше вероятность расположения ЭС в композиционно значимых точках его структуры и в тем большей удаленности эти элементы находятся.

То есть объем регулирует три характеристики структуры: 1) пропорциональное количество структурообразующих элементов (ЭС), 2) пропорциональное количество неструктурных элементов (не ЭС), 3) время появления ЭС.

Минимальный объем текста способствует обнажению его глубинных процессов, поэтому симметричные микротексты являются структурным эталоном. В связи с увеличивающейся длиной последовательности и в целях преодоления линейности в текстах максимального объема бордюрная симметрия совмещается с винтовой симметрией. Такая динамическая трансляция связана со специфическими взаимоотношениями системы и структуры лингвистического объекта, вторая из которых принципиально линейна, первая принципиально не линейна.

Процесс симметризации имеет четыре инвариантные характеристики:

- 1) усиление симметризации от начала к концу,
- 2) ослабление процесса симметризации в интервале предГЦ,
- 3) колебательные изменения силы процесса в интервалах, приближенных к ГЦ, связанные с жанровыми характеристиками,

4) значимость пропорции/ пропорций золотого сечения для колебательных изменений силы процесса симметризации, то есть для расположения внутрисистемных фазовых переходов.

За счет ослабления энергетических затрат и накопления энергии с возрастом системы формируется ведущий структурирующий процесс – уменьшение энтропии и усиление порядка в более поздних периодах.

Для определения и верификации знаний о качествах формы текста потребовались два способа их поиска: абсолютная и относительная плотность ЭС. Первый способ применяется для анализа формы по ЭС дальнего порядка. Второй – для анализа всей совокупности повторов. Оба способа позволяют увидеть группы симметрии текстовой модели-инварианта.

Инвариант зеркального оформления структуры текста воплощается в двух вариантах: зеркально-статическом и зеркально-динамическом. Зеркально-статический вариант реализуется посредством двух вариаций в расположении оси зеркальности (в пропорциях 0,500 и 0,618). Динамический вид симметрии присутствует и в макроструктурах, реализующих зеркально-статический вариант. То есть, золотое сечение вне вариантов – надвариантно, и поэтому признается инвариантом групп симметрии глобальной текстовой структуры.

Сочетание двух видов симметрии в признаках формы текста характеризует его как высоко и эффективно структурированный объект. Динамическая целостность формы имеет наиболее оптимальные свойства. Это сочетание двух видов симметрии при оформлении целостности и отдельности позволяет увидеть в продукте психической деятельности человека (его речевой деятельности) свойства природного объекта.

Признаки формы текста уточнены текстосимметрикой следующим образом: *форма текста динамически структурирована по законам симметрии*. Высокая вероятность воспроизводимости динамической линейной модели=формы текста в дискурсе позволяет считать ее свойства структурно-языковыми признаками текста.

4. МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ И ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ

До настоящего момента описание симметрии в структуре лингвистического текста продвигалось по пути приоритетного поиска всеобщего бессознательно обусловленного образа лингвистического текста, представляющего каждый текст как обособленную систему. Образа, реализующего золотое сечение в виде текстообразующей матрицы и симметричной формы, в которую вписываются лингвистические единицы всех уровней. Ведущими единицами в этом процессе являются элементы внутритекстовой симметрии обоих типов.

Описанная модель-форма является *общезыковой* (а может быть, и общечеловеческой). Общезыковая форма текста усваивается из сферы общественного сознания естественным путем вместе с родным языком. Поэтому процесс «вписывания» избранных говорящим лингвистических единиц в названную общезыковую форму протекает неосознанно, в отрыве от других процессов. Однако действительные взаимоотношения языка с человеческой практикой, многоплановым общением и познавательной деятельностью не могут осуществляться независимо от отдельных личностей, употребляющих его в разных сферах общественной жизни [Мельничук, 1975: 13].

Отличие *жанровой формы* от общезыковой заключается в том, что освоение последней происходит сознательно при намеренном использовании необходимых в различных видах деятельности речевых жанров. «Когда мы строим свою речь, нам всегда преподносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы, и в форме индивидуального речевого замысла» [Бахтин, 1979: 266]. Если общезыковая форма наличествует в языковом сознании всех говорящих независимо от рода их деятельности, то далеко не все жанровые формы могут быть реализованы в речевой деятельности каждого человека. Исходной характеристикой жанровой формы является уже рассмотренный выше объем жанровой формы (см. п. 1.4.2.).

На следующем этапе описания текстосимметрика переходит к определению признаков формального сходства текстов внутри речевых жанровых групп,

которые сформированы под действием внешней среды существования жанрового единства. Это формальное сходство текстов является результатом *бессознательно-осознанного* применения законов симметрии, действующих исключительно внутри определенной сферы деятельности и выявляемых при исследовании жанровой макроструктуры.

Теоретически образование жанровых макроструктур объясняется тем, что симметричные условия, вызывают результат, обладающий той же симметрией [Вейль, 1968: 142-148]. Симметричными условиями для порождения текста в данном случае являются те сферы деятельности человека, которые он сопровождает употреблением приспособленных для каждой сферы текстов (представителей жанровых групп).

Являясь единичной обособленной самоорганизующейся изнутри в процессе «заполнения формы» системой, текст всегда предназначен для внешнего употребления на определенном участке практики жизни. Этой двусторонней сущностью лингвистического текста обусловлено наличие жанровых форм, корректирующих языковую форму под воздействием внешних условий, но не нарушающих внутренних законов системы (природой заданных принципов симметрии и пропорции).

Жанровая форма исследуется в лингвистической жанровой макроструктуре путем определения совокупности структурных свойств текстов, объединенных сферой деятельности в речевую жанровую группу. Признаки жанровой макроструктуры – это признаки статистические. В момент осмысления обнаруженных фактов важно отделить выявленные в макроструктуре единообразные свойства текстов: жанровые от внежанровых, вариации от инварианта.

Цель четвертой главы заключается в описании групповых объединений текстов в макроструктуры по принципу их структурного уподобления друг другу в пределах сферы деятельности, которую обслуживает жанровая группа. В данной главе рассматривается не внутренняя самоорганизация (внутренняя симметрия), а самоорганизация группы (внешняя симметрия), воз-

можная потому, что обслуживающие одну сферу деятельности тексты уподобляются друг другу, становясь симметричными.

4.1. ВНУТРИТЕКСТОВАЯ И МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ

Процесс формирования признаков речевой жанровой группы – процесс стихийный. Сама жанровая группа – абстрактная единица дискурса, сделать жанр объектом восприятия невозможно, хотя он существует, как факт [Лотман, 1998: 65]. А поскольку текстосимметрика исследует глубинную структуру, свойства этой структуры, наблюдаемые лишь в макроструктуре, – то именно у этого направления имеется аппарат для обнаружения стихийно сформировавшейся и более/ менее устойчивой жанровой формы.

Разница между современным жанроведением и текстосимметрикой заключается в том, что при описании жанрового объединения текстов жанроведение идет по пути дифференциации, а текстосимметрика по пути интеграции. С позиции общей теории систем образование жанровой группы как факта языка (а не только речи) может рассматриваться как объединение информационно-функциональных языковых единиц – от единичного текста к группе единообразных текстов, осуществленное методом укрупнения.

При образовании речевых жанровых групп действуют два единогонаправленных интеграционных процесса: информациогенез и структурогенез, – которые могут быть наблюдаемыми [Сороко, 1984: 163] только при сопоставительном анализе жанровой макроструктуры и ее единичных представителей-текстов – жанровой микроструктуры.

Предметом лингвистического описания в этом случае становятся принципы жанрового формообразования, самоорганизация жанровой системы – *формообразование жанра*. Объектом такого исследования является междутекстовая симметрия, отражающая законы построения текста как симметрической части жанровой системы. Именно здесь выявляются «генетические различия его (текста – А.К.) форм в соотношении их со сферой применимости в узусе» [Манаков, Москальчук, 2000: 61].

Обнаруживаемые здесь закономерности, обусловленные сферами человеческой деятельности, являются национально-языковыми и жанрово-прагматическими.

Таким образом, выделяются два направления исследований в рамках текстосимметрии: инвариантное и вариативное. Для этого раздела общей теории текста они не только актуальны, но и составляют диалектическое единство. Анализ этого единства позволяет осмыслить теоретическую важность следующего положения, которое равно характеризует обоих участников речевого акта. *Человек в своей речевой практике пользуется двумя типами текстовой симметрии: внутритекстовой и междутекстовой.*

При исследовании аспекта внутритекстовой симметрии (далее ВС) текстосимметрия подходит к нему как к природному объекту, структура которого может быть описана «сама из себя». Вся предшествующая часть данного исследования есть описание ВС. Можно с уверенностью говорить, что ВС, представленная всеми видами симметрии, которые выделены естественными науками, напрямую связана с общеречевыми стратегиями как продуцента, так и реципиента. Так как ВС детерминирована законами природы, масштабы ее проявления безграничны, они не зависят от жанра и объема текста, от его авторской принадлежности, а возможно, и от языка, на котором продуцируется текст.

Междутекстовая симметрия (далее МС) обнаруживается на менее масштабном уровне – на уровне речевой жанровой группы. Исследование феномена МС позволит в конечном счете объяснить сферу осознанно-бессознательных действий продуцента, имеющих сугубо прагматическую направленность (подчиняющих текстовую структуру обстоятельствам, реципиентам, цели высказывания). Будучи напрямую связана с частноречевыми стратегиями продуцента, МС влияет и на формирование частноречевых стратегий реципиента, осуществляя соответствующую восприятию данного лингвистического объекта «жанровую настройку». ВС детерминируется законами социума, и языкознание фактически исследует механизмы их действия в тексте/ текстах без применения принципов текстосимметрии уже на протяжении ряда лет.

Итак, в лингвистическом тексте выделяются *два типа симметрии*, имеющих принципиальное различие. Принципиальное различие типов симметрии связано с функциональным назначением симметрии в организации речевой структуры: текста как функциональной микроструктуры дискурса и жанра как его функциональной макроструктуры. Точнее: внутритекстовая симметрия структурно организует единичный текст, а междутекстовая – осуществляет координацию структур текстов в группе.

Текстосимметрика, таким образом, ставит третью важную задачу – *определение сферы действия каждого из типов текстовой симметрии*: междутекстового и внутритекстового. Сопровождает эту задачу задача вспомогательная – *выявление законов координации типов текстовой симметрии* в сфере организации жанровых макроструктур и единичного текста.

4.2. МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Первая попытка частичного описания междутекстовой симметрии в аспекте текстосимметрии фактически была осуществлена на материале фольклорных текстов при анализе заговоров, быличек и сказок: по 1 тысяче текстов каждого жанра [Лихачева, 1998; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002], но сущность обнаруженных в материале фактов не рассматривалась теоретически.

Теоретическое осмысление фактов дало возможность выделить два признака жанровых макроструктур в фольклоре и увидеть непосредственную зависимость жанровой структуры от сферы практического применения жанра.

4.2.1. Элементы композиционного стандарта в фольклорном тексте

При исследовании свойств жанровой формы фольклорных текстов обнаружены два стандартных ее элемента: инициальная формула и финальная формула [Москальчук, 1998: 45; Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002: 86-89]. Первый из них – *инициальная формула (ИФ)* – служит для реализации первичных прагматических установок. Эти установки заключаются в настройке концептуальной системы реципиента, которая понимается как подстройка поверхностной среды бытия текста.

Соответствующая подстройка принимающей поверхностной среды с помощью инициальной формулы предполагает: 1) преобразование пространственно-временной ориентации, 2) подготовку развития сюжета или определение порядка обрядового действия в заговорах (ИФ частично пересекается с понятием зачина). ИФ позиционно закреплена в начале линейной перспективы текста.

«Длина», а точнее пропорциональный объем этого элемента в линейной макроструктуре ФТ имеет статистическое значение. В 60% текстов ИФ занимает начальную 0,146 долю (до точки золотого сечения четвертого уровня), то есть, она закреплена позиционно. Такое закрепление признано инвариантом для ФТ. Специфика же каждой из жанровых форм заключается в отклонениях объема инициальной формулы от инварианта ФТ, который варьирует в разных жанровых макроструктурах.

ИФ в макроструктуре сказки в 97% текстов расположена инвариантно – пропорциональный объем соответствует среднестатистическому. В свою очередь в макроструктуре заговоров объем ИФ лишь в 35% текстов совпадает с инвариантом: пропорция 0,146 для ИФ заговора не имеет статистического значения. В 53% текстов заговоров объем ИФ отклоняется в сторону увеличения до пропорции 0,382 (золотое сечение второго уровня). Процентное содержание текстов быличек с инвариантом объема ИФ и его увеличением до пропорции 0,382 почти одинаково и имеет статистическое значение: 48% и 45% соответственно (см. ИФ и ФФ на рис. 3.3, 3.5, 4.2).

Финальная формула (ФФ) – парный ИФ элемент, необходимый для создания зеркально-композиционной структуры текста. Прагматическая задача ФФ – снятие настройки: 1) закрепление сказанного, 2) выведение слушающего и говорящего из специфического коммуникативного состояния. В инварианте ФФ тоже позиционно закреплена и составляет 0,146 долю от конца: в линейной перспективе это золотое сечение второго уровня, пропорция 0,854. Названному инварианту соответствуют 90,7% ФТ. Однако в каждой из жанровых макроструктур наблюдаются свои статистические отклонения.

96% текстов в жанровой форме сказки показывают отклонение объема ФФ в сторону уменьшения до пропорции 0,944 (золотое сечение третьего уровня в линейной перспективе – 0,056 часть от конца). Вероятность отклонения от инварианта в сторону такого же уменьшения объема ФФ в макроструктурах заговора и былички примерно одинаковы: 53 и 51% соответственно. То есть и укорочение, и удлинение ФФ в быличках и заговорах имеют статистическое значение.

Таким образом, в статистически представительном материале выявлены два отклонения жанровых форм ФТ от инварианта:

- 1) удлинение формально-композиционного элемента начала (в макроструктурах заговора и былички);
- 2) укорочение формально-композиционного элемента конца (в макроструктуре сказки).

Обе тенденции вызывают объемную деформацию инварианта, в котором «начало = концу»: $0,146 = 0,146$. В жанровых вариациях ФТ наблюдается переход к пропорциональному соотношению «начало > конца»: 1) $0,382 > 0,146$ (в заговорах и быличках) и 2) $0,146 > 0,056$ (в сказках). Обе вариации стремятся к *единообразному пропорциональному уменьшению конца в сравнении с началом*: ~ в 2,6 раза.

ИФ и ФФ – мало содержательные элементы обрамления, между которыми находится тело текста, его собственно содержательная часть. Жанровое отклонение сказки от инварианта заключается в увеличении тела текста (его собственно содержательной – *вариативной* – части) за счет уменьшения конца. А жанровое отклонение заговора и былички – в сокращении тела текста (содержательной части) за счет увеличения начала. Объемно-структурные деформации общезыковой формы в обоих случаях связаны с функциональной нагрузкой речевого жанра в сфере деятельности.

Структурное удлинение симметричных (с позиций междутекстовой симметрии) элементов ввода и вывода в направленных на коррекцию реципиента заговорах и быличках свидетельствует о гораздо большем их значении, нежели

в направленных на развлечение реципиента сказках. Содержательно-вариативная (с позиций междутекстовой симметрии) часть – *асимметричная часть* текста – увеличивается в относительном объеме при эстетической деятельности (сказка). С увеличением симметричной с позиций междутекстовой симметрии части асимметричная часть текста уменьшается при педагогической деятельности (быличка) и деятельности целителя (заговор).

Возможно, что «укорочение конца» в макроструктуре сказки есть следствие увеличения объема жанровой формы сказки относительно общезыкового среднестатистического. Во всяком случае, наблюдается достаточно явная связь жанровой формы с объемными параметрами, поскольку и быличка, и заговор имеют значительно меньший объем жанровой формы в сравнении со сказкой и среднестатистическим объемом текста. Соответственно: 111 словоформ, 180 словоформ и 1234 словоформы (при среднем объеме ФТ – 508 словоформ, а текста вообще – 669 словоформ) [Корбут, Лихачева, Москальчук, 2002: 91-92].

Осмысление фактов объема дают возможность обсуждения объемно-порогового ограничения реализации как общезыковой, так и жанровой форм. Можно предположить, что большая вероятность соответствия инварианту имеется у текста большего объема – мидитекста, и менее вероятно это объемно-пропорциональное соответствие частей инварианту в жанровых формах минитекстов. В таком случае дополнительно увеличивается значимость исходного параметра текста (его объема) для текстосимметрии.

Создавая формально-композиционную зеркальность, ИФ и ФФ реализуют категории целостности и смысловой завершенности. Проявляя устойчивую тенденцию к пропорционально меньшему объему завершающего элемента в сравнении с начинающим, ИФ и ФФ реализуют два взаимосвязанных вида динамической симметрии живых природных объектов: масштабную симметрию (подобие) и винтовую симметрию (золотое сечение).

Специфическое поведение ИФ и ФФ требует теоретического осмысления их сущности в структуре жанров фольклора. Оба элемента обладают не только чисто структурным, но и функционально-содержательным своеобрази-

ем внутри каждого из жанров. С другой стороны, все три элемента представляют собой фрагмент текста, который включает некоторое количество элементарных структурных единиц (ЭС). Таким образом, ИФ и ФФ признаются *элементами междутекстовой симметрии ФТ* (типическими композиционно-жанровыми формами по М.М. Бахтину [Бахтин,1979: 255]). Тело же текста – зона гармонического центра – может быть определено как *асимметричный междутекстовый элемент*.

В связи со своей содержательно-структурной спецификой, междутекстовые элементы-формулы ИФ и ФФ выделяются в *группу элементов композиционного стандарта*. Элементы композиционного стандарта (или структурно-композиционные) ИФ и ФФ имеют высокую вероятность в макроструктуре ФТ: вероятность ИФ – 89,6%, вероятность ФФ – 78,8%. Топологическая закреплённость элементов композиционного стандарта ФТ в пропорциях золотого сечения и композиционных точках: 0, 0.146, 0.944, 1 – имеет наиболее высокую вероятность.

Представленные результаты исследования элементов композиционного стандарта в жанровых макроструктурах ФТ говорят о достаточно сильном влиянии языкового инварианта на любую из них. Обнаруженные жанрово-групповые отклонения в жанровых макроструктурах ФТ есть проявления междутекстовой симметрии, признаки жанрообразования. Это отличает их от общезыковых признаков текстообразования, которые являются результатом внутритекстовой симметрии и реализуются в инварианте.

4.2.2. Жанровые формы фольклорных текстов

Вариативное размещение элементов внутритекстовой симметрии тоже связано с жанровыми формами в фольклорном тексте. Специфика жанровых форм особенно явно наблюдается при исследовании абсолютной плотности ЭС дальнего порядка в ФТ: на трех графиках абсолютной плотности ЭС в жанрах заговора, сказки и былички. В исследование этого аспекта входили повторы (лексические ЭС разных видов) и перечислительные ряды [Лихачева, 1996] – симметричные синтаксические ЭС (см. п. 2.4.2.1).

Сравнение графиков абсолютной плотности ЭС в разных жанрах ФТ наглядно представляет частные процессы формообразования – формообразование жанров. Так как обнаруженные жанровые вариации отражают «рисунок» внутритекстовой симметрии, то наблюдаемые элементы междутекстовой симметрии в таком аспекте исключительно абстрактны. То есть теоретически элементами междутекстовой симметрии являются группы симметрии, создающие жанровые формы.

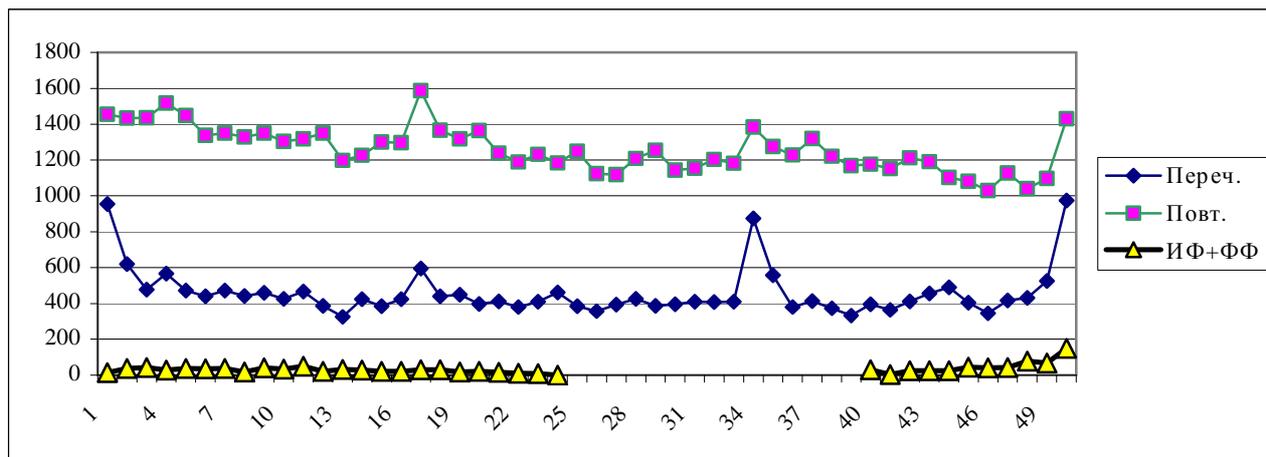

Рис. 4.1. Жанровая форма заговора

Примечание. Результаты получены О.Б. Лихачевой. Переч. – перечислительный ряд (синтаксические симметричные ЭС). Повт. – повторы (лексические ЭС). ИФ и ФФ – инициальная и финальная формулы.

Конфигурация графиков колебаний абсолютной плотности лексических и синтаксических ЭС (повторов и перечислительных рядов) в заговорах представляет собой достаточно стабильную кривую, разделенную на три равные части. Наблюдается высокая интенсивность ЭС при сравнительно ровном режиме их распределения в макроструктуре (рис. 4.1).

Пики кривой обозначают «места скопления» ЭС двух исследованных О.Б. Лихачевой разновидностей. Для определения значимости пиков высчитана среднее количество обеих разновидностей ЭС на каждую координату макроструктуры. Средняя плотность синтаксических ЭС в макроструктуре заговора – 460,6. Средняя плотность лексических ЭС – 1258,2.

Пик первый указывает координату 0,333. В этой координате макроструктуры заговора насчитывается 595 синтаксических повторов и 1587 лексических повто-

ров. Пик второй указывает координату 0,667. В этом пике обнаружено 875 синтаксических повторов и 1384 лексических повтора. Пик третий расположен в координате 1: 974 синтаксических повтора и 1430 лексических повтора. Пики кривой интенсивности ЭС говорят о делимитативной (дифференцирующей) функции элементов симметрии дальнего порядка.

Макроструктура заговора самопроизвольно делится на три интервала: от 0 до 0,333; от 0,333 до 0,667; от 0,667 до 1. Таким образом, наблюдается из ряда вон выходящий факт: заговор имеет трехчастную *равночастную* жанровую макроструктуру. Размеренность жанровой формы заговора противоречит инварианту (закону золотого сечения), который требует пропорционального неравенства частей. Ритмическая и смысловая структура заговора отличается от структуры любого текста, выполняющего коммуникативную функцию. С точки зрения симметрологии жанровая форма заговора реализует *переносную симметрию идентичной разновидности*, не обнаруженную ни в одной из 11 исследованных жанровых макроструктур.

Такая специфика жанровой формы заговора связана с его *некоммуникативной* функцией. В отличие от других текстов заговор не рассчитан на передачу информации реципиенту (чаще всего произносится шепотом и передается не более чем трем ученикам). Исцеление осуществляется посредством вибраций и чувствительного воздействия заклинателя – социализация структуры не осуществляется. Подстройки жанровой макроструктуры под инвариант не наблюдаются, поскольку текст не имеет социальной функции.

Жанровая форма сказки идеально соответствует инварианту зеркально-динамической симметрии, то есть в прямом смысле вариацией не является (см. рис. 3.5, 3.6). Социальная функция сказки – эстетическая, та же, что и у художественной прозы. Видимо, в связи с близостью объемных и функциональных свойств этих текстов наблюдается и близость групп симметрии их жанровых форм (ср. рис. 3.2, 3.6).

Жанровая форма былички соответствует зеркально-статическому варианту со смещением оси зеркальности в координату 0,500 (см. рис 3.3, 3.4). В.О. При-

ходько построена макроструктура на основе исследования 847 текстов, порожденных в стрессовой ситуации и предназначенных продуцентом для преодоления стресса, самоадаптации говорящего (РВСС). Ею обнаружена симметрическая близость макроструктуры такого текста и макроструктуры былички. Данный факт, вне сомнений, обусловлен отсутствием эстетической функции у былички, которая предназначена для познания неведомого и предупреждения стресса реципиента при возможной встрече в будущем с нечистой силой.

Таким образом, анализ жанровых форм ФТ подтверждает существование жанровых вариаций – жанровых макроструктур. Зеркально-статическая и зеркально-динамическая формы симметрии в ФТ проявляются как жанровые формы. Обнаруженная в макроструктуре заговора переносно-статическая вариация является сакральной, так как больше ни в одной из жанровых макроструктур не реализуется.

Из анализа фактов жанровых макроструктур ФТ можно сделать теоретически и методологически важный вывод: большой объясняющей силой для жанроведения обладает анализ макроструктур, выполненный в единой системе координат. Полученные факты неизбежно активизируют осмысление сути того вида деятельности, который сопровождается использованием речевой жанровой группы. В самом деле, каждый из трех жанров фольклора, исследованных здесь по принципам текстосимметрии, сопровождает свой вид (тип) деятельности. Сказка – эстетическую и игровую деятельность. Быличка, которая предназначена для познания неведомого и снятия стрессового состояния (страха перед нечистой силой), – когнитивно-педагогическую деятельность. Заговор, не предназначенный для восприятия и направленный на исцеление – сакрально-лечебную деятельность. На основании данных структуры само включение заговора и былички как жанров устного народного *творчества* может быть подвергнуто переосмыслению.

Структурно-функциональная специфика жанровых форм и элементов композиционного стандарта ФТ осмыслена здесь далеко не полно. Эта проблема представляется очень перспективной для дальнейших исследований.

4.3. МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ В ОБЪЯВЛЕНИЯХ

В направлении решения задачи выявления жанровых форм была сформирована гипотеза о приоритете междутекстовой симметрии (понимаемой также как стандартизация) в наиболее элементарных прагматически направленных жанровых группах. Общеизвестно, что сугубо практическая и прагматическая направленность текстов газетных объявлений не позволяет значительно разнообразить их форму, структуру и содержание. Сфера деятельности, которую сопровождают объявления, может быть отнесена к бытовой деятельности и трудовой деятельности (часто по организации быта). Единство сферы деятельности и письменной формы реализации объявлений позволяют выделить особо эту речевую жанровую группу.

Первый вопрос текстосимметрии о наличии ЭС внутритекстовой симметрии в структуре объявлений получил положительный ответ. Отсутствие/присутствие ЭС в объявлениях определено через вероятность, как и в других речевых жанровых группах. Исследовано 308 объявлений, взятых случайным образом из различных разделов специализированных газет. В 194 текстах ЭС обнаружены, в 114 – не обнаружены.

Адаптация элемента к информационной структуре объявления, ввиду практической информационной направленности жанра, осуществляется преимущественно в виде вариаций. ЭС в объявлениях – это слова одного семантического поля (например, *вуз, предметы, преподаватели*) и гипонимы к слову (например, *предметы: русский язык, литература, история, иностранный язык* в приведенном ниже объявлении).

Подготовка в вуз. Предметы: Русский язык и литература, история, иностранный язык.

Преподаватели квалифицированные.

Т. 36-84-77, после 18 ч.

Объявления названы самыми асимметричными текстами, так как вероятность отсутствия ЭС в них значительно выше, нежели в других речевых жанровых группах. Вероятность ЭС в объявлениях определена в результате анализа как 370 текстов на 1 тысячу ($194 : 308 = 0,370$). Процент текстов-объявлений *с асимметричной*

внутренней структурой приближен к статистическому значению: 37% ~ 40%, то есть почти статистическое количество текстов избранного жанра не структурируются посредством ЭС, отступая от инварианта.

4.3.1. Лексические междутекстовые элементы в объявлениях

Специфика данной жанровой группы заключается в наличии междутекстовых лексических повторов (идентичных междутекстовых элементов), обусловленных предметом бытовой деятельности продуцента/ реципиента (например, квартира, автомобиль, услуга и др.). Междутекстовые лексические повторы (симметричные идентичные элементы) в объявлениях не могут быть признаны свойством, объединяющим макроструктуру, поскольку они связаны с более мелкими тематическими группировками внутри нее. Однако, в отличие от структурно-композиционных элементов междутекстовой симметрии в ФТ, в качестве элементов междутекстовой симметрии объявлений выделены лексико-семантические группы. То есть носителями МС в объявлениях могут являться элементарные структурные элементы, идентичные ЭС.

Вероятность МС оценивалась по наличию/ отсутствию междутекстовых вариативных лексических повторов, *жанровых повторов*, которые признаны лексическими элементами междутекстовой симметрии. Учитывались следующие лексико-семантические элементы:

- а) предмет (человек, ищущий работу; организация и необходимый организации специалист; предметы купли-продажи или обмена и др.),
- б) сфера деятельности с предметом (купля, продажа, обмен, услуга и др.),
- в) качества предмета (возраст, образование; стоимость и др.),
- г) средство и время связи (адрес, телефон, пейджер). Лексическими элементами междутекстовой симметрии (далее ЭМС) в приведенном выше примере являются: *подготовка, русский, иностранный язык, литература, история. Т. 36-84-77, после 18 ч.*

ЭМС в рамках жанровой макроструктуры объявления имеют полевой характер (разновидность симметрии – варьирование), так как включаются в четыре названных выше семантических поля. Соответственно и макроструктура данной жан-

ровой группы гетерогенна. Она делится на тематические подгруппы (разделы/ рубрики/ поджанры). Внутри подгрупп структурообразующими ЭМС являются симметричные (лексические, реже корневые повторы): «меняю», «продам», «требуются», «ищу»; «квартира», «автомобиль» и т.д.

Вероятность наличия лексических ЭМС в объявлениях составила 100%, а ее отсутствие оказалось невероятным, так как принципиально невозможно объявление без элементов А, Б, Г. Такая обязательность ЭМС и необязательность ЭС отличается от характеристик макроструктуры ФТ, поэтому *вторичной характеристикой жанровой формы* после объемного параметра признается *оценка типов текстовой симметрии по вероятности*.

Элементы А, Б, Г, являясь лексическими и полевыми повторами, в то же время структурно совпадают с элементами композиционного стандарта, аналогичными ИФ и ФФ в фольклорном тексте, так как элемент А обычно закреплён в позиции 0, а элемент Г – в позиции 1 (подробнее элементы симметрии композиционного стандарта в объявлениях далее рассматриваться не будут). Такое функциональное совмещение лингвистических уровней текста (лексического и композиционного) обусловлено жанровым объемом объявления (микротекста, реже – минитекста) и спецификой его синтаксического структурирования, при котором совпадают структурообразующие элементы и элементы связности.

Описание сферы действия типов симметрии и их координации в разных речевых жанровых группах предполагает оценку координации двух типов симметрии. Для этого в объявлениях определены их долевые составляющие:

- 1) средняя доля ВС в текстах симметричной структуры есть частное от отношения количества всех ЭС выборки к количеству слов в текстах симметричной структуры;
- 2) средняя доля МС – частное от отношения количества ЭМС к количеству слов всей выборки;
- 3) доля МС в текстах симметричной структуры – количество ЭМС в текстах симметричной структуры, деленное на количество слов в них;
- 4) доля МС в текстах асимметричной структуры – количество ЭМС в текстах асимметричной структуры, деленное на количество слов в них.

5) совокупная доля лексических структурных элементов обоих типов симметрии – сумма ЭМС и ЭС в симметричных текстах, деленная на общее количество слов в симметричных текстах.

Сравнение долей показало, что внутритекстовая симметрия данных текстов минимальна (см. табл. 4.1, столбец 1). Напротив, междутекстовая симметрия занимает максимальную долю в лингвистическом объеме текстов как симметричной, так и асимметричной структуры. Причем, доля МС в асимметричных текстах оказывается меньше доли МС в симметричных текстах (см. табл. 3.11, столбцы 3, 4). ВС и МС являются структурообразующими элементами, поэтому вся совокупность структурообразующих элементов в симметричных текстах объявлений оценивается по их сумме. Общая доля структурообразующих элементов не превышает 82% (см. табл. 4.1, столбец 5).

Таблица 4.1. Долевые составляющие внутритекстовой и междутекстовой симметрии в структуре газетных объявлений (данные по 308 текстам)

	1	2	3	4	5
	ВС в симметричных текстах	МС во всей выборке	МС в симметричных текстах	МС в асимметричных текстах	Совокупность ВС и МС в сим. текстах
Вычисление долей	$\frac{888}{4863}$	$\frac{4046}{5447}$	$\frac{3088}{4863}$	$\frac{958}{1624}$	$\frac{3976}{4863}$
Доли	0,183	0,743	0,635	0,589	0,818

Полученные данные соответствуют выявленному положению о долях структурообразующих и второстепенных элементов в самоорганизации текстов с нормальной доле ВС. Тексты объявлений с симметричной структурой структурированы более жестко: структурообразующие составляют ~ 80%, второстепенные ~ 20%. Но и тексты с асимметричной структурой имеют высокую степень структурированности: структурообразующие ЭМС ~ 60% (ср. столб. 3, 4, 5 табл. 4.1). Напомним, что состав структурообразующих элементов (ЭС) минимален в мидитекстах с симметричной структурой ~ 37 %.

В итоге колебания степени структурности лингвистического текста оказываются значительными: ~ от 40% до 80%. Пословицы и афоризмы с повышенной степенью структурности, часто достигающей 100%, являются исключением.

Вторая закономерность, которая подтверждена на материале самого асимметричного и самого прагматичного жанра – это связь симметричности структуры текста с его объемом.

Для оценки этой связи определены следующие характеристики объема текстов объявлений: 1) средний объем объявлений безотносительно к внутренней структуре, 2) средний объем объявлений с симметричной внутренней структурой, 3) средний объем объявлений с асимметричной внутренней структурой, 4) минимальный объем объявлений с симметричной структурой, 5) максимальный объем объявлений с симметричной структурой, 6) минимальный объем объявлений с асимметричной структурой, 7) максимальный объем объявлений с асимметричной структурой (см. табл. 4.2).

Таблица 4.2. Параметры объема жанровой группы объявлений и их связь с симметричностью внутренней структуры (измерение в лексемах)

	Общие Параметры	Параметры Симметричных	Параметры асимметричных
Количество текстов	308	194	114
Общий объем выборки	5447	4863	1624
Средний объем текста	17,69	25,07	14,25
Колебания объема текста	6 – 64	8 – 64	6 – 30

Сравнение числовых показателей демонстрирует, что средний объем текстов с внутренней симметрией примерно в 1,8 раз превышает средний объем текстов с внутренней асимметрией, а также максимальный объем внутренне симметричных текстов превышает тот же объем внутренне асимметричных ~ в 2 раза. С одной стороны, подтверждается наличие оптимально организующего устройства: тексты большего объема структурируются посредством ЭС. С другой стороны, наблюдает-

ся увеличение доли структурообразующих элементов с увеличением лингвистического объема.

Действует противоположное прозаическим и поэтическим текстам правило: *увеличение доли структурообразующих элементов прямо пропорционально его объему* до некоторого порогового значения первичного параметра (ср. п. 3.3 табл. 3.1 и п. 3.4.1).

Расчет доли текста, занятой структурообразующими элементами обоих типов в объявлении можно выполнить и другим путем: это сумма средних количеств ЭС и ЭМС (см. табл. 4.2), деленная на среднее количество слов в симметричных текстах: $(4,58 + 15,92) : 25,07 = 0,818$

Поскольку долевая составляющая структурообразующих элементов в текстах симметричной структуры, определенная другим путем, имеет то же числовое значение и расчеты верны, то сравнение долей структурных элементов в симметричных и асимметричных объявлениях можно осуществить так же. Среднее количество ЭМС в асимметричных объявлениях – 8,4. Исходя из этого, определена доля структурообразующих ЭМС в текстах внутренне асимметричной структуры:

$$8,4 : 14,25 = 0,589.$$

Увеличение доли структурообразующих элементов в симметричных текстах по сравнению с симметричными определимо сравнением средних показателей объема и долей структурообразующих элементов в каждой из групп: $0,818 : 0,589 = 1,389$ и $25,07 : 14,25 = 1,76$. Это уточняет обнаруженную закономерность усиления роли ВС в текстах большего объема, действующую в макроструктуре объявления.

Так как жанровая форма объявления обусловлена активностью элементов симметрии обоих типов, в ней можно наблюдать достаточно высокую степень жесткости противоположно направленного процесса: при *увеличении объема текста на 80%* количество его *структурообразующих элементов увеличивается на 40%*.

Размышления об объективных причинах такого отступления структурообразующего процесса в жанровой структуре объявлений от общей тенденции приводят к определению типов информации текста и его содержания. Из трех видов информации: фактуальной, концептуальной и подтекстовой – для объявлений значим только первый. Понятие фактуальной информации (абсолютной информации или количественной информации) наиболее элементарно и легко соотносимо с информационной структурой объявления. Содержание, понимаемое как обобщенная информация, соотносимо с концептуальным и подтекстовым видами.

Другими словами, содержанием газетное объявление не обладает. Возможно, с этой особенностью (максимальным усилением роли фактуальной информации и отсутствием качественной информации) и связано увеличение количества структурных элементов при увеличении объема, тем более, что значительная часть этих элементов – элементы асимметрии (ЭМС – см. п. 4.3.2).

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что возможна оценка структурообразования лингвистического объекта не только с внутренних (природных) позиций, но и с позиций внешнего влияния на его структуру, влияния социума.

При усилении влияния на лингвистический текст внешней среды его бытия (вида деятельности) увеличивается роль междутекстовой симметрии. А именно: структуры обслуживающих эту деятельность текстов становятся предельно симметричными относительно друг друга (подчиняются стандарту).

4.3.2. Процессуальная оценка жанровой формы объявления

Процессуальная характеристика жанровой макроструктуры самых асимметричных текстов, в связи с их минимальным объемом, рассмотрена как размещение структурно значимых позиций текста (пропорция 0,944 не учитывалась). Данные для сопоставления средних количеств элементов разных типов симметрии, оказавшихся в искомым позициях, – в таблице 4.3. Отношение общего количества элементов, попавших в позиции золотого сечения в выборке к соответствующему количеству текстов выборки – вероятность.

В 7 структурно значимых позициях симметричного текста в среднем встречается 2 из 5 элементов ВС и 5 из 16 элементов МС, а в асимметричных

текстах – 6 из 8 элементов МС. В среднем во всех текстах жанровой группы в структурно значимых позициях встречается 6 из 13 элементов МС. ЭМС, таким образом, преобладают над ЭС в структурно значимых позициях. В итоге из 7 структурно значимых позиций от 5 до 7 маркируются теми или другими структурообразующими элементами.

Таблица 4.3. Структурообразующие элементы в макроструктуре и структурно значимых позициях объявлений (308 текстов)

	1	2	3	4
	Элементы симметрии	Элементы МС во всей выборке	Элементы МС в асимметричных текстах	Элементы МС в симметричных текстах
Среднее в тексте	4,58	13,14	8,40	15,92
Среднее в позициях	1,57	5,75	6,24	5,47

В результате исследования жанровой группы сделано заключение:

ВС объявлений стремится к нулю, потому что

1) собственно элементом симметрии является повтор, который в тексте такого типа неэффективен, так как уменьшает долю абсолютной информации;

2) каждый единичный текст-объявление, является функционально-прагматической системой, а значит, стремится к повышению доли абсолютной информации – к асимметричности внутренней структуры;

3) МС объявлений составляет 100% в связи с функциональной стереотипностью структуры текстов этой жанровой группы;

4) МС функциональна на поверхностном уровне структуры объявлений и связана со сферой асимметрии внутренней структуры текста.

Некоторая часть структурообразующих элементов принадлежит к обоим типам симметрии: как к *ВС*, так и к *МС*. При этом они *совпадают в позициях*:

в позиции 0 –	51 раз;	в позиции 0,236 –	8 раз;
в позиции 0,382 –	13 раз;	в позиции 0,618 –	7 раз;
в позиции 0,146 –	12 раз;	в позиции 0,854 –	1 раз;
в позиции 1 –	0 раз.		

Это означает, что ВС в текстах объявлений сосредоточена в абсолютном начале (позиция 0). Затем она уменьшается: ~ в четыре раза в последующих 2 и 3 интервалах зоны начала и ~ в семь раз в зоне гармонического центра. ВС полностью отсутствует в зоне конца. Следовательно, абсолютная информация сосредоточена в зоне конца объявления (зона асимметрична). В этой асимметричной зоне (пропорционально расположенной от 0,854 до 1) находится наиболее универсальный элемент междутекстовой симметрии – элемент Г, оговаривающий условия связи (см. выше).

Кроме того, ЭС, расположенные в интервале 1, являются antecedентами – а значит, относятся к элементам асимметрии. То есть, совпадение ВС и МС в позиции 0 является асимметрией. Таким образом, ЭМС объявления принципиально признаются структурообразующими элементами, несущими абсолютную информацию.

Процесс симметризации жанровой макроструктуры объявления имеет обратный инварианту характер: последовательное *ослабление процесса симметризации и усиление процесса диссимметризации* от начала к концу. Но это не означает, что структурность речевого жанра объявление падает. Процесс диссимметризации для данного жанра является структурообразующим, поскольку структурообразующие функции в максимальной степени закрепляются за междутекстовыми элементами, частично совпадающими с элементами симметрии. Процесс симметризации, ввиду его преимущественного закрепления за начальными интервалами в макроструктуре данного жанра, является вспомогательным.

Жанровая форма объявления описывается как группы симметрии жанровой макроструктуры. Определялись они по абсолютной плотности ЭС в композиционных интервалах (по представленности ЭС в композиционных точках). Для получения графического изображения использованы следующие элементарные количественные показатели ЭС:

интервал 1 (зачин) – 169 ЭС,	интервал 4 (предГЦ) – 118 ЭС,
интервал 2 (предГЦн) – 75 ЭС,	интервал 5 (постГЦ) – 70 ЭС,

интервал 3 (пост ГЦн) – 89 ЭС, интервал 6 (конец) – 9 ЭС.

Увидеть группы симметрии можно на рисунке 4.2, который иллюстрирует перечисленные количественные показатели абсолютной плотности ЭС.

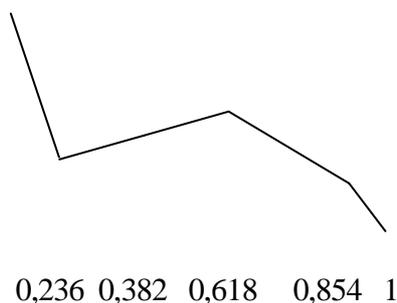

Рис. 4.2. Группы симметрии жанровой макроструктуры объявления

Ослабление процесса симметризации в макроструктуре объявлений протекает скачкообразно. На общем фоне уменьшения количества ЭС в направлении к концу текста в зонах, прилегающих к гармоническому центру, наблюдается сначала увеличение, а затем уменьшение их количества. Эта тенденция в зоне ГЦ соответствует вариации, обнаруженной в жанровых формах ХПТ и ФТ (сказки и былички). Тело текста понимается как совокупность интервалов, прилегающих к точке золотого сечения.

Макроструктура объявления, несмотря на общую тенденцию к асимметризации, характеризуется восходяще-нисходящим движением процесса симметризации в теле текста. Формообразующая роль матрицы (пропорций золотого сечения) сохраняется и в данной жанровой форме.

Итак, исследование выявило исключительность жанровой группы объявлений, которая состоит в *обратных инварианту структурообразующих процессах*. Однако даже эти нестатистические признаки для общеречевой макроструктуры позволили сделать важные методологические выводы. Из сопоставительного анализа функций ВС и МС следует, что в структурообразовании равно могут участвовать как элементы внутритекстовой симметрии, так и элементы внутритекстовой асимметрии. Если в композиционно значимых позициях оба типа элементов сливаются, это является признаком «передачи структурных функций» от внутритекстовой симметрии к междутекстовой симметрии.

Композиционно значимые точки: абсолютное начало, абсолютный конец и пропорции золотого сечения, зафиксированные текстообразующей матрицей (суперконструктом образа текста), несут первичную системо- и структурообразующую нагрузку независимо от того, какие из элементов текста участвуют в структурообразовании.

Диалектика законов формообразования лингвистического текста заключается в единстве противоположно направленных процессов симметризации/ диссимметризации. Единство же это обеспечивается линейно направленным позиционно закреплением: позиционной делимитацией и позиционной структуризацией, которые проявляются в лингвистической/их макроструктуре/ах.

Другими словами, *примирение противоположностей происходит в заданных природой и сознанием пропорциях золотого сечения – внутри языковой формы. Такая диалектика структуры текста обеспечивает ему возможность быть не только синергетической диссипативной самоподстраивающейся системой, но и опознаваемой сознанием структурой.*

4.4. МЕЖДУТЕКСТОВАЯ СИММЕТРИЯ

В ДРУГИХ ЖАНРОВЫХ ГРУППАХ

Понятие «жанровая группа» для данного исследования характеризуется в первую очередь структурной общностью включенных в нее текстов, обслуживающих одну сферу деятельности. Поэтому в исследованиях, не принадлежащих текстосимметрии, но избирающих в качестве материала ограниченную сферой деятельности группу текстов и сосредоточенных на определении общности их структуры, неизбежно обнаруживаются факты, которые можно интерпретировать как междутекстовую симметрию.

Например, исследуя правила по русскому языку, Е.С. Пушкина получила инвариант распределения информационных блоков в структуре правила. В интервалах 1 и 2 размещаются сведения об описываемом в правиле явлении, в интервалах 3, 4, 5 – локализуется инструкция с доминированием в зоне гармонического центра, а в интервале 6 располагается блок «пример» [Пушкина, 2004: 13].

С позиций текстосимметрики это не что иное, как описание элементов композиционного стандарта. Этот же исследователь определяет и лексические ЭМС в виде терминологической цепочки [там же: 14-15]. Таким образом, признаки междутекстовой симметрии жанровой группы инструкция можно считать предварительно описанными. Исследования, посвященные поиску средств координации первичного и вторичного жанров, тоже могут быть интерпретированы в аспекте текстосимметрики как фактически описывающие некоторые элементы композиционного стандарта и ЭМС [Татарникова, 2004].

Предварительное исследование междутекстовой симметрии дало возможность обнаружить ее элементы и найти аспекты классификации для этого нового объекта текстосимметрики. В связи с представлением о среднестатистическом тексте как о мидитексте, для дальнейшего исследования МС наиболее актуально привлечение текстов многоуровневой структурированности.

Поскольку МС первоначально была обнаружена в прагматически направленных текстах, для дальнейшего исследования были избраны две жанровые группы мидитекстов – политическая и научная проза (статьи В.И. Ленина и научно-исследовательские статьи по лингвистике, журналистике, психологии, истории). Междутекстовая симметрия на лексическом уровне (ЭМС) в избранных группах текстов, безусловно, связана с едиными общественными или научными проблемами, возникающими в поверхностной среде их бытия. Поэтому ЭМС в названных группах могут быть традиционно определены как тематические повторы.

Тематические ЭМС обнаруживаются только в подгруппах жанровой макроструктуры. Единство подгрупп симметричных друг другу текстов внутри речевой жанровой группы изначально обусловлено не лингвистическими причинами, а научной или политической ситуацией. Названные ситуации оказывают влияние на теоретическую деятельность и концептуальные системы продуцентов – внешнюю и поверхностную среду бытия текста.

Некоторая часть ЭМС в научной прозе не может быть отнесена к тематическим повторам, так как их семантика никак не соотносится с ситуацией, а сами они

топологически закреплены. Это элементы композиционного стандарта, сопоставимые с инициальными и финальными формулами в фольклорных текстах.

В связи с тем, что все мидитексты (а значит и все тексты рассматриваемых в данном параграфе жанровых групп) имеют симметричную структуру, ЭС и ЭМС легко сопоставимы как в количественном, так и в позиционном отношении. Сопоставление характеристик ЭС и ЭМС позволяет увидеть единое и различное во внутритекстовой и междутекстовой симметрии. А первичная функционально-структурная классификация МС дает возможность наблюдать процесс формирования жанрового стереотипа, происходящий уже не на бессознательном, а на стихийно-сознательном уровне.

Что же касается МС в публицистической жанровой группе и жанровых группах художественных текстов, то тематическое разнообразие их поверхностной структуры очень затрудняет выделение лексических ЭМС. Однако в соответствии со сформированной гипотезой поиск междутекстовых элементов в названных группах текстов актуален и перспективен, поэтому явления междутекстовой симметрии в жанровых группах с художественной структурой обсуждается особо. Жанровые формы политической, научной и художественной прозы, понимаемые как группы симметрии, созданные рисунком плотности повторов, получены по данным линейной плотности ЭС.

4.4.1. Междутекстовая симметрия в политической прозе

Прагматическая задача текстов исследованной жанровой группы политической прозы (статьи В.И. Ленина) обуславливает функционирование в ней лексики, принадлежащей к одному фрагменту действительности, который связывается с конкретной политической ситуацией в России периода 1905–1923 годов. Единство фрагмента исторической действительности для всех исследованных текстов группы обусловило наличие единого семантического поля для ЭМС. С позиций психолингвистики все ЭМС могут быть оценены как ключевые слова каждого из текстов.

Так же, как и в случае с объявлениями, ЭМС содержат 100% текстов жанровой группы политической прозы. Составлен перечень выделенных ЭМС, ко-

торые могут пониматься как общие для данной группы ключевые слова. Из предлагаемого списка ЭМС, насчитывающего 22 единицы, для его большей компактности исключены словообразовательные варианты, которые функционируют в жанровой макроструктуре. Все словообразовательные варианты ЭМС, представленных в списке, входят в анализируемую группу.

Мы/ наш, восстание/ стачка/ революция, буржуазия, рабочие/ рабочий класс/ пролетариат, борьба, капитализм, социализм, царизм, самодержавие, политика, партия, коммунистический, народ, Россия/ русский/ Русь/ республика, социал-демократия, большевизм, эксплуатация, свобода, раб.

Распространение в данной жанровой группе ЭМС всех структурно-системных видов (соотносимых с варьированными, симметричными и антисимметричными ЭС – см. п. 2.4.2) – подчинено условиям двух уровней среды бытия данных текстов (внешней и поверхностной). С одной стороны, *варьированные* и *антисимметричные* ЭМС объединяются и как полевые ЭС: «*царизм/ самодержавие*», «*политический/ социалистический/ коммунистический/ партийный, капиталистический/ классовый*», «*пролетариат/ народ/ рабочий класс/ коммунисты*», «*революция/ борьба*», «*рабочие/ буржуазия*», «*мы/ наш*» и т. п. С другой стороны, все подобные элементы данной группы текстов встречаются и как только междутекстовые повторы – *симметричные* ЭМС.

Местоименные повторы ЭМС, совпадающие с ЭС ближнего порядка (см. п. 2.5.3), проявлениями междутекстовой симметрии не признаются, поскольку местоимения лишь указывают на явление и не могут служить ключевыми словами, тогда как все ЭМС – это ключевые слова. Таким образом, в любом из текстов ЭС дальнего порядка вместе с лексическими элементами междутекстовой симметрии образуют группу ключевых слов.

Среднее пропорциональное количество ЭМС в политической прозе выражается числовым значением коэффициента ЭМС – 0,079 (количество ЭМС в макроструктуре, деленное на общее количество элементов макроструктуры). Это значит, что в единичном среднестатистическом тексте данной жанровой группы междутекстовые элементы составляют ~ 8%.

стной среды (политической ситуации, изменившейся в октябре 1917 года). Другими словами, политическая среда изменилась под влиянием текста, а сам текст, будучи системой синергетической, изменился под влиянием изменившейся среды (новой политической ситуации).

Так становится наблюдаемым изменение системы в случае, когда «эффект изменения системы (последствия) оказывает обратное влияние на каузальные переменные, то есть причины, приведшие к изменению системы» [Князева, Курдюмов, 1994: 6].

Сопоставление внутритекстовой и междутекстовой симметрии показывает, что лишь ~ 1,4% из проанализированного в материале общего количества ЭМС (14 из 1033) не являются в то же время элементами внутритекстовой симметрии. Значит, в абсолютном большинстве случаев ЭМС функционируют и в качестве *внутритекстовых ЭС дальнего порядка*. То есть, подтверждается обнаруженный на материале объявлений факт совмещения у структурообразующих элементов внутритекстовых и междутекстовых (жанровых) функций: *микроструктурирующая и макроструктурирующая роли*.

Исполнение двух названных функций (микроструктурирующей и макроструктурирующей) одними и теми же структурно-лингвистическими элементами текста обуславливает координацию микро- и макроструктур в реальности дискурса. Теперь можно утверждать: *условия для функционирования текста в качестве открытой системы*, способной обмениваться с окружающей средой энергией, веществом, информацией, создает в первую очередь междутекстовая симметрия (в виде ЭМС).

Всеобщность действия законов текстообразующей матрицы (винтовая симметрия) обеспечивает условия первичной (заданной) координации типов симметрии в системе и структуре лингвистического объекта, что подтверждается вероятностью расположения ЭС и ЭМС в структурно значимых позициях.

Элементы симметрии междутекстового стандарта на материале политической прозы пока не обнаружены, так как МС связана с наличием/ отсутстви-

ем группировок внутри жанровой группы – с дробностью среды, в которой пребывает данный лингвистический объект.

Что же касается жанровой формы, представляющей в виде групп симметрии, наблюдаемых как рисунок относительной плотности ЭС в политической прозе, то полученное ее графическое изображение отступает от инварианта (смещена ось симметрии до координаты 0,854). Возможно, это искажение проявляется в связи с недостаточной статистической выборкой (20 текстов), но скорее всего это удлинение зоны фазового перехода от ослабления симметризации к ее усилению связано с колебаниями количества и смены семантических групп ЭМС. Инвариантное движение процесса симметризации от ослабления к усилению наблюдается, и динамически искаженная зеркальность жанровой формы не нарушается (см. рис. 4.3).

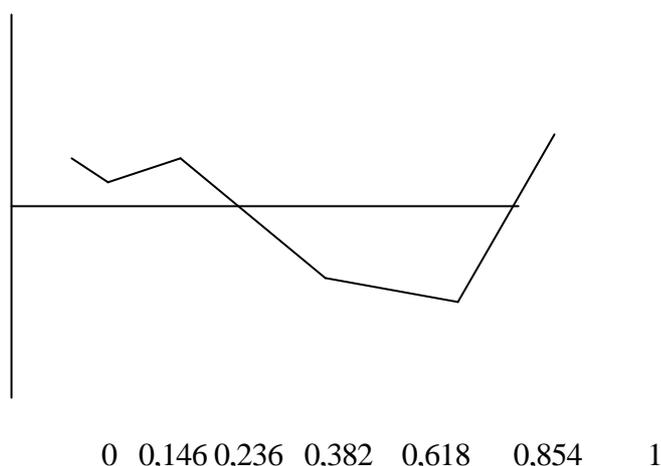

Рис. 4.3. Группы симметрии политической прозы (относительная плотность ЭС)

Обнаружение общих структурно-жанровых свойств ЭМС в макроструктуре политической прозы и объявлений является достаточно неожиданным результатом, ведь данные группы текстов значительно различаются при анализе внутритекстовой симметрии. Однако именно тот факт, что способность совмещения функций ЭС и ЭМС выявлена в макроструктуре столь различающихся жанровых групп, говорит о жизнеспособности данного постулата. Возможно, что дальнейшие исследования ЭС и ЭМС в этих жанровых группах уточнят характеристики и функции МС и специфику жанровых форм.

4.4.2. Междутекстовая симметрия и жанровая форма научного текста

Критерии для детальной классификации ЭМС становятся более явными при анализе жанровой группы научной прозы, поскольку сферой деятельности, которую сопровождает данная жанровая группа, обуславливаются требования фактической точности и логической строгости. На первичном этапе исследования междутекстовой симметрии во внимание взяты не все междутекстовые повторы, функционирующие в научной прозе. Это достаточно объемная и кропотливая работа будущих исследований. Однако для получения принципиальной картины междутекстовой симметрии и формулирования близких к действительности предварительных выводов проделанная работа достаточна.

В макроструктуре научного текста наблюдается разнообразие ЭМС, допускающее их простейшую тематическую классификацию. Причина этого разнообразия связана со спецификой среды существования научного текста, которая имеет, с одной стороны, единую, а с другой – дробную отраслевую концептуальную структуру. Соответственно и ЭМС подразделяются на частные и универсальные: отраслевые (ЭМС в подгруппах) и межотраслевые (общежанровые ЭМС).

Универсальными общежанровыми ЭМС, выделенными в материале, являются междутекстовые повторы: *мы/ наши, наука/ ученый, исследование/ изучение/ анализ, метод, функция* и др., а также их словообразовательные варианты. Так же, как в объявлениях и политической прозе, универсальные ЭМС встречаются в 100% научно-прозаических текстов.

Межотраслевые и отраслевые ЭМС принадлежат к одному функционально-стилистическому слою лексики. Этот пласт лексики достаточно подробно описан с позиций функциональной стилистики и как стилевые черты жанров научной речи. Текстосимметрикой же лексика с научно-книжной окраской рассматривается в специфическом аспекте: в качестве основы, создающей жанровую макроструктуру. По отраслевым ЭМС определяется принадлежность научного текста к отдельной науке или ее отрасли.

Например, тексты по истории в исследованном материале имеют общеисторические и частноисторические ЭМС. Межотраслевые междутекстовые повторы (общеисторические): *история, народ, год, век, документ*. Отраслевые междутекстовые повторы (частноисторические): *Россия/отечество/русский, А.П. Щапов, концепция областничества, Сибирь*. Тексты по психологии соответственно структурированы посредством общепсихологических и частнопсихологических ЭМС: 1) *психология, мышление, деятельность* и др., 2) *Л.С. Выготский, речь, понятие* и др.

Исследованные тексты по лингвистике не принадлежали к какой-либо отдельной научно-отраслевой группе (они взяты из сборников статей по итогам конференций), поэтому выделены лишь общелингвистические ЭМС: *язык, речь, лингвистика, слово, высказывание/ текст, говорящий* и др. К частным лингвистическим будут отнесены междутекстовые повторы, характеризующие единицы и процессы соответственно разным направлениям лингвистики.

Количество ЭМС, не совпадающих с ЭС дальнего порядка, в научной прозе аналогично прежде определенному в прозе политической: 16 из 1046 ~ 1.5%. Все ЭМС в жанровой группе научной прозы имеют различные грамматические и словообразовательные вариации. Например, словообразовательные вариации: *функция – функционировать, функциональный, функционально-семантический* и т.д.; *метод – методический, методология, методика* и т.д.

Таким образом, среди ЭМС выделены две структурно-функциональные группы: 1) общие и 2) частные. Вторая из них в свою очередь может быть подразделена на частно-научные и частно-отраслевые. Для сопоставительного же анализа ВС и МС принадлежность ЭМС к структурно-функциональной группе не принципиальна.

Числовое значение среднего коэффициента ЭМС получено по предварительным данным (24 текста), которые пока не позволяют принять в расчет все ЭМС в научной прозе. Это значение коэффициента ЭМС в макроструктуре научной прозы составило 0,064. Обнаруженный числовой показатель несколько ниже среднего коэффициента ЭМС политической прозы. Однако уже этот по-

казатель дает уверенность в том, что в среднестатистическом научном тексте содержится не менее 6% междутекстовых жанрообразующих элементов.

Возможно, в связи с неполнотой данных в среднем меньшее в сравнении с политической прозой количество ЭМС определено и в композиционно значимых точках. Более одного элемента МС в среднем обнаружено в трех первых позициях (интервалы 1 и 2):

0 и 0,146 – 1.25; 0,236 – 1.75.

Остальные точки золотого сечения жанровой макроструктуры политической прозы в среднем имеют менее одного элемента МС:

0,382 – 0.75; 0,854 – 0.88; 0,618 – 0.71;
0,944 – 0.62; 1 – 0.79.

Однако такой предварительный позиционный анализ ЭМС среднестатистического научно-прозаического текста позволяет увидеть дифференциацию композиционных зон макроструктуры научной прозы. Большая функциональная нагрузка у элементов междутекстовой симметрии обнаруживается в зоне начала: в интервалах 1 и 2 (позициях: 0; 0,146; 0,236).

В названных интервалах располагается *обязательная вводная часть* научной статьи. Видимо, с точки зрения продуцента именно эта часть должна максимально адаптировать концептуальную систему реципиента к концептуальной системе текста (ср. с ИФ в ФТ). А поскольку текстосимметрикой выявлена большая степень междутекстовой симметризации начала в текстах, представляющих концептуальные системы разных продуцентов, то следует признать и более высокую степень адаптации (приспособления) этой зоны к принимающей поверхностной среде (концептуальной системе реципиента). Так еще раз подтверждается тезис о прагматической направленности научного текста и о тексте как синергетической системе.

Другими словами, текстосимметрикой обнаружено неписаное правило построения научной статьи: начальная 0,236-я часть текста должна содержать максимально возможное для информационной структуры количество общежан-

ровых элементов, элементов стандарта (общеизвестного). Видимо, *обмен информацией и энергией между научным текстом и концептуальной системой реципиента наиболее активен в начале* – до позиции 0,236. Эта пропорциональная часть осуществляет «настройку» реципиента. Адекватная подстройка концептуальной системы реципиента под концептуальную систему текста, в свою очередь, обеспечивает наиболее успешное его восприятие и понимание.

Отсюда следует, что *элементом композиционного стандарта* в макроструктуре научной прозы является первая 0,236-я композиционная часть целого текста, функционально направленная на формирование межконцептуальных структур. В целом междутекстовая симметрия так же активна в текстах научной жанровой группы, как в ФТ, объявлениях и политической прозе.

Полученные по научной прозе данные подтверждают правильность дальнейшего пути к функционально-структурной классификации ЭМС не только на уровне лексических элементов целого, но и на уровне его композиционных частей.

Сравнение степени структурности научно-прозаического текста с политической прозой по данным внутритекстовой симметрии показывает большую структурность последнего, поскольку КС научного текста имеет меньшее числовое значение, чем КС политического: 0,366 и 0,431 соответственно.

Сравнение средних коэффициентов ЭМС этих же жанровых групп показывает то же количественное преобладание ЭМС в политической прозе над научной, выраженное коэффициентами 0,079 против 0,064. Следовательно, можно говорить о том, что в мидитекстах, как и в минитекстах, внутритекстовая и междутекстовая симметрия находятся в балансе между собой.

Более 98% проанализированных в научной прозе элементов междутекстовой симметрии совпадают с элементами внутритекстовой симметрии. Кроме того, наблюдается высокая вероятность расположения ЭМС в композиционных точках. Это означает, что взаимоотношения двух типов симметрии в мидитекстах приобретают тесную координационную связь. Это совпадение элементов ВС и МС в сложно структурированных текстах еще раз свидетельствует о том, что структурообразующими являются оба типа элементов симметрии.

Выявляется следующий факт: внутритекстовая симметрия тоже исполняет две структурные роли – структурирование отдельного текста и структурирование речевого жанра, микроструктурирование и макроструктурирование – равно как и МС. Но в макроструктурировании принимают участие только элементы симметрии второго типа – абстрактные и формообразующие.

Жанровая форма научного текста, определяемая рисунком относительной плотности ЭС на более масштабной выборке (61 текст), подтверждает это положение (см. рис. 4.4). Подтвержден инвариант уменьшения симметрии до ГЦ и ее увеличения после ГЦ. Выявлена специфика жанровой формы научной прозы, обусловленная подстройкой под требования внешней среды (требование научной новизны исследования). Эта подстройка характеризуется тем, что в жанровой макроструктуре научной прозы наблюдается большее разнообразие (диссимметрия) зоны конца. В научном тексте здесь содержатся основные выводы – научная новизна исследования.

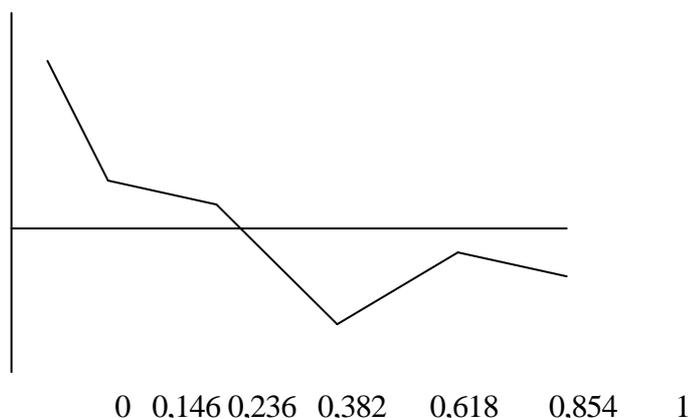

Рис. 4.4. Группы симметрии научной прозы (относительная плотность ЭС)

Таким образом, в жанровой форме научного текста наблюдается междутекстовая (и внутритекстовая) симметризация начала (стандарт) до пропорции 0.236. Которая сменяется максимальной вариативностью зоны ГЦ (нисходяще-восходящее движение процесса внутренней симметризации в теле текста). Достаточно высокая вариативность конца (нисходящее движение процесса симметризации в зоне конца) при наличии определенной доли стандарта увеличивает

информативность граничной зоны. Так в жанровой макроструктуре становится наблюдаемым процесс адаптации принципиально нового научного знания к уже состоявшимся научным теориям.

4.4.3. Междутекстовая симметрия и жанровая форма художественного текста

МС лексического уровня в художественных текстах может быть обнаружена, например, при выявлении излюбленных поэтами и писателями образов: черёмуха, вечер, ветер и др. Для текстосимметрии подобные изыскания не существенны, так как они фактически проявляют симметрию концептуальной системы единичного говорящего (автора), тогда как текстосимметрия занимается проблемой выявления и описания всеобщего.

С другой стороны, художественный текст (далее ХТ), сам являясь моделью действительности, потенциально включает все лексическое стилистическое и тематическое разнообразие языка. Поэтому стилистико-тематических повторов, как в научной прозе или объявлениях, в ХТ обнаружить не удастся.

Пожалуй, ближе всего к явлению МС в ХТ стоит фабула, понимаемая как обобщенная событийная схема текста, однако это явление относится исключительно к поверхностному уровню структуры. Кроме того, положение о небольшом количестве фабул, являющихся основой всей мировой художественной литературы, не относится к вопросам текстосимметрии, поскольку при анализе этого уровня трудно опереться на повторение материально выраженных единиц в лингвистической структуре. Проявлениями МС в поэтических текстах являются метр и рифма. Однако метр и рифма остаются формальными средствами организации, тогда как элементы симметрии – всегда содержательны (в большей или меньшей мере).

Исходя из обнаруженной текстосимметрией высокой степени внутритекстовой симметрии, идеального проявления групп симметрии, отсутствия отклонения симметрической организации художественного текста от инварианта – свойством жанровой структуры ХТ признается *отсутствие междутекстовой симметрии* при наличии высокой степени внутритекстовой симметрии.

Другими словами, наиболее последовательное подчинение структуры ХТ максимально успешной в природе динамической модели является одним из условий реализации в этой макроструктуре *принципа междутекстовой асимметрии*. Оба названных признака и есть жанрообразующие признаки художественного текста. То есть основное положение симметрологии «асимметрия творит явление» совершенно справедливо по отношению к художественному тексту, рассматриваемому с позиций междутекстовой симметрии.

Таким образом, внутритекстовая симметрия в ХТ исполняет две структурные роли (микроструктурирование и макроструктурирование): структурирование отдельного текста и структурирование речевого жанра – равно как и МС в других жанровых группах. Группы симметрии жанровых макроструктур ХТ фактически здесь уже обсуждались.

Научно-гуманитарная традиция разделяет художественные тексты на две родовые группы: прозаические и поэтические. Следовало бы предположить, что в соответствии с этим обстоятельством имеется и две жанровые группы ХТ, которые могут быть наблюдаемы в макроструктурах прозы и поэзии. Поскольку ЭМС и Элементов междутекстового стандарта ни в прозаических, ни в поэтических художественных текстах обнаружить не удалось, анализ их макроструктур проводится по группам симметрии, которые обнаруживаются в графике относительной плотности ЭС в поэзии и прозе. Были избраны наиболее сопоставимые, характерные для каждого исследуемого рода, прозаические и поэтические тексты.

Выполнен сравнительный анализ данных по поэтическим миниатюрам (средний объем 39 слов) и художественным прозаическим текстам-миниатюрам (средний объем 176,77 слов). Чтобы увидеть сопоставимые числовые значения, составлена единая для прозы и поэзии таблица отклонений (табл. 4.4) пропорционального количества ЭС от стандартных пропорций объема (матрицы) – относительная плотность ЭС (см. также табл. 3.10, 3.11).

Таблица 4.4. Относительная плотность элементов симметрии в художественном тексте (поэзия и проза)

Имя интервала	Пропорциональный объем					
	Зачин	Пред-	Пост-	ПредГЦ	ПостГЦ	Конец

		ГЦн	ГЦн			
№ интервала	1	2	3	4	5	6
1. Матрица	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146
2. ЭС в поэзии/ Отклонение	0,174 +0,028	0,099 +0,09	0,127 -0,019	0,208 -0,028	0,221 -0,015	0,157 +0,011
3. ЭС в прозе / Отклонение	0,164 +0,018	0,095 +0,005	0,143 -0,003	0,221 -0,015	0,223 -0,013	0,154 +0,008

Формирование поэтической макроструктуры (стр. 2 табл. 4.4) характеризуется движением процесса от уменьшения количества симметрии, включая интервал 5, – до ГЦ (то есть от увеличения разнообразия) – к увеличению симметрии и уменьшению разнообразия. Судя по данным таблицы, формирование прозаической макроструктуры (стр. 3 табл. 4.4) осуществляется с участием того же процесса: фазовый переход от диссимметризации к симметризации в интервале 5. То есть процесс симметризации в художественном тексте: и в прозе, и поэзии – движется одним и тем же путем: уменьшение симметрии до ГЦ сменяется ее увеличением вплоть до конца.

В целом макроструктура художественного текста формируется единым нисходяще-восходящим движением процесса симметризации с местом фазового перехода (смены направления этого процесса) в области гармонического центра текста. Наблюдается единство зеркально-динамического варианта для формы ХТ. Таким образом, при анализе по единым принципам поэтической и прозаической макроструктур ХТ текстосимметрикой не выявлено никаких структурных отклонений поэзии относительно прозы (или наоборот). То есть, *разделение художественных текстов на прозу и поэзию на уровне глубинной структуры не наблюдаемо*. В таком случае и прозаические, и поэтические тексты объединяются на уровне глубинной структуры в единую жанровую группу, подчиняясь структуре творческой деятельности с эстетической направленностью, которая не требует стереотипа.

Определение художественных текстов как принципиального единства новым для науки не является. Здесь мы сошлемся только на одного автора – М.М. Бахтина, – который утверждал теоретически выявленное нами в практике исследования единство прозы и поэзии на глубинно-языковом уровне, на-

зав художественное произведение «особой формой социального общения» [Волошинов В.Н., 1995: 64].

Выделяя язык художественного текста как особую моделирующую систему, отличную от естественного языка, Ю.М. Лотман предполагал, что «некоторые признаки специфические (характерные для одного текста – А.К.), в процессе художественной коммуникации переносятся в сферу кодирующей системы» [Лотман, 1998: 65]. Сформировавшаяся как идеальная форма, глубинная структура художественного текста соответствует этому положению.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

Функционируя в определенной сфере деятельности, самоорганизующаяся при посредстве внутритекстовой симметрии информационная система=текст, приобретает жанровые формы, реализуемые в жанровых макроструктурах. Текстосимметрикой выявлено, что действие законов симметрии в процессе образования жанровых макроструктур не прерывается, а лишь корректируется. Направление коррекции детерминировано условиями среды, требующей или не требующей стереотипа. В первом случае текст максимально социализирован, во втором – максимально индивидуализирован.

Образование жанровой макроструктуры является следствием укрупнения информационных единиц дискурса, интегрирующихся по структурным и функциональным признакам, при образовании речевых жанровых групп действуют два взаимно дополняющихся процесса: информациогенез и структурогенез.

Основная функция внутритекстовой симметрии – микроструктурирование (организация текста как отдельного целого). Основная функция междутекстовой симметрии – макроструктурирование (организация группы текстов, подчиняющихся единым внутрижанровым «нормам»). Оценка типов текстовой симметрии по вероятности является второй после объема важнейшей характеристикой жанровой формы текста.

В жанровых макроструктурах выделены элементы междутекстовой симметрии трех уровней, в соответствии с чем, описаны три их типа:

1) лексические междутекстовые повторы, названные элементами междутекстовой симметрии (ЭМС);

2) топологически закрепленные структурно-функциональные части текста – элементы композиционного стандарта;

3) коррекция инварианта групп симметрии или ее отсутствие – группы симметрии жанровой макроструктуры или собственно жанровые формы, которые обусловлены спецификой топологии ЭС в жанровой макроструктуре.

Наличие лексических элементов междутекстовой симметрии в макроструктуре говорит о более высокой степени стандартизации текстов данной жанровой группы. Возможна дальнейшая дифференциация ЭМС на виды и подвиды по их семантико-содержательной роли в жанровой макроструктуре.

В текстах высокого стандарта наблюдается совмещение и передача функций структурообразования от внутритекстовых элементов симметрии к междутекстовым. За счет передачи функций микроструктурирования от ЭС к ЭМС степень структурности стандартизованных текстов усиливается. Увеличивается доля структурных элементов до 82%. В пределах микро- и минитекстов действует противоположное нестандартизованным макроструктурам правило: объем текста прямо пропорционален доле его структурообразующих элементов.

Усиление влияния на структуру текста внешней среды его бытия (вида деятельности реципиента и продуцента) увеличивает роль междутекстовой симметрии, обеспечивая максимальную стандартизацию.

Композиционно значимые точки: абсолютное начало, абсолютный конец и пропорции золотого сечения, зафиксированные текстообразующей матрицей (суперконструктом образа текста), несут первичную системо- и структурообразующую нагрузку независимо от того, какие из элементов текста участвуют в структурообразовании. Таким образом, единство противоположно направленных процессов симметризации/ асимметризации обеспечивается позиционной делимитацией и позиционной структуризацией.

Диалектическое примирение противоположностей происходит внутри языковой формы (в заданных природой и сознанием пропорциях золотого сече-

ния). Такая диалектика структуры текста обеспечивает ему возможность быть не только синергетической диссипативной самоподстраивающейся системой, но и опознаваемой сознанием структурой.

Наблюдение поведения элементов междутекстовой симметрии всех типов в каждой из жанровых макроструктур позволило подтвердить тезис о том, что текст является самоорганизующейся синергетической системой. Подстройка структуры текстов к условиям деятельности и самой деятельности в виде междутекстовой симметрии наблюдается в каждой из исследованных макроструктур.

Жанры фольклора реализуют подстройку посредством объемной коррекции элементов композиционного стандарта и групп симметрии, предназначенных для выполнения специфических функций в каждом из жанров. Обязательность пропорциональной коррекции инварианта (замена золотого сечения на три равнообъемные композиционные зоны) особенно явно заметна в макроструктуре заговора. Обнаруженная коррекция обусловлена несоциальной направленностью текста данного жанра.

Коррекция инварианта в жанровой макроструктуре объявлений заключается в обратной направленности двух взаимосвязанных процессов. Процесс симметризации движется от большей интенсивности в интервалах начала к максимальному его ослаблению в зоне конца. Процесс структурирования усиливается прямо пропорционально увеличению объема текста.

Самоорганизация жанровой макроструктуры политической прозы наблюдается в колебаниях количества и семантических групп ЭМС в зависимости от политической ситуации, для влияния на которую данные тексты предназначены. На графике, отражающем коррекцию групп симметрии макроструктуры политической прозы наблюдается удлинение зоны фазового перехода от процесса ослабления симметризации к его усилению (до пропорции 0,854). Зона разнообразия удлиняется, а процесс симметризации в зоне конца максимально усиливается.

Коррекция жанровой структуры научного текста представлена стандартизацией начала (активизацией междутекстовой и внутритекстовой симметрии в

двух интервалах до пропорции 0,236). Отступление от инварианта языковой модели в научном тексте заключается в ослаблении процесса симметризации в зоне конца (при наличии определенной доли ЭС), что увеличивает количество абсолютной информации в этой зоне. В данной жанровой макроструктуре становится наблюдаемым процесс адаптации принципиально нового научного знания к уже состоявшимся научным теориям в виде движения текста от стандарта к разнообразию.

Лексических элементов междутекстовой симметрии, а также элементов композиционного стандарта в художественном тексте обнаружить не удалось. Оценка макроструктур поэзии и прозы показала отсутствие коррекции инварианта в обеих группах текстов и совпадение групп симметрии обеих макроструктур. В связи с чем, проза и поэзия на уровне глубинной структуры признаются одной речевой жанровой группой.

Свойствами жанровой макроструктуры художественного текста являются

- 1) отсутствие междутекстовой симметрии – междутекстовая асимметрия,
- 2) максимальная гармонизация посредством внутритекстовой симметрии, имеющей многоуровневый характер.

Динамическая сущность элемента симметрии текста (повтора) позволяет этому явлению функционировать не только на микроуровне (внутри текста), но и на макроуровне (внутри жанрового объединения текстов).

Теоретически обоснованы два направления исследований в рамках текстосимметрии: исследование инвариантной языковой формы текста и ее вариативных проявлений. Названные направления составляют диалектическое единство, так как и при продуцировании конкретного текста, и при его восприятии человек пользуется двумя типами текстовой симметрии: внутритекстовой и междутекстовой.

5. ОНТОЛОГИЯ ТЕКСТА В РАКУРСЕ ТЕКСТОСИММЕТРИКИ

Полученное представление об инварианте формы текста (в виде модели, сочетающей три группы симметрии) и выявление способов бытия модели в условиях специализированных дискурсов (в виде коррекций инварианта в пределах групп симметрии модели) является своеобразным «эпистемологическим лазером», который освещает не все в «независимо от нас существующей вселенной текста», а селективно выделяет некую кооперативно взаимодействующую область, именуемую реальностью и описываемую соответствующим языком, чтобы это описание могло быть воспроизведено и устойчиво коммуницировано другому [Аршинов, Буданов, 2004: 116].

Это позволяет перейти к теоретическому осмыслению результатов, описанию их экспериментальной верификации и представлению синергетического процесса текстообразования с позиций текстосимметрии. Описание онтологии текста с учетом полученных результатов исследования общеречевой макроструктуры и жанровых макроструктур – цель последней главы. Здесь мы попробуем представить себе, что именно делает текст идеальным средством регулирования деятельности.

5.1. ЯЗЫК – МАТЕРИАЛЬНО-ИДЕАЛЬНЫЙ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ СУБСТРАТ

Понятие субстрата методологически первично для любой из наук. Понимание субстрата в философии как общей материальной основы явлений стоит наиболее близко и к определению сущности языка как субстрата по отношению к тексту и речевой деятельности, поскольку язык есть объективно-материальная основа продукта речевого творчества субъекта, текста. С одной стороны, язык – это материал, из которого формируется текст, с другой стороны, язык – это средство, детерминирующее свойства текста. Обе названные стороны языка, рассматриваемого в качестве субстрата, актуальны для теоретического осмысления полученных текстосимметрикой результатов. Термин «субстрат», ис-

пользуемый при осмыслении взаимоотношений языка и текста избирается в связи с многозначностью терминов «субстанция», «материал» и их более конкретного значения, не всегда позволяющего представить обобщенную картину.

5.1.1. Материальные и идеальные свойства языка в тексте

Материальный признак линейности лингвистического текста – камень преткновения для ученых, осмысливающих принципиальную нелинейность накопления информации: не случайно «в привычке к одномерным вербальным текстам» Р.Г. Баранцев обнаруживает главную трудность для качественного расширения сознания при переходе к многомерности [Баранцев, 2002: 467]. Лингвистический субстрат линеен принципиально, линеен непреодолимо, поскольку каждая из единиц языка, принадлежащая к любому языковому уровню, опирается на последовательность, непреодолимую в качествах первичной материи. Общеизвестно, что эта первичная языковая материя представляет собой последовательную смену частот звуковых колебаний при последовательной смене артикуляционных движений.

«Линейные, упорядоченные во времени в виде ряда структуры» (тексты), будучи основным средством передачи и накопления информации, даже признаются причиной неспособности человека «мыслить категориями сетей» [Франке, 1993: 163]. Тем не менее, лингвистический текст, сослуживший в истории человечества свою мощную информационную службу *не только для передачи, но и для самого рождения предназначенной для передачи информации* (постулат о взаимосвязи языка и мышления), и до сего дня является самым эффективным и надежным способом ее накопления. Это положение было бы загадкой феноменальных взаимоотношений мышления, языка и текста – взаимоотношений творческого субъекта, применяемого им субстрата и «сделанного из него» объекта, – если бы лингвистика, выйдя за пределы собственной методологии, не обратилась к осмыслению средств преодоления линейности, которые реализуются в тексте при накоплении информации.

«Широко понятая синонимия избыточна лишь с теоретико-информативной точки зрения, но не с технической» [Супрун, 1974: 14]. По-

втор, признаваемый избыточным элементом текста, считающийся явлением, уменьшающим количество информации, на самом деле и есть *универсальное средство ее накопления в условиях обязательной линейности*, предписанной субстратом. Это накопление заключается в том, что каждое последующее введение в систему уже встречающейся ранее единицы, представляет собой не прежнюю смысловую единицу, а единицу, обогащенную новым аспектом смысла [Лотман, 1994: 106-117]. Не случайно Г. Гийом, говоря о языке, назвал закон формирования системы во времени при обязательности ее возвратов (повторений) «законом отсутствия повторения» [Гийом, 1992: 57]. Приращение смысла, о котором много пишет лингвистика и стилистика художественного текста, не является прерогативой текста художественного, оно характерно для каждого текста и производится это приращение при посредстве повтора.

В структуре самого повтора, как средства удержания и накопления информации, имеется дополнительный катализатор названного процесса – вариативность. Вариативный повтор как бы вписывает предмет речи в многостороннюю внеречевую реальность, и информация в тексте приобретает свойственную миру многомерность (информационную систему координат). Всесторонне обсуждаемые интерпретационным направлением лингвистики текста, когнитивистикой и литературоведением нелинейные свойства содержательной структуры художественного текста (ее объемность) – результат этого процесса.

Обоснованное М.Ю. Лотманом положение о том, что художественный текст – это нелингвистическое понятие (поскольку он входит в ряд текстов других искусств, каждое из которых имеет собственный язык) [Лотман, 1998: 21-30], теоретически ограничивает применимость выводов, полученных исследователями на материале ХТ. Однако отечественная лингвистика текста мало обращалась к другому материалу, видимо, больший интерес к художественному тексту и причина выбора исследователей связаны с большей эстетичностью, универсальностью и эффективностью структуры ХТ, который, как доказало данное исследование, максимально приближен к представлению о структурном инварианте текста в языковом сознании.

Размышления о феноменальных свойствах линейной структуры текста в самой разной форме встречаются во многих исследованиях. «Количество первичных схем необозримо, однако число законов композиции в системе вырождается до единицы – одно предложение следует за другим и не больше» [Карпов, 1992: 137]. Чтобы однообразие не тормозило мысли, необходимо варьирование не только составляющих текст единиц, но и варьирование свойств самого текста. На это динамическое варьирование указывали исследователи именно ХТ, выделяя замкнутость структуры, но не абсолютную, соразмерность частей, но не равенство, повторы, но варьированные, равновесие, но динамическое, единство, но складывающееся в борьбе противоречий [Васильева А.Н., 1983: 190-199; Шехтман, 1972].

Специфическая онтология языка быть всем и ничем обусловила его свойства как асимметричного [Гак, 1980], аморфного [Ельмслев, 1999: 176-177], не локализованного во времени и пространстве [Гийом, 1992: 57], системного, но в строгом смысле бесструктурного образования. Найденные В.А. Карповым системно-симметричные композиционные свойства принадлежат скорее не языку как идеальной абстрактной системе, а его структурным единицам: морфеме, словоформе, предложению, тексту/ текстам, которые дали материал этому исследователю [Карпов, 1992]. Естественный язык со всеми своими асимметрично-симметричными свойствами есть динамичная идеальная система, обладающая громадной, но лишь потенциальной информативностью.

Приобретенное в процессе формирования представления и имеющееся в сознании продуцента, не структурированное, асимметричное и аморфное, но локализованное во времени и пространстве идеальное образование – замысел (мысль, концепт и т.п.) – не обладает информативностью до тех пор, пока не обретет симметричную структуру и форму в виде текста. Из языковой системы извлекается единица глобального характера – текстообразующая модель, фиксирующая расположение первичных содержательных элементов – ЭС – и их пропорциональное количество. Схема в соответствии с будущим содержанием заполняется языковыми единицами, имеющими менее глобальный характер пер-

вичными единицами. Эта программа, заложенная в структуре текста, инвариантна. И высказывания по этому поводу бытуют в науке достаточно давно [Звегинцев, 1968: 46-47; Боров, 1986: 6-32; Бахтин, 1979; Жинкин, 1982].

Лишь на первый взгляд другие высказывания имеют обратный смысл, как например, высказывается А.Е. Супрун: «Возможности разных путей передачи замысла (информации – А.К.) заложены в самом устройстве языка, ибо отражающее мысль создание текстов есть движение, и движение это не обязательно идет по одному и тому же шаблону» [Супрун, 1974: 13]. Язык в таком случае предстает в виде статистического хаоса, при упорядочении которого статистически детерминированные схемы «обрастают живой плотью» [там же: 20]. Однако *статистически значимые закономерности* в конце концов *приводят к формированию устойчивых тенденций, а затем и к закреплению языковых единиц*, что мы и наблюдаем в виде структурно-языковой схемы текста.

Если же информация – это *отчужденный* результат познавательной деятельности субъекта, *предназначенный для передачи*, то лишь текст (и не только лингвистический) действительно обладает информацией, преобразованной для усвоения человеком и превращенной в главное свойство текста – информативность. В этом случае каждый текст есть демонстрация частного способа структурирования информации для ее представления в материализованном виде.

В процессе лингвистического структурирования личной информации (концепта) последовательно располагаются разносторонне характеризующие мысль языковые единицы-повторы (образуется внутритекстовое смысловое поле лексики, называемое тематической цепочкой, тематической сеткой и информационным полем). В результате чего замысел (мысль, концепт) приобретает симметричную форму, и появляется текст, обладающий информативностью. Язык играет роль субстрата, материала, из которого «вылеплена» мысль. Хотя Л. Ельмслев материалом называет саму мысль (аморфную массу), которая в языке=системе обретает форму и субстанцию содержания [Ельмслев, 1999: 176-177], это не меняет сути явления.

У обобщенного понятия материала искусства Ю.М. Лотман выделил два свойства: материал конкретный и материал абстрактный. Конкретный материал обладает пластическими, колористическими, аудио- и видеосвойствами, воспринимаемыми органами чувств. Материал абстрактный есть система/ различные системы: система геометрических форм, законы колористики, законы музыкальной гармонии или сочетание различных законов в кинематографии. Второе из обсуждаемых Ю.М. Лотманом понятий – абстрактный материал искусства – представляет собой одну из сторон субстрата, проявляет его абстрактную сущность, обусловленную конкретно-физическими свойствами материала.

Материал есть «материальная среда..., которая может быть использована для придачи ей структуры, воссоздающей структуру изображаемых явлений жизни». Ю.М. Лотман гениально увидел специфическую особенность материала «язык» в том, что он таит в себе «структуру, воссоздающую структуру изображаемых явлений жизни» [Лотман, 1994: 42-45]. Это положение справедливо не только для художественного текста, но для любой речевой деятельности, так как речевая деятельность собственно предназначена к воссозданию фрагментов жизни, актуальных в конкретный момент деятельности участников речевого акта.

Об абстрактных свойствах лингвистического субстрата (о субстанции содержания, о солидарности формы и субстанции), детерминирующих языковые формы, фактически писали и зарубежные теоретики языка: Л. Ельмслев, Дж. Серль, Х. Спэн-Хэнсен, а Г. Гийом даже использовал близкое по значению терминосочетание «оперативный субстрат языковой системы» [Гийом, 1992: 136; Ельмслев, 1999: 176-178; Серль, 1999: 77, 99-102; Spang-Hansen, 1960: 134]. Положения общего языкознания, касающиеся формы и ее содержания при образовании языковых единиц нетекстового уровня, оказываются справедливыми для формообразования текста – его абстрактной модели.

Описав языковую модель текста, несущую в себе «языковой образ» текстуальности, можно утверждать, без сомнений, что она являет свойства *абстрактного* материала, используемого в речевой деятельности, свойства, обусловленные конкретно-физическими линейными свойствами лингвистического суб-

страта – конкретного материала. То есть уже в середине 1970-х годов Ю.М. Лотманом фактически было сделано обоснование к достройке языковой системы введением в нее единицы, способной к воссозданию действительности, – текста.

Таким образом, язык, понимаемый как субстрат речевой деятельности, субстрат для построения ее единицы-текста обладает тремя специфическими свойствами: **1)** физической линейностью, **2)** неструктурированной информацией, **3)** законами физического структурирования информации для передачи нелинейных свойств действительности. Первое свойство – конкретное свойство лингвистического субстрата, второе и третье – его абстрактные свойства.

5.1.2. Абстрактные свойства языкового субстрата – свойства структурно-языковой модели текста

Разделение модели текста на композиционные зоны и интервалы (в соответствии с пропорциями золотого сечения) играет не столько формально-структурную роль, сколько функционально специализирует каждую зону и каждый интервал. Этот функциональный аспект модели-инварианта только начинает изучаться. С определенной долей уверенности можно говорить лишь об общеорганизующих функциях некоторых интервалов и зон.

В интервалы обрамления, осуществляющие ввод в систему и вывод из нее, входят: зачин (ограниченный интервалом от 0 до 0,146) и конец (ограниченный интервалом от 0,854 до 1). В синергетической парадигме (при условии сосредоточенности на ритмико-синтаксической структуре текста) оба граничных композиционных интервала рассматриваются как репеллеры, являющиеся источниками гиперцикла и обеспечивающие цельность и отдельность текста [Москальчук, 1998: 154-165]. Результаты экспериментов по определению информационного поля поэтического текста, полученные В.А. Дорофеевой, показали практически минимальность тематической нагрузки у обсуждаемых интервалов, которые названы «граничными условиями текста, замыкающими целое на само себя» [Дорофеева, 2004: 21-22; 2004а:144].

Такие выводы безупречно совпадают с результатами исследования диаметрально противоположной жанровой группы – речи в стрессовой ситуации, – полу-

ченными с помощью другой методики В.О. Приходько. Продуцент в состоянии стресса заполняет те же пропорциональные хронологически и топологически закрепленные интервалы нелингвистическими и лингвистически замещенными паузами хезитации: долгими гласными и согласными (типа *м-м-м*), автоматизированными конструкциями (типа *вот что я хотел сказать*) и др. В структуре текстов, порожденных в состоянии стресса, наиболее явно проявляется функция начального и конечного интервалов, заключающаяся в замыкании текста на самое себя (а в данной ситуации это касается и личности продуцента) [Приходько, 2004а].

Н.В. Солодянкина исследовала воспроизведение семантических пропозиций во вторичных текстах школьников и, описывая возрастную динамику, представила факт роста воспроизводимости семантических пропозиций от 1-го к 11 классу, наблюдаемый во всех интервалах текста-повествования, а также в интервалах зачина и конца текстов-описаний и текстов-рассуждений. Полученные ею данные могут быть осмыслены в свете знаний о структурной модели текста.

Во-первых, результаты демонстрируют сам факт усвоения языковой модели текста, который осуществляется вместе с освоением языка (в течение первых 8-9 лет жизни ребенка). Во-вторых, так как типовые структуры описания и рассуждения не обладают жесткой событийной последовательностью (не имеют дополнительных средств фиксации линейного порядка), в растущем порядке воспроизведения пропозиций во вторичных текстах этого типа косвенно можно увидеть степень усвоения инварианта. Формообразующие функции интервалов зачина и конца в текстах типа описание и рассуждение подтверждаются (при осмыслении данных Н.В. Солодянкиной) большей степенью воспроизводимости семантических пропозиций в них продуцентами старшего возраста с более высоким уровнем языковой компетенции [Солодянкина, 2004: 17].

Наш инвариант показывает, что в зачине и конце содержится максимальное количество элементов внутренней симметрии. За этими же интервалами закреплены элементы композиционного стандарта (элементы междутекстовой симметрии). То есть интервалы зачина и конца имеют максимально симметричную структуру и несут максимальную структурную нагрузку. Главная функция

интервалов зачина и конца – формообразующая. Эти же интервалы обеспечивают категории отдельности и завершенности, поэтому нельзя безоговорочно утверждать, что они не воздействуют на процесс формирования информативности.

Срединная зона, зона гармонического центра, в инварианте содержит наименьшее количество элементов внутритекстовой симметрии и совсем не содержит элементов междутекстовой симметрии композиционного стандарта. Лексические элементы междутекстовой симметрии в этой зоне пока не изучены достаточно, хотя гипотеза об их отсутствии или минимальном их количестве уже может быть сформирована. То есть зона ГЦ наиболее асимметрична, наименее предсказуема, зато в ней расположено большее количество содержательно разнообразных элементов (по данным Г.Г. Москальчук, Е.С. Пушкиной, Н.В. Солодянкиной, В.А. Дорофеевой, В.О. Приходько и др.). Таким образом, ясны содержательная нагрузка этой зоны (обоих ее интервалов) и главная ее функция – информативная.

Движение линии графиков абсолютной и относительной плотности ЭС в интервалах срединной зоны всех жанровых форм показывает, что интервал предГЦ (4) и интервал постГЦ (5) выполняют специализированные функции. При более низком значении КС во всей зоне ГЦ в интервале предГЦ его значение несколько меньше (плотность ЭС падает), чем в интервале постГЦ (плотность ЭС растет). На данном этапе исследования можно лишь констатировать факт различия формообразующих функций. Левый и правый интервалы зоны ГЦ сопрягают противоположно направленные формообразующие процессы, максимально сосредоточиваясь на зеркальной симметрии (это особенно хорошо видно на графиках абсолютной плотности повторов в художественной прозе и диалектной речи и графике относительной плотности в поэзии).

Это те самые «чуть меньше» и «чуть больше», которые демонстрируют рождение нового параметра порядка на макроуровне – смену направления формообразующего процесса. Новое его направление, формирующее целое (макроуровень), обусловлено в данной зоне (микроуровне) воздействием минимальных трансформаций. В терминах синергетики это явление названо эмерджентностью. Эмерджентность на уровне поверхностной структуры текста описыва-

лась как приращение смысла (появление нового содержательного параметра под влиянием лексико-грамматических микровоздействий) В.А. Пищальниковой, но на уровне глубинной структуры это явление пока определено лишь фактически и ждет новых исследований (см. также п. 5.4.2).

Представляя онтологию текста с позиций текстосимметрии можно предположить наличие у его композиционных интервалов ролей, специализированных в соответствии с композиционными зонами. Бытие текста есть процесс (и для продуцента, и для реципиента). Зона ГЦ (максимально информативная, содержащая собственно решение проблемы) – это содержательный и формальный аттрактор, к которому стремится текст в процессе своего бытия. Зачин – интервал, обеспечивающий вход в аттрактор (настройку реципиента/ продуцента на многостороннее представление информации и реализацию структурной модели текста), а конец – интервал, обеспечивающий выход из аттрактора (отключение от проблемы и завершение формообразующего цикла).

В исследовании В.А. Дорофеевой есть данные о том, что в интервалах предГЦн и постГЦн осуществляется тематическое оформление содержания текста, однако результатов исследования одной жанровой группы пока недостаточно и роль интервалов в достаточной мере не ясна. Необходимой для осмысления проблемой является также соотношение содержания понятия креативного аттрактора текста, расположенного по результатам анализа циклических связей Г.Г. Москальчук [Москальчук, 1998: 149-154] в интервалах предГЦн и постГЦн, с выводами, полученными после выявления инварианта распределения повторов, который представляет понятие «содержательный аттрактор».

Все сказанное о функциях композиционных интервалов, разумеется, является инвариантом – идеалом, который проявляется в статистических данных о строении текста. Необходимы и перспективны дальнейшие исследования в этом направлении.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что все *свойства модели текста*, понимаемой как детерминированная природой и человеком форма, организованная по законам симметрии, *заданы языковой системой*. А сам

текст, представленный в виде линейной структурной модели, – это языковая единица высшего коммуникативного уровня.

Образование структурной модели текста как абстрактного представителя языковой единицы произошло в языке методом кодирования информации, который присущ сложным системам и описан общей теорией систем [Сороко, 1984: 163]. Такое кодирование предполагает укрупнение статистически зависимых знаков (здесь это ЭС) посредством сведения их в блоки с дальнейшим кодированием последних (блоков ЭС) уже в качестве независимых знаков (здесь это – структурная модель текста).

Первоначально разделенный в данном исследовании на языковой субстрат и форму глубинный уровень структуры текста вновь объединяется в понятие языка-субстрата. Текстосимметрика смотрит на язык как на завершенную целостную систему – идеально-материальный субстрат, материал для создания продуктов речевой деятельности (текстов), построенный по образу и подобию самого человека [Гийом, 1992: 157; Бенвенист, 2002: 15]. И подобие языка его создателю (человеку) проявляется не только в содержательно-смысловой структуре языковых единиц, но и в бессознательно сформировавшейся формально-глубинной их структуре.

5.2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ МОДЕЛИ

Несмотря на то, что эксперименты с целым текстом проводятся уже около тридцати лет, теоретически эксплицировать какие-либо едионаправленные процессы организации целого в экспериментальных исследованиях не удавалось. Поэтому теоретическое описание инвариантных свойств текста как целого, предпринятое после анализа уже состоявшихся текстов, требует хотя бы первичной экспериментальной верификации. Такая первичная проверка действия структурно-языковой модели текста осуществляется путем двух разнонаправленных экспериментов.

Первый из экспериментов предполагает верификацию обнаруженного инвариантного процесса – усиления симметризации структуры. В его результа-

тах предпринимается попытка увидеть поэтапное движение процесса симметризации при продуцировании. Следовательно, верификации подвергается усиление процесса симметризации, определенное как инвариант в процессе порождения текста.

Второй эксперимент представляет собой попытку увидеть наличие какой-либо степени воздействия структурной модели текста на процесс его активного восприятия в условиях нарушения информационного канала (деформации). Во втором эксперименте верификации подвергается роль инварианта в процессе восприятия текста. Таким образом, первичной экспериментальной проверке подвергнута опора на инвариант в структуре речевой деятельности обеих участников речевого акта.

5.2.1. Движение процесса симметризации при продуцировании

Человек познает законы симметрии бессознательно – практически – каждую минуту, каждую секунду своей жизни. И если устойчивая упорядоченная текст=система структурирована по принципу симметрии, то этот принцип внесен в структуру текста человеком. Процесс продуцирования текста и есть процесс придания симметрической устойчивости, упорядоченности данному объекту. Поскольку процесс усиления симметризации от начала к концу признан инвариантным при текстообразовании, возникает вопрос об отношении этого процесса к этапам порождения текста. Происходит ли поэтапная подстройка структуры высказывания, связанная с его постепенным структурированием, симметризацией?

Репрезентантом передающей среды, активной на первом этапе порождения текста, является концептуальная система продуцента. Выделенный объект – концептуальная система продуцента – имеет нематериальную природу, и, следовательно, прямой анализ его структуры по принципу симметрии невозможен. Однако к промежуточным материально выраженным текстам, полученным экспериментальным путем, принцип симметрии применим. Промежуточные экспериментально полученные объекты имеют «смешанную» психофизическую природу, как и всякий нормальный лингвистический текст [Пи-

щальникова, 1999: 31]. Изучение поэтапной симметризации методически проводилось как эксперимент типа «перефразирование – развертывание».

Перед испытуемыми ставилась задача – зафиксировать этапы продуцирования текста в графическом виде. В соответствии с теорией порождения речи Московской психолингвистической школы были предложены к фиксации три этапа: внутреннее программирование, грамматико-семантическая реализация, собственно реализация. Этап контроля был сокращен: тексты не исправлялись испытуемыми.

В эксперименте участвовало 138 человек (студенты 3-5 курсов дефектологического и филологического факультетов ИГПУ). Был предложен мотив-тема высказывания – «Кошка». Успешными оказались действия 137 испытуемых, один человек не смог представить требуемых трех «этапных» текстов (зафиксирован только третий этап), поэтому мы получили 137 лабораторных текстов, отражающих три этапа продуцирования.

Каждый из полученных лабораторных текстов состоит из трех частей. Первая часть представляет собой мгновенную фиксацию образа – первичный текст, который не всегда имеет лингвистическую природу. Вторая часть – это запись словесного набора, первичный лингвистический текст-примитив типа набора ключевых слов [Сахарный, 1991: 225-228], структурированный только семантически. Третья часть есть собственно текст – семантически и синтаксически структурированное законченное высказывание. Полученные лабораторные тексты позволяют наблюдать поэтапную сверку и подстройку системы, ее постепенное структурирование. Именно этот процесс структурирования назван здесь речевыми стратегиями продуцентов.

Анализ лабораторных текстов проводился с целью определения симметричности/ несимметричности лингвистической структуры разных этапов порождения высказывания относительно друг друга (без выявления степени симметричности). Конкретно эта задача решалась путем выделения межэтапных элементов симметрии. Межэтапными элементами симметрии здесь считаются межэтапные лексические, корневые, синонимические и семантические повторы, зафиксированные в пределах одного лабораторного текста.

Таких межэтапных элементов симметрии в трех из 137-ми экспериментально полученных текстов не обнаружено. Это позволяет сделать предположение о вероятности полной лингвистической *асимметричности этапов высказывания относительно друг друга*. Другими словами, действие синергетического принципа неустойчивости системы, приводящее к максимальной энтропии в процессе продуцирования составляет 2,19%. Два текста из ста проявляют неустойчивость в процессе порождения (см. также п. 5.4.2).

В тридцати лабораторных текстах зафиксирован первичный текст (этап) в виде нелингвистической структуры. В результатах это определено как отсутствие идентичного знака общественного (языкового) кода, которым обозначается личный целостный образ-замысел, на первом этапе порождения. Графическая фиксация первичного текста с нелингвистической структурой в экспериментально полученном материале имеет три варианта: 1) рисунок (кошка, кошачья морда, усы, миска), 2) условный граф (звездочка, точка, косая черта, прочерк, волнистая линия, знак бесконечности), 3) отсутствие графического изображения (пробел). Результат говорит о вероятности слабой опоры первичного текста на языковой код и позволяет предположить, что вероятность нелингвистической структуры УПК составляет, предположительно, 21,89%.

То есть, ~ 22% высказываний имеют первый этап порождения лингвистически асимметричный второму и третьему этапам. Такие предварительные данные возможно истолковать и как свидетельство о том, что 22 человека из ста демонстрируют большую силу правого «немого» полушария в процессе формирования концепта. Во всяком случае, этот результат позволяет поставить перед текстосимметрикой еще одну проблему – проблему экспериментального исследования процессов порождения речи. В остальных 107 лабораторных текстах первый этап представлен лингвистической единицей: словом, набором слов или словосочетанием, – которые и сопоставлялись с лингвистическим наполнением второго и третьего этапов.

Элементы симметрии, распределенные по трем этапным текстам одного лабораторного текста, представляют собой повторы разной лингвистической принадлежности. Это:

- лексические повторы (*кошка¹ – кошка² – кошка³*);
- корневые повторы (*кошка¹ – котята² – кошка...кот³*);
- синонимические повторы (*красивая¹ – грациозная² – очаровательная³*);
- местоименные повторы (*кошка¹ – кошка² – она³*);
- семантические полевые повторы (в том числе и антисимметричные) в сочетании с лексическими и местоименными (*мышка¹ – кошка ловит мышку² – он ловит на даче мышей и не только их³*).

Однако процесс симметризации наблюдается наиболее явно при учете идентичных элементов симметрии. Поэтому с целью выявления жестких проявлений процесса поэтапной симметризации далее учитывались идентичные элементы симметрии и те варьированные элементы симметрии, которые наиболее близки идентичным: лексические, корневые и местоименные повторы.

При протекании процесса поэтапной симметризации высказывания зафиксированы следующие варианты межэтапных симметрических отношений:

1) 1–2–3 (37 текстов, 27,61%);	5) 1–2 + 2–3 + 1–3 (2 текста, 1,5%);
2) 1–2 + 1–3 (4 текста, 3%);	6) 1–3 (3 текста, 2,24%);
3) 1–3 + 2–3 (39 текстов, 29%);	7) 2–3 (42 текста, 31%).
4) 1–2 + 2–3 (7 текстов, 5%);	

Вариант 1 представляет последовательную симметризацию трех этапов продуцирования. Варианты 2, 3, 4, 5 представляют комбинированную симметризацию трех этапов с прерыванием преемственности между этапами: 2 и 3 (вариант 2); 1 и 3 (вариант 4); 2 и 3, 1 и 3 (вариант 5). Вариант 6 – непоследовательную симметризацию первого и последнего этапов. Вариант 7 – двухэтапную последовательную симметризацию второго и третьего этапов с прерыванием преемственности между этапами 1 и 3.

Трехэтапная последовательная лингвистическая преемственность (вариант 1) свидетельствует о нарастании интенсивности процесса симметризации от первого ко второму и от второго к третьему этапам. Она проявляется в перемещении элементов симметрии из первого этапа во второй, а из второго в третий этап и зафиксирована в 37 текстах (из 134 симметричных). Это значит что, наиболее жестко процесс роста симметризации высказывания относительно себя на всех трех этапах проявляется с вероятностью ~ 28%.

Двухэтапную (вариант б) непоследовательную симметризацию первого и третьего этапов при диссимметризации второго этапа, которая проявляется в отсутствии учитываемых элементов симметрии, показали 3 текста. Например, *Мурзик¹ – одеяло, миска, молоко, мягкий, желтые глаза, тепло, лень, когти² – ... Мурзик³...* Вероятность жесткой симметризации внешнего лингвистического текста внутреннему инварианту без идентичной симметрии промежуточного второго этапа составила ~ 2%.

Для определения действия принципа усиления процесса симметризации типа 1–3 при продуцировании текста результаты, полученные по всем вариантам, суммированы. Трехэтапная последовательная, двухэтапная непоследовательная и трехэтапная комбинированная симметризации в сумме показали вероятность усиления процесса межэтапной симметризации типа от начала продуцирования к концу типа 1–3 в 63,43% случаев (85 текстов из 134).

Симметрическую последовательную преемственность первого и второго этапов (варианты 1, 2, 4, 5) показали 50 испытуемых, то есть вероятность поэтапного усиления симметризации типа 1–2 составляет 37,31%.

Максимальная вероятность межэтапной и поэтапной преемственности наблюдается при сопоставлении лингвистического наполнения второго и третьего этапов 2–3 (варианты 1, 3, 4, 5, 7). Ее показывают 127 текстов из 134. Это означает, что наиболее активно *процесс симметризации высказывания проходит на этапе реализации – этапе материализации и структурирования информации*. Материализация=структурирование невозможна без повторов, поэтому вероятность активной симметризации высказывания на третьем этапе,

где максимально высока и составляет ~ 95% (94,78%). Поскольку на этом этапе происходит собственно социализация внутренней информации, можно говорить о процессе экстериоризации внутренней речи как об обязательной симметризации и предположить, что обратный процесс – интериоризация внешней речи связан с асимметризацией.

Анализируемые элементы симметрии, реализованные испытуемыми во внешней речи, детерминированы не только сознательным более близким к социализации вторым этапом, но и сознательно-бессознательным, наиболее удаленным от социализации, этапом внутреннего программирования. Этот же результат говорит о *присутствии содержательно-тематического инварианта*, который станет *элементом симметрии* текста-материального объекта. Названный инвариант присутствует в оперативной памяти говорящего *на всех трех этапах порождения речи*. В дериватологии это представлено следующим образом: деривационный процесс идет не «от формы к форме», а «от содержания к (той или иной) форме» [Аддиванкин, Мурзин, 1984: 9]

Таблица 5.1. Лингво-симметрические показатели трех этапов продуцирования (по результатам исследования 137 лабораторных текстов)

	1 этап Внутреннее программирование	2 этап Грамматико-семантическая реализация	3 этап Собственно реализация
Общее количество слов во всех текстах	307	1329	6436
Среднее количество слов (лингвистический объем)	1,57	9,70	46,98
Общее количество элементов симметрии во всех текстах	195	699	1291
Среднее количество элементов симметрии	1,42	5,10	9,42

Поэтапно определены основные симметрические показатели лабораторных текстов: средний объем (среднее количество слов) и среднее количество элементов симметрии (см. табл. 5.1). Средний объем первичного высказывания

(первый этап) составил 1,57 слова. Средний объем набора ключевых слов (второй этап) – 9,70 слова. Средний объем текста (третий этап) – 46,98 слова.

Таким образом, эксперимент показал, что лингвистический объем высказывания возрастает в геометрической прогрессии: от первого ко второму этапу – в шесть раз, от второго к третьему этапу – в пять раз. Соответственно возрастает и среднее количество элементов симметрии от этапа к этапу сначала в 3,6 раза, затем 1,85 раза. На первом этапе средний показатель количества ЭС – 1,42 элемента; на втором – 5,10 элементов; на третьем – 9,42 элемента.

Диапазон колебания среднего количества элементов симметрии от 5 до 9 во втором-третьем этапах связан с объемом оперативной памяти человека 7 ± 2 . Уменьшение интенсивности возрастания количества элементов симметрии от набора ключевых слов к развернутому тексту говорит о значительной структурно-семантической роли второго этапа – лексико-синтаксического прогнозирования.

Для текстосимметрии это означает, что на этапе внутренней речи (этапе прогнозирования) осуществляется подбор ЭС дальнего порядка и прогнозируются их симметрические преобразования, то есть начинается адаптация содержательного элемента к смысловой структуре высказывания. Исходя из сказанного, имеет смысл выдвинуть гипотезу об активизации инварианта на втором этапе продуцирования.

Итак, поэтапная симметризация текста в процессе продуцирования подтверждена экспериментально. Причем этот процесс поэтапной симметризации протекает не всегда с одинаковой интенсивностью. *Усиление интенсивности процесса симметризации непосредственно связано с увеличением объема высказывания, его материализацией и социализацией.*

Анализ материалов эксперимента сделал наблюдаемым процесс самоорганизации, процесс подстройки системы высказывания. Становление системы при условии обретения ею двух основных параметров порядка, которыми являются элементы симметрии и необходимый для объема информации лингвистический объем. Данные эксперимента показывают, что *структурирование текста проходит как постепенная симметризация.*

Анализ экспериментально полученных этапов выявляет *две текстообразующих стратегии*, которые связаны с процессом симметризации/ диссимметризации высказывания при движении от предыдущего этапа его порождения к последующему. Каждая из стратегий имеет две разновидности.

Первая стратегия – *стандартная, симметричная*. При ее осуществлении все три этапа порождения речи симметричны. Первый этап – программа – всегда имеет лингвистическое выражение, причем средний лингвистический объем его достаточно велик: 4,14 слова (вычислены средние показатели от всех объемов варианта 1–2–3). Вторым этапом – набор ключевых слов, – представляющий расчленение первичной программы на смысловые подсистемы, имеет средний лингвистический объем 10,49 слова (объем возрастает ~ в два раза). Третий этап – текст – использует от 17% до 100% слов второго этапа и имеет средний лингвистический объем 43,76 слова (объем возрастает ~ в четыре раза).

Пример: 1. *Кошка*. 2. *Лохматая серая кошка*. 3. *Когда я была маленькой, у нас дома жила большая лохматая серая кошка. Будучи детьми, мы любили ее, но в то же время и боялись. Так как, когда мы шумели, она «строго» мяукала на нас.*

Диссимметричная *дедуктивная* стратегия – разновидность стандартной. Наблюдается симметричность первого и третьего этапов и диссимметричность второго. Первый этап – личное имя образа. Вторым этапом – стандартный набор сем энциклопедического характера. Третьим этапом – отказ от общего в пользу частного и реализация первичной программы. Осуществляется отказ от высказывания энциклопедического характера и строится высказывание по первично избранному частно-ассоциативному пути.

Вторая стратегия – *нестандартная, диссимметричная*. При реализации этой стратегии наблюдается асимметричность всех трех этапов. Первый этап не имеет лингвистического выражения. Вторым этапом – стандартный набор ключевых слов (ассоциативный ряд слов одного семантического поля) со средним лингвистическим объемом 7,6 слова. Третьим этапом – высказывание, отказавшееся от ассоциативно-стандартного набора слов, представленных продуцентом на втором этапе, и реализовавшее другой путь.

Пример: 1. – 2. *Мячик, молоко, мягкая, пушистая, полосатая, ласковая, мурлычет, мяукает, царапается.* 3. *Кошка – это домашнее животное, любимое как детьми, так и взрослыми. Она приносит домой уют и тепло. Говорят, что кошка привыкает к дому, а не к хозяину (в отличие от собаки).*

Последовательная диссимметричная *индуктивная* стратегия – разновидность нестандартной. Здесь наблюдается симметричность первого и второго этапов и диссимметричность третьего. Первый этап – личное имя образа (частно-ассоциативная реакция). Второй этап – личный набор сем, слов личного семантического поля (развитие принятой стратегии). Третий этап – отказ от первичной программы и ее развития во втором этапе. После чего реализуется другой путь: отказ от частного в пользу общего. Например, отказ от частного-ассоциативного пути и построение высказывания понятийно-энциклопедического характера по стандартному набору.

Все три диссимметричные разновидности речевых стратегий являются следствием изначальной неустойчивости, открытости текста=системы в определенный момент времени продуцирования: при переходе от первого ко второму или от второго к третьему этапу. Именно это состояние приводит к бифуркации, следствием чего является отказ от первичной программы и реализация другой равно возможной программы (см. также п. 5.4.2).

Инвариантом среди описанных текстообразующих стратегий при порождении текста признается стандартная модель, отражающая межэтапную и поэтапную симметризацию структуры текста и преодолевающая промежуточное неустойчивое состояние системы. Данные эксперимента фактически подтвердили гипотезу о том, что *процесс симметризации* действует не только на этапе материализации, но и *на этапах программирования и прогнозирования*. Это значит, что симметрические характеристики имеет не только материальное, но и «ментальное тело» текста. Видимо, усиление симметризации от начала процесса порождения текста к концу задано изначальное в качестве наиболее удачной стратегии при продуцировании лингвистического текста.

Именно эта стратегия закреплена в коллективном бессознательном, она и фиксируется как образ текста в качестве языковой единицы, его инвариант. Реальное воздействие языкового инварианта наблюдается уже на переходе от этапа программирования к этапу прогнозирования. Усиление степени симметризации структуры текста от начала к концу, по-видимому, отражает последовательность процесса его порождения. То есть подтверждается обоснованное Г.Г. Москальчук и К.И. Белоусовым положение: в структуре текста представлена и структура речевой деятельности. С другой стороны, минимальные воздействия на структуру текста в латентном состоянии влекут за собой изменение речевой стратегии, это значит, что именно наличие других речевых стратегий позволяет характеризовать текст=систему как открытую нелинейную диссипативную.

5.2.2. Инвариант в процессе активного восприятия

В рамках голографической синергетической парадигмы предполагается, что процесс самоорганизации немеханического динамического целого (а значит, и текста) позволяет при определенных деформациях осуществлять достройку этого целого по имеющейся части. Такое восстановление целого производится по операционно-измерительным схемам, однако восстановленных онтологий может быть много [Аршинов, Буданов, 2004: 118].

В таком случае при восстановлении целого текста последовательность элементов его структуры, реализуя законы формообразования текста на глубинном уровне, на поверхностном уровне являет содержание, выраженное данной конкретной онтологией. Проведенный в последние годы ряд экспериментальных исследований структуры текста позволяет с уверенностью говорить об искомой устойчивости его информационной структуры даже при наличии определенных деформаций (В.А. Дорофеева, Е.А. Коржнева, Н.В. Солодянкина).

Если текст является формально-содержательным единством, то и влияние языковой формы (как структурно закрепленной последовательности) на процесс восстановления должно быть значительным. В этом случае, после деформации уже состоявшегося текста разрушенная форма его будет стремиться к

восстановлению, движимая содержанием. Если описанная здесь языковая форма текста действительно имеет место в системе языка, то в любом восстанавливаемом варианте с разной степенью вероятности должны проявиться признаки языкового инварианта, ранее реализованные в исходном тексте.

Проверка данной гипотезы была осуществлена при помощи эксперимента по сборке разрозненных элементов текста (эксперимент известен как «рассыпанный текст» А. Брудного). Серия предварительных экспериментов показала, что на порядок восстановления оказывают воздействие некоторые специфические элементы поверхностной структуры: вводные слова, рифма, анафорический повтор, свойства/ признаки типовых фрагментов (повествования, описания, рассуждения) и др.

В связи с выше сказанным, необходимо, чтобы исходные тексты, избранные для экспериментального анализа воздействия инварианта на процесс восстановления, удовлетворяли двум требованиям: 1) они должны быть сопоставимы (иметь близкие параметры) и исключать перечисленные выше специализированные средства, что обеспечивает определенный уровень чистоты результатов эксперимента. После проведения серии предварительных экспериментов для анализа воздействия инварианта на поверхностно-содержательную структуру восстанавливаемого текста были избраны три художественно-прозаические миниатюры:

текст 1 – «Два товарища» Л.Н. Толстого (из цикла «Рассказы для азбуки»),

текст 2 – «Паутина» В.П. Астафьева (из цикла «Падение листа»),

текст 3 – «Дыхание» А.И. Солженицына (из цикла «Крохотки»).

Л.Н.Толстой

Два товарища

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь.

Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать ему было нечего – он упал наземь и притворился мертвым.

Медведь подошел к нему и стал нюхать: он и дышать перестал. Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мертвый, и отошел.

Когда медведь ушел, тот слез с дерева и смеется.

– Ну, что, - говорит, - медведь тебе на ухо говорил?

– А он сказал мне, что – плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

А. Солженицын

Дыхание

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка.

Я стою под яблоней отцветающей – и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочат после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми легкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми – не знаю, как лучше.

Вот, пожалуй, та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью.

Пусть это – только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестану слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!

Текст 2 приведен в данной работе в пункте 2.5.3. Симметрические характеристики экспериментального материала перечислены в таблице 5.2.

Выбор легко сопоставимого, объемно удобного для испытуемых и исключаящего специализированные композиционные средства (указывающие на последовательность фрагментов) материала констатирующего эксперимента «рассыпанный текст» детерминирован девятью существенными для получения корректных экспериментальных данных признаками, которые объединяют все три текста.

- Они 1) принадлежат к одной жанровой группе – художественная проза;
- 2) принадлежат к одной объемной группе – минитекст;
- 3) не имеют дополнительных средств, указывающих на порядок следования фрагментов (например, ритмической анафоры, вводных слов и др.);
- 4) имеют наиболее характерную для избранной жанровой группы типовую структуру – повествовательную (простую в тексте 1 и осложненную элементами описания и рассуждения в текстах 2 и 3);
- 5) принадлежат широко известным авторам;
- 6) имеют достаточно простую логико-информационную структуру;
- 7) имеют близкое числовое значение КС, превышающее среднее его значение по жанровой группе (0,366), следовательно, их структурированность на уровне глубиной структуры достаточно высокая;

8) имеют антецедент стуктурообразующего повтора, представленный в заглавии с характерной номинативной структурой, что наиболее типично для жанровой группы;

9) будучи художественными текстами, наиболее идеально соответствуют инварианту и не опираются на какие-либо жанровые стандарты.

В эксперименте принимали участие 100 человек: учащиеся старших классов школы-интерната в количестве 45 человек; педагогический коллектив, медицинский состав вышеназванной школы в количестве 15 человек; студенты-филологи ИГПУ в количестве 40 человек.

При анализе результатов принципиально не учитывались степень подготовки, личностные качества и возрастные особенности реципиентов. Испытуемым было дано задание: составить свой вариант текста из разрезанных ранее по одному предложению текстов авторского варианта (исходный текст) и записать полученный результат на лист бумаги. Таким образом, каждым из реципиентов были обработаны три представленных ему текста.

Экспериментально полученный материал представляет собой 300 текстов, воссозданных реципиентами: 100 текстов «Два товарища», 100 текстов «Паутина» и 100 текстов «Дыхание». Основная работа по анализу результатов представляла собой сопоставление экспериментально полученных вариантов с авторским вариантом – исходным текстом.

Если авторский вариант «разрезанного» художественного прозаического текста признан исходным текстом, то анализ вариантов, предложенных реципиентами, воссоздающими деформированный текст из фрагментов, позволит увидеть степень собираемости данного текста и вероятность воздействия при сборке глубинной языковой формы исходного текста на его экспериментально полученные варианты.

Поскольку слово, выделенное из контекста, неизбежно превращается не в элемент текста, а в элемент языка (переходит из одной системы в другую), минимальной единицей, участвующей в сборке текста, признается предложение. То есть, в данном эксперименте под фрагментом понималась наименьшая информативно законченная часть текста, состоящая из одного предложения. Текст

был «рассыпан» по предложениям. Заглавие в экспериментальных материалах представлялось как равноправный фрагмент. Однако, в силу характерной для него номинативной структуры, специально не выделенное заглавие легко опознавалось испытуемыми и при сборке выдвигалось на первое место.

Таблица 5.2. Симметрические характеристики исходных текстов для эксперимента «рассыпанный текст»

№ текста	Объем	КС	КИ	КА	Объем асимметрии	Позиционная симметризация
1.	77	0,533	0,403	0,13	0,597	87,5%
2.	83	0,510	0,430	0,08	0,570	100%
3.	123	0,480	0,366	0,114	0,664	75%

Принципиальная собираемость разрозненных фрагментов в текст доказана еще в 70-е годы [Смысловое восприятие речевого сообщения, 1976: 78; Общение. Текст. Высказывание, 1989: 110-111 и др.]. Однако описание порядка сборки с учетом инварианта – степени собираемости – пока не осуществлялось. Степень собираемости текста понимается здесь как вероятность приближения к исходному варианту. По нашим наблюдениям, степень собираемости – помимо факультативных свойств поверхностной структуры – зависит от симметрических свойств исходного текста (инварианта).

В данном эксперименте оценивались следующие симметрические свойства исходного текста: объем, степень структурированности (здесь рассматривается как соответствие языковому инварианту и оценивается посредством КС), позиционная симметризация. Подтверждение значимости симметрических свойств для участников коммуникации определялось по максимальной вероятности воспроизведения сильных позиций исходного текста. Вероятность воспроизведения сильных позиций исходного текста реципиентом, выраженная в процентах, названа *коэффициентом жесткости* структуры текста.

Самый высокий коэффициент жесткости был обнаружен у текста 1 («Два товарища») – идентичная собираемость. Полученный результат обусловлен не только симметрическими свойствами текста: его минимальным объемом и максимальной степенью структурности. Степень собираемости этого текста детер-

минируется многоуровневыми лингвистическими средствами связности: а) морфологической – сказуемые совершенного вида, выражающие последовательные действия; б) лексической – местоименный и лексический повтор; г) синтаксической – межфразовые связи подчинительного характера – СПП со значением времени; д) однородной повествовательной структурой.

То есть, обязательная собираемость данного текста в единственном варианте обусловлена целым комплексом средств, действующих на разных структурных уровнях текста. Коэффициент жесткости структуры исходного текста «Два товарища» составляет 100%. Другими словами, эксперимент показал, что содержание данного текста может быть представлено только одним вариантом лингвистической формы, отражающей единственно возможный порядок следования минимальных информативно законченных частей текста. Соотношение глубинного и поверхностного уровней в экспериментально анализируемом тексте «Два товарища» признается идеальным.

К симметрическим свойствам структуры, обеспечившим стопроцентный коэффициент жесткости относятся: 1) минимальный в сравнении с другими объем, 2) максимальное в сравнении с другими числовое значение коэффициента симметризации, 3) максимальное в сравнении с другими числовое значение коэффициента антецедентов, собственно характеризующего степень структурности, 4) высокая степень позиционной симметризации.

Два других текста показали статистический коэффициент жесткости, что, на наш взгляд, связано: 1) с неоднородностью повествовательной структуры, 2) с большим объемом, который влечет большее поверхностное многообразие, 3) с более низкой структурностью, отражаемой коэффициентами КС и КА.

Собираемость исходных вариантов текстов 2 и 3 имеет вероятностный характер. Поскольку как при порождении, так и при восприятии текст=система проходит состояние неустойчивости и оно может отразиться и при фиксации исследуемых сильных позиций, в данном исследовании оценка воздействия языкового инварианта, осуществляется через вероятностный анализ попадания

предложений, представленных в сильных позициях исходного варианта, в сильные позиции вариантов, предлагаемых испытуемыми.

Сильные позиции исследовались избирательно: заглавие (занимающее позицию 0); зачин (первое предложение, занимающее позицию 0,146); гармонический центр (предложение, занимающее позицию 0,618), конец (последнее предложение, занимающее позиции 0,944 и 1). В связи с тем, что сущностное восприятие сильной позиции в условиях эксперимента не всегда может быть функционально дифференцировано (вследствие все той же неустойчивости), в анализе результатов учитывалось не только полное соответствие позиции предложения анализируемого варианта позиции этого предложения в исходном тексте, но и замена позиций. Если, например, предложение в варианте, испытуемого перемещено из сильной позиции ГЦ в сильную позицию конца, то сильная позиция признается не восстановленной, но опознанной (см. табл. 5.3).

Текст 2 «Паутина» показал:

- 100%-ю вероятность восстановления позиции 0 (заглавие);
- 90%-ю вероятность восстановления позиции 0,146 (зачин) и 1 перенос элемента зачина в позицию конца – в целом вероятность опознания позиции 91%;
- 9%-ю вероятность восстановления позиции 0,618 (гармонический центр) и 40%-ю вероятность переноса этой позиции в позицию 1 (конец) – вероятность опознания позиции 49%;
- 27%-ю вероятность восстановления позиций 0,944 и 1 (конец), и 15%-ю вероятность их переноса в позицию 0,618 (ГЦ) – вероятность опознания 42%.

Средне-позиционный коэффициент жесткости текста «Паутина» с повествовательной структурой, осложненной элементами описания и рассуждения, составляет 70,5%.

Текст 3 «Дыхание» показал:

- 100%-ю вероятность восстановления позиции 0 (заглавие);
- 73%-ю вероятность восстановления позиции 0,146 (зачин) и два варианта переносов: в ГЦ – 2%, в конец 5%, опознание позиции 80%;

- 18%-ю вероятность восстановления позиции 0,618 и 31%-ю вероятность переноса этой позиции в конец – вероятность опознания позиции 49%;
- 87%-ю вероятность восстановления позиций 0,944 и 1, 1%-ю вероятность переноса позиции в ГЦ и 2%-ю вероятность переноса в позицию 0,146 – вероятность опознания позиции 90%.

Средне-позиционный коэффициент жесткости текста «Дыхание», с повествовательной структурой, осложненной элементами описания и рассуждения составляет 79,75%.

Усреднив результаты всех экспериментов, мы получили следующую картину сущностного восприятия и жесткости воспроизведения позиций глубинной структуры:

- позиция 0 восстановлена и опознана с вероятностью 100%;
- позиция 0,146 восстановлена с вероятностью 87,67%, опознана с вероятностью 90,33%;
- позиция 0,618 восстановлена с вероятностью 42,33%, опознана с вероятностью 66%;
- позиции 0,944 и 1 восстановлены с вероятностью 71,33%, опознаны с вероятностью 77,33%;
- средняя вероятность учета инварианта, понимаемая как восстановление позиций и средне-позиционный коэффициент жесткости составляет 75,33%;
- средняя вероятность опознания позиций составляет 83,42%.

При реальности максимально возможного коэффициента жесткости прозаического текста повествовательного типа – 100% – экспериментально выявлен средний позиционный коэффициент жесткости текста того же типа составил 75%. Сумма результатов сущностного опознания сильной позиции увеличивает средне-позиционный коэффициент жесткости повествовательного текста до 83%. Это означает, что влияние глубинной структуры текста достаточно сильно. Однако это только результат первичного исследования – необходима, и очень перспективна дальнейшая исследовательская работа в этом направлении.

Таблица 5.3. Восстановление и опознание сильных позиций в «рассыпанном тексте» (вероятность в %)

	1 «Два товарища»			2 «Паутина»			3 «Дыхание»			Средняя вероятность		
	восст.	опозн.	всего.	восст.	опозн.	всего.	восст.	опозн.	Всего	восст.	опозн.	всего
Загл.: 0	100	–	100	100	–	100	100	–	100	100	–	100
Зачин: 0,146	100	–	100	90	1 ГЦ	91	73	2 ГЦ 5 К	80	87,67	2,67	90,33
ГЦ: 0,618	100	–	100	9	40 К	49	18	31 К	49	42,33	23,67	66
К: 0,944 и 1	100	–	100	27	15 ГЦ	42	87	1 ГЦ 2 Н	90	71,33	6	77,33
Средн. Р	100	–	100	56,5	14	70,5	69,5	10,25	79,75	75,33	8,09	83,42

Результаты эксперимента по восстановлению последовательности фрагментов повествовательного текста показывают, что его типологическая осложненность, отсутствие специализированных лингвистических средств, указывающих на последовательность фрагментов, и увеличение объема, уменьшают коэффициент жесткости. Нет сомнений, что тексты других типологических принадлежностей – рассуждение и описание – и других жанровых групп (особенно поэтические) могут дать самые разнообразные результаты. Однако мы уверены, что определенное здесь числовое значение среднестатистического коэффициента жесткости, который демонстрирует влияние языкового инварианта глубинной структуры при сборке, значительно не изменится.

Наиболее важны для выводов о влиянии языковой формы текста и его глубинной структуры на результат сборки в экспериментальных условиях восстановления *средние позиционные вероятности* (табл. 5.3, столбец 5). Соответственно инварианту наблюдается максимальная вероятность восстановления позиций начала (колебания от 100 до 88%), затем уменьшение вероятности в гармоническом центре (до 42%) и вновь ее увеличение в конце (до 71%). При этом вероятность восстановления гармонического центра все-таки представляет собой величину статистическую (более 40%).

Все совокупное разнообразие вариантов текстов 2 и 3, предлагаемых реципиентами, продемонстрировало справедливость положения об организации

сложных систем, где упорядоченность на низших (глубинных) уровнях оборачивается кажущимся хаосом на более высоких (поверхностных) [Манаков, Москальчук, 2001а: 17].

Творческая инициатива адресата активизирует состояние неустойчивости текста=системы [Лотман, 1992: 241-243] (что оказывается наблюдаемым при деформации) и приводит к изменению поверхностной и глубинной структур. Однако из результатов экспериментальной верификации процесса активного восприятия можно сделать однозначный вывод: *восстановление структуры осуществляется с учетом инварианта художественно-прозаического текста* (показанного на рисунке 3.2).

Таким образом, экспериментальную верификацию функционирования структурно-языковой модели текста как при его порождении, так и при его восприятии можно считать предварительно осуществленной. Очень перспективной признается дальнейшая экспериментальная работа по анализу процессов порождения и восстановления деформированных текстов, что, как выяснилось, позволяет увидеть в некоторой степени приближения важные свойства текста как генезис-системы.

5.3. НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ ТЕКСТА

Тезис о влиянии законов симметрии на порождение и восприятие продукта мыслительной деятельности – лингвистического текста – уже получил экспериментальное обоснование. Подтвержден тезис о соответствии текста психологически комфортной симметрии: динамически искаженной, уменьшенной и укороченной зеркальности – зеркальному переносу с масштабными изменениями.

Эта языковая форма текста соответствует и анатомическому строению человека (зрения и слуха, например), и внешнему строению тела человека (поясное деление, расположение глаз), а также строению молекулы белка, которая закручена по спирали в соответствии с «золотой пропорцией» [Петухов, 1988: 77-105; Шафрановский, 1985: 10; Шевелев, 1986: 107-118]. Оформление цело-

стности объекта его делением по принципу золотого сечения — наиболее оптимальная организация структуры [Шевелев, 1986: 62], отражающая историю становления системы, адаптацию ее элементов.

Такое инвариантное свойство текста как симметричность его формы показывает, что текст, будучи продуктом деятельности человека принципиально не отличается от предметов материальной культуры. Ведь все искусственно созданные предметы (продукты деятельности) обладают симметрией разного типа.

Математически точное строение предметов материальной культуры далеко не всегда связано с математическими вычислениями. А это значит, что *сознание отражает симметрию как способ существования устойчивых объектов* (ромашка, лист, бабочка) и, в то же время, *будучи зависимо от своих телесных признаков, сознание не может создавать для своего пользования иные формы*, кроме симметричных (стул, ведро, здание, автомобиль, текст).

Гениальная способность человека к творческому преобразованию мира, основанная на интуитивном познании его законов, обусловлена специализацией полушарий головного мозга [Иванов, 1978, 2002: 28-31; Карпов, 1992: 164-167; Лурия, 1975, 1998; Сахарный, 1994; Седов, 1999: 30-32, 102-105]. Представления текстосимметрии об этой специализации уточняют уже известную картину.

Поскольку в функции правого полушария входит формирование целостных знаний о мире, то, вероятнее всего, что к ним относится и осмысление симметрии как наиболее оптимальной формы. Правое полушарие «оперирует» глобальными нерасчлененными целостными структурами. Мысль, «находящаяся» в правом полушарии, обладает смысловой и симметрической целостностью. То есть симметрические характеристики будущего материального объекта (к каковым относится и лингвистический текст) заданы в структуре смыслового нерасчлененного целого заранее.

В функции левого полушария, собственно речевого, входят логические операции и работа с потенциальным субстратом лингвистического текста: составом строевых языковых единиц, а также правилами ближнего порядка их линейного расположения (грамматикой). Оно представляет информацию в рас-

члененном логико-грамматическом виде, подбирая нужные эквиваленты к смысловому целому, сформировавшемуся в правом полушарии.

Общая схема процесса текстообразования представлена еще М.М. Бахтиным. «Мы подбираем... с точки зрения того целого..., которое преподносится нашему воображению... Мы не нанизываем слова..., а как бы заполняем нужными словами целое» [Бахтин, 1979: 260-266; Жинкин, 1982: 108; Лурия, 1975: 39]. Процесс членения и линейного развертывания по законам симметрии первоначально нерасчлененного целостного содержания и есть процесс порождения текста. Сам процесс не линейен: наблюдается многократный обмен информацией между полушариями [Кацнельсон, 1972: 109-110; 120-123].

Функции полушарий головного мозга при порождении и восприятии оказываются зеркально отраженными, поэтому оба процесса можно изобразить на одном рисунке. Учитывая пропорции золотого сечения, которые прогнозирует правое полушарие и изображая весь текст как единицу (ограниченный линейно отрезок-целое), можно представить процесс порождения-восприятия текста на схеме, где стрелками будет изображено направление речевых действий обоих участников речевого акта (см. рис. 5.1).

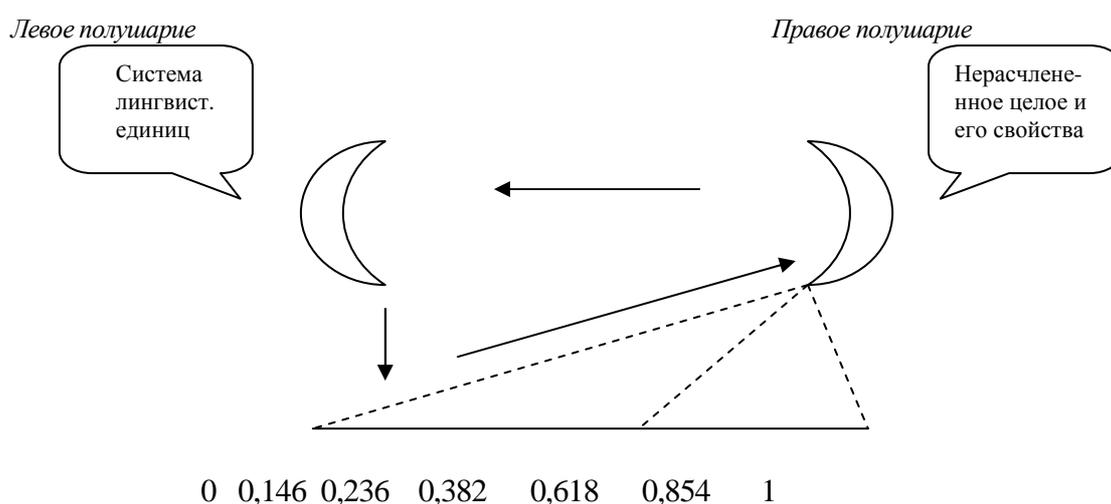

Рис. 5.1. Процесс порождения-восприятия линейного лингвистического целого (текста)

Текстосимметрика видит процесс порождения-восприятия линейно организованного целого, как нелинейный процесс. Коррекция объема текста, количества ЭС и их позиций осуществляется в течение всего процесса, который имеет вид спирали и вполне адекватно описан Г.А. Югаем: «Круговорот явля-

ется всеобщим способом саморазвития системы, в процессе которого необходимые причины ее развития превращаются в необходимые следствия и наоборот. В результате происходит взаимопереход противоположностей, совершается своеобразное замыкание на себя взаимодействующих компонентов системы, круг переходит в спираль, развитие приобретает спиралевидную форму» [Югай, 1985: 30-31].

Симметричная форма текста детерминирована разноуровневой симметричной средой, порождающей эту симметричную форму. Следовательно, верно предположение В. Гильде: мозг действительно «запрограммирован на симметрию» [Гильде, 1982: 18]. Протосреда текста (природа), симметрична вне сомнений. Внешняя среда – деятельность участников речевого акта в аспекте симметрии пока не осмыслена. Поверхностная порождающая текст среда – концептуальная система продуцента, – представлена в научной литературе как асимметричная, однако функционирует она как симметризирующая. О симметризации – основном принципе формирования концептуальной системы автора («структуры художественного видения») – свидетельствует поэт, являющийся профессионалом среди прочих продуцентов [Искренко, 1998: 71].

Эта симметризация наблюдаема лишь в процессе перехода от нематериальной структуры, не обладающей формой, к материальной структуре, сформированной по законам симметрии. Деятельность сознания в процессе симметризации имплицитна, она становится ясной лишь тогда, когда объектом познавательной деятельности становится не само сознание, а продукты и процессы его деятельности [Кацнельсон, 1972: 112-113].

Ментотекст, понимаемый как «первое звено речемыслительного процесса» [Белоусов, 2001а], психический ментальный образ текста, концептуально сформировавшийся в функциях правого полушария головного мозга человека, проявляет свою симметричность в форме материализованного объекта. В конечном счете, одним из объектов лингвосинергетики являются проекции формирующих процессов речи, локализованные в виде структуры лингвисти-

ческого текста. То есть идея об изоморфизме кодов, порождающих глубинные структуры [Сороко, 1984: 76], получает еще одно подтверждение.

«Симметрия природы как результат действия универсальной космической силы тяготения, окружающая человека всюду и всегда, неизбежно становится главным архетипом коллективного бессознательного» [Волошинов А.В., 1993: 18]. Более того, законы динамической симметрии могут быть признаны главным свойством «архетипа целостности» в разных областях культуры [Аршинов, Буданов, 2004: 93], целостности, обусловленной архетипическими формами в сфере восприятия [Буданов, 2000: 137].

Экспериментальное исследование формирования навыков порождения текста в онтогенезе было проведено К.Ф. Седовым. Вслед за Л.В. Сахарным языковые навыки в процессе формирования текста (термин К.Ф. Седова – дискурс) им были определены как правополушарные и левополушарные. Возраст, в котором можно фиксировать овладение «психолингвистическими нормами текстности», К.Ф. Седов определяет экспериментально – 15-16 лет [Седов, 1999: 81]. Его исследование показало, что «эволюция мозговой организации дискурсивного мышления языковой личности ... характеризуется развитием речевых функций левого полушария». И это проявляется в формировании навыков применения центрального способа создания симметричной структуры текста – лексико-семантических повторов [Седов, 1999: 103]. Нет сомнений, что структурно-языковая модель текста, а также жанровые формы текста тоже эволюционируют в сознании языковой личности. Описание этой эволюции и определение «момента» ее/ их освоения – тоже одна из проблем текстосимметрии.

Текст является первичной (и даже единственной!) для всей человеческой культуры формой создания, выражения и передачи когнитивных структур в процессе познания действительности. Таким образом, текст (его языковая модель) является и причиной, и следствием «золотой гармонии» архетипических форм. Процесс порождения-восприятия текста предстает как процесс его индивидуального моделирования, понимаемый в данном случае как создание типич-

ной формы по законам матрицы, он осуществляется с опорой на «знания» «немого» правого полушария мозга и не логизируется.

5.4. СИНЕРГЕТИКА ТЕКСТА

Так как синергетика – наука о становлении динамического сложного, а текст – сложный динамический объект, применение ее принципов при описании общей картины онтологии текста с позиций текстосимметрии позволяет в достаточной степени приблизиться к реальности его бытия. Для такого описания актуально обсуждение трех сторон нашего объекта: сущности его формы (завершенной, «застывшей» структуры), а также процессов становления этой формы, а затем постановка проблемы включения единичного текста в круг других объектов той же онтологии.

Текст – идеально-материальный объект, имеющий симметричную структуру, обусловленную изначально свойствами лингвистического субстрата, как линейными (конкретными и материальными), так и нелинейными (абстрактными и содержательными, идеальными). Эти свойства позволяют продуценту-реципиенту так варьировать структурообразующие элементы данного объекта, что в результате активного воздействия целенаправленно и творчески работающего сознания в структуре каждого отдельного объекта создается необходимый баланс порядка и хаоса (симметрии и диссимметрии).

Бытие текста есть становление его формы в структуре процесса общения. Материальное бытие текста при продуцировании представляет собой процесс становления структуры, осуществляемый на глубинном уровне как придание объекту такой внешней формы, которая сочетает три группы симметрии: переносную, динамическую и зеркальную. Материальное бытие текста при восприятии представляет собой процесс становления содержательной структуры в сознании реципиента, которая обусловлена симметричной формой. После становления структуры текст переходит в ментальную сферу, где бытие его текстосимметрикой не наблюдаемо.

5.4.1. Форма и формообразование

Если структура материального природного объекта не может быть чувственно воспринимаемой, то его форма открыта восприятию и обеспечивает его нормальное функционирование в материальной среде. Сущность формы (в противовес аморфности, бесформенности) заключается в обладании некоторыми группами симметрии, позволяющими реализовать категории целостности и отдельности материального объекта, имеющего какие-либо функциональные части. Именно группы симметрии предназначены для совмещения двух диалектически взаимосвязанных категорий целостности и членимости. Поэтому, рассматривая лингвистический текст как объект, обладающий формой, важно было принципиально определить группы его симметрии.

Поскольку текст фактически функционирует не в материальной, а в идеальной среде (во времени и сознании), группы симметрии в его форме не столь обязательны, как, скажем, в форме дерева, которое вынуждено преодолевать сопротивление материальной среды (например, притяжение, движение воздуха и др.). В связи с чем отсутствием жесткой необходимости в преодолении сопротивления среды, проявление групп симметрии в форме текста носит статистический характер, поэтому выявить группы симметрии его формы можно только в статистической совокупности текстов, рассматриваемых в единой системе, с использованием методики позиционной синхронизации.

Субстратом, из которого строится текст, является язык. Особенностью лингвистического текста, понимаемого как материальный объект, является изначальная социальная сущность и стихийная информационная наполненность субстрата. Изначальная – системно-языковая и обобщенно-социализированная – информация субстрата вступает при продуцировании текста в процесс линеаризации во времени и пространстве. Результатом завершения этого процесса является целостная форма, которая и превращает абстрактную информацию субстрата в содержание конкретного текста. Поэтому анализ взаимоотношений формы и содержания текста наиболее актуален для лингвистики, желающей познать сущность основной функциональной единицы языка.

Так как лингвистика имеет дело с обобщено-содержательным субстратом, сущностное описание формы текста для нее всегда было затруднительно. Ведь форма и содержание наиболее тесным образом слиты в лингвистическом объекте. Это заложено в самом термине *информация*, который этимологически восходит к понятию *формы*: *informātiō* – «изложение», «истолкование», «разъяснение», производное от *informō* – «придаю вид», «формирую», «организирую», «обучаю», «воспитываю», «мыслю»; восходит к *formō* – «формирую», а далее – к *forma* («форма») [Черных, 1994: 355]. Именно поэтому для исследования симметрических свойств формы текста была избрана мельчайшая повторяющаяся лингвистическая единица, характеризующая форму и содержание.

Обнаруженная здесь координация трех групп симметрии регулирует процесс формообразования текста, являясь аттрактором в процессе порождения и опорной схемой в процессе восприятия. Первичный для текста способ трансляции элементов структуры обусловлен принципиальной линейностью его субстрата – линейной структурой языковых единиц (слово – последовательность фонем/ морфем, предложение – последовательность слов/ словосочетаний).

Нелинейная и асимметричная структура сознания, а значит, и нелинейность/ асимметричность концептуальных систем продуцента и реципиента – порождает нелинейные свойства структуры внутренней речи: ее инвариантность, целостность, нечленимость, предикативность. В этом смысле структура лингвистического текста (в отличие от некоторых других текстов) находится в противоречии с порождающей его принципиально нелинейной и асимметричной средой: концептуальной системой и внутренней речью.

Линейностью структуры объясняется высокая вероятность расположения элементов симметрии в композиционных точках текста. Линейность связана с актуальностью групп бордюрной симметрии, которая является первичным видом симметрии для лингвистического текста. Однако «предписанное» инвариантом расстояние между элементами такого «бордюра» (пропорции золотого сечения) обусловлено неравномерностью поступления элементов в систему при их трансляции. Наблюдаются «сгущения» и «разряжения» элементов бордюра, соответствующие композиционным

точкам текста, что частично разрушает группы первичной симметрии материальной формы (линейность) и придает содержательной структуре текста необратимость во времени, характерную для диссипативных систем. Это и является причиной того, что в завершённом тексте невозможно осуществить никаких преобразований, так как в результате неизбежно изменяется информационное наполнение и получается новый текст, с новым (хотя и тематически близким) содержанием.

Процесс формообразования среднестатистического текста представляется как *стремление к реализации сочетания групп симметрии бордюра с группами винтовой симметрии и зеркальностью*. Все три группы имеют разную природу: бордюр – линейен, зеркальность – устойчива и целостна, винтовая симметрия – не линейна и динамична. Такой способ преодоления противоречия между линейной и нелинейной структурами при их взаимодействии сформировался в результате пересечения лингвистической и концептуальной систем (линейной и полевой).

Сочетание зеркальности с переносом и переноса с золотым сечением есть *способ преодоления противоречия между линейной и нелинейной структурами*, с одной стороны, и *результат пересечения симметрии среды и симметрии структуры* (пересечения полевых структур сознания участников речевого акта и линейной структуры единиц лингвистического субстрата), с другой. Принцип зеркальности – главный способ преодоления противоречия между симметрией и асимметрией при создании целостности, поскольку энантиоморфы одновременно симметричны и не симметричны относительно друг друга.

Такое совмещение симметрии и асимметрии в целостной синтаксической структуре текста описано ранее как зеркально-симметричное расположение асимметричных крутой и пологой границ: начинающей и заканчивающей абсолютно любой лингвистический текст [Москальчук, 1998: 107]. Если же представлять форму текста в виде «деформированного в разной степени яйца» [Манаков, Москальчук, 2001а], то можно наблюдать форму зеркально-динамической симметрии – преобразённую зеркальность, – потому что там, где симметрия падает (нижняя часть скорлупы), диссимметрия растёт (верхняя часть скорлупы).

Таким образом, языковая форма лингвистического текста – не заполненная модель инварианта – в процессе формообразования позволяет объединить диалектические противоположности. Сама сущность процесса формообразования заключается в «примирении» – в оптимальном сочетании противоположностей симметрии и диссимметрии в структуре уже состоявшегося текста.

В инварианте языковой формы текста наблюдается тесная взаимосвязь трех сторон, определяющих объект лингвистики. Природа дает языку материальную (первоначально звуковую) форму, которой задан принцип линейности в строении языковых единиц. Человек создан по законам природы. В строении его тела сочетаются принципиальная (неидеальная) зеркальная симметрия, обнаруживаемая при анализе сечения тела вдоль, и золотое сечение, обнаруживаемое при анализе сечения тела поперек. При симметричном/ асимметричном строении самих внутренних органов имеется асимметрия/ симметрия в их расположении. Золотое сечение реализуется в структуре тела человека при строении необходимых для речевого общения органов восприятия: слуха и зрения, – а также на молекулярном уровне (в строении белка). Практическое сознание и творчество человека объединяют хаос и порядок (нелинейность и линейность) в системную триаду, создавая зеркальное целое [Баранцев, 2002: 468-469] при продуцировании и анализируя его при восприятии.

Так как параметры языковой формы выявлены путем анализа текстов-представителей 13 жанровых групп, а также подтверждены экспериментально, гипотезу об образе текста в сознании продуцента с развитой языковой компетенцией, можно считать доказанной. Всеобщий бессознательно обусловленный образ лингвистического текста – в виде его незаполненной формы, в которой реализуется существование трех принципов построения функциональной единицы дискурса – включается в структуру языковой компетенции говорящего.

Все сказанное подтверждается последними исследованиями в области психологии, которые доказывают, что сенсорно полученная информация создает устойчивые аттракторы восприятия, предполагающие отбор анализируемых признаков в пользу тех, которые ожидаемы. Сами же устойчивые аттракторы, влияющие даже

на самые высшие когнитивные операции, формируются в сознании под влиянием воспринимаемых сознанием форм (начиная с самых ранних этапов развития, память накапливает вероятностное распределение событий) [Трофимова, 2004: 73-77; Князева, 2004: 35-36].

Можно утверждать, что языковая форма текста усваивается естественным образом вместе с родным языком, параллельно с освоением всех лингвистических уровней, включается в языковое сознание и составляет часть языковой компетенции личности. Итог усвоения языковой формы текста когнитивным агентом (языковой личностью) наблюдается как реакция на суммарный эффект воздействия среды и его собственных воздействий на среду [Синергетика и психология, 2004: 5-6; Буданов, 2000: 130].

Таким образом, языковая форма текста произвольно, бессознательно детерминирована как природой, так и человеком. Так в основном объекте лингвистики реализуется фундаментальный принцип организации мироздания ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК – СОЗНАНИЕ [Сороко, 1984: 135].

Каждый конкретный речевой акт имеет аттрактор речевого действия в виде структурно-языковой модели текста. Этот аттрактор обеспечивает затухание процесса порождения и становление структуры – состоявшийся текст [Белоусов, 2001а: 109-110; Князева, Курдюмов, 2004: 396-397]. Выявленная языковая модель текста «действует» как структурный аттрактор, примиряющий разнонаправленные процессы симметризации и диссимметризации [Майнцер, 1997: 50-51].

Каждый конкретный текст стремится к идеальному соответствию языковой модели (аттрактору), но абсолютное большинство текстов отстает от нее по разным причинам и в разных аспектах. Исходя из этого, как языковая единица, имеющая собственную модель, текст может оцениваться только статистическими методами в общеречевой макроструктуре.

5.4.2. Действие принципов синергетики в процессе становления текста

Поскольку бытие текста есть процесс становления его формы и содержания (генезис), то осмысление онтологии текста предполагает использование научной методологии, специально созданной для описания становящегося бы-

тия. С целью упорядочения осмысления процесса становления системы в тексте, мы используем семь принципов синергетики в формулировке, предложенной В.И. Аршиновым и В.Г. Будановым [Аршинов, Буданов, 2004: 94-98] в статье «Синергетика постижения сложного». Описание применения принципов синергетики в процессе осмысления онтологии текста осуществляется в том же порядке.

1. Гомеостатичность – это свойство, характеризующееся поддержанием программы функционирования системы в некоторых рамках, что позволяет ей следовать к своей цели – аттрактору. Поддержание процесса продуцирования текста осуществляется, пока в систему подается поток энергии и информации. В лингвистическую систему=текст энергия и информация поступают в виде речевой интенции говорящего из сложного образования сознания, именуемого замыслом. При восприятии текста место замысла занимает прогноз содержания, информация поступает непосредственно из самого текста, а энергия от субъекта-реципиента, прогнозирующего и адаптирующего содержание.

При исчерпанности замысла поток энергии прекращается, а система переходит в фазу стабильного функционирования (стоп-кадр, по выражению Ю.М. Лотмана [Лотман, 1992: 27]). Эта фаза в бытии текста исключительно условна, так как фактически его бытие исчерпывается состоянием гомеостаза: «художественный текст до тех пор, пока он сохраняет для аудитории активность, представляет собой динамическую систему» [там же].

2. Иерархичность – свойство системы, предполагающее структурную иерархию с составной природой вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. Нематериальная иерархия языковой системы реализуется в каждом тексте. Например, словоформа для нижестоящих уровней (фонетического и морфологического) есть «структура-космос», а для высшего уровня (текста) она – бесструктурный элемент хаоса.

Языковые элементы, образуя систему=текст и связываясь в его структуру, передают системе и структуре часть своих функций, теряют большую часть степеней свободы, адаптируется и конкретизируется их потенциальная (не-

структурированная) информация, делаясь менее широкой. В процессе такого переструктурирования языковой информации структурируется информативность текста (содержание).

Иерархичность сложных синергетических систем создается двумя типами параметров порядка: главными и второстепенными [Хакен, 1999: 12-16]. Текст как такая система тоже имеет два типа параметров порядка: внежанровый и жанровый. *Два параметра порядка*, именуемых здесь *внежанровыми*, – это долгоживущие управляющие параметры. Они воздействуют на эволюцию текста в направлении соответствия его глубинной структуры языковому инварианту и формируют устойчивость системы. Это: 1) симметричность структуры (наличие повторов) и 2) оптимальное сочетание трех видов симметрии при формировании целостности (структурно-языковая модель).

Три жанровых управляющих параметра порядка – короткоживущие переменные. Они воздействуют на текст, приводя его структуру в соответствие с видом основной деятельности. Это: 1) объем текста, 2) количество элементов внутритекстовой симметрии (КС), 3) наличие элементов междутекстовой симметрии и их локализация. Жанровые управляющие параметры возникают и угасают на разных участках речевой деятельности (дискурса).

Параметры первого типа детерминированы существенными признаками трех взаимосвязанных систем: природы, человека и языка – и в виде языковой формы текста создают аттрактор системы. Параметры второго типа детерминированы потребностями человека при его конкретной деятельности. Направление воздействия жанровых параметров порядка может совпадать с направлением воздействия аттрактора (при эстетической деятельности, например), и тогда в дискурсе реализуется текст, идеально соответствующий языковой форме. Такие тексты часто наблюдаемы в художественной литературе и фольклоре. Если же направление воздействия жанровых параметров порядка не совпадает с аттрактором (например, при бытовой деятельности), то реализуется текст, максимально варьирующий заданную языковую форму, что наблюдается, например, в структуре спонтанных устных текстов, в структуре объявлений.

3. Нелинейность характеризуется нарушением принципа суперпозиции. Нелинейные системы – это тот тип систем, при котором свойства целого не вытекают из суммы свойств частей целого. Поскольку действие этого принципа фактически многократно описано лингвистикой текста, особенно стилистикой художественного текста, психолингвистикой, а также литературоведением, подробнее на этом принципе мы не останавливаемся.

4. Незамкнутость (открытость) предполагает невозможность действия в системе второго закона термодинамики, гласящего, что энтропия (мера хаоса) в замкнутых системах со временем возрастает или остается постоянной. В результате чего в замкнутых системах с течением времени энтропия усиливается. В связи с открытостью системы=текста, мера порядка в нем со временем принципиально возрастает. На действие принципа незамкнутости (открытости) в тексте ранее ссылались многие исследователи, например, Ю.М. Лотман указывал на вторжение в смысловое пространство текста разнообразных случайных элементов [Лотман, 1992: 122]. Однако в осмысливаемой нами системе действие принципа открытости далеко не однозначно.

Возрастание меры хаоса на поверхностном (информационном) уровне обусловлено накоплением в тексте побочной информации с увеличением возраста системы. Ограничение меры хаоса (негэнтропия) обусловлено накоплением основной информации (формированием информативности). Направление развития процесса негэнтропии совпадает с инвариантным процессом усиления симметризации от начала к концу на уровне глубинной структуры. То есть усиление порядка в тексте с течением времени характерно в первую очередь для уровня глубинной структуры, что в связи с варьированием не всегда наблюдается без специальных методик.

5. Неустойчивость – свойство системы в определенном состоянии становиться открытой, воспринимать сколь угодно слабые воздействия. В состоянии неустойчивости можно изменить дальнейшее поведение системы несиловыми информационными воздействиями (бифуркация). Такое состояние неустойчивости в процессе продуцирования мы наблюдали в экспериментальных услови-

ях при асимметричности этапов порождения высказывания и отказе от выбранной стратегии порождения текста (см. описанные в п. 5.2.1 диссимметричные стратегии продуцирования). Возникновение точек бифуркации при продуцировании текста ведет к различного рода нестандартным решениям не только в структуре текста, но и в структуре деятельности, поэтому состояния неустойчивости при порождении текста полезны и эффективны.

Безусловно, в реальности речевой деятельности имеются и диссимметричные стратегии при восприятии, которые приводят к нестандартному пониманию текста. В дальнейшем актуально исследование таких стратегий, приводящих к искажениям в поведении человека и его профессиональной деятельности. Такое исследование предполагает поиск точек бифуркации и изучение условий бифуркации содержания состоявшихся текстов в сознании реципиента. Практическим назначением такого исследования является максимальное исключение случаев появления таких точек бифуркации в текстах, предназначенных для обязательного исполнения: законодательных документах, различного рода инструкциях и правилах.

6. Динамическая иерархичность (эмерджентность) – обуславливает перестройку системы, рождение новых параметров порядка на макроуровне, обусловленное воздействием трансформаций на микроуровне. Эмерджентность на уровне глубинной структуры единичного текста обсуждается в п. 5.1.2. По этому же принципу рождаются речевые жанры. Например, возмущение (бифуркация и движение в сторону диссимметрии) в пределах каждого текста объявления приводит к появлению нового параметра порядка – усилению внутритекстовой диссимметрии с увеличением возраста системы.

Динамическая иерархичность влечет за собой возникновение нового качества системы по горизонтали. Увеличение количества жанровых параметров порядка, сопровождаемых изменением инварианта и образованием жанровой формы, приводит к более высокому уровню иерархии – объединению текстов в речевую жанровую группу. Это образование становится более крупной, чем текст единицей дискурса, сохраняющей подобие единичному тексту.

7. Наблюдаемость – относительность интерпретаций к масштабу наблюдений и изначально ожидаемому результату. Лингвистика, исследуя свой объект, двигалась от минимальных масштабов (микроуровней) к более крупным: от морфемики, фонетики, лексикологии к синтаксису предложения и текста. Законы организации текста представлялись непостижимыми с позиций микроуровня, но на сегодняшний день, после выхода на макроуровень, исследования его структуры вполне успешны. Первоначально воспринимаемый как хаос, произвольно зависящий от намерений продуцента, текст теперь воспринимается как порядок, зависящий от заданной языком структурной схемы – формы.

Целостное описание иерархической системы текста складывалось из коммуникации между наблюдателями разных уровней: имеются исследования фонетической, морфологической, лексической, синтаксической структур текста. Поведение элементов языковой системы на разных языковых уровнях по отношению к процессу порождения текста можно признать состоянием динамического хаоса, при котором возникают самоподобные объекты – фракталы.

«Куда идут эволюционные процессы в открытых нелинейных системах? Они идут к созданию все более сложных организаций и структур путем интеграции различных, развивающихся в разном темпе структур в эволюционные целостности» [Князева, Курдюмов, 1997: 69]. Синергетический метод, примененный для исследования групп текстов, позволяет увидеть эти интегрированные структуры, эволюционные целостности, возникающие в процессе взаимодействия каждого текста с порождающей средой и друг с другом.

В результате этих взаимодействий осуществляется не только подстройка каждого текста «под обстоятельства», но и подстройка каждого текста «под соседа», возможная только потому, что это соседний текст уже оказался успешным в том же типе коммуникации. Очевидно, что освоение способа продуцирования текста в письменной форме предполагает обязательное обучение (самообучение) на основе образцов. Стереотипность речевого продукта не только неслучайна, но и в большинстве случаев коммуникации чрезвычайно эффективна,

поскольку облегчает восприятие и усвоение необходимой новой информации, адаптируя ее к старым структурам и делая легко наблюдаемой.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 5

Симметрические признаки языковой формы текстосимметрика считает детерминированными тремя источниками: природой, материально-идеальным субстратом языка и языковой личностью. Инвариантные свойства этой формы, отчужденные от процесса их реализации в речевой деятельности, предстают в качестве связной триады признаков языковой модели текста.

Структурно-языковая модель текста принадлежит языковой системе, то есть характеризует текст как абстрактную языковую единицу, имеющую при реализации в речи сложную многоуровневую структуру. Языковая модель текста функционирует в виде вариантов, каждый из которых сохраняет инвариантные признаки с определенной долей вероятности. Усвоение языковой формы текста носителем языка осуществляется естественным образом: параллельно с освоением всех лингвистических уровней в процессе активной речевой и неречевой деятельности, а затем включается в языковое сознание и составляет часть языковой компетенции личности. То есть, усвоение языковой формы текста когнитивным агентом (языковой личностью) наблюдается как реакция на суммарный эффект воздействия среды и его собственных воздействий на среду.

Формирование языковой модели текста обеспечивается психическими свойствами сознания – нейролингвистической специализацией полушарий головного мозга человека, благодаря которой симметрия формируется как архетип коллективного бессознательного. Первичный (в определенном смысле единственный) способ формирования и коммуницирования когнитивных структур – текст (в виде языковой модели) является и причиной, и следствием «золотой гармонии» архетипических форм.

Онтология функциональных фрагментов текста с позиций текстосимметрики предстает в виде тернарной композиции с двухступенчатым золотым сечением. Зона ГЦ – это максимально информативная, содержащая собственно

решение информационной проблемы и детерминирующая способ формообразования зона. Она является содержательным и формальным аттрактором, к которому стремится процесс внутреннего бытия текста.

Зачин – интервал, формально и содержательно отграничивающий данную информационную структуру от ряда других слева и обеспечивающий вход в аттрактор: настройку реципиента или продуцента на получение или формирование информации и реализацию структурной модели текста.

Конец – интервал, обеспечивающий выход из аттрактора – отключение от информационного поля текста и завершение формообразующего цикла. Конец формально и содержательно отграничивает данную информационную структуру от ряда других справа.

Экспериментальная верификация функций инварианта в процессе продуцирования позволила уточнить картину формообразования текста: при продуцировании осуществляется поэтапная симметризация, при этом присутствие инварианта (элемента симметрии) в оперативной памяти продуцента наблюдается на всех трех этапах порождения речи. Усиление процесса симметризации от этапа к этапу отражается в состоявшейся структуре текста как усиление симметризации от начала к концу. Нестандартные диссимметричные стратегии возникают в связи со свойством неустойчивости текста=системы, обуславливающим возможные бифуркации.

Экспериментальное исследование процессов восстановления структуры деформированного текста при активном восприятии показало, что такое восстановление осуществляется с опорой на инвариант. Пока не исследована, но возможна связь процессов восстановления с жанровой формой текста (в эксперименте это жанровая форма художественного текста). Воздействие инварианта имеет достаточно высокую вероятность при активном восприятии текста. Дестройка целого по его части оказывается возможной ввиду фрактальной структуры текста (так как часть подобна целому). Исследования в этом направлении признаются очень перспективными.

Как становление всякой сложной синергетической системы, текстообразование регулируется двумя типами управляющих параметров – параметров порядка. Внежанровые параметры порядка, детерминированные первичной средой (законами природы), являются главными, так как формируют инвариантные признаки (целостность, устойчивость и отдельность). Жанровые параметры порядка детерминированы вторичной средой (деятельностью участников речевого акта) и являются второстепенными, так как формируют многочисленные варианты признаков (связность, информативность, модальность, интенциональность и др.).

Главным свойством онтологии текста и его синергетической характеристикой является состояние гомеостаза (становления), так как реальное бытие текста этим состоянием исчерпывается. Ограничение меры хаоса и установление порядка в тексте= системе обусловлено свойством открытости этой системы, которое обеспечивает поступление энергии и информации из внешнего мира (сознания продуцента-реципиента, состояния культуры и др.) в текст. Однако ограничение энтропии зачастую наблюдаемо только на глубинном уровне при использовании специальной методики.

Первоначально воспринимаемый как хаос, произвольно зависящий от намерений продуцента, после координации результатов наблюдений всех его уровней, осуществленных большим числом исследователей, текст в рамках текстосимметрии представляется порядком, который зависит от заданной языком структурной схемы (модели).

Диалектическое противоречие между возрастающей мерой хаоса (диссимметрии) и одновременным ее ограничением (симметрии) обретает равновесие в структуре текста ввиду незамкнутости, открытости, его системы, направленной на коммуникацию, то есть обмен информацией между продуцентом и реципиентом.

Процесс становления структуры текста осуществляется на глубинном уровне в виде формообразования, координирующего симметрию и диссимметрию путем сочетания трех разнонаправленных видов симметрии: масштабного, переносного и зеркального. При завершении процесса становления структуры

(завершении процессов порождения или восприятия) текст завершает свое бытие, то есть переходит в ментальную сферу в преобразованном виде, который текстосимметрикой не рассматривается.

Принцип динамической иерархичности, реализующийся в структуре текста, предполагает дальнейшее образование более крупной, чем текст единицы дискурса, которая неизбежно сохраняет подобие единичному тексту. Это система нового качества по горизонтали, обусловленная увеличением количества жанровых параметров порядка, изменением инварианта и образованием жанровой формы. Итогом такого состояния динамического хаоса является более высокий уровень иерархии – жанрово-речевое единство.

Таким образом, у языка, понимаемого текстосимметрикой как субстрат речевой деятельности, выделяются три специфических свойства: 1) физическая линейность, 2) неструктурированная линейно информация, 3) законы линейного структурирования информации для передачи нелинейных свойств действительности. Первое свойство – конкретное свойство субстрата, второе и третье – его абстрактные свойства.

Текстосимметрика определяет текст как идеально-материальный объект с симметричной структурой, которая обусловлена социально содержательными (идеальными) свойствами лингвистического субстрата (варьированием). Поскольку бытие текста=системы ограничивается процессом становления структуры, текстосимметрика признает его генезис=системой. Варьирование элементов создает необходимый баланс хаоса и порядка (симметрии и диссимметрии) при становлении текста=системы, результатом чего является структура. Усиление симметризации обеспечивает накопление информации для соответствия действительности, это и делает текст идеальным средством регулирования деятельности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительно развивающийся процесс интеграции наук является катализатором развития каждой из них, и одно из следствий этого процесса – методологическое сближение гуманитарных и естественных наук, позволяющее применять в гуманитарных науках синергетический метод, особенно продуктивный на стадии осмысления полученных результатов.

Незавершенность представления о языке как системе была в значительной степени связана с отсутствием сущностного модельного представления линейно-материальной структуры единицы коммуникативного уровня, венчающей систему, – текста. Многие годы исследователи наблюдали «давление системы», требующей логической достройки, ведь в представлении лингвистов сформировались линейные модели всех основных лингвистических единиц: морфемы, лексемы, словосочетания, предложения. При этом осмысление линейной структуры языковых единиц становилось все более важными по мере продвижения к анализу коммуникативного уровня языковой системы.

Текст есть имманентная цель языка, единственный способ его функционирования, и только всестороннее теоретическое описание текста=системы в качестве языковой единицы позволяет приблизиться к завершающему представлению о системе языка. Теоретическая достройка языка=системы постепенно завершается, и продвижение этого процесса связано с различными модельными представлениями о высшей языковой единице. Здесь состоялось предварительное обобщенное линейно-модельное описание текста как формы, к заполнению которой стремится каждый речевой акт. Эта форма представляет собой структурный инвариант, выделенный статистическим путем из совокупности текстов.

Такой вывод обоснован результатами достаточно обширной научной работы, которая прямо и косвенно выполнена целой группой исследователей. Проведен анализ большого количества текстов, которые сопровождают различные

виды деятельности и, следовательно, значительно разнятся по многим характеристикам: по объему, принадлежности к речевому жанру, языковому функциональному стилю, по форме речевой реализации, по структуре разных лингвистических уровней.

В результате всех исследований текст представляется языковой единицей коммуникативного уровня. Формально-структурные свойства этой единицы описываются на уровне языковой абстракции, функционирование ее в речевой практике осуществляется посредством конкретных речевых вариантов. Иерархическая языковая система приобретает следующий вид: фонема – морфема – лексема – синтаксема – словосочетание – предложение – текст.

Описание групп симметрии структурно-языковой модели текста – теоретически важная задача текстосимметрика решена благодаря отвлечению от содержательных и материально-линейных свойств каждого конкретного текста при одновременном учете линейного расположения внутритекстовых элементов-носителей главных категорий текста целостности и информативности. Совокупность обобщенных линейных/ материальных и нелинейных/ содержательных признаков, представленная в инварианте линейной модели текста, подтверждает свойство объекта текстосимметрики – быть суперконструктом, который связан с осознанно-интуитивным представлением об образе текста и актуален для всех видов речевой коммуникации.

Успех достижения цели связан с операциональным разделением «формы и содержания» в лингвистическом объекте, которые рассматриваются как два уровня его структуры: поверхностный (содержание текста, то, ради чего он существует) и глубинный (то, что обуславливает материальное бытие текста, но не осмысливается адресантом и адресатом в нормальных условиях общения). Глубинный уровень на первых порах исследования разделен на языковой субстрат и форму, которые потом сливаются в по-новому представленном единстве языковой системы, включающей структурно-языковую модель текста.

Представление о месте текста в структуре деятельности человека, осуществляемой в природной и культурной среде, потребовало выделения трех уров-

ней среды бытия текста, по-разному влияющих на структуру объекта: первичной протосреды (природы), внешней среды (основной деятельности участников речевого акта – не речевой) и поверхностной среды (собственно речевой деятельности). Непосредственно наблюдаемыми без применения специальной методики являются лишь те свойства текста, которые порождены влиянием внешней и поверхностной среды. Наблюдение же природных свойств текста как целостного объекта становится возможным при симметрологическом подходе.

Симметричность внутренней структуры текста признана его инвариантным свойством (определена вероятность в дискурсе 93,5% по выборке из 7774 текстов), потому что несимметричность может иметь какую-либо вероятность только в текстах, не превышающих объема в 150 слов, тогда как среднестатистический объем текста составляет 669 слов. В целом анализ связи объема с самыми разными свойствами текста позволяет утверждать, что объем является его главным системно управляющим параметром. Обнаружено, что в зависимости от объема попадают: жанр, симметричность структуры, позиционная симметризация, степень структурности, пропорционально-композиционная делимитация, отклонение элементов от теоретически определенных позиций (флуктуация), и нет сомнений в том, что этот список продолжится в дальнейших исследованиях.

Определение тех теоретически обязательных элементов структуры текста, наблюдение и описание которых позволяет осуществить к нему симметрологический подход – повторов, – и их многоаспектная классификация дают основания для описания законов процесса текстообразования и их коррекции при организации жанровой группировки текстов, то есть в конечном счете позволяют описать текстообразующие процессы в речевой макроструктуре и жанровых макроструктурах.

Определение движения разнонаправленных процессов симметризации и диссимметризации в макроструктуре стало возможным благодаря вычислению адекватных любому типу структур коэффициентов симметризации, которые характеризуют процесс формообразования с разных сторон. Особенно важно,

что значения коэффициентов симметризации соотносимы с количеством информации в тексте, то есть косвенно ими можно измерить координацию формы и содержания. Эта координация приблизительно может быть выражена в пропорциональном соотношении 30 : 70. То есть среднестатистический текст стремится иметь около 30% формально-структурных элементов и около 70% содержательных элементов. Реализуемое в текстосимметрии функциональное разделение элементов носит условный характер, так как содержательно организующая роль формально-структурных элементов не отрицается.

Принципиальное значение имеет выделение двух типов элементов симметрии: внутритекстовых (организующих индивидуальность текстов и инвариант – микроструктуру) и междутекстовых (организующих стереотипность текстов и вариации – жанровую макроструктуру). Структурная модель текста (инвариант) определена при высокой степени абстрагирования в процессе классификации и анализа распределения внутритекстовых элементов симметрии. Она получена посредством наблюдения абстрактного рисунка повторов в макроструктуре, который позволяет «увидеть» симметрические преобразования (абстрактные внутритекстовые элементы симметрии второго типа), а затем описать группы симметрии внежанровой макроструктуры – языковую структурную модель текста, его инвариант.

Анализ каждого конкретного текста выполнен таким образом, что тексты, имеющие любые структурно-языковые и содержательные характеристики, могут быть оценены в равной мере. А результаты исследования отражены в единой модели, которая получена статистическим путем. Она и представляет инвариант симметрично-асимметричной формы русского текста. Такой идеальной моделью русского текста является пословица, в макроструктуре которой проявляются все признаки инварианта: сочетание трех групп симметрии, занятость композиционных точек элементами симметрии и рост интенсивности процесса симметризации от начала к концу с его замедлением в точке золотого сечения.

Ведущий структурирующий текст процесс – это процесс ослабления энтропии и усиления порядка, действующий в направлении увеличения возраста

системы. По-видимому, причиной однонаправленности данного процесса является ослабление энергетических затрат и накопление энергии с возрастом системы. Процесс симметризации (преобразования и систематизация повторов) – главный фактор эволюции сложной системы, каковой является лингвистический текст. Этот процесс упорядочивает систему, формирует структуру и обеспечивает нелинейную связь обратного направления между элементами.

Процесс диссимметризации есть второй фактор эволюции той же системы, аналог диссипации. Диссимметризация может приобретать преимущество в единичных жанровых макроструктурах. В среднестатистических условиях коммуникации с увеличением возраста системы процесс симметризации усиливается, процесс диссимметризации затухает. Вероятность обратного развития обоих процессов увеличивается при направленном воздействии условий внешней среды.

Для реализации однонаправленного движения негэнтропийного процесса в условиях ослабления симметризации при подстройке единичного текста или жанра под внешнюю среду бытия, активизирующую диссимметризацию, имеется ряд мер компенсаторного характера. В настоящем исследовании обнаружены позиционная симметризация и функциональная подмена элементов, безусловно, имеются и другие, пока не описанные, компенсаторные меры.

Обмен энергией и информацией с окружающей средой можно сделать наблюдаемым в тексте=системе на уровне жанровой макроструктуры, при условии осуществления подстройки конкретного текста или группы текстов под специфическую жанровую форму. Синергетические процессы в системе как раз и рождают появление компенсаторных мер для сохранения главных параметров порядка и формирования достаточной степени устойчивости системы. Синергетические процессы в тексте можно также наблюдать при сопоставлении числовых значений специализированных коэффициентов симметризации: коэффициента симметрии, коэффициента antecedентов и коэффициента избыточности. Главным же параметром порядка остается сим-

метричность структуры, обеспечиваемая *вариативностью* элементов симметрии, которая значительно активизируется в качестве компенсаторной меры при минимальном размере исследуемого объекта (в микро- и минитекстах).

Два типа параметров порядка: внежанровый и жанровый – регулируют процесс становления структуры конкретного текста. Структурно-языковые внежанровые параметры порядка воздействуют на эволюцию каждого текста в направлении его соответствия языковому инварианту и формируют устойчивость системы. Таких параметров два: симметричность структуры (наличие повторов) и оптимальное сочетание трех видов симметрии при формировании целостности (группы симметрии).

Жанровые управляющие параметры воздействуют на текст, приводя его структуру в соответствие с видом деятельности, которую текст сопровождает, координируя симметричность текста и его среды. Обнаружены три жанровых параметра: объем, количество элементов внутритекстовой симметрии, отраженное в коэффициенте симметричности и наличие элементов междутекстовой симметрии. Как общие, так и частные параметры порядка, формирующие текст=систему, имеют выражение в единицах его объема (объемно-пороговые значения) и коэффициентах симметризации.

В связи с тем, что числовое значение объема текста есть одно из выражений параметра порядка, практическое и теоретическое значение для текстосимметрии имеет объемная классификация текстов. Четырехчленная классификация текстов на микротексты, минитексты, мидитексты и макситексты, предложенная в работе и непосредственно обусловленная со спецификой структуры текстов каждого объемного типа, – не является исчерпывающей. Для обогащения общей теории текста дополнительными сведениями о специфике зависимостей между объемными характеристиками текстов и их симметрическими и содержательными свойствами необходима дальнейшая работа.

В соответствии с теми параметрами порядка, которые они формируют, все элементы симметрии текста подразделяются на два типа: элементы общего значения – элементы внутритекстовой симметрии – и элементы частного значения – элементы междутекстовой симметрии. Содержательная функция элементов внутритекстовой симметрии – индивидуализация содержания в целях увеличения общего количества информации при коммуникации. Содержательная функция элементов междутекстовой симметрии – стандартизация содержания в целях облегчения коммуникации.

Диалектическое примирение противоположностей энтропии и негэнтропии происходит в заданных природой и сознанием говорящего пропорциях золотого сечения – внутри языковой формы текста. Исполнение двух ролей (микроструктурирующей и макроструктурирующей) одними и теми же структурно-лингвистическими элементами текста обуславливает координацию микро- и макроструктур в реальности дискурса.

Так осуществляется диалектика взаимоотношений единичного и всеобщего при продуцировании текста, что обеспечивает ему возможность быть не только синергетической диссипативной самоподстраивающейся системой – *идеальной и индивидуальной*, – но и опознаваемой сознанием структурой – *материальной и социальной*, – а значит, и языковой единицей.

Учитывая позиции текстосимметрики, выражение «асимметрия творит явление» следует понимать как исключение возможности воздействия частных параметров порядка – отсутствие стандартизации (жанровой подстройки). Однако воздействие на текст общих параметров порядка в этом случае максимально усиливается. Сам же текст, при продуцировании которого игнорируются частноопределяющие параметры, воспринимается как максимально индивидуальный (асимметричный по отношению к другим текстам), так как общие (природные) параметры порядка скрыты в глубинной языковой структуре текста. Такая картина характерна для структуры художественных текстов.

Специфический ракурс осмысления своего лингвистического объекта позволяет текстосимметрии предложить определение важных для нее свойств текста, понимаемого как идеально-материальный объект, имеющий симметричную структуру, обусловленную специфическими идеальными (содержательность) и материальными (линейность) свойствами лингвистического субстрата, которые обеспечивают возможность и обязательность варьирования последовательно представленных структурообразующих элементов данного объекта. Эти свойства субстрата дают возможность создать необходимый баланс хаоса и порядка (симметрии и диссимметрии) в структуре каждого отдельного объекта текстосимметрии.

Материальное бытие текста представляет собой процесс становления структуры, осуществляемый на глубинном уровне как придание объекту такой формы, которая сочетает три группы симметрии: переносную, динамическую и зеркальную, – формирующий на поверхностном уровне полноценное содержание. После становления структуры текст переходит в ментальную сферу и ввиду некоторых преобразований перестает быть объектом текстосимметрии, так как его материальное бытие не наблюдаемо.

Синергетическим объектом, становящейся системой, текст является в первую очередь в связи с тем, что главным принципом его бытия является гомеостатичность. Поток энергии и информации при продуцировании в большей степени осуществляется в направлении от продуцента к тексту. При восприятии же текста поток энергии и информации в большей степени направлен от текста к реципиенту. Обратное направление движения потока энергии ослаблено, но процесс усиления симметризации от начала к концу одинаково значим во всех случаях.

Письменная форма текста, реально существующая в графическом виде, не является его бытием при отсутствии процесса восприятия, осуществляемого реципиентом. Этот вид существования можно назвать консервацией структуры, готовой к потенциальному функционированию, которое осуществляется как переход законсервированной структуры в гомеостатическую систему. Каждое

новое бытие законсервированной структуры в виде системы имеет все признаки синергетического объекта: открытость, динамическую иерархичность, нелинейность, незамкнутость и неустойчивость.

Все перечисленные особенности бытия такого материального объекта как текст детерминируют определение его онтологии как генезис-системы, реально функционирующей в ментальной среде, так как текст имеет последствия своего бытия прежде всего в сфере личного или общественного сознания. Теоретический анализ текста как отчужденного от человека объекта (антропный принцип) позволил увидеть в нем в нем такие универсальные природные свойства, которые показывают, что текст действительно имеет человекоподобные чувственно значимые меры своей структуры.

Являясь социально закрепленным материально-идеальным субстратом любой формы текста, язык обеспечивает бытие данного объекта, реализуя три свои специфических свойства: 1) физическую линейность, 2) потенциальную информативность, 3) законы структурирования информации для передачи нелинейных свойств действительности при формировании информативности. Первое свойство – ахроническое конкретное свойство субстрата, второе и третье – его диахронические абстрактные свойства.

Поведение элементов языковой системы по отношению к процессу бытия текста (и при восприятии, и при порождении) можно признать состоянием динамического хаоса. В процессе гомеостаза системы в ней возникают самоподобные объекты – фракталы, образуемые определенными для каждого текста конфигурациями линейного порядка языковых единиц.

Антецедент (замысел при продуцировании или прогноз при восприятии) порождает подобные себе структуры – элементы симметрии текста. Распределяя их в функциональных частях системы с учетом модели, элементы симметрии создают самоподобный объект – состоявшийся текст. Таким образом, функциональные части каждой единичной системы=текста представляют собой промежуточные самоподобные и подобные целому образованиями в ее структуре. Текстосимметрия, выделяя такие части, именует их композиционными

зонами, каждая из которых выполняет специфические содержательные, суггестивные и структурные функции. Исследование специфики композиционных зон и интервалов только начинается, однако их подобие целому тексту уже доказано в нескольких экспериментальных исследованиях.

Функции симметрии могут быть объединены в две группы. Группа адаптирующих функций характеризует внутритекстовые элементы симметрии первого типа (лингвистические повторы). Главной среди адаптирующих функций является функция сохранения и накопления информации, подробное исследование этой группы функций симметрии признается перспективным. Вторая группа функций симметрии – формообразующие функции присуща элементам внутритекстовой симметрии второго типа, осуществляющим Г-подстройку структуры текста, а также элементам междутекстовой симметрии, осуществляющим формообразование жанра.

Появление нового междисциплинарного раздела общей теории текста – текстосимметрии, – который существенно дополняет лингвосинергетику, теоретически необходимо для современной лингвистики. В рамках текстосимметрии может быть выделено несколько перспективных направлений исследований. Это исследования, посвященные описанию подстройки текста под внешнюю среду бытия, поскольку в общих чертах уже описаны жанровые вариации структурной модели текста в дискурсе.

Необходимы также психолингвистические исследования точек бифуркации и процессов редактирования и саморедактирования, которые усиливают или ослабляют процессы симметризации-диссимметризации и проявляют некоторые механизмы подстройки текста под среду его бытия. Дальнейшие исследования междутекстовой симметрии могут внести существенный вклад в современное жанроведение, так как текстосимметрия направлена на описание интегративных свойств речевых жанров. Перспективно и выявление разнообразных компенсаторных мер, которые реализуются в условиях усиления диссимметризации.

Тот факт, что главные параметры формирования высшей языковой единицы как синергетической системы являются факторами природного воздействия и лишь второстепенные параметры есть факторы сознательного воздействия самого человека, позволяет приблизить объект языкознания к природным объектам и открывает огромные перспективы для дальнейшего развития нашей науки. Нет сомнений в том, что дальнейшее расширение спектра материала исследований не предполагает опровержения полученной картины, но необходимо для ее дальнейшего расширения и уточнения.

Сам факт обнаружения структурно-языкового инварианта текста говорит о развитой стадии существования данной языковой единицы, для употребления которой в языковой системе сформировалась своеобразная норма (модель), фиксирующая принципиально необходимые признаки текста. Как и всякая структурно-языковая единица, текст, безусловно, имеет свою историю становления в филогенезе и онтогенезе языка – и это тоже актуальные проблемы новых исследований.

При конструктивной коммуникации между наблюдателями результаты наблюдения текста=системы на разных уровнях с применением к его исследованию разных методов и варианты описания сложной иерархической системы в разной степени абстракции в течение нескольких десятилетий уже сейчас удается сложить в целостную картину. Свободный от строгого уровня подхода, диалоговый, открытый, креативный путь в осмыслении текста приближает лингвистику к познанию этого самого сложного и самого главного ее объекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеенко И.А. Об уровнях языка с позиций интегративного подхода / И.А. Авдеенко // Текст: варианты интерпретации: мат. VIII межвуз. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2003. – Вып. 8.– С. 222–224.
2. Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии / С.Ю. Адливанкин, Л.Н. Мурзин // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – С. 3–12.
3. Акишина А.А. Структура целого текста. / А.А. Акишина. – М., 1979. – 123 с.
4. Акопян И.Д. Симметрия и асимметрия в познании / И.Д. Акопян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. – 132 с.
5. Аладьина А.А. Лексический повтор с синтаксическим распространением в сравнении с другими видами повторов / А.А. Аладьина; Редкол. журн. «Вестник ЛГУ». Сер.: История, яз., лит. Л., 1983. – 12 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 8.02.84, № 15570.
6. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. / М.В. Арапов. – М.: Наука, 1988. – 183 с.
7. Арнольд И.В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования / И.В. Арнольд // Стилистика художественной речи: межвуз. сб. науч. тр. – Л., 1980. – С. 3–11.
8. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л. 1984. С. 3-11.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования / И.В. Арнольд. – 3-е изд. – М: Просвещение, 1990. – 298 с.
10. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов // Синергетика и психология: Тексты: Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004. – Вып. 3. – С. 84–125.
11. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
14. Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.М. Астафьева. – М., 1962. 24 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.
16. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы анализа / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
17. Бабич В.Н. Лингвострановедческая интерпретация текста с точки зрения теории информации / В.Н. Бабич // Иностранные языки в высшей школе: сб. науч.-метод. ст. – М., 1991. – Вып. 23. – С. 44–49.
18. Баранова И.Н. Симметрия музыкальной структуры: (на мат. советской музыки): автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / И.Н. Баранова; Ленингр. гос. ун-т – Л., 1985. – 16 с.
19. Баранцев Р.Г. Имманентные проблемы синергетики / Р.Г. Баранцев // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. – М.: Наука, 2002. – С. 460-477.
20. Барлас Л.Г. Язык повествовательной прозы Чехова: Проблемы анализа / Л.Г. Барлас. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. – 208 с.
21. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
22. Белоусов К.И. От психолингвистики к психолингвосинергетике / К.И. Белоусов // Актуальные проблемы литературоведения и языкознания: сб. науч. ст. – Бийск, 2001. – С. 109–114.
23. Белоусов К.И. Неевклидова лингвистика / К.И. Белоусов // Проблемы типологии языковых единиц разных уровней: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Бийск, 2001а. – С. 15–18.

24. Белоусов К.И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19: защищена 28.06.02: утв. 20.10.02 / К.И. Белоусов. Бийск, 2002. – 177 с. – Библиогр.: с. 157–172.
25. Белоусов К.И. Форма текста в деятельностном освещении (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / К.И. Белоусов; Бийск. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2002а. – 19 с.
26. Белоусов К.И. Внутреннее время текста / К.И. Белоусов // Языковая ситуация в России начала XXI в. – Кемерово, 2002 б. – Т. 1. – С. 100–107.
27. Белоусов К.И., Н.А. Блазнова Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие / К.И. Белоусов, Н.А. Блазнова. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2004. – 139 с.
28. Белунова Н.И. Интегрирующая функция лексико-синтаксических повторов в текстах публицистического стиля / Н.И. Белунова // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. – Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1988. – С. 70–86.
29. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М.: МГУ, 1988. – 121 с.
30. Белянин В.П. Введение в психолингвистику / В.П. Белянин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
31. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенистпер; пер с фр. – Изд. 2-е, стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
32. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис / Э.М. Береговская. – Смоленск: Изд-во Смоленск. пед. ин-та, 1984. – 92 с.
33. Благой Д.Д. Мастерство Пушкина / Д.Д. Благой. – М., 1955. – 268 с.
34. Блазнова Н.А. Точечные аттракторы в структуре текста: дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19: защищена 28.06.02: утв. 20.10.02 / Н.А. Блазнова. – Бийск, 2002. – 138 с. Библиогр.: с. 121–135.
35. Блазнова Н.А. Точечные аттракторы в структуре текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Н.А. Блазнова; Бийск. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2002. – 20 с.
36. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Г.И. Богин. – Ленинград, 1984. – 31 с.
37. Богин Г.И. Значение переживания как необходимая часть системы смыслов / Г.И. Богин // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: мат. второй шк.-сем. / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001. – С. 5–22.
38. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртене. – М., 1963. – Т. 2. – 98 с.
39. Бок Ф.К. Структура общества и структура языка / Ф.К. Бок // Зарубежная лингвистика I. / пер. с англ. – М.: Изд. гр. "Прогресс", 1999. – С. 115–129.
40. Болотнова Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция / Н.С. Болотнова. – СПб, 1992. – 55 с.
41. Болотнова Н.С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте / Н.С. Болотнова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1992а. – №4. – С. 75–87.
42. Болотнова Н.С. Основы теории текста: пособ. для учителей и студентов-филологов / Н.С. Болотнова. – Томск, 1999. – 100 с.
43. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Больш. Рос. энциклопедия»; СПб.: Норинт, 1997. – 1456 с.
44. Борботько В.Г. Некоторые проблемы выявления структурных характеристик текста / В.Г. Борботько // Сб. науч. тр. МГПИЯ им. М. Тореза. – М., 1976. – Вып. 100. – С. 55–67.
45. Борботько В.Г. Вопросы лингвистического анализа дискурса / В.Г. Борботько // Семантико-синтаксическая организация предложения и текста. – Грозный, 1980. – С. 18–32.
46. Борботько В.Г. Семантическая организация и интерпретация дискурса при когнитивной и эстетической коммуникации / В.Г. Борботько // Текст как психолингвистическая реальность. – М., 1982. – С. 7–13.

47. Борев Ю.Б. Художественное общение и его языки. Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры / Ю.Б. Борев // Теории, школы, концепции (критические анализы): Художественная коммуникация и семиотика. – М.: Наука, 1986. – С. 5–43.
48. Браво У.У. Повтор в современном испанском языке (грамматико-стилистическое исследование): автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.05 / У.У. Браво; Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. – М., 1983. – 23 с.
49. Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Ю. Бровкина. – Барнаул, 2000. – 18 с.
50. Буданов В.Г. Синергетическая алгебра гармонии / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 121–137.
51. Бутакова Л.О. Динамическая когнитивная модель речевой деятельности автора / Л.О. Бутакова // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. – Барнаул, 2001. – С. 23–30.
52. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: Когнитивный аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Л.О. Бутакова. – Барнаул, 2001а. – 40 с.
53. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: Когнитивный аспект: дис. ... д-ра филол. наук; Омск. гос. ун-т. – Барнаул, 2001б. – 459 с.
54. Бялоус Н.И. Роль конца в интеграции художественного текста / Н.И. Бялоус ; Иркут. гос. пед. ин-т. – Иркутск, 1987. – 10 с. – Деп. в ИНИОН РАН 4.03.87; № 28 564.
55. Бялоус Н.И. Особенности лингвистической организации конца художественного произведения: (на мат. коротких рассказов англ. и амер. писателей XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.И. Бялоус; Иркут. гос. пед. ин-т ин. яз. им. Хо Ши Мина. – Одесса, 1987а. – 16 с.
56. Бялоус Н.И. Принцип фрактальности в структуре художественного текста // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тез. докл. II Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 1997. – С. 77–78.
57. Васильева А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
58. Васильева В.В. О функции ритма в текстообразовании: Лингвистическое эссе / В.В. Васильева // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1984. – С. 160–163.
59. Васильева В.В. Русский прозаический ритм. Динамический аспект / В.В. Васильева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. – 120 с.
60. Вейль Г. Симметрия / Г. Вейль. – М.: Наука, 1968. – 190 с.
61. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.
62. Волкова Е.В. Произведение искусства – предмет эстетического анализа / Е.В. Волкова. – М., 1976. – 288 с.
63. Волошинов А.В. Математика и искусство / А.В. Волошинов. – М.: Просвещение, 1992. – 335 с.
64. Волошинов А.В. Онтология красоты и математические начала искусства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.0013 / А.В. Волошинов; Моск. гос. ун-т. – М., 1993. – 40 с.
65. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук / В.Н. Волошинов. – СПб.: Астакпресс ltd, 1995. – 388 с.
66. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
67. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.
68. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного текста / В.Г. Гак // Лингвистика текста: сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 103. – С. 5–4.
69. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения / В.Г. Гак // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 91–102.
70. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании / В.Г. Гак // Лексическая и грамматическая семантика романских языков. – Калинин, 1980. – С. 41–51.

71. Гак В.Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте / В.Г. Гак // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. – М., 1987. – С. 24–33.
72. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
73. Герман И.А. Речевая деятельность как самоорганизующаяся система: к становлению лингвосинергетической парадигмы: дис. кан. филол. наук: 10.02.19 / И.А. Герман. – Барнаул, 1999. – 169 с.
74. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; пер с фр. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
75. Гика М. Эстетика пропорций в природе и искусстве / пер. с фр. В.В. Белютина / М. Гика. – М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. – 309 с.
76. Гилев Е.Н. О некоторых особенностях ритмической организации рассказа В.М. Шукшина «Охота жить» / Е.Н Гилев // Ритм, пространство и время в художественном произведении. – Алма-Ата, 1984. 120 с.
77. Гильде В. Зеркальный мир / Пер. с немецкого под ред. И.И. Шафрановского. М.: Мир, 1982. – 120 с.: ил.
78. Гиндин С.И. Внутренняя организация текста: Элементы теории и семантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол наук:10.02.19. – М., 1972. – 23 с.
79. Гируцкий А.А. О ведущих тенденциях в языкознании XX в. / А.А. Гируцкий // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестенева. – Калининград: ФГУИПП "Янтар. сказка", 2002. – С. 87–93.
80. Глаголев Н.В. Языковая экономия и избыточность в синтаксисе разговорной речи (на мат. нем. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Глаголев. – М., 1967. – 20 с.
81. Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики / А.В. Гладкий, И.А. Мельчук. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
82. Глухих В.М. Лексический повтор при однородных членах предложения в произведениях В.И. Ленина (на материале публичных выступлений) / В.М. Глухих. – Челябинск, 1985. – 88 с.
83. Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – М.: Просвещение, 1971. – 190 с.
84. Головкина Н.Т. Повтор как стилистическое средство в разных видах и жанрах речи (на мат. совр. нем. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Т. Головкина; Моск. гос. пед.ин-т ин. яз. – М., 1966. – 16 с.
85. Голуб В.Я. Структурные разновидности и функции симметрии в поэтической речи / В.Я. Голуб // Структура и семантика текста. – Воронеж, 1988. – С. 7784.
86. Гольшева В.Г. Роль корневого повтора в структуре художественного произведения / В.Г. Гольшева // Вопросы английской контекстологии. – Вологда, 1977. – С. 22–29.
87. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособ. / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов.–Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001. – 303 с.
88. Готт В.С. Философские вопросы современной физики / В.С. Готт. – М.: Высш. шк., 1988. – 343 с.
89. Готт В.С., Перетури А.Ф. Симметрия и асимметрия как категории познания / В.С. Готт, А.Ф. Перетури // Симметрия, инвариантность, структура (философские очерки). – М.: Высш. шк. – 1967. – С. 3–70.
90. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г.А. Гуковский. – М., 1957. – 414 с.
91. Гуковский Г.А. Изучение литературного произведения в школе / Г.А. Гуковский. – М.; Л., 1966. – 266 с.
92. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984 – 400 с.
93. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сб. в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.

94. Данилевская Н.В. Об одной особенности развертывания научного текста / Н.В. Данилевская // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь, 1985. – С. 59–65.
95. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
96. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Теория речевых жанров: социопрагматический аспект / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов // *Stilistika VIII*. – Ополе, 1999. – С. 6–8.
97. Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – 168 с.
98. Деривация и семантика: слово-предложение-текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – 224 с.
99. Дешериев Ю.Д. Социолингвистика / Ю.Д. Дешериев. – М., 1980. – 210 с.
100. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавий / Е.В. Джанджакова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 207–214.
101. Джанджакова Е.В. Об использовании цитат в заглавиях художественных произведений / Е.В. Джанджакова // Структура и семантика текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – С. 30–37.
102. Долинин К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
103. Дорофеева В.А. Структурно-информационная устойчивость текста к деформациям его объема: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19: защищена 14.09.04: утв. 1.03.05 / В.А. Дорофеева. – Кемерово, 2004. – 175 с. – Библиогр.: с. 160–173.
104. Дорофеева В.А. Структурно-информационная устойчивость текста к деформациям его объема: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / В.А. Дорофеева; Бийск. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2004. – 23 с.
105. Дресслер В. Синтаксис текста / В. Дресслер; пер. с нем. // Зарубежная лингвистика. Лингвистика текста. – Вып. 8. – М., 1978. – С. 111–137.
106. Дудникова Т.С. Виды повторов в современном французском языке / Т.С. Дудникова // Преподавание иностранных языков в средней и высшей школе. – Ростов н/Д, 1969. – Ч. 2. – С. 243–258.
107. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев; пер. с англ. // Зарубежная лингвистика. I. – М.: Изд. гр. "Прогресс" 1999. – С. 131–256.
108. Еремина В.И. Повтор как основа построения лирической песни / В.И. Еремина // Исследования по поэтике и стилистике. – Л.: Наука, 1972. – С. 37–66.
109. Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – 274 с.
110. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 156 с.
111. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
112. Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений / В.М. Жирмунский. – Пг.: ОПОЯЗ, 1921. – 107 с.
113. Жолковский А.К., Щеглов Ю.А. К описанию приема выразительности «варьирование» / А.К. Жолковский, Ю.А. Щеглов // Семиотика и информатика (нов. наименование: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматич. перевода). – М., 1977. – Вып. 9. – С. 106–150.
114. Журавлева О.В. Языковая игра как синергетический процесс саморазвития языка / О.В. Журавлева // Текст: структура и функционирование: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Пичальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Вып. 6. – С. 13–18.
115. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. – 177 с.
116. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н.Д. Зарубина. – М., 1981. – 196 с.
117. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1968. – 286 с.
118. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория / В.А. Звегинцев. – М., 2001. – 327 с.

119. Змиевская Н.А. Лингвистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Змиевская; Моск. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1978. – 24 с.
120. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
121. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
122. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., 1998. – 296 с.
123. Зубкова Л.Г. Язык как форма: теория и история языкознания / Л.Г. Зубкова. – М.: Полиграфический комплекс РУДН, 2002. – 130 с.
124. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 472 с.
125. Зубкова Л.Г. Истоки и специфика лингвистического мышления / Л.Г. Зубкова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: мат. II Междунар. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БГПУ им. Шукшина, 2004. – Т. 1. – С. 141–150.
126. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.
127. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: в поисках к будущему / Вяч. Вс. Иванов // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестенева. – Калининград: ФГУ-ИПП "Янтар. сказка", 2002. – С. 6–86.
128. Иванова Г.М. Системный характер образных лексических единиц в структуре художественного текста // Интерпретация художественного текста в языковом вузе (Методика исследования). Ленинград, 1983. С. 48–59.
129. Иванова Г.М. Уровни художественной структуры поэтического текста (на мат. стихотворения У.Х. Одена) / Г.М. Иванова // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984. – С. 57–61.
130. Иванчикова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е.А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке: сб. ст. – М., 1969. – С. 126–139.
131. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского / Е.А. Иванчикова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
132. Игнатъева Т.Г. Типология старофранцузского текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.03 / Т.Г. Игнатъева; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2002. – 30 с.
133. Ильенко С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция языковых единиц / С.Г. Ильенко // Текстовые реализации и текстообразующие функции языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. Герцена, 1988. – С. 7–22.
134. Иконников С.Н. Стилистическая работа в процессе изучения русского языка (Содержание и методы обучения) / С.Н. Иконников. – М.: Педагогика, 1977. – 151 с.
135. Ионова М.Б. Средства языкового выражения симметричных и асимметричных границ АСП в инварианте структуры текста / М.Б. Ионова // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: мат. VII межвуз. науч.-практ. конф.: Лингвистический аспект. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2002. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 60–67.
136. Иртенева Н.Ф. Классификация текстов по их отношению к действительности / Н.Ф. Иртенева // Текст, структура и семантика. – М., 1983. – С. 3–12.
137. Искренко Н. О главном... (из дневника Н.И.) / Н. Искренко. – М.: Независимая газета, 1998. – 272 с.
138. Калашникова Г.Ф., Альникова В.Ю. О структурной организации русского полипредикативного сложносочиненного предложения / Г.Ф. Калашникова, В.Ю. Альникова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 78–88.

139. Капинос В.И., Сергеева Н.Н., Соловейчик М.С. Развитие речи: теория и практика обучения / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик – М.: Линка-пресс, 1994. – 191 с.
140. Каракулов Б.И. Симметрия музыкальной системы: (о мелодии) / Б.И. Каракулов. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 130 с.
141. Карпов В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – Минск: Высшая школа, 1992. – 302 с.
142. Касаткина О.Н. К вопросу об идентичности евангельских текстов нового завета разных изданий / О.Н. Касаткина // Материалы междунар. науч.-метод. конф. «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания». – Иркутск, 2001. – Ч. 1. – С. 77–82.
143. Касаткина О.Н. Размер предложения в евангельском тексте / О.Н. Касаткина // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: материалы VII межвуз. науч.-практ. конф.: Лингвистический аспект. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2002. – Вып.7. – Ч. II С. – 78–83.
144. Касинов В.Б. О симметрии в биологии / В.Б. Касинов. – Л.: Наука. – 1971. – 46 с.
145. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
146. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. – М.: ОАО Изд. гр. «Прогресс», 1999. – 416 с.
147. Кедров Б. М. О повторяемости в процессе развития / Б.М. Кедров. – М., 1961. – 146 с.
148. Кибрик Е.А. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / Е.А. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. Е.А. Кибрика и А.С. Нариньяни. – М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – С. 33–52.
149. Кириченко Н.В. Функционирование средств экспрессивного синтаксиса в текстовой структуре научно-популярного произведения / Н.В. Кириченко // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С. 47–57.
150. Киселева Р.А. Роль образа-символа в раскрытии лейтмотивной идеи произведения (на материале рассказа Д.Г. Лоуренса «Лис») / Р.А. Киселева // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984. – С. 74–83.
151. Китайгородский А.И. Порядок и беспорядок в мире атомов / А.И. Китайгородский. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
152. Ключкова Е.А. Стилистические функции повторной номинации в структуре художественного текста: на материале двух рассказов В. Шукшина / Е.А. Ключкова // Слово в художественной речи. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т, 1985. – С. 63–70.
153. Ключерева Е.Р. Газетный заголовок: функции и интерпретация / Е.Р. Ключерева // Материалы междунар. науч.-метод. конф. «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания. – Иркутск, 2001. – Ч. 1. С. 82–88.
154. Князева Е.Н. Методы нелинейной динамики в когнитивной науке / Е.Н. Князева // Синергетика и психология: Тексты: Когнитивные процессы / под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. – М.: Когито-Центр, 2004. – Вып. 3. – С. 29–48.
155. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 3–20.
156. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов. – М., 1994. – 138 с.
157. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С.62-79.
158. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике / Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов // Синергетика и психология: Тексты: Когнитивные процессы/ Под ред. В.И. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. – М.: Когито-Центр, 2004. – Вып. 3. – С. 391–407.
159. Коболева Н.Г. О механизме создания целостности художественного текста / Н.Г. Коболева // Текст и его категориальные признаки: сб. науч. тр. – Киев, 1989. – С. 79–84.

160. Ковалев Ф.В. Золотое сечение в живописи: учеб. пособ. / Ф.В. Ковалев. – Киев: Вища шк., 1989. – 143 с.
161. Когнитивный анализ слова. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 206 с.
162. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста. – М.: Наука. – 1979. – С. 53–61.
163. Кожевникова Н.А. О метафорической номинации персонажей в художественных текстах / Н.А. Кожевникова // Структура и семантика текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. – С. 53–61.
164. Кожин А.Н. Лексический повтор в стихотворных текстах А. Блока / А.Н. Кожин // Образное слово А. Блока. – М., 1980. – С. 56–88.
165. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии / Н.А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 167–183.
166. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология: (на материале русск. прозы XIX- XX в.в.): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02. 01 / Н.А. Кожина; Институт русск. яз РАН. – М., 1986. – 22 с.
167. Кожина М.Н., Данилевская Н.В. О развитии смысловой структуры в научном тексте посредством развернутых вариативных повторов / М.Н. Кожина, Н.В. Данилевская // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь, 1984. – С. 123–131.
168. Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов / А.Н. Колмогоров. – М.: Наука, 1987. – 214 с.
169. Коломейцев А.Е. Принцип симметрии в научном познании / А.Е. Коломейцев. – М., 1990. – 172 с. – Деп. в ИНИОН РАН 6.06.90; №42035.
170. Колосницина Г.В. Ритмическая основа интерактивного обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Г.В. Колосницина. – М., 1993. – 40 с.
171. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 230 с.
172. Комаров В.Е. ритм как выражение особенностей процесса развития: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.13 / В.Е. Комаров. – Саратов, 1971. – 17 с.
173. Копщик В.А. Синергетика искусства: системно-симметрологический подход / В.А. Копщик // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С.156–167.
174. Корбут А.Ю. К проблеме выделения элементов симметрии в художественном прозаическом тексте / А.Ю. Корбут // Лингвистика. Литературоведение. Журналистика: Юбилейн. сб. науч. тр. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск: ИГУ, 1994. – С. 67–68.
175. Корбут А.Ю. К вопросу о симметрии художественного прозаического текста / А.Ю. Корбут; Иркут. гос. пед. ин-т. – Иркутск, 1994а. 14 с. – Деп. в ИНИОН РАН 30.11.94; № 49827.
176. Корбут А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.Ю. Корбут; Иркут. гос. пед. ин-т. – М., 1995. – 21 с.
177. Корбут А.Ю. Сопоставимость материальной лингвистической структуры текстов, значительно различающихся по объему / А.Ю. Корбут // Язык – наше наследие. Иркутск: ИГПИ, 1995а. – С. 30–31.
178. Корбут А.Ю. Сильные позиции текста: результаты психолингвистического эксперимента / А.Ю. Корбут // Актуальные проблемы психолингвистики: межвуз.сб. науч. тр. – Биробиджан, 1995б. – С. 25–28.
179. Корбут А.Ю. Эвристическое значение принципа симметрии для лингвистического анализа художественного текста / А.Ю. Корбут // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: тез. докл. и сообщ. I Междунар.науч.-практ. конф. – Иркутск: ИГЭА, 1996. – С.82–84.
180. Корбут А.Ю. Противоречие между simultанностью смысла текста и сукцессивностью его формы как одна из проблем соотношения мышления и речи / А.Ю. Корбут // Материалы

- науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского. Иркутск: ИГПУ, 1997. – С. 41–42.
181. Корбут А.Ю. К вопросу о психолингвистической сущности текстового инварианта / А.Ю. Корбут // Интерпретация художественного текста. – Бийск, 1998. – С. 42–44.
 182. Корбут А.Ю. Коэффициент жесткости структуры текстов разной типовой принадлежности / А.Ю. Корбут // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 163–165.
 183. Корбут А.Ю. Николай Гумилев. «Шестое чувство». Один из вариантов анализа поэтического текста / А.Ю. Корбут // Современные проблемы изучения литературы в школе. – Иркутск: ИГПУ, 1998б. – С.64–73.
 184. Корбут А.Ю. Психолингвистические механизмы порождения целостного высказывания (текста) / А.Ю. Корбут // Культура речи: теория и практика: мат. межвуз. науч.-практ. семинара 1996-1998 гг. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 40–44.
 185. Корбут А.Ю. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособ. / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – 76 с.
 186. Корбут А.Ю. Анекдот как отражение лингвистического мышления народа / А.Ю. Корбут // Мат. междунар. науч.-метод. конф. «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания». – Иркутск, 2001. – Ч. 1. – С. 88–94.
 187. Корбут А.Ю. Методика исследования текста / А.Ю. Корбут // Методы исследования в лингвистике и методике преподавания русского языка: учеб.-метод. пособ. для студентов педвузов. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2001а. – С. 4–12.
 188. Корбут А.Ю. Объявление в газете как предмет текстосимметрии: междутекстовая и внутритекстовая симметрия / А.Ю. Корбут // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: мат. третьих филол. чт.: Лингвистика. – Новосибирск, 2002. – Т.1. – С. 194–199.
 189. Корбут А.Ю. Симметрия как средство формообразования и смыслообразования русской поэтической миниатюры / А.Ю. Корбут // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы): мат. междунар. конф. – Иркутск:ИГЛУ, 2002а. – С. 116–123.
 190. Корбут А.Ю. К проблеме симметрии/асимметрии текста и среды / А.Ю. Корбут // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М.: МГЭИ, 2002б. – Вып. 5. – С. 46–49.
 191. Корбут А.Ю. Проблема слияния гуманитарного и естественного направлений в современной лингвистике / А.Ю. Корбут // Построение гражданского общества: мат. междунар. гуманитар. конгресса: Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002в. – Ч. 3.– С. 55–59.
 192. Корбут А.Ю. Симметрия и информация в лингвистическом тексте / А.Ю. Корбут // Текст: Варианты интерпретации: мат. VII межвуз. научно-практ. конф. (22-23 мая 2003 г.). – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2003. – Вып.8. – С. 262–265.
 193. Корбут А.Ю. Элементы внутритекстовой симметрии как отражение истории системы / А.Ю. Корбут // Время с социальным, культурным и языковым измерением: тез. докл. науч. конф. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2004. – С. 104–107.
 194. Корбут А.Ю. Проблема речевого жанра с позиций текстосимметрии / А.Ю. Корбут // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: мат. II Междунар. науч.-практ. конф. Бийск: НИЦ БГПУ им. Шукшина, 2004а. – Т. 1. – С. 186–193.
 195. Корбут А.Ю. Текстосимметрия: монография / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 2004б. – 200 с.

196. Корбут А.Ю. Пословица как инвариантно-языковой образ текста / А.Ю. Корбут // Славянская филология: история и современность: мат. междунар. конф. / под ред. Е.А. Косых. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004в. – С. 64–69.
197. Корбут А.Ю. Текст: система и структура как симметрия и информация / А.Ю. Корбут // Мир русского слова. – 2004. – №4. – С. 21–24.
198. Корбут А. Ю., Лихачева О.Б., Москальчук Г.Г. Формообразование в фольклорном тексте / А.Ю. Корбут, О.Б. Лихачева, Г.Г. Москальчук // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: мат. VII межвуз. науч.-практ. конф.: Лингвистический аспект. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2002. – Вып.7. – Ч. 2. – С. 83–94.
199. Корбут А.Ю., Москальчук Г.Г. Инвариант структуры диалектного и художественного текста / А.Ю. Корбут, Г.Г. Москальчук // Явление вариативности в языке. Кемерово: Изд-во Кемер. ГУ, 1997. – С. 182–188.
200. Корбут А.Ю., Приходько В.О. Нулевая информативность как средство смысловой организации текста / А.Ю. Корбут, В.О. Приходько // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы): мат. междунар. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2002. – С. 123–129.
201. Коржнева Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.А. Коржнева; Бийск. гос. пед. ун-т им. В.М. Шукшина. – Кемерово, 2003. – 23 с.
202. Кох В.А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В.А. Кох // Зарубежная лингвистика. Лингвистика текста. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 149–182.
203. Кошечкина И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи: учеб. пособ. / И.Г. Кошечкина. М.: МГПИЯ им. Ленина, 1983. – 169 с.
204. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. – 261 с.
205. Крадожен Е.М. Повтор как средство организации поэтического цикла: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: защищена 10.04.89; утверждена: 20. 06.89 / Е.М. Крадожен. – М., 1989. 178 с. – Библиогр. 167–178 с.
206. Красноперова М.А. Модели лингвистической поэтики: Ритмика / М.А. Красноперова. – Л.: ЛГУ, 1989. – 86 с.
207. Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. – Т. 4. – М., 1971. – Т. 6.
208. Кудрявцева О.С. К проблеме генезиса жанровых форм 16-й полосы «Литературной газеты» / О.С. Кудрявцева // Текст: варианты интерпретации: мат. VIII межвуз. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2003. – Вып. 8. – С. 131–135.
209. Купина Н.А. Принципы и этапы лингвосмыслового анализа художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Купина; Красноярск. гос ун-т. – М., 1985. – 32 с.
210. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М., 1980. – 192 с.
211. Лавринович В. Э. Политический текст и внутренний мир его автора / В.Э. Лавринович // Текст в гуманитарном знании: мат. межвуз. конф. – М.: Издат. центр РГГУ, 1997. – С. 305–309.
212. Лашманов Д.М. Системный подход в исследовании искусства / Лашманов // Искусство и научно-технический прогресс. – М.: Искусство, 1973. – С. 348–362.
213. Лебедева Н.Б. Естественная русская письменная речь как объект лингвистического исследования / Н.Б. Лебедева // Вестник БГПУ. – №1. – Барнаул, 2001. – С. 43–51.
214. Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) / Н.Б. Лебедева // Филология: XXI век (теория и методика преподавания. – Барнаул, 2004. – С. 28–31.

215. Лебедева Н.М. Стилистические функции синонимического повтора / Н.М. Лебедева // Проблемы значения языкового знака. – Киев, 1982. – С. 167–171.
216. Левицкий Ю.А. О производстве и воспроизводстве единиц языка Ю.А. Левицкий // Дери-
вация в речевой деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С. 10–
15.
217. Лейкина Б.М. К вопросу об оценке связности и целостности текста / Б.М. Лейкина // Структурная и прикладная лингвистика. – Киев, 1978. – Вып. 1. – С. 18–31.
218. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.
219. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста / А.А. Леонтьев // Лингвистика тек-
ста: сб. науч. тр. МГПИЯ им. М. Горького. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 60–70.
220. Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии / А.А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев, 1979. – С. 7–17.
221. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М., 1999. – 287 с.
222. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Из-
бранные и психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.: Москов. психологич. социал. ин-
т, 2001. – 448 с.
223. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М., 1975. – 358 с.
224. Лепина Р.А. Роль лексического повтора в семантико-синтаксической организации предло-
жения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.А. Лепина. Киев, 1977. – 25 с.
225. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопе-
дия, 1990. – 685 с.
226. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: мат. первой шк.-сем. – Барнаул, 2000. – 134 с.
227. Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: мат. второй шк.-сем. 2 июля 2001 г./ под
общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001. – 136 с.
228. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова и П.А. Ни-
колаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
229. Лихачева О.Б. Повтор как ведущий принцип композиции заговоров / О.Б. Лихачева // Лек-
сика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995. –
С. 124–125.
230. Лихачева О.Б. Перечислительный ряд как композиционный прием организации заговорно-
го текста / О.Б. Лихачева // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск,
1996. – С. 84–86.
231. Лихачева О.Б. Зачины и концовки в сибирской сказке / О.Б. Лихачева // Языковая картина
мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 1998. – Т.1. – С. 293–295.
232. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев. – М., 1968. – 126 с.
233. Лосева Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 98 с.
234. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис; изд. гр. «Прогресс», 1992. –
272 с.
235. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман и Тарту-
ско-Московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 11–258.
236. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об ис-
кусстве. – СПб: Искусство, 1998. – С. 14–285.
237. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа /
В.А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
238. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М: МГУ, 1975. – 250 с.
239. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д, 1998. – 416 с.
240. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритек-
стовых отношений / М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 200 с.

241. Майнцер, К. Сложность и самоорганизация / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48–59.
242. Максимов Л.Ю. Теоретические основы лингвостилистического анализа при обучении русскому языку как иностранному / Л.Ю. Максимов // Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы: тез. докл. и сообщ. / Третий междунар. конгресс преп. русск. яз. и лит. – Варшава, 1976. – С. 246–248.
243. Мальцев В.А. Параллелизм, его взаимосвязь с повтором и роль в организации художественного текста/ В.А. Мальцев // Романское и германское языкознание. – Минск, 1976. – Вып. 6. – С. 128–140.
244. Мальченко А.А. Повтор в синтаксических конвергенциях (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Мальченко; Моск. гос. пед. ин-т им. М. Тореза. – М., 1975. – 176 с. – Библиогр.: 164–176 с.
245. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Текст как природный объект / Н.А. Манаков., Г.Г. Москальчук // Педагог. Наука, технология, практика. – 1999. – № 2 (7). – С. 58–62.
246. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Лингвосинергетика: первые результаты, проблемы, перспективы / Н.А. Манаков., Г.Г. Москальчук // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб.ст. / под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 107–113.
247. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Фрактальная природа языка / Н.А. Манаков., Г.Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: мат. первой шк.-сем. – Барнаул, 2000а. – С. 24–33.
248. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. К основаниям текстосимметрии / Н.А. Манаков., Г.Г. Москальчук // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. – Барнаул, 2001. – С. 57–63.
249. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Конструкция и содержание текста: проблема соответствия / Н.А. Манаков., Г.Г. Москальчук // Мир языка и межкультурная коммуникация: мат. междунар. научно-практ. конф. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001а. – Ч. II. – С. 12–18.
250. Мельничук А.С. Философские вопросы языкознания / А.С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1975. – №5. – С. 10–17.
251. Методологические проблемы языкознания / отв. ред. А.С. Мельничук. – Киев: Наука думка, 1988. – 216 с.
252. Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: сб. ст. / под общ. ред. Л. М. Босовой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 157 с.
253. Михалева О.Л. Политический дискурс на оси времени: изменчивость и постоянство / О.Л. Михалева // Время в социальном, культурном и языковом измерении: тез. докл. науч. конф. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2004. – С. 128–130.
254. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. Е.А. Кибрика и А.С. Нариньяни. – М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 280 с.
255. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. Моль. – М., 1966. – 265 с.
256. Москальская О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М., 1980. – 183 с.
257. Москальчук Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г.Г. Москальчук; Иркут. гос. пед. ин-т. – М., 1990. – 16 с.
258. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста / Москальчук Г.Г. – Барнаул, 1998. – 240 с.
259. Москальчук Г.Г. Динамика формы текста / Москальчук Г.Г. // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 1998а. – Т. 2. – С. 22–26.
260. Москальчук Г.Г. Форма текста как природный объект / Москальчук Г.Г. // Культура. Образование. Духовность: мат. Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 60-летию Бийского гос. пед. ин-та (23-24 сентября 1999 г.). – Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. – Т. 2. – С. 156–161.
261. Москальчук Г.Г. Архитектоника системы «ТЕКС^С СРЕДА» / Москальчук Г.Г. // Языковое сознание: содержание и функционирование. – М., 2000. – С. 163–164.

262. Москальчук Г.Г. Тенденция раздвоения циклической плотности граничных интервалов текста / Москальчук Г.Г. // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста: мат. VII межвуз. науч.-практ. конф.: Лингвистический аспект. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2002. – Вып.7. – Ч. 2. – С. 105–110.
263. Москальчук Г.Г. К изучению междууровневых переходов в структуре текста / Москальчук Г.Г. // Текст: Варианты интерпретации: мат. VIII межвуз. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БГПУ им. В.М. Шукшина, 2003. – Вып.8. – С. 284–288.
264. Муран О.В. Прагматический аспект научного текста / О.В. Муран // Русский язык в кругу мировых языков и языковое планирование в XXI веке (традиции, инновации, перспективы): Мат. междунар. конф. – Иркутск: ИГЛУ, 2002. – С. 184–187.
265. Мурзаева Ю.Е. Стилистическая категория повтора и ее национальная специфика (на мат. сонетов Шекспира и переводов Маршака): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.04 / Ю.Е. Мурзаева; Саратов. гос. пед. ин-т. Саратов, 1983. – 19 с.
266. Мурзин Л.Н. О динамических законах текста / Л.Н. Мурзин // Текст как объект лингвистического и психолого-педагогического исследования. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. – С. 46–47.
267. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии / Л.Н. Мурзин. – М., 1984. – 178 с.
268. Мурзин Л.Н. Текст и актуальное членение предложения / Л.Н. Мурзин // Деривация и семантика: слово-предложение-текст: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – С. 70–78.
269. Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности / Л.Н. Мурзин // Деривация в речевой деятельности: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С. 4–10.
270. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура / Л.Н. Мурзин // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 159–165.
271. Мурзин Л.Н., Плясунова С.Ф. Деривация и ее экспликация в тексте / Л.Н. Мурзин, С.Ф. Плясунова // Дериватология и текст. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. – С. 112–119.
272. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 171 с.
273. Мышкина Н.Л. Функции симметрии в художественном тексте / Н.Л. Мышкина // Отбор и организация текстового материала в системе профессионально-ориентированного обучения. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1985. – С. 35–43.
274. Мышкина Н.Л. Принципы исследования текста как динамической системы / Н.Л. Мышкина // Теоретические проблемы стилистики текста: Тез. докл. – Казань, 1985 а. – С. 83–84.
275. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста / Н.Л. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. – 212 с.
276. Некрасов А.С. Повторная номинация как фактор композиции художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.С. Некрасов; Моск. пед. ин-т им. Ленина. М., 1985. – 16 с.
277. Нехлина Р.А. Повтор как категория ритмической структуры художественной прозы (на мат. нем. яз.) / Р.А. Нехлина; Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь, 1983. – 19 с. – Деп. в ИНИОН РАН 20.01.84; № 15 351.
278. Николаева Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста / под общ. ред. Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 3–39.
279. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста / Т.М. Николаева // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 27–51.
280. Николаева Т.М. Текст / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 507–508.
281. Никонова Е.Э. Ритмическая организация текста как средство разграничения регистров (на мат. научн. и худож. прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Э. Никонова; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1990. – 23 с.

282. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
283. Новиков А.И. Текст, его содержание и смысл / А.И. Новиков // Текст: структура и функционирование: сб. ст. – Барнаул, 1997. – Вып. 2. – С. 108–113.
284. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М.: Русский язык, 1988. – 304 с.
285. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. – М.: Наука, 2002. – 478 с.
286. Ноздрина Л.А. Композиция и грамматические средства связности художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Ноздрина; Моск. гос ун-т. – М., 1980. – 26 с.
287. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб.: Изд-во Петербург ун-та, 1994. – 228 с.
288. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований. – М., 1973. – 315 с.
289. Общение. Текст. Высказывание. – М., 1989. – 175 с.
290. Овчинников Н.Ф. Симметрия – закономерность природы и принцип познания / Н.Ф. Овчинников // Принцип симметрии. М., 1979. – С. 5–46.
291. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 262 с.
292. Олейников А.Н. Диспропорциональность пространства и проблемы выбора классификационных порогов / А.Н. Олейников // Симметрия в природе: Тез. докл. к совещанию. – М., 1971. – С. 51–53.
293. Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
294. Павлов В.В. Языковые средства выражения эквивалентных отношений в тексте (на мат. соврем. англ. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.В. Павлов; Киевск. гос. пед. ин-т ин. яз.. – Киев, 1983. – 24 с.
295. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
296. Патгейн Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем / пер. с англ. П.В. Малышева и А.Г. Сивака/ под ред. А.Н. Шарковского / Х.-О. Патгейн, П. Х. Рихтер. – М.: Мир, 1993. – 175 с.
297. Педагогическое речеведение / под ред. Т.А.Ладыженской. – М., 1998. – 265 с.
298. Пермьяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М., 1970. – 225 с.
299. Петрова Н.В. Начало и его роль в организации художественного текста: (на материале англ. и амер. рассказов XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.В. Петрова; Иркут. гос. пед. ин-т ин. яз. им. Хо Ши Мина. – Одесса, 1983. 16 с.
300. Петрова Н.В. Начало как единица композиционно-тематического членения художественного текста / Н.В. Петрова; Иркут. гос. пед. ин-т. – Иркутск, 1984. – 8 с. – Деп. в ИНИОН СССР 06.09.84; № 45708.
301. Петрова Н.В., Бялоус Н.И. Субъективно-оценочная модальность в сильных позициях текста // Н.В. Петрова, Н.И. Бялоус; Иркут. гос. пед. ун-т. – Иркутск, 1991. – 7 с. – Деп. в ИНИОН РАН 10.12.91; № 45708.
302. Петровский М.А. Морфология новеллы / М.А. Петровский // Ars poetika. – М., 1927. – Вып. 1. – С. 69–100.
303. Петухов С.В. Геометрии живой природы и алгоритмы самоорганизации / С.В. Петухов // Новое в жизни, науке, технике: Математика и кибернетика. – М.: Наука, 1988. – 47 с.
304. Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серрио. – М.: ОАО Издательская группа "Прогресс", 1999. – С. 302–336.
305. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста: Психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. 132 с.

306. Пищальникова В.А. К становлению лингвосинергетики // Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 5-11.
307. Пищальникова В.А. Симметрия и асимметрия текста как синергетической системы / В.А. Пищальникова // Культура. Образование. Духовность: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Бийск. гос. пед. ин-та. – Т. 2. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. – С. 167–171.
308. Пищальникова В.А. Соотношение симметрии и асимметрии компонентов текста как синергетической системы / В.А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистические и когнитивные аспекты. – Барнаул, 1999а. – С. 72–79.
309. Пищальникова В.А. К проблеме способа существования свойств лингвистического объекта // В.А. Пищальникова // Текст: структура и функционирование. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. 4. – С. 29–32.
310. Пищальникова В.А., Герман И.А. Лингвосинергетика: тенденции развития // В.А. Пищальникова, И.А. Герман // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы первой школы-семинара / под. общ. ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул, 2000. – С. 5–18.
311. Поломошнова А.Н. К вопросу об эволюции традиционного лингвистического объекта (история – недавнее настоящее – обозримое будущее) / А.Н. Поломошнова // Текст: структура и функционирование: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Вып. 6. – С. 41–49.
312. Попов Ю.В. О предпосылках лингвистического моделирования текста / Ю.В. Попов // Текст, структура и семантика. – Пятигорск, 1981. – С. 150–157.
313. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
314. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев, 1993. – 192 с.
315. Приходько В.О. О видах пауз хезитации при порождении речи / Приходько В.О. // Мат. междунар. науч.-метод. конф. «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания». – Иркутск, 2001. – Ч. 1. – С. 140–143.
316. Приходько В.О. Пульсация формы автоматизированного высказывания / В.О. Приходько // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Мат. II междунар. науч.-практ. конф. – Бийск: НИЦ БГПУ им. Шукшина, 2004. – Т. 2. – С. 28–31.
317. Приходько В.О. Формообразующие элементы устного текста / В.О. Приходько // Славянская филология: история и современность: мат. междунар. конф. / под ред. Е.А. Косых. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2004а. – С. 117–120.
318. Пушкина Е.С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Пушкина; Бийск. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2004. – 24 с.
319. Рабчинская И.А. синтаксический параллелизм как способ организации сложных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Рабчинская. – Минск, 1976. – 23 с.
320. Радина Л.Б. Контактные, смежные, дистантные повторы в произведениях А.В. Кольцова / Л.Б. Радина // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. – Воронеж, 1986. – С. 110–115.
321. Разборщикова А.В. Прием асимметричного лексического решения образов героев в художественном произведении / А.В. Разборщикова // Структура и семантика текста. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – С. 46–53.
322. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, 1983. – 214 с.
323. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
324. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – 297 с.
325. Риффатер М. Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1980. – Вып. 9. – С. 119–157.
326. Рогозина И.В. Коммуникативные модели СМИ как фрагменты картины мира / И.В. Рогозина // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания: Коллективная монография. – Томск; Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – С. 6–63.

327. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Рогозина; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2003а. – 42 с.
328. Розенов Э.К. Закон золотого сечения в поэзии и музыке / Э.К. Розенов // Розенов Э.К. Статьи о музыке. – М., 1982. – С. 119–157.
329. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин. – М.: Книга, 1977. – 264 с.
330. Русякова З.В. Корневой повтор в синтаксических конструкциях современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищ. 21.05.81: утв. 15.09.81. – М., 1981. – 269 с. – Библиограф.: 237259 с.
331. Самойлова Н.А. Проблема выделения единицы структуры текста / Н.А. Самойлова // Текст, контекст, подтекст. – М., 1986. – С. 53–58.
332. Сахарный Л.В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) / Л.В. Сахарный // Теоретические аспекты деривации.: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1982. – С. 29–38.
333. Сахарный Л.В. К основам теории текстов-примитивов / Л.В. Сахарный // Деривация и семантика: слово–предложение–текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. – С. 89–98.
334. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 167с.
335. Сахарный Л.В. Опыт анализа многоуровневой тема-рематической структуры текста. (К моделированию семантической деривации текста) / Л.В. Сахарный // Деривация в речевой деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С. 28–50.
336. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л.В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 221–237.
337. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики / Л.В. Сахарный // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 7–59.
338. Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования / И.П. Севбо. М.: Наука, 1969. – 135 с.
339. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 180 с.
340. Семейко А.М. Сквозной повтор и его лингвистические особенности: (на мат. англ. яз.) / А.М. Семейко // Ученые записки / МГПИЯ им. Гореза. – М., 1971. – Т. 59. – С. 85–98.
341. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с франц. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. – М.: ОАО Издательская группа "Прогресс", 1999. – С. 12–53.
342. Серль Дж. Что такое речевой акт / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика. II: пер. с англ. – М.: Издат. гр. "Прогресс", 1999. – С. 210–228.
343. Сивуха Е.М. Роль повторов в создании звукового образа речи / Е.М. Сивуха // Деривация и текст: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. ун-т, 1984. – С. 163–168.
344. Сивуха Е.М. Смыслообразующая функция фонетической корреспонденции в научном тексте / Е.М. Сивуха // Деривация в речевой деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С.70–77.
345. Симметрия в природе: Тез. докл. к совещанию. – М., 1971. – 380 с.
346. Синергетика и психология: Тексты: Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004. – Вып. 3. – 416 с.
347. Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е., Куликова Г.С., Ягубова М.А. Русский язык и культура общения для нефилологов / О.Б. Сиротинина и др. – Саратов, 1998. – 196 с.
348. Система. Симметрия. Гармония. – М.: Мысль, 1988. – 317 с.
349. Складенко Р.В. Лингво-стилистические особенности синтаксического параллелизма (на мат. англо-амер. художественной прозы XX в.): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Р.В. Складенко; Моск. гос. пед. ин-т ин. яз им. М. Гореза. – М., 1987. – 22 с.

350. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А.П. Сковородников; Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1982. 44 с.
351. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики / Ю.М. Скребнев. – Горький, 1975. – 175 с.
352. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 302 с.
353. Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука. 1976. – 263 с.
354. Соболева О.В. О понимании мини-текста или Пословица век не сломится / О.В. Соболева // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 46–52.
355. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002. – 960 с.
356. Сокольская Т.Г. Принципы и методы исследования ритма художественной прозы / Т.Г. Сокольская; Одес. гос. пед. ин-т. – Одесса, 1986. – 28 с. – Деп. ИНИОН РАН 3.07.86; № 25742.
357. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) / Г.Я. Солганик. – М.: Высш. школа, 1973. – 214 с.
358. Солганик Г.Я. Стилистика текста / Г.Я. Солганик. – М., 1997. – 256 с.
359. Солодянкина Н.В. Целостность текста в аспекте согласования его формальной и смысловой структур (на мат. исходных и вторичных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Н.В. Солодянкина; Бийск. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2004. – 24 с.
360. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста/ Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1985. – 167 с.
361. Сороко Э.М. Структурная гармония систем / Э.М. Сороко. – Минск: Наука и техника, 1984. – 264 с.
362. Соссюр Ф. де Заметки по общей лингвистике / пер. с франц., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
363. Степанов Ю.С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т 34. – № 1. – С. 3–15.
364. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю.С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер с франц. – Изд. 2-е, стереотипн. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 5–16.
365. Степанов Ю.С. Интертекст и некоторое современное расширение лингвистики / Ю.С. Степанов // Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестенева. – Калининград: ФГУИПП "Янтар. сказка", 2002. – С. 100–105.
366. Стриженко А.А. Текст как особая форма коммуникации / А.А. Стриженко // Лингвистика текста: сб. науч. тр. МГПИЯ им. М. Тореза. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 151–161.
367. Супрун А.Е. Вероятностный характер языка и описание грамматической системы / А.Е. Супрун // Грамматическое описание славянских языков. – М.: Наука, 1974. – С. 12–22.
368. Тарасинская И.З. Дистантные повторяющиеся главные и второстепенные члены предложения как средство связи самостоятельных предложений в «Золотой розе» К.Г. Паустовского / И.З. Тарасинская // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1978. – Вып. 6. – С. 73–81.
369. Тарасов Л.В. Этот удивительно симметричный мир / Л.В. Тарасов. – М.: Просвещение, 1982. – 176 с.
370. Татарникова Н.М. Допрос и протокол допроса: отношения производности между жанрами / Н.М. Татарникова // Время с социальном, культурном и языковом измерении: Тез. докл. науч. конф. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2004. – С. 120–125.
371. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи (на примере речевых жанров допроса и протокола допроса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.М. Татарникова. – Кемерово, 2004а. – 23 с.
372. Текст как психолингвистическая реальность. – М., 1982. – 146 с.
373. Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. междунар. конф. / РАН Инт-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.:Азбуковник, 2001. – 325 с.

374. Текст: структура и функционирование: Сб. науч. ст. / под ред. В.А. Пищальниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – Вып. 6. – 184 с.
375. Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 140 с.
376. Тимощук Л.Н. Повтор как лингвистический и структурно-композиционный элемент прозы В. Борхерта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.14 / Л.Н. Тимощук; Львов. ин-т ин. яз. – Львов, 1975. – 19 с.
377. Трофимова И.Н. Синергия динамики тела и восприятие мира / И.Н. Трофимова // Синергетика и психология: Тексты: Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004. – Вып. 3. – С. 61–81.
378. Тураева З.Я. Лингвистика текста / З.Я. Тураева. – М., 1986. – 127 с.
379. Удачина Л.В. Структура и функция как выражение сущности / Л.В. Удачина // Взаимосвязь категорий: Сб. ст. – Свердловск: Уральск. гос. ун-т. им. Горького, 1970. – С. 41–47.
380. Ульдалль Х.И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике) / Х.И. Ульдалль // Зарубежная лингвистика. I: пер. с англ. – М.: Издательская группа "Прогресс" 1999. – С. 257–303.
381. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии / Ю.А. Урманцев. – М.: Мысль, – 1974. – 229 с.
382. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние приложения и перспективы развития / Ю.А. Урманцев. // Система. Симметрия. Гармония. – М.: Мысль, 1988. – С. 38–130.
383. Фатеева Н.А. (Кожина) Структура художественного текста: две схемы описания (на материале рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека») / Н.А. Фатеева // Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста: Сб. науч. тр. – Харьков: Изд-во Харьков. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 8–10.
384. Фатеева Н.А. Заглавие и текст в русской поэзии конца XX века: параллельная динамика / Н.А. Фатеева // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докл. междунар. конф. / РАН Инт-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2001. – С. 395–411.
385. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
386. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М.: Высш. школа, 1968. – 396 с.
387. Филмор Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филмор // Зарубежная лингвистика. III: пер. с англ., нем., франц. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1999. – С. 303–351.
388. Философия. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 416 с.
389. Философский словарь / под ред. М.Н. Розенталя. – Изд. 3-е. – М.: Политич. литература, 1975. – 496 с.
390. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
391. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз., 1978. – 240 с.
392. Фортунатов Н.М. Одна из загадок поэзии Пушкина и прозы Чехова: (Эффект репризы в композиции литературных произведений) / Н.М. Фортунатов // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1990. – С. 91–100.
393. Франке Г. В. Преломление науки в искусстве / Г.В. Франке // Патгейн Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем / пер. с англ. П.В. Малышева и А.Г. Сивака / под ред. А.Н. Шарковского. – М.: Мир, 1993. – С. 162–170.
394. Фридман Л.Г. Грамматические проблемы лингвистики текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 /Л.Г. Фридман; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1979. – 52 с.
395. Фрумкина Р.М. Роль статистических методов в современных лингвистических исследованиях /Фрумкина // Математическая лингвистика: сб ст. – М.: Наука, 1975. – С. 156–183.

396. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Изд. центр "Академия", 2001. – 320 с.
397. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. гум. ун-т, 1995. – С. 74–117.
398. Хакен, Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? / Г. Хакен // Синергетика и психология. Тексты. Социальные процессы / под ред. И.Н. Трофимовой. – М.: Янус-К, 1999. – Вып. 2. – С. 11–25.
399. Харитоновна Р.А. Семантический повтор как способ актуализации основной темы поэтического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.А. Харитоновна; Одес. гос пед. ин-т. – Одесса, 1984. – 16 с.
400. Хворова Р.В. Логико-смысловые отношения между параллельно организованными синтаксическими структурами / Р.В. Хворова; МГПИЯ им. М. Горького. – М., 1986. – 32 с. – Деп. в ИНИОН РАН 27.02.86; № 243116.
401. Хорст И. О предмете лингвистической теории текста / И. Хорст // Новое в зарубежной лингвистике / под общ. ред Т.М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 43–56.
402. Цветкова Н.Е. Повтор в стихотворной речи: (текстообразующая функция): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: защищена 14.03.86: утв. 26.05.86 / Н.Е. Цветкова. – М., 1986. – 189 с. – Библиогр.: с. 165–180.
403. Цветкова Т.С. Понятие повтора и его классификация в лингвистической литературе: обзор литературы / Т.С. Цветкова // Грамматическая семантика. – Горький. 1979. – С. 145–150.
404. Чебаевская Е.Н. Повтор как стилистический прием выдвижения / Е.Н. Чебаевская // Герценовские чтения XXXI: Система языка и речевая реализация его категорий. – Л., 1978. – С. 107–109.
405. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
406. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
407. Червакова Г.Н. Синтаксический параллелизм в языке немецкой художественной публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.Н. Червакова; Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. – М., 1977. – 21 с.
408. Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи / Н.В.Черемисина. – Киев: Вища школа, 1981. – 240 с.
409. Черемисина Н.В. К стилистике целого художественного текста: (гармония и композиция) / Н.В.Черемисина // Вопросы стилистики. – Саратов, 1982. – Вып. 17. – С. 2–22.
410. Черемисина Н.В. О гармонии композиции художественного целого (трагедия Пушкина «Моцарт и Сальери») / Н.В.Черемисина // Язык и композиция художественного текста. – М.:МГПИ, 1983. – С. 7–33.
411. Черемисина Н.В. О гармонии композиции художественного целого (Роман Пушкина «Евгений Онегин») / Н.В.Черемисина // Язык и композиция художественного текста. – М.:МГПИ, 1984. – С. 3–15.
412. Черемисина Н.В. Вопросы синтаксической стилистики и эстетики речи / Н.В. Черемисина // Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономия. – М.: Рус. язык, 1986. – С. 89–116, 150–154.
413. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В.Черемисина. – 2-е изд. – М.: Рус. язык, 1989. – 240 с.
414. Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: (факторы текстообразования) / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. – 1977. – 207 с.
415. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 114 с.
416. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. – М.: Рус. язык, 1994. – Т. 1.

417. Черняховская Л.А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л.А. Черняховская; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1983. – 34 с.
418. Чувакин А.А. К пониманию объекта современной филологии / А.А. Чувакин // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – Ч. 2 – Вып. 2. – С. 178–179.
419. Чувакин А.А. Художественно-речевая структура прозы В.М. Шукшина / А.А. Чувакин // Провинциальная экзистенция. К 70-летию со дня рождения В.М. Шукшина: тез докл. V Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 20–23.
420. Шафрановский И. И. Принцип Кюри и динамическая система / И. И. Шафрановский // Симметрия в природе: тез. докл. к совещанию. – М., 1971. – С. 7–11.
421. Шафрановский И.И. Симметрия в природе / И. И. Шафрановский. – Л.: Недра, 1985. – 168 с.
422. Шварцкопф Б.С. Шахматный текст: смысловая структура, его типы / Б.С. Шварцкопф // Деривация в речевой деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1990. – С.50–57.
423. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста: учеб. пособие / Н.В. Шевченко. – М., 2003. – 156 с.
424. Шевелев И.Ш. Принцип пропорции: о формообразовании в природе и искусстве / И.Ш. Шевелев. – М.: Стройиздат, 1986. – 200 с.
425. Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии / И.Ш. Шевелев, М.А. Марутаев, И.П. Шмелев. – М.: Стройиздат, 1990. – 343 с.
426. Шелехова С.П. Структурная организация диалектного повтора / С.П. Шелехова // Служебные слова и синтаксические связи. – Владивосток, 1985. – С. 167–172.
427. Шехтман Н.А. О семантическом повторе / Н.А. Шехтман // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. – Т. 491. – Л., 1972. – С. 165–169.
428. Шишкина И.П. Лексический повтор и композиционно-речевая структура художественного текста / И.П. Шишкина // Лингвистические исследования художественного текста. – Л.: ЛГПИ, 1983. – С. 129–136.
429. Шмидт-Ниельсен К. Размеры животных: почему они так важны: пер. с англ / К. Шмидт-Ниельсен. М.: Мир, 1987. – 259 с.
430. Шор Р.О. Формальный метод на западе / Р.О. Шор // *Arg poetica*. М., 1927. – Вып. 1. – С. 127–143.
431. Шубников А.В., Копчик В.А. Симметрия в науке и искусстве / А.В. Шубников, В.А. Копчик. – М.: Наука, 1972. – 339 с.
432. Югай Г.А. Общая теория жизни / Г.А. Югай. – М., 1985. – 186 с.
433. Юганов В.И. Прагматические особенности заголовка микротекста / В.И. Юганов // Текст: структура и анализ. – М., 1989. – С. 187–190.
434. Язык и композиция художественного текста: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.Ю. Максимова. – М.: МГПИ им. Ленина, 1983. – 172 с.
435. Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – 174 с.
436. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е репр. изд. – / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
437. Якобсон Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1990. – 353с.
438. Anderson S.R. On the role of deep structure in semantic interpretation / S.R. Anderson // *Foundations of Language*. – 1971. – №6 – P. 197–219.
439. Chomsky N. Topics in the Theory of Generative Grammar / N. Chomsky // *Current Trends in Linguistics*. – Hague; Mouton: ed by Thomas A. Sebeok, 1963. P. 1–60.
440. Daneš F. Zum Status der Textebene // *Probleme der Textgrammatic*: II. – Berlin, 1977. – S. 153–157.
441. Dijk T. van Text and context. Towards a Theory of literary performance / T. van Dijk. – Amsterdam: University of Amsterdam, 1970. – 136 p.

442. Dijk T. van Modls of macrostructures / T. van Dijk. – Amsterdam: University of Amsterdam, 1974. – 235 p.
443. Dijk T. van News as Discourse / T. van Dijk. – Hillsdale. – Nj: Erlbaum, 1988. – 124 p.
444. Dijk T. van Episodic models in discourse processing / T. van Dijk // *Comprehending Oral and Written Language*. – New York etc.: Academic Press, 1987. – P. 161–196.
445. Dijk T. van, Ihwe J., Petöfi, Rieser H. Two Text Models. A Contribution to Formal Linguistics and theory of Narrative / T. van Dijk and others // *Foundations of Language*, 1972. – V. 8 – № 4. – P. 15–124.
446. Dijk T. van, Teum A., Kintsch W. Strategic of discourse comprehension / T. van Dijk, A. Teum, W. Kintsch // *Macrostrategies*. – New York: Academic Press, 1983. – Chap. 6. – P. 189–206.
447. Fillmore Ch. Subjects, Speakers and Roles / Ch. Fillmore // *Semantics of Natural Language*. – Dordrecht: Reidel, 1972. – P. 1–24.
448. Frank D. Seven sing of pragmatics: Theses about speech act theory, conversational analysis linguistics and rhetoric / D. Frank // *Possibilities and limitations of pragmatics*. – Amsterdam: John Benjamins B.V., 1981. – P. 225–236.
449. Göttingen W. L. Перспективы развития квантитативной лингвистики в XXI столетии / W. L. Göttingen // *Языкознание: Взгляд в будущее / под ред. проф. Г.И. Берестенева*. – Калининград: ФГУИПП "Янтар. сказка", 2002. – С. 94–99.
450. Hartmann P. Text, Texte, Klassen von Texten / P. Hartmann // *Structurelle Textanalyse*. – N.–Y., 1972. – S. 1–22.
451. Harweg R. Zum textologischen status *wieder* / R. Harweg. – "Orbis", 1969. – P. XVIII. – №1. – S. 16–58.
452. Hausenblas K. Zu einigen Grundfragender Texttheorie / K. Hausenblas // *Probleme der Textgrammatic: II*. – Berlin, 1977. – P. 149–151.
453. Köhler R. Zum linguistischen Synergetik: Structur und Dynamik der lexik / R. Köhler. – Bochum, 1986. – 275 s.
454. Lakoff G., Steinberg D., Jakobovits L. On Generative Semantics / G. Lakoff, D. Steinberg, L. Jakobovits. – Cambr. Univ. Press, 1971. – 247 p.
455. Ludwigsen H. Sprachbetrachtung und Textanalyse / H. Ludwigsen. – Verlag Dr. Max Gehlen: – Bad Homburg von der Höhe, 1989 – 337 s.
456. Petöfi J.S. Transformationsgrammaticen und eine ko-textuelle Texttheoric / J.S. Petöfi. – Francfurt A.M., 1971. – 124 s.
457. Pike K.L. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Bihaviour / K.L. Pike. – Preliminary Edition, Glendale: Summer Institute of Linguistics, 1960. – 247 p.
458. Searl J.R. What is a speech act? / J.R. Searl // *Philosophy in Avtrica*. – Max Black, London: Allen and Unwin, 1965. – P. 221–239.
459. Speng-Hanssen H. Glossematics / H. Speng-Hanssen // *Frends in European and American Linguistics 1930–1960*. – Ultreht Antwerp, 1960. – P. 128–162.
460. Zimmerman I. Uberlegunger zum Wesen von Kondensationund Ellips / I. Zimmerman // *Satzsemantische Komponenten und Relationen im Text*. – Praga, 1981/ – S. 47–69.